КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ФЕВРАЛЬ

1902 г.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

I. ДОПРОСЪ Т. Г. ШЕВЧЕНКА ВЪ 1847 Г. (Изъ рукописныхъ замѣтокъ Н. А. Ригельмана) . . . . . 181—187
II. ИСТОРІЯ КІЕВСКОЙ ВТОРОЙ ГИМНАЗІИ. *Н. Тумасова.* (Продолженіе) . . . . . 188—214
III. КЪ ВОПРОСУ О РЕФОРМѢ ОФФИЦІАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ. (Преимущественно по даннымъ юго-западнаго края). Гл. II. *Л. Личкова.* . . . . . 215—229
IV. ПИДЪ ТЫХЫМЫ ВЕРБАМЫ. Ч. I. Повисть. *Б. Гринченка* . . . . . 228—297
V. ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ А. Ѳ. КИСТЯКОВСКОМУ. 298—312
VI. ВЪ БОРЬБѢ ЗА ПРОСВѢЩЕНІЕ. *С. Ефремова* . . . 313—346

Отдѣлъ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Еще строки Шевченка; б) Къ исторіи могилы Т. Г. Шевченка. *В. Н.*; в) Памяти Михаила Михайловича Левченка. *С. Пономарева*; г) Указъ о проповѣдяхъ на малорусскомъ языкѣ. Сообщ. *С. П.*; д) Распоряженіе князя А. И. Шаховскаго о раздѣленіи малороссійскихъ козаковъ на „выборныхъ“ и „подпомощниковъ“, 1735 г.; е) Ходатайство гетмана Апостола о назначеніи въ Глуховъ второго доктора; ж) Любецкіе гончары въ 1615 году; з) „Черниговскіе архивы“; з) Мелочи изъ архивовъ юго-западн. края. *А Мердеръ*; і) Къ вопросу объ убійствѣ стариковъ. *В. Н.* . . . . . 73—92
ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ. . . . . 92—119
II. БИБЛІОГРАФІЯ: Извѣстія Императорской Археологической Коммиссіи. Выпускъ 1. *Н. Б.*; б) Иванъ Левицькый. Повисти й оповидання. Томъ III. *В. Черепина*; в) Крымськый. Пальмове гилля—экзотичні поезиі. *И. Стешенка*; г) С. Голубевъ. Кіевская Академія въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій. *Вл. Д.*; д) Александръ Барвѣнскій въ исторіи культурнаго движенія русскаго народа на Прикарпатю. *С. Е.*; е) А. Швенцонъ. „Описаніе Литинскаго уѣзда, Подольской губ.“ *Л. С. Л.*; ж) Русскій Антропологическій Журналъ. 1901 г. (годъ II); з) Обзоръ журналовъ текущаго года; и) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ . . . . . 120—153

Указатель лицъ.*)

Авваковы, грузины, 333.

Авксентій Якимовичъ, игм. Густынск., 391, 394, 396—398, 400, 401.

Агіяновъ, груз., 384.

Адамовичъ Семенъ, протопопъ, 9, 228.

Адасовскіе, 55.

«Александра», стнк. Ичепск., 216.

Александра, игм. Ладинск., 414.

Александровичи, 60—63, 65, 386.

Александровичъ Иванъ, пср. полк., 106, 315.

Александровичъ Кир., свящ.,253.

Александровичъ Митр. Н., писатель, 196.

Александръ, король польск., 1, 286, 287.

Амвросій Чечкань, игм. Густынск., 190.

Ангеліовскій Маркъ, стнк. Кр.-Коляд. 235, 238, 239, 251.

Андреевскіе, 354.

Андреевъ Ив., стнк. Варв., 354.

Андреенко Тимоф., стнк. Кр.-Коляд., 235, 237, 252.

Андріевскіе, 291, 300.

Андріевскій Вас., свящ., 253.

Антоновичи, владѣльцы с. Гирявки, 295, 296.

Апостолы, 50.

Апостолъ Дан., гетм., 20—23, 32, 41, 42, 44, 90, 101, 132, 133, 148, 149, 151, 168, 170, 174, 278, 282, 289, 307—309, 315. 322, 341, 356, 375, 387.

Апостолъ Павелъ Дан., плкв. Миргор., 308.

*) Приняты слѣдующія сокращенія: б. т.—бунч. тов.; в—войск.; вт.—войтъ; есл.—есаулъ; игм.—игуменъ; пср.—писарь; плвк.—полковникъ; сд.—судья; стнк.—сотникъ; хрж.—хорушій; шлхт.—шляхтичъ (такъ въ указателѣ названы поляки, жившіе въ Малороссіи). Лица изъ монашескаго духовенства указываются—календарными именами, если только послѣднія извѣстны.

Апостолъ Петръ Дан., плкв. Луб., 152, 239, 309.
Афанасій, игм. Густынск., 388.
Багалѣй Дм. Ив., учен., 243.
Базилевичи, 296.
Байбуза Мих., владѣл. Посулья, VIII, 2, 79.
Барановскій Андрей, стнк. Варв., 354, 358—361.
Барятинскій кн. Н. Ф., 290.
Бедауровы, грузины, 333, 384.
Безбородко Андрей, пср. генер., 48, 61, 244, 269, 273.
Безчинчій Сем., атам. город. Варв., 130.
Безпалый, гетм., 396.
Березинскіе, 181, 182.
Березинскій Ром., зн. тов., 181, 182, 306, 422.
Билявскій Семенъ, б. тов., 151.
Бовченскій Ив., стнк. Сребр. 320.
Бовченко, стнк. Иченск., 216.
Богаевскій Мойсей, войск. капеланъ, 72.
Богатый Ив., обыват. Кр. Коляд., тесть гетм. Самойловича, 6, 236, 237, 241.
Богунъ, плкв. коз., 84, 85.
Бодянскіе, 424.
Болгаринъ Фед., Нѣж. грекъ, 234.
Борисъ Годуновъ, царь, 79.
Борковскій Мих., б. тов., 50.
Боровскіе, 280.
Бороздны, 219.
Брагинцы, основатели. с. Брагинцовъ, 368, 369.
Брежинскіе, 56, 367, 368.
Бринкенъ, майоръ, 210, 211.
Брюховецкій, гетм., 236, 352.
Будлянскіе, 260, 261, 333—337, 347.
Будлянскій Власъ, б. тов., зять Разум., 173—175.
Буличи, 227, 421.
Булыга Ив., есл. сот., 220.
Бульба Фед., стнк. Жур., 379.
Бурой, сд. полк., 60.
Бутовичъ есл. ген. 406.
Бутовичъ Агафья Степ., ж. б. т. Степана Тарновск., 169, 406.
Бутовскій, стнк., 45.
Быстрановскіе, 34, 294, 295.
Бѣлецкіе (Носенки), 29, 127, 320, 321.
Бѣлецкіе (Кр.-Колядинскіе), 363, 265.
Бѣлоцерковецъ, в. тов., 378.
Валькевичъ Петръ, есл. ген., 260.
Варлаамъ Ванатовичъ, архіеп. Кіевск., 200.
Варлаамъ Леницкій, игм. Густ., 391, 399.
Василій, господ. Мондавск., 393.
Василій, игм. Густынск., 390, 391.
Васильевичъ Леонтій, вт. Прилуцк., 94.
Васильевичъ Тимоф., вт. Прилуцк., 94.

Васьковъ П. Г., прис. пов., II.
Вейсбахъ графъ Іоганъ Бернгардъ, 147, 148, 210, 212, 308, 317, 318, 320.
Вейсбахъ Юрій, ген.-майоръ, управитель Батур. вол., 251, 263—265, 279, 289, 290, 300.
Велички, 66, 72, 175.
Вельяминовъ, президъ. Млр. коллег., 308.
Витовтъ, в. кн. лит., 286.
Вишневецкіе князья, 2, 3, 79, 80, 164, 180, 388, 389, 392—396, 398, 400, 401, 414.
Вишневецкій кн. Александръ, 2.
Вишневецкій кн. Іеремія, 4, 81, 82, 93, 94, 95, 99, 112, 156, 185, 186, 187, 191, 264, 279, 361, 368, 383.
Вишневецкій кн. Констант., 292.
Вишневецкій кн. Михаилъ, 80.
Владиміръ Мономахъ, 1.
Владиміръ Ольгердовичъ, 78.
Владиславичи, 233, 234.
Владиславъ Ягелло, 286.
Вовченко Молошъ, обозн. Прил., 57, 93.
Войцеховичъ Петръ, б. тов., 356.
Воліоватые см. Костенецкіе.
Волошины, 304, 305, 315, 424, 425.
Волошинъ Григ., стнк. Иваницк., 304, 305, 308, 309, 314.
Воронченко Яковъ, плвк. Прил., 4—7, 236, 237.
Воротильяки, 259.
Воротильякъ Степ., стнк. Кориб., 269, 278.
Вуяхевичи, 229.
Вуяхевичъ Мих., сд. генер., 228, 229.
Выговскіе, 83.
Высоцкіе, 62, 253, 273, 379.
Вѣтень, прапорщ., 58.
Гавриленко Тишко, стнк. Кр.-Коляд., 235.
Гавріилъ Леопольскій, игм. Густ., 178, 391, 399, 402.
Галабудскій Сем., свящ., 364.
Галаганы, VII, 35, 47, 49, 51, 52, 366, 368, 379, 406, 407, 408, 425, 426.
Галаганъ Гр. Павл., VII.
Галаганъ Гр. Игн. плкв. Прил., VII, 4, 48, 49, 50, 52, 53, 60, 225, 351, 377.
Галаганъ Игнатій, плкн. Прилуцк., IX, XIII, 4, 21, 36—45, 47, 60, 70, 85, 95, 97, 106, 129, 130, 131, 145, 158, 182, 192, 193, 195, 200, 307, 308, 309, 310, 317, 322, 338, 348—350, 364—366.
Галаганъ Ив. Григ., кол. ас., 54, 146, 227.
Галенковскіе, 63, 66, 72, 73, 421, 422.

Галенковскій Федоръ, пср. Прил., XIII, 37, 44, 57, 61, 63—65, 88, 106, 111, 128—131, 160—162.
Гамфъ, майоръ, 148, 211, 212.
Гвагнинъ, историкъ, 136.
Герасимовъ Сем., стнк. Иченск., 216.
Гирманы, 273, 274, 276, 280.
Гиршбергъ, историкъ, 80.
Гловацкій Петръ, плвк. коз., 224, 225.
Головацкій Степ., плвк. коз., 224, 225.
Гогобедовы, грузины, 333.
Голицынъ кн. Дм. Мих., 36.
Голицынъ кн. Мих. Мих., 148.
Головко Сергѣй, зн. тов., 151.
Голубы, 13, 18, 236.
Гордонъ Патрикъ, генер., авторъ мемуар., 14.
Горкуша, кандид. на Журавск. сотнич., 382.
Горленки, 15, 16, 18, 19, 22, 23, 24, 26—29, 32, 33, 108, 138—140, 147, 151, 166, 167, 173, 175, 183, 184, 196, 216, 219, 252, 253, 254, 314, 315, 317, 358, 387.
Горленко Дм. Лаз., плвк. Прил., IX, 4, 14, 16—22, 27—29, 31, 46, 89, 95, 96, 97, 109, 110, 147, 152, 153, 164, 167, 173, 183, 184, 186, 188, 192, 193, 215, 217, 252, 316, 355, 356, 371, 373, 374, 375, 398.
Горленко Лазарь, плвк. Прил., 4, 6—9, 11—14, 17, 30, 60, 87, 93, 95, 152, 157, 167, 173, 206, 259, 264, 352, 397, 398.
Горленко Акимъ, хрж. генер., 15, 29, 196, 197.
Горленко Петръ, б. т., 54.
Грекъ Кондр., владѣл. Кр.-Коляд. «ключа», 241, 264.
Грекъ Янъ Христоф., сд. полк. Прил., 7, 13, 60, 87.
Гречаный Степ., пср. генер., 236.
Григорашъ см. Волошинъ.
Григорашъ Ив., коз. плкв., 304.
Григоровичи, 311.
Григоровичъ Сем., свящ., 263, 264.
Григорьевъ Осипъ, свящ., 233.
Гринченко Б. Д., писат., 241.
Гришко Ив., зн. тов., 151.
Гудимъ Григор., стнк. полк., 112.
Гудовичъ Андр., клевретъ кн. Меншик., 289, 303.
Гудовичъ Вас. Андр., подск. ген., 134.
Гуленки, 143, 215.
Гуленко Андр., стнк. полк. и вт. Прил., 94, 100, 112, 136—143, 154, 423.
Гуленко Павелъ, стнк. полк., 423.
Гуня, предводит. коз., 389.

Гурьевъ, плкв., 283.
Давыдовскіе, 260.
Давыдовичъ Дав., вт. Прил., 94.
Данилевскіе, 424.
Даниловъ Ив., стнк. полк., 112.
Дараганы, 51, 267.
Дараганъ Ефимъ, плвк. Кіевск., 146, 147, 163.
Даровскій Ив., «господарь» гетм. Скороп., 128, 133, 184, 302, 303.
Даценко Сем., хрж. полк., 72.
Дембовскій Павелъ, стнк. Корибут., 269—275.
Демешки (Стрешенцы), 166, 362, 363.
Де-Пуле, писат., 15.
ДіонисійМартыновичъ,игм.Густ., 391.
Довбня Кир., возн., 227.
Довгіе, 264.
Долгорукова кн. М. П., 233.
Дорошенки, 298, 299.
Дорошенко Петръ, плвк. Прил. и гетм., 4, 6, 7, 11, 179.
Драпика Яцко, стнк. Кориб., 269.
Евфимій Войниловичъ,игм.Густ., 391, 394, 395.
Елизавета Летинская, игм. Ладинск., 414.
Еремѣевъ Леонт., свящ., 250.
Жабровскій Янъ, стнк.«пѣхотн.», 383.
Жеваховы, грузины, 333.
Жержавцовы, грузины, 333.
Жеджадзіевы, грузины, 333.
Жилы, 379.
Жила Осипъ, стнк. Варв., 354.
Жукинскій, шляхтичъ, 229.
Журавки, 231, 260, 261, 296.
Жураховскій, плвк. Нѣж., 188.
Жураховскій Власъ, стнк. Кориб., 269, 275, 278.
Жураховскій Мартынъ, обыват. Луб., 145.
Жураховскій Як., б. т., 88.
Забарный Григ., стнк. наказн. Монаст., 200, 201.
Забѣла Михаилъ, сд. генер., 160, 165, 166.
Завадовскій гр. П. В., 197, 421, 422.
Загряжскій, воевода Нѣж., 9.
Загуменный Хвесько, вт. Прил. 93.
Загурскіе, 235, 237, 250.
Закревскіе, 187.
Закревскій Григ., подкомор., 230.
Закревскій Осипъ Лук., 150. 187, 197.
Зарудные, 345.
Заруцкій Ив., гетм. наказн., 80.
Затыркевичи, 346.
Зборовскій Семенъ, свящ., 229.
Зеленскій, плвк. 22.
Зеленскій Вас., сд. полк. Прил., 60.
Золотаренко Як., стнк. полк., 112, 113, 114, 173, 175.
Золотаренко Фед., свящ., 265.

Зубы, коз. Кр.-Коляд., 248, 295.
Иваненки, 55.
Иванишъ Александръ, свящ., 233.
Ивановичъ Савва, вт. Прил., 94.
Ивковы, 311.
Илія Торскій, игм. Густ., 390· 391, 393, 394, 397, 400, 401·
Имшенецкая, сестра гетманши Скороп., 117.
Иринархъ, игм. Густ., 390, 392.
Исаія Копинскій, еписк., 389, 391, 414.
Іоаникій Теодоровичъ, игм. Густ., 391, 399.
Іоасафъ, игм. Густ., 390, 391.
Іовъ Мартыновичъ, игм. Густ.. 179, 391.
Іона Боршенскій, игм. Густ.› 391, 394.
Іосифъ Гугуревичъ, игм. Густ.› 391, 399.
Іосифъ Миткевичъ, игм. Густ., 391.
Іосифъ Товстушичъ, игм. Густ., 391, 395, 396.
Іосифъ Федоровичъ, игм. Густ., 180.
Казиміръ Ягеллонъ, король, 1.
Калиновскій Захар., в. тов., 258.
Каллистратъ, игм. Густ., 392.
Каманинъ И. М., чуен., 424.
Камгрелидзевы, груз., 333.
Камеинъ Карлъ, плвк., 152.
Кандибы, 114, 297, 299.
Капля Евстр., вт. Прил., 94.
Карасенки (Караси, Карасевичи), 199, 201, 204, 205, 216.
Карпѣка Сем., есл. артил., 188, 189, 191.
Карпѣка Як., б. т., 316.
Кейтъ, генер., ХШ, 319.
Кекуатовъ кн. А. И., 56.
Кисели, 5, 57, 59, 60. 66. 72, 426.
Кисель Адамъ, воев. Кіевск., 5.
Кисель Андрей, стнк. Сребр.,321.
Кисель Ив., стнк. Журавск., 5.
Кисель Федоръ, плвк. Прил., 4, 5.
Кириллъ, игм. Густ., 391.
Кирпичъ Леско, вт. Прил., 94.
Кисловичи, 364.
Клеопа Сѣлачъ, игм. Густ., 391.
Климовичъ, см. Будзянскій.
Ключаревскій Дан., сек.-майоръ, 56, 227.
Кобеляцкіе, 211.
Когновицкій, польск. истор., 80.
Кологривый Григ., есл. генер. артил., 154.
Коляда, управит. Кр.-Колядина, 241.
Кольчевскіе, 251.
Кондзеровскіе, 119, 125, 378.
Кондратенки, 60, 346.
Конецпольскій. гетм., 173.
Конисскіе, 260, 261, 263.
Конисскій Дмитр., стнк. Варв., 354, 359, 364, 368.

Корбе, владѣл. с. Вейсбаховки, 212.
Корецкіе, 3, 268.
Корнѣенки см. Огроновичи.
Корнѣенко Андрей, бурм. Прил., 93.
Корнѣенко Гришко, бурм. Прил., 93, 94.
Корнѣенко Зѣнецъ, есл. полк. Прил., 66.
Корсунъ Ив., пср. Кр.-Коляд., 239.
Костепецкіе, 136, 259, 260, 296, 300, 301, 302, 330.
Костомаровъ Н. Ив., истор., 82, 228.
Косяровскіе, 248, 251.
Коченевскіе, 137, 138, 141, 234.
Кочубеи, 190, 268.
Коцара, майоръ, 194.
Кошевой см. Щербина Ив.
Кречковскій Юрій, пср. Прил., 93.
Кривошея Павелъ, свящ., 250.
Кромиды, 266.
Крыжановскіе, 248, 249.
Крыжановскій Ант., плвк. Гадяц., 244—247, 377.
Крыжановскій Констант., 377.
Курбатовъ П. В., совѣтн. коллегіи ин.-дѣлъ, 43, 307.
Кулаковскіе, 260, 261.
Кулишъ П. А., писат., 82.
Кулябки, 217, 219, 260, 261.
Купчинскіе, 48, 239, 243, 248, 251, 273.
Куросскій Андр., свящ., 231.
Кушакевичъ Ив., свящ., 232.
Лавриновичъ Федоръ, сд. полк., 60, 179.
Ладинскіе, 264.
Лайкевичи, 55.
Ланге, бригад., 212.
Ларадзіевы, грузины, 333.
Лащинскіе, 272, 296.
Лащинскій Леонт., стнк. Кр.-Коляд., 235, 237—239, 252, 295.
Лашкевичъ Степ. Ив., 52.
Левандовскій Самойло, стнк. Кориб., 269, 271.
Левенецъ, кандид. на Жур. сотн., 382.
Левицкіе, 285.
Левченко Степ., стнк. Жур., 379, 383.
Лемницкій Петръ, свящ., 230.
Леновицкій Васко, вт. Прил., 423.
Леонтій Злотницкій, игм. Густ., 391, 399.
Лизогубы, VII, 135, 217, 219, 248—250, 255—261, 265, 345, 350, 353, 381, 406.
Лизогубъ Як. Еф., обозн. генер., 29, 135, 146, 192, 193, 238, 239, 249.
Лисаневичи, 146, 147.

Лисаневичъ Игн., протоп. Прил., 29, 63, 146, 164.
Лисаневичъ Мих., протоп. Прил., 139, 140, 144, 184.
Лисица Ив., плвк. Брацл., 297, 298.
Лисянскій Дем., стнк., 227.
Ломиковскіе, 149, 232.
Лоссовъ фонъ, управл. конск. Самб. зав., 265, 290.
Лукомскіе, 136, 161.
Лукомскій Ив. Ст. стнк., Жур., 379.
Лукомскій Степ. Вас., стнк. полк., 112, 134—137, 423.
Лыко кн. Семенъ, 388, 392, 414.
Лысенки, 91, 92, 163, 166, 219, 261, 263, 319, 343, 367, 368.
Лѣсницкій Захар., свящ., 230.
Любистокъ, придв. пѣвч., 138.
Ляшки см. Тарновскіе.
Магеровскіе, 121, 124, 125, 183, 184, 354, 368.
Мазараки, 56, 66—69, 154, 253, 346.
Мазепа, гетманъ, IX, 19, 20, 21, 30, 33, 67, 88, 109, 110, 112, 143, 144, 147, 157, 167, 188—190, 197, 207, 215, 228, 232, 237, 252, 254, 255, 288, 293, 294, 297, 298, 301, 337, 346, 388, 398.
Макарій архіеп. Іерусал. 242.
Максимовичи, 239, 240, 348, 387.
Максимовичъ Степ., стнк. Кр.-Коляд., 235, 239, 240, 243, 247, 249, 252, 263.
Малка Федоръ, вт. Прилуцк., 94, 130.
Манджосы, 259.
Мануйловичъ, есл. генер., 163, 170, 171, 231, 316.
Маркевичи, 108, 187, 208.
Марковичи, 117—119, 123, 125, 127, 174—177, 182, 195, 205.
Маркевичъ Н. А., историкъ, VII, 106, 108, 115, 124, 144, 178, 422.
Марковичъ Андрей, подскарб. генер., 25, 117, 118.
Марковичъ Иванъ, сд. полк. Прил., 60, 111, 112, 114, 115, 121, 123, 125, 150, 158, 160, 175, 305.
Марковичъ Федоръ, стнк. полк., 87, 111, 117—124, 128, 187, 204.
Марковскіе, 72.
Маркъ Аврамовичъ, родонач. Марковичей, 114, 121, 124, 197.
Мартосы, 330.
Маслы, 331, 345, 346, 347.
Масло Осипъ, стнк. Сребр., 321, 330.
Маценки, 72, 113, 143, 144, 195.
Маценко, изд. сборника о Прилуччинѣ, 33.

Маценко Иванъ, плвк. Прил., 4, 10—12, 30, 60, 66.
Маценко Остапъ, стнк. полк., 112, 143.
Мачемачъ Фома, Нѣж. грекъ, 234.
Мельхиседекъ Богдановичъ, игм. Густ., 391, 402.
Менгли-Гирей, ханъ, VШ, 79, 287.
Меншиковъ кн. А. Д., 23, 33, 282, 288, 289, 301, 303, 344.
Миклашевскіе, 52, 119, 268.
Милорадовичи, 56, 169, 170, 263, 353.
Милорадовичъ Гавр., плвк., 167—169, 348, 349.
Милорадовичъ гр. Г. А., 6.
Мирихъ гр., генералъ, 148, 184, 318, 319, 320.
Миницкіе, 218, 219, 311.
Миницкій Павелъ, стнк. Иван., 218, 304, 307, 309—311, 315.
Миницкій Иванъ, стнк. Кр.-Коляд., 235, 240, 262, 263, 265.
Митрофанъ Горленко, игм. Густ., 391, 409.
Мищенко Савва, стнк. Иваницк., 304.
Мойсеевъ Евстаф., вт. Прил., 94.
Мойсеевъ Савва, вт. Прил., 94.
Мокіевскій Афанас., племян. Мазепы, 337, 339.
Молчановскій Н. В., ученый, 3.
Молчанъ Михаилъ, есл. Прил., 37, 66, 67, 112, 195, 253, 422.
Молчанъ Федоръ, плвк. Прил., 4, 12, 30, 66.
Моренецъ Еремѣй, стнк. Варв., 354, 373, 425, 426.
Многогрѣшный Дем., гетм., 86, 352, 396.
Мякотинъ В. А., ученый, I.
Наумовъ, министръ, 307, 308.
Невоструевъ Капитонъ, ученый, 390, 414, 415.
Нектарій, игм. Густ., 391, 403, 414.
Нелговскіе, 424.
Неплюевы, 347.
Нестеренко Дм., стнк. Батур., 186, 189, 190, 356.
Несѣцкій, писатель, 83.
Нечаи, 259, 425.
Николайчикъ, Ф. Д., ученый, 2.
Ничипоровичъ Кость, вт. Прил., 93, 94, 180.
Новицкіе, 354.
Новицкій Ив., подполквн., 227.
Новицкій Ив., стнк. Иченск., 216, 219—221, 223.
Новосельскіе, 424.
Носачъ Тимоф., плвк., 4.
Носенки-Бѣлецкіе, 34, 35, 66, 72, 106, 108, 112, 133, 134, 140, 145, 160, 182, 193, 195, 272, 317, 321, 423.
Носенко-Бѣлецкій Пав. Павлов., писатель, 134.

Носенко-Бѣлецкій Петръ, стнк. полк., 112, 127—130, 132, 133, 144—146, 161, 169, 193, 194, 200, 201, 303, 317, 321, 362, 382.
Носокъ Ив., пср. сотен., 220, 221.
Носуля Савва, бурм. Прил., 93.
Носъ Иванъ, плвк. Прилуц., 4, 17, 19, 21, 23, 25, 29, 30—35, 60, 66, 87, 93, 95, 97, 121, 124, 125, 127—129, 144, 145, 193, 194, 237, 238, 249, 252, 316, 317, 321, 353, 356, 369, 377, 420.
Носъ С. Д., этногр., 242, 251, 264, 423.
Носы, 129, 134, 144, 145, 293, 317.
Оболонскіе, 55, 56.
Обидовскіе, 87, 188—191.
Обидовскій, плвк. Нѣж., 188.
Огроновичи, 57—60, 108, 110, 351.
Огроновичъ Григ., вт. Прил., 94.
Огроновичъ Мих. Григ., обозн. Прил., 57, 58, 60, 111, 125, 147, 194, 198.
Огроновичъ Як., сд. Прил., 106, 140, 195, 198.
Окольскій, историкъ, 136.
Олелько Владиміровичъ, кн., 78.
Олехно Сахновичъ, бояринъ, 78.
Орбеліани, грузины, 219, 333, 358, 363, 371, 372.
Орликъ Фил., пср. генер., 20, 28.
Острожскіе князья, 3, 80, 191.
Острицкій, свящ., 397.
Остряница, гетм., 389.
Острянскіе. 260.
Павелъ, діаконъ Алепск., 78, 82, 108, 254, 294.
Павловскій, управит. кн. Іерем. Вишневецкаго, 187.
Палій Семенъ, коз. плвк., 134.
Панкевичи, 66, 69, 71.
Панкевичъ Григ., есл. полк., 36, 70, 173—175, 182, 183.
Параскева, капитанъ, 194, 196.
Паскевичи, 266, 267.
Патоки, 63, 354, 378, 425.
Пахомій Вѣтвицкій, игм., Густ., 391, 399.
Пащенки, козаки с. Голенки, 274.
Пащенко Д. Р., писат., VI.
Передѣловъ Як., сержантъ, 384.
Петръ Могила, митроп. Кіевск., 390, 393.
Песоцкій Данило, плвк. Прил., 4, 8, 84, 85.
Печеный Дан., стнк. Кр.-Кол., 235.
Пироцкіе, 65, 66, 260.
Плохинскій М., ученый, 204.
Подольскій Григ., зн. тов., 161.
Покорскіе, 260.
Полетики, 273, 425.
Полозовъ Семенъ, плвк., 345, 346.
Полторацкіе, 263, 379.

Полуботокъ Павелъ, плвк. Черн., 40, 41, 128, 256, 302, 371.
Полуницкіе, 25.
Поляковъ Вас., капит., 243—245, 250, 263.
Полянскій Левъ, свящ., 232.
Портянка Сем., хрж. полк., 72, 164.
Прокопій Каличанскій, игм. Густ., 391.
Прокоповичи, 57, 198.
Проскура, Сквирск. владѣл., 361.
Протасьевъ, стольникъ., 36
Пятакъ Матв,, староста с. Сокиринецъ, 349, 350.
Рагузинскій Савва, 232, 233.
Радичи, 34, 297.
Радичъ Тимоф., владѣлецъ с. Гирявки, 237, 293—296.
Разумовская Н. Д., мать гетмана, 166, 328.
Разумовскій Алексѣй Григ., 138.
Разумовскій Кириллъ, гетм.. IX, 92, 138, 142, 146, 152, 153, 181, 182, 245, 266, 269, 278, 291, 300, 301, 345, 346, 362, 368, 381, 399, 410, 413.
Раковичи, 29, 127, 202, 206—211, 317, 321.
Раковичъ Мих., стнк. Варв., 354.
Раковичъ Семенъ, пср. Прил., 29, 30, 63, 206, 209.
Ракушка Романъ, подск. генер., 157.
Ратомскій, староста Остерск.. 196.
Рафаилъ Заборовскій, митроп. Кіевск., 404.
Рашкевичъ Никита, мельникъ, 156, 157.
Рачинскіе, 266, 267.
Ржевскіе, 2, 9.
Романовичи, 132, 199, 201, 202, 204, 205, 213—216, 219—221, 223, 227, 228, 258, 312, 373.
Ропшъ, генералъ, 58.
Рубановскій, придв. пѣвч., 138.
Рублевскіе, 298.
Рудаковы, 297.
Рудковскіе, 276.
Рудковскій Васил., стнк. Корибут., 269, 275, 278, 279.
Румянцовъ Ал. Ив., генералъ, IV, 48, 108, 123, 128, 129, 240, 252, 256, 269, 307, 345. 375.
Румянцовъ гр. П. Ал., генер.-губернат. Малороссіи, VII, 233, 234, 276, 277, 291, 420, 421.
Рыжій Март., «подъесаулій», 164
Саакадзевы, грузины, 204, 205, 225, 227.
Савинъ, банъ Волошск., 167.
Савинъ Данило, хрж. Прил., 72.
Савичи, 345.
Савичъ, плвк. Лубенск., 121, 122.
Сакевичи, 126, 127, 187.

Салигнакъ Андрей, бригадиръ, 108.
Салогубы, 235, 243, 247, 248, 263, 267, 280, 282, 283, 285.
Самко Акимъ, плвк., 4, 5, 7, 8, 229.
Самойленко Василій, 66.
Самойловичи, 18, 30, 426.
Самойловичъ Ив., гетманъ, 109, 171, 181, 235, 236, 288, 366, 373, 397, 408, 425.
Сверщевскій, управляющ. Іереміи Вишневецкаго, 185.
Свирскіе, 270, 311—313, 315.
Свирскій Федоръ, стнк. Иваницк., 304, 311—313.
Свѣтильскіе, 265.
Свѣчка Леонт., плвк. Луб., 57.
Свѣчки, 386, 387.
Себастіановичи, 7, 30, 37, 43, 57, 60, 63, 64, 219, 337—344, 357, 366—374, 420.
Себастіановичъ Андрей Вас., сд. Прил., 111, 115.
Себастіоновичъ Ив., б. т., 151.
Себастіановичъ Матв.,стнк.Варв., 354, 357.
Селецкій Ив. Як., 420, 421.
Семеновичъ Ив., хрж. Прил., 72, 112.
Семеновъ Андрей, хрж. Прил., 72.
Семеновъ Севаст., лѣкарь, 239, 240, 243, 252.
Семеновъ Степ., стнк. Кориб., 269.
Семеновъ Федоръ, стнк. полк. Прил., 112, 113.
Семенъ Олельковичъ кн., 78.
Сененко Фед., вт. Прилуцк., 94.
Сеня Ив., зн. тов., 195.
Серафима Зебровская, игм-я Ладинск., 415.
Силичъ, «панъ», 287.
Сильвестръ Губаревичъ, «старецъ», 390.
Скоковщанка Марья, «шляхтянка», 229.
Скоропадскіе, 263, 268, 269, 271, 279, 283—285, 303, 304, 346, 347.
Скоропадская Наст., гетм-ша, 117, 125, 150.
Скоропадскій Ив., гетманъ, VI, 25—27, 89, 110, 111, 114, 121, 128, 129, 150, 158, 161, 164, 169, 173, 175, 176, 184, 187, 190, 196, 198, 200, 215, 230, 256, 280—282, 295, 300, 301, 314, 317, 344, 353, 356, 374, 378, 380, 384, 398, 399, 425.
Скоропадскій Мих., подск.генер., 50, 113.
Слюзъ Сем., есл. Прил., 72.
Смирновъ Гр. Ал., 56.
Соколовскіе, 276, 277, 296, 303.
Соломаха Евстр., вт. Прил., 94.

Софроній Мигалевичъ, игм. Гамалѣевск., 404, 405.
Соханскіе, 199, 200, 202—205, 213—216, 424.
Стасевичи, 252.
Стаховичи, 207, 209, 298, 299.
Степаненко Степ., стнк. Иван., 304.
Стефановичи, 300, 303.
Стефановъ Ив., свящ., 232.
Стефановъ Захаръ, свящ., 292.
Стефанъ Баторій, король, 2.
Стороженки, 18, 216—220, 230, 232, 234, 260—263, 299, 304, 305, 309, 311, 315, 378, 424.
Стороженко Андр. Григ., стнк. Иченск., 216, 217, 219, 221—223.
Стороженко Григ. Андр., стнк. Иченск., 216, 217, 220, 304.
Стороженко Ив., плвк. Прил., 4, 17, 18, 216, 217, 219.
Стояновы, 149, 184.
Страшкевичи, 229.
Стрешенцы (Демьяновичи) 92, 161, 231, 326, 328, 329.
Струтинскій Ром., плвк., 49—51.
Ступачевскіе, 243, 248.
Судникъ Доминикъ, управитель гр. Вейсбаха, 308.
Судьенко Мих. Осип., археогр., Ш.
Сушкевичи, 424.
Тадрины, Кіевск. мѣщ., 47, 229, 407.
Тарасенко (Тарасовичъ) Фед., стнк. Жур., 151, 379, 384.
Тарасовичъ Кондр., сд.полк., 147.
Тарновскіе, Ш, 194, 236, 250, 260, 354—357, 364, 368, 377, 378, 406—408.
Тарновскій Вас. Вас., археологъ, 6, 18.
Тарновскій Ив. Дан., стнк. Варв., потомъ плвк., 4, 54, 354.
Тарновскій Мих., стнк. Варв., 354.
Тарновскій Петръ, стнк. Жур., а пот. б. т., 53, 379.
Тарновскій Степанъ, б. т., 25, 87, 99, 164, 195, 196.
Тарновскій (Ляшко) Фед., стнк. Варв., 354.
Тарновскій Як., бунч. генер., 154, 164, 196.
Терещенко Федоръ, плвк. Прил., 4, 7, 228, 396.
Тетеря, гетм., 85, 86.
Тимошевскіе, 29, 235.
Тимченко Дан., стнк. Сребр., 320.
Титловскій, историкъ, 136.
Тихоновичи, 247, 248.
Тихоновъ Мих., капит., 195, 196.
Тодорскій Кир., зн. т., 198.
Толкачъ Ром., бояринъ Ост., 196, 197.
Толстые, 150, 186, 187, 307.

Томары, 108, 121, 123—126, 217, 219.
Третякъ Сем., плвк. Прил., 4, 11, 93, 352, 396, 397.
Трифановскіе, 5, 344.
Трофимовичи, 66.
Трофимовскіе, 424.
Троцины, 321—330, 351.
Троцина Антонъ, стнк. Сребр., 38, 39, 42, 43, 320, 353.
Троцина Никол., стнк. Сребр., 152, 321, 353.
Троцина Трофимъ, стнк. Сребр., 320.
Троцина Фаддей, стнк. Сребр., 354.
Троцкіе, 72, 73, 317.
Троцкій Никол., б. т., 35, 145, 146, 195.
Трубецкой кн. Алексѣй, 396.
Тумановы, груз., 333.
Туманскій Вас., пср. генер., 213.
Турковскій Федоръ, свящ., 151.
Уманецъ Степ., стнк. Глух., 62.
Умінь Никита, обозн. Прил., 57—59, 66, 72.
Урсалъ Ник., грекъ, 69.
Федоренки, 273.
Федоровичи, 276.
Федоровичъ Семенъ, есл. полк., 57, 66, 198.
Федоровскіе, 277.
Федоровъ Нестеръ, зн. тов., 195.
Федяй, плвк. охочеком., 215.
Феодосій, игм. Густ., 392.
Феодосій Углицкій, свят., 98.
Феодосій Хоминскій, игм. Батур., 239.
Филипповъ Григ., обозн. Прил., 57.
Фотинскіе, 291.
Фролова, владѣлица с. Рубанки, 267.
Ханенки, 219.
Ханенко Ник., хрж. генер., 153, 154, 194.
Харлезскій Криштофъ, староста Городельск., 280.
Хмельницкая Анна, гетм-ша, 395.
Хмельницкій Богд., гетм., 20, 164, 165, 171, 177, 179, 224, 250, 395, 397, 413.
Цыганчукъ, обозн., Бѣлоцерк., 134.
Чаадаевъ, воевода Кіевск., 9.
Чарныши, 267, 280—283.
Чевкинъ, капит., 111.
Челокаевы, грузины, 333.
Чернышевы, 296.
Чернявскіе, 181, 182.
Чернявскій Григ., обозн. Прил., 57, 66, 87, 181, 355.
Чернявскій Дмитрій, плвк. Прил., 4, 7, 8, 13, 31.
Чернявскій Степ. Григ., есл. Прил., 422.
Чесноки, 152, 155, 260, 346.
Чеснокъ Алексан., стнк. Сребр., 321, 331.

Чеснокъ Карпъ, плвк. охочеком., 134.
Четвертинскій кн. Юрій, 346, 348.
Чижевскій, придв. пѣвч., 138.
Чоглоковы, 347.
Шафонскій Афан., писатель, 98, 106.
Шаховскій кн. Ал. Ив., правит. Малороссіи, 194, 283, 290.
Шереметевы, 26, 110, 111, 173, 178, 190, 230, 231.
Шійкевичъ Захар., «подписокъ», 6, 7.
Шкляревичи, 303, 347.
Шкуратовичъ Ив., стнк. Прил., 112.
Шкураты (Шкуратовичи), Прилуцк. обыватели, 5, 93, 112, 394—397.
Шкуратъ Иванъ, плвк. Прил., 4, 5.
Шнурчевскій (Шнурокъ) Иванъ, пср. полк. Прил., 63, 65, 66, 100, 328, 329, 420—422.
Шнакъ, майоръ. 204, 210.
Шпитко изъ Мельштина, 286.
Щербина (Кошевой) Иванъ, плвк. Прил., 4, 9, 10.
Щербицкіе, 424.
Эйнгорнъ В. О., ученый, 423.
Эристовы, грузины, 333.
Юркевичи, 135.
Юрьевичъ Тим., стнк. Кр.-Кол., 235.
Юсуповы кн., 320, 410, 412.
Яблоновскій Александръ, учен., 196.
Ягельницкіе, 66, 420.
Ягельницкій Мих., стнк., а потомъ сд. полк., 60, 179, 194, 215, 216, 358, 379, 382.
Якубовичи, VII, IX, 55, 56, 249, 250, 263, 311, 345, 379—387, 420, 421.
Якубовичъ Александръ, плвк. Прил., 4, 54, 55, 197.
Якубовичъ Дем., стнк. Жур., 379, 380, 384.
Янжулъ Климъ, стнк. Топальск., 114.
Яновскіе, 66, 72, 73, 269, 285.
Яновскій Иванъ, стнк. Жур., 379.
Янъ-Казиміръ, король, 8, 84, 85.
Ярославскіе, 280.
Ярошевскій Ефимъ, в. т., 227.
Ясликовскій Павелъ, стнк. Кориб., 269, 271.

Указатель мѣстъ.*)

Авдѣевка с., 133.
Азовъ г., 49.
Алатырь г., 415.
Алексинцы с., 56, 75, 330, 345, 354, 381, 382.
Андреевка с., 51, 215.
Антоновка с., 72, 286.
Артополоть с. 382.
Бабуся р., 422.
Базиловка с., 299.
Бакаевка с., 215.
Баклань м., 230.
Балабанка р., 373.
Барышевка м., 83.
Басакова р. 280.
Басань м., 84.
Батуринъ м., 33, 135, 172, 279, 355.
Безводовка р., 316.
Безсалы с., 377.
Бережовка с., 304—306, 311, 314, 425.
Березовая Лука с., 138
Березовица р., 75, 241, 252, 263, 320, 354.
Березовицкій х., 344.
Березовка с., 75, 344, 422.
Блотница с., 69, 75, 284, 346.
Бобровица м., 83.
Богданы с., 354.
Бодаква х., 138.
Болбасовка с., 138.
Борзна г., 227.
Борзна р. 287.
Борисполь м., 83.
Борлова р., 422.
Боровица с., 36.
Боршна с., 74, 136, 161—164, 166, 319, 395, 396, 398, 399.
Брагинцы с., 354, 357, 358, 368—370.
Брехуновка с., 347.
Бровары с., 91.
Брянскъ г., 205.
Бубны Вел. с., 245.
Бугай р., 75.
Буды с., 71, 72, 113, 114, 175, 196.
Буки с., 135.
Буромка р. 228.
Буромка с., 228, 229.
Бурылове гор-ще, 3.
Быковъ г., 3.
Бѣличевскій х., 320.
Бѣлоцерковка с., 195.
Бѣлошапки с., 3, 18, 24, 26, 184—186.
Валки с., 74, 160,

*) Всѣ населенныя мѣстности, кромѣ старыхъ городовъ, мѣстечекъ и хуторовъ, обозначены буквою с. (село). Мѣста, напечатанныя курсивомъ находятся внѣ предѣловъ Прилуцкаго полка.

Викъ

Печатаются 2-й и 3-й томы сборника **„ВИКЪ“,** содержащіе въ себѣ произведенія 35 болѣе выдающихся украинскихъ прозаиковъ XIX вѣка съ біографіями и портретами авторовъ. Цѣна (безъ пересылки) каждаго тома, объемомъ свыше 500 стр., на хорошей бумагѣ—2 р., на веленевой—3 р., на слоновой—4 р., **Лицамъ, подписавшимся на изданіе до поступленія его въ продажу и внесшимъ подписную плату, дѣлается уступка въ 25%.**

На тѣхъ же условіяхъ принимается подписка на подготовляемое къ печати второе исправленное и значительно дополненное изданіе 1-го тома сборника **„ВИКЪ“** (образцы украинской художественной поэзіи). Изданіе вполнѣ будетъ закончено въ первой четверти 1902 года.

Изданіе будетъ исполнено художественно. Можно получать книги въ изящныхъ переплетахъ съ доплатою за каждый переплетъ по 1 р.

Подписка (на всѣ три тома вмѣстѣ и на каждый отдѣльно) принимается въ г. Кіевѣ: 1) въ книжной торговлѣ „Кіевская Старина“ (Беззаковская 14) и въ книжныхъ магазинахъ, 2) Н. Я. Оглоблина (Крещатикъ, домъ Дехтерева), 3) Владислава Идзиковскаго (Крещатикъ, 35) и 4) Леона Идзиковскаго (Крещатикъ, 29).

Кромѣ того, печатаются слѣдующія книги на украинскомъ языкѣ: 1.) Шевченка Т. Г. „Повисти“, т. 1 и 2;—2.) Свидницкаго А. П. „Люборацьки, семейна хроника зъ жыття духовенства на Подилли“;—3.) Руданскаго С. В. „Збирныкъ творивъ“;—4.) Марка Вовчка „Народни украинськи оповидання“, т. 1 и 2 и 5) „Литературный збирныкъ, прысвяченый памяти О. Я. Конискаго“.

Въ книжной торговлѣ „Кіевская Старина“ поступили въ продажу новыя книги: 1.) „Корифеи украинской сцены“, историческій очеркъ украинскаго театра съ біографіями (на русскомъ языкѣ) и портретами его главнѣйшихъ дѣятелей, ц. 65 к.;—2.) Ив. Левицькый „Повисти й оповидання“, т. 3-й (содержитъ въ себѣ повѣсти „Прычепа“ и „Навижена“), ц. 1 р. 50 к. Тамъ же имѣются: 1-й и 2-й томы сочиненій И. С. Левицкаго (по 1 р. 50 к. за каждый томъ), три тома сочиненій А. Я. Конисскаго (1-й и 2-й томы по 50 к., 3-й томъ на обыкн. бумагѣ—1 р., на веленевой—1 р. 50 к.), а также всѣ поступившія въ продажу книги на украинскомъ языкѣ.

Допросъ Т. Г. Шевченка въ 1847 г.

(Изъ рукописныхъ замѣтокъ Н. А. Ригельмана).

Покойный Н. А. Ригельманъ, во время службы своей въ Кіевѣ въ сороковыхъ годахъ, живѣйшимъ образомъ интересовался мѣстными учеными и литераторами. Прикомандированный для занятій въ коммиссію для разбора древнихъ актовъ, онъ имѣлъ возможность близко узнать и оцѣнить такихъ людей, какъ Костомаровъ, Гулакъ, В. Бѣлозерскій, Кулишъ. Послѣднему онъ далъ въ 1847 рекомендательныя письма къ Вячеславу Ганкѣ и Людевиту Штуру [1]), которыя не дошли по назначенію, такъ какъ Кулишъ, накапунѣ отъѣзда заграницу для изученія славянскихъ нарѣчій, былъ арестованъ въ Варшавѣ и привлеченъ къ дѣлу о мнимомъ Кирилло-Меѳодіевскомъ обществѣ. Эти рекомендательныя письма имѣли непріятныя послѣдствія для ихъ автора: въ квартирѣ Н. А. Ригельмана былъ произведенъ обыскъ, и хотя ничего подозрительнаго не найдено, но связи Ригельмана съ заграничными дѣятелями славянскаго возрожденія набрасывали на него, какъ на чиновника, невыгодную тѣнь въ глазахъ начальства. Ригельманъ долженъ былъ отказаться отъ своей мечты—занять мѣсто русскаго консула въ Бѣлградѣ, и оставленъ на службѣ въ

[1]) Напечатаны въ «Кіев. Старинѣ» 1897 г., № 1.

канцеляріи генералъ-губернатора лишь подъ личное ручательство Д. Г. Бибикова.

Въ бумагахъ Н. А. Ригельмана, любезно сообщенныхъ редакціи сыномъ его В. Н. Ригельманомъ, отысканы любопытныя замѣтки: между прочимъ, о перипетіяхъ дѣла такъ называемыхъ кіевскихъ славянистовъ и въ частности о Т. Г. Шевченкѣ.

На основаніи этихъ замѣтокъ, участіе Т. Г. Шевченка въ этомъ фатальномъ дѣлѣ обрисовывается въ такомъ видѣ.

17 апрѣля 1847 г., въ третьемъ часу по-полудни, былъ доставленъ изъ Кіева въ 3 отдѣленіе художникъ Шевченко со всѣми его бумагами въ шести портфеляхъ и пакетомъ съ рисунками и замѣтками. Въ бумагахъ поэта не оказалось никакихъ слѣдовъ принадлежности его къ славянскому обществу. Вниманіе властей обратилось на содержаніе его стихотвореній, какъ напечатанныхъ, такъ и рукописныхъ, и въ особенности на извѣстный «Сонъ». Первый и, какъ кажется, единственный допросъ Шевченка происходилъ 21 апрѣля 1847 г.

Сохраненныя Н. А. Ригельманомъ записи объ этомъ допросѣ вполнѣ обрисовываютъ сущность обвиненій, предъявленныхъ къ поэту, и еще болѣе интересны по его отвѣтамъ.

Вопросъ 1-й. Опишите ваше происхожденіе, случай, по которому вы освобождены изъ крѣпостного состоянія, воспитаніе ваше въ академіи художествъ, занятія ваши по выпускѣ изъ академіи, поѣздки по Малороссіи и причины, склонившія васъ къ занятіямъ болѣе стихотворнымъ, нежели живописью?

Отвѣтъ: Я сынъ крѣпостного крестьянина; въ дѣтствѣ лишился отца и матери; въ 1828 году былъ взятъ помѣщикомъ во дворъ; въ 1838 году былъ освобожденъ изъ крѣпостного состоянія Августѣйшей Императорской фамиліей, чрезъ посредство Василія Андреевича Жуковскаго, графа Михаила Юрьевича Вьельгорскаго и Карла Павловича Брюлова. Брюловъ написалъ портретъ Жуковскаго для Императорской фамиліи, и на эти деньги я былъ выкупленъ у помѣщика. Учился я рисованію и живописи въ академіи художествъ по 1844 годъ. По выпускѣ изъ академіи опредѣлился въ Кіевскую Археографическую коммиссію сотрудни-

комъ по части рисованія и собранія народныхъ преданій, сказокъ и пѣсенъ въ южно-русскихъ губерніяхъ. Стихи я любилъ съ дѣтства и началъ писать въ 1837 году. Первое мое стихотвореніе подъ названіемъ «Катерина» посвящено Жуковскому, которое возбудило энтузіазмъ въ малороссіянахъ, и я сталъ продолжать писать стихи, не оставляя живописи.

Вопросъ 2-й. Противъ васъ имѣются показанія, что вы участвовали въ замыслахъ славянскаго общества св. Кирилла и Меѳодія. Объясните подробно: когда и кѣмъ было учреждено это общество, а если предположеніе объ учрежденіи его еще не приведено въ исполненіе, то кѣмъ и когда были дѣлаемы эти предположенія?

Отвѣтъ: Показанія, что я участвую въ замыслахъ славянскаго общества, несправедливы.

Вопросы 3-й — 12-й: Кѣмъ сочинены и въ чемъ именно состояли уставъ и правила славянскаго общества, кто распространялъ и у кого находились экземпляры ихъ?—Не было-ли у васъ тетради, называемой «Законъ Божій», съ возмутительными воззваніями въ концѣ и кто распространялъ экземпляры оной?—Кѣмъ изобрѣтены символическіе знаки общества: кольцо и образа во имя св. Кирилла и Меѳодія, кто именно имѣлъ и не было ли у васъ оныхъ?—Въ чемъ состояли подробности предположеній Славянистовъ, какимъ образомъ надѣялись они соединить славянскія племена, возстановить самобытность каждаго племени и особенно Малороссіи?—Какіе замыслы были противъ настоящаго образа правленія въ Россіи и какое правленіе предполагалось ввести въ Малороссіи и вообще въ славянскихъ земляхъ?—Какимъ образомъ Славянисты предполагали распространять образованіе между крестьянами и тѣмъ приготовлять народъ къ возстанію?—Кто и въ какомъ видѣ хотѣлъ учреждать школы для простого народа, сочинять книги и какого содержанія, кто собиралъ деньги для этихъ цѣлей и не предназначались-ли эти деньги для какихъ либо другихъ преступныхъ цѣлей?—Не было-ли предположеній дѣйствовать оружіемъ, и если было, то когда и какимъ образомъ намѣрены были употребить это средство?—Кто изъ привержен-

цевъ Славянистовъ наиболѣе дѣйствовалъ, склонялъ и возбуждалъ къ преступнымъ замысламъ, и не было-ли одного, который всѣмъ руководилъ?—Правда-ли, что Костомаровъ былъ представителемъ умѣренной Славянской партіи, а Гулакъ—его послѣдователемъ, и что вы съ Кулишомъ были представителями неумѣренной малороссійской партіи Славянскаго общества?

Отвѣтъ: 3-й, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 мнѣ совершено неизвѣстны.

Вопросъ 13-й: Опишите подробно всѣ дѣйствія Костомарова, Гулака, Кулиша, также Бѣлозерскаго, Навроцкаго, Андрузскаго, Марковича, Посяденка, помѣщика Савича, бывшаго профессора Чижова и другихъ вамъ извѣстныхъ лицъ, каждаго особенно и о каждомъ все, что знаете, въ отношеніи къ замысламъ Славянистовъ.

Отвѣтъ: Съ Костомаровымъ я познакомился въ прошедшемъ году въ Кіевѣ, весною; на лѣто онъ уѣзжалъ въ Одессу лѣчиться; въ августѣ мѣсяцѣ онъ возвратился въ Кіевъ, и я съ нимъ не видѣлся до декабря мѣсяца, потому что я ѣздилъ по порученію коммиссіи для рисованія Почаевской лавры, а 9 января текущаго года я опять отлучился изъ Кіева и послѣ того я съ нимъ не видѣлся; переписки съ нимъ не имѣлъ, кромѣ одного письма. Гулака я почти не знаю, потому что видѣлся съ нимъ всего раза три въ Кіевѣ, да проѣхалъ съ нимъ отъ Кіева до Борзны, и послѣ того не видѣлся. Съ Кулишомъ я познакомился въ Кіевѣ, въ 1842 г., весною, во время отлучки моей изъ академіи, и не видѣлся съ нимъ до декабря 1846 г. въ Кіевѣ; переписки съ нимъ не имѣлъ, кромѣ письма, въ которомъ онъ мнѣ совѣтуетъ поправить нѣкоторыя мѣста въ моихъ печатныхъ сочиненіяхъ. Бѣлозерскаго, Навроцкаго, Андрузскаго и Марковича весьма мало знаю; съ Посяденкомъ и Чижовымъ совсѣмъ незнакомъ. Помѣщика Савича я встрѣчалъ два раза у Костомарова. Объ обществѣ Славянистовъ я никогда ни отъ кого не слыхалъ ни слова.

Вопросъ 14-й: Правда ли, что Славянистовъ въ Кіевѣ вы побуждали къ большей дѣятельности, что въ отсутствіе ваше нѣко-

торые изъ нихъ охладѣвали въ замыслахъ своихъ, а съ возвращеніемъ вашимъ снова приходили въ движеніе; что вы не знали границъ въ выраженіи преступныхъ мыслей и всѣхъ монархистовъ называли подлецами?

Отвѣтъ: Направда, потому что, когда я былъ въ Кіевѣ, то всегда былъ занятъ рисованіемъ, никуда не выходилъ и къ себѣ никого не принималъ, чему свидѣтель товарищъ мой, художникъ Сажинъ, съ которымъ я постоянно жилъ вмѣстѣ.

Вопросъ 15: Съ какою цѣлію вы сочиняли стихи, могущіе возмущать умы малороссіянъ противъ нашего правительства, читали эти стихи и разные пасквили въ обществахъ друзей вашихъ и давали имъ списывать оные? Не сочиняли ли вы эти стихи для распространенія идей тайнаго общества и не надѣялись-ли приготовлять этимъ возстаніе Малороссіи?

Отвѣтъ: Малороссіянамъ нравились мои стихи, и я сочинялъ и читалъ имъ безъ всякой цѣли; списывать не давалъ, а былъ неосторожевъ, что не пряталъ.

Вопросъ 16-й: Кто иллюстрировалъ рукописную книгу вашихъ сочиненій и не принадлежитъ-ли тотъ, кто столько занимался вашими стихотвореніями, къ злоумышленнымъ Славянистамъ?

Отвѣтъ: Иллюстрировалъ мои сочиненія графъ Яковъ де-Бальменъ, служившій адъютантомъ у одного изъ корпусныхъ генераловъ и убитый на Кавказѣ въ 1845 г., и нѣкто Башиловъ. Съ первымъ я видѣлся одинъ разъ, а второго совсѣмъ не знаю.

Вопросъ 17-й: Почему стихотворенія ваши были въ такомъ уваженіи у друзей вашихъ, тогда какъ они лишены истиннаго ума и всякой изящности? Не поклонялись-ли они вамъ болѣе за ваши дерзости и возмутительныя мысли?

Отвѣтъ: Стихотворенія мои нравились, можетъ быть, потому только, что помалороссійски написаны.

Вопросъ 18-й: Съ какою цѣлію вы побуждали въ Кіевѣ Костомарова и другихъ Славянистовъ къ изданію журнала на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, вызываясь сами участвовать въ ономъ, и не было-ли при этомъ намѣренія распространять посредствомъ журнала преступныхъ идей?

Отвѣтъ: Не я, а бывшій ректоръ Кіевскаго университета Максимовичъ просилъ меня и Костомарова участвовать въ его журналѣ или составить сборникъ изъ статей, относящихся къ Южной Россіи, на великоросійскомъ и малороссійскомъ нарѣчіяхъ.

Вопросъ 19-й: Между бумагами вашими находятся стихотворенія Чужбинскаго и Забѣллы, перваго—возмутительныя, а второго—пасквильныя. Кто такіе Чужбинскій (если это не псевдонимъ) и Забѣлла?

Отвѣтъ: Чужбинскій—псевдонимъ: фамилія его Аоанасьевъ Александръ, помѣщикъ Полтавской губерніи, Лубенскаго уѣзда. Забѣлла Викторъ—тоже помѣщикъ Черниговской губерніи, Борзенскаго уѣзда.

Вопросъ 20-й: Кто такіе Штрандманъ и Карпо, и почему они въ письмахъ своихъ называли васъ: первый «остатнимъ изъ козаковъ», а второй «отамане нашъ?». Не участвовали ли и они въ замыслахъ Славянистовъ?

Отвѣтъ: Съ Штрандманомъ я познакомился въ Яготинѣ у князя Рѣпнина; онъ былъ тамъ домашнимъ учителемъ, а теперь не знаю, гдѣ онъ. Почему онъ называлъ меня «остатнимъ изъ козаковъ», не знаю. Карпо—ученикъ академіи художествъ; онъ и еще два ученика жили со мною на одной квартирѣ, и какъ я былъ старше ихъ лѣтами, то и называли меня «отаманомъ».

Вопросъ 21-й: Не извѣстно ли вамъ, сверхъ предложеннаго въ предыдущихъ вопросахъ, еще что либо о Славянистахъ, ихъ тайномъ обществѣ и замыслахъ?

Отвѣтъ: Сверхъ всего, что я объяснилъ, я больше ничего не знаю.

Подписалъ: Художникъ Тарасъ Шевченко.

—

Въ извѣстномъ докладѣ своемъ имп. Николаю I 28 мая 1847 г. «Объ украйно-славянскомъ обществѣ» [1]) графъ Орловъ, начальникъ 3 го отдѣленія, призналъ, что Шевченко не принад-

[1]) Напечатанъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1892 г. № 7.

лежалъ къ обществу. Въ вину поэту были поставлены его стихотворенія и то «чрезмѣрное уваженіе, которое питали и лично къ Шевченкѣ, и къ его стихотвореніямъ всѣ украйно-славянисты». «По возмутительному духу и дерзости, выходящей изъ всякихъ предѣловъ», Шевченко былъ признанъ «однимъ изъ важныхъ преступниковъ, «дѣйствовавшимъ отдѣльно, увлекаясь собственною испорченностью». Посему, хотя «украйно-славянское общество св. Кирилла и Меѳодія», по выраженію графа Орлова, «было не болѣе, какъ ученый бредъ трехъ молодыхъ людей», къ числу которыхъ поэтъ не принадлежалъ, но графъ Орловъ признавалъ соотвѣтственнымъ «художника Шевченка, какъ одареннаго крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, опредѣлить рядовымъ въ Оренбургскій Отдѣльный Корпусъ, съ правомъ выслуги, поручивъ начальству имѣть строжайшее наблюденіе, дабы отъ него, ни подъ какимъ видомъ, не могло выходить возмутительныхъ пасквильныхъ сочиненій». Предположеніе графа Орлова было Высочайше утверждено 28 мая 1847 года, съ добавленіемъ: «Подъ строжайшій надзоръ и съ запрещеніемъ писать и рисовать».

ИСТОРІЯ КІЕВСКОЙ ВТОРОЙ ГИМНАЗІИ.

(Продолженіе [1]*).*

Разсмотрѣнный нами Уставъ имѣлъ силу до 1849 года, когда, по мнѣнію тогдашняго министра, понадобились существенныя въ немъ перемѣны. Отвѣтъ на то, почему понадобились, кроется въ западно-европейскихъ событіяхъ 1846—1848 годовъ. Революціонное движеніе италіанцевъ, Галиційская рѣзня, Венгерское возстаніе, февральскій переворотъ во Франціи и т. д.—все это привело нашу высшую администрацію къ убѣжденію, что ядъ революціи коренится въ принятой тогда повсемѣстно системѣ высшаго и средняго образованія и что избавиться отъ зла можно только тогда, когда измѣнится духъ и направленіе самого образованія. Вотъ почему тогда у насъ возникло гоненіе прежде всего на философію. Признанная за язву вольнодумства и непокорливости, она изгнана изъ круга Университетскихъ наукъ и замѣнена педагогикою [2]). Вотъ причина и того, что не могла устоять долѣе и классическая система средняго образованія. Платя дань обстоятельствамъ времени, Министръ Народнаго Просвѣщенія внесъ въ Государственный Совѣтъ предложеніе объ измѣненіи тѣхъ параграфовъ Устава, которые *всѣмъ* молодымъ людямъ, вос-

---

[1]) См. Кіев. Ст. № 1.

[2]) Сбор. Пост. Т. II, стр. 1026 и Допол. къ нему.

питывавшимся въ гимназіяхъ, открывали доступъ въ Университетъ, тогда какъ по тогдашнему убѣжденію высшее и даже среднее образованіе должно быть привилегіею немногихъ. Вотъ что по этому вопросу содержитъ въ себѣ докладная записка Министра: «Нынѣ, когда убѣжденіе въ пользѣ и важности классическаго ученія утвердилось, оказывается возможнымъ, согласно съ современными потребностями, *раздѣлить еще рѣшительнѣе двоякое предназначеніе гимназій и съ большею опредѣлительностью перейти отъ общаго образованія къ спеціальному... Полезно при этомъ случаѣ оградить гимназіи отъ умножающагося прилива, какъ въ эти среднія, такъ и въ высшія учебныя заведенія, молодыхъ людей, рожденныхъ въ низшихъ слояхъ общества*» [1]). Съ этою цѣлью онъ исходатайствовалъ у Государя разрѣшеніе раздѣлить воспитанниковъ гимназіи на два разряда: 1) на готовящихся поступить въ Университетъ и въ другія высшія учебныя заведенія и 2) на приготовляющихся къ государственной службѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и курсъ гимназическаго образованія раздѣлить «на общее (первоначальное) и спеціальное обученіе», которое должно было начинаться съ IV-го класса. Въ первыхъ трехъ классахъ (говорится въ измѣненномъ Уставѣ) «воспитанники учатся всѣ вмѣстѣ закону божію, русскому языку, математикѣ, географіи, всеобщей и русской исторіи, французскому и нѣмецкому языкамъ, чистописанію, черченію и рисованію». Начиная же съ IV-го класса, «для воспитанниковъ, намѣревающихся выйти изъ гимназіи на службу, назначаются: а) по русскому языку, сверхъ общаго курса, два особенные урока въ IV-мъ классѣ для занятій практическихъ; б) по математикѣ, сверхъ общаго курса, также два особенные урока въ IV-мъ классѣ для ариѳметическихъ задачъ въ примѣненіи къ практикѣ и в) преподаваніе законовѣдѣнія съ V-го класса». Этотъ предметъ, равно какъ и практическіе уроки по русскому языку и математикѣ, для извѣстной группы учащихся замѣнили собою языки латинскій и греческій, изученіе которыхъ съ тѣхъ поръ стало обязательнымъ, и то не

---

[1]) Сбор. Пост. Т. II, стр. 868.

вполнѣ, только для желающихъ получить высшее образованіе въ Университетѣ. Изученіе ихъ постановлено было начинать съ IV-го класса, при чемъ греческій языкъ преподавался только для тѣхъ учениковъ, «кои намѣрены избрать въ Университетѣ первое отдѣленіе философскаго факультета», или, какъ сказали-бы теперь, историко-филологическій факультетъ. Чтобы въ группу изучающихъ законовѣдѣніе привлечь возможно большее число учениковъ, было постановлено, что тѣ изъ нихъ, которые «пріобрѣтутъ особенныя и отличныя познанія въ этомъ предметѣ, при выпускѣ изъ гимназіи будутъ награждаемы чиномъ XIV класса» [1].

Въ постановкѣ учебнаго дѣла на новыхъ основаніяхъ реформа 1849 г. вела за собою ломку цѣлой системы прежняго образованія; измѣнены были: а) объемъ преподаванія каждаго предмета въ отдѣльности и б) распредѣленіе учебнаго матеріала по классамъ. Разсматривая таблицу распредѣленія уроковъ въ преобразованныхъ гимназіяхъ по классамъ, мы находимъ въ ней слѣд.: 1) число учебныхъ часовъ по латинскому и греческому языкамъ сокращено болѣе, чѣмъ на половину, а именно: прежде на изученіе латинскаго языка полагалось 39 ч., а теперь 20 ч.; на греческій языкъ 30, а теперь 10; во 2-хъ, сокращено число недѣльныхъ учебныхъ часовъ по всѣмъ предметамъ вообще, ибо хотя общее число уроковъ оставлено прежнее, но въ дѣйствительности ихъ стало меньше, потому что прежде урокъ продолжался $1^1/_2$ часа, а по реформѣ 1849 г.—$1^1/_4$ ч.; въ 3-хъ, послѣобѣденные уроки перенесены на утро, такимъ образомъ, что ученіе начиналось въ 9 ч. и оканчивалось въ $2^1/_2$ ч., при чемъ время отъ $11^1/_2$ ч. до 12 ч. назначалось на отдыхъ [2].

Ограниченіе класснаго учебнаго времени вообще и уменьшеніе уроковъ по древнимъ языкамъ должно было неминуемо отразиться не только на этихъ языкахъ, но и вообще на объемѣ

[1] Сбор. Пост. Т. II. отд. 2. стр. 863 и слѣд., а также дѣло 1849 г. № 6.

[2] Сбор. Пост. Т. II. отд. 2 (прилож.).

преподаванія всѣхъ предметовъ гимназическаго курса и, какъ увидимъ ниже, дѣйствительно отразилось; особенно дурно подѣйствовало оно на изученіе греческаго языка. Такъ какъ изученіе его признавалось необязательнымъ, то какъ велось преподаваніе его и каковы были успѣхи въ немъ учащихся.—это никого не интересовало.

Вотъ какова въ общихъ чертахъ реформа, произведенная въ Уставѣ 1828 г. Какъ назвать воздвигнутое на ней зданіе гимназическаго образованія,—мы не знаемъ; для насъ очевидно только, что въ архитектоникѣ его нѣтъ общаго плана, нѣтъ того сознанія, что гимназія не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только общеобразовательнымъ учебнымъ заведеніемъ, которое одинаково должно быть пригодно, какъ для приготовленія молодыхъ людей къ изученію высшихъ наукъ, такъ и для служенія на извѣстномъ государственномъ или общественномъ поприщѣ; по-просту говоря эта реформа слишкомъ искусственна.

Какъ плодъ политическихъ, а не научныхъ, соображеній, она могла держаться до тѣхъ поръ, пока существовали причины, ее вызвавшія; но чуть только начали онѣ исчезать, и политическія страсти стали уступать мирному и спокойному настроенію умовъ, гимназіи должны были также освободиться отъ фальшиваго и крайне натянутаго положенія, въ которое поставила ихъ реформа 1849 г. Когда, по вступленіи на престолъ Царя-Освободителя, министерскій портфель принялъ Норовъ, то сейчасъ-же повѣяло новымъ—старымъ дыханіемъ жизни, и реформа подверглась заслуженному порицанію. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ Государю Императору Норовъ такъ выразился объ ней: «Учебные курсы въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, существовавшіе въ видѣ стройной и упроченной системы много лѣтъ, съ 1850 года подверглись значительнымъ измѣненіямъ. Преподаваніе классическихъ языковъ въ гимназіяхъ, оказавшее уже важныя услуги основательному и твердому образованію, было ослаблено, и въ замѣнъ ихъ, съ цѣлью дать воспитанію нашего юношества характеръ исключительно реальный, введено было прено-

даваніе естественныхъ наукъ [1]) и законовѣдѣнія. Но какъ предметы эти явились въ гимназіяхъ, такъ сказать, внезапно, безъ предварительнаго, тщательно соображеннаго, плана, безъ строгаго соглашенія съ другими предметами, то отъ этого гармонія въ системѣ гимназическаго обученія нарушилась и оно утратило свой опредѣленный, правильный характеръ». Высказавъ свой взглядъ на систему образованія, не соотвѣтствовавшую его убѣжденіямъ, Норовъ обѣщаетъ замѣнить ее другою или, правильнѣе говоря, вернуться къ старой. «Приведеніе въ должный порядокъ, сказано далѣе въ томъ-же докладѣ, гимназическаго преподаванія, соотвѣтственный высшимъ, нравственнымъ потребностямъ общества, равно и вещественнымъ пользамъ его, съ неуклоннымъ соблюденіемъ священныхъ основаній нашей вѣры и народности, Министерство считаетъ одною изъ главнѣйшихъ своихъ заботъ. Не отвергая важнаго значенія реальныхъ наукъ, оно имѣетъ многія причины, которыя въ свое время и въ своемъ мѣстѣ будутъ объяснены подробно, считать усиленный перевѣсъ реальныхъ началъ въ воспитаніи вредною крайностью и думаетъ, что въ видахъ умственнаго развитія и нравственно-эстетическихъ требованій, преподаванію классическихъ языковъ надобно возвратить значительную часть его прежней силы, разумѣется, не исключая изъ круга обученія въ среднихъ заведеніяхъ и наукъ реальныхъ, сколько это нужно для жизни, и не присвоивая учащимся помянутымъ языкамъ прежнихъ преимуществъ. Вообще согласить требованія строгаго классическаго образованія съ доставленіемъ юношеству необходимыхъ свѣдѣній въ наукахъ реальныхъ, *привести въ равновѣсіе преподаваніе всѣхъ предметовъ*, опредѣлить значеніе, объемъ и направленіе курсовъ, начертать въ подробности программы, снабдить заведенія учебными руководствами,—вотъ главные предметы, долженствующіе обратить на себя дѣятельное вниманіе Главнаго Правленія училищъ въ сужденіяхъ объ устройствѣ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній» [2]).

---

[1]) Онѣ введены были незадолго предъ этимъ.

[2]) Допол. къ Сбор. Пост. (5 марта 1856 г.).

Внѣ всякаго сомнѣнія, что высказанныя Норовымъ начала изъ поднебесной сферы добрыхъ желаній спустились-бы на землю и стали-бы реальною дѣйствительностью очень скоро, потому что онъ былъ весьма энергическою личностью; но этотъ герой 1812 г., этотъ рыцарь безъ страха и упрека, весь покрытый ранами, на костылѣ, почувствовалъ упадокъ силъ и попросился на покой. Онъ такъ увѣренъ былъ въ томъ, что начала, высказанныя имъ, восторжествуютъ, что послѣдній всеподданнѣйшій отчетъ свой заключилъ слѣд. словами: «При благословеніи Божіемъ и Вашемъ, Государь, непосредственномъ руководствѣ съ тѣми достойными сотрудниками, которыхъ имѣетъ Министерство въ лицѣ Попечителей Учебныхъ Округовъ и собственно въ составѣ Министерства, съ тѣми проникнутыми любовью къ наукѣ профессорами и преподавателями, съ этимъ, оживленнымъ вмѣстѣ съ ними пламенною любовью къ Царю и отечеству, доблестнымъ юношествомъ, я не могу не надѣяться на свѣтлое будущее для народнаго просвѣщенія Россіи» [1]).

Норова смѣнилъ другой Министръ, и дѣло о новомъ Уставѣ затянулось до 1864 г., хотя исподоволь, отдѣльными министерскими и попечительскими распоряженіями, гимназіямъ возвращался потерянный ими образъ; такъ, напр., законовѣдѣніе исключено было изъ круга гимназическихъ наукъ еще раньше появленія новаго Устава. Въ подготовленіяхъ къ нему прошло 7 лѣтъ; наконецъ 19 ноября 1864 года Правительствующему Сенату данъ указъ о постепенномъ введеніи новаго Устава, составленнаго Министромъ Головнинымъ.

Изучая этотъ Уставъ сравнительно съ Уставомъ 1828 г., мы пришли къ тому заключенію, что онъ есть не что иное, какъ болѣе совершенная редакція послѣдняго; сходство между ними большое: но при общихъ чертахъ сходства Уставъ 1864 года имѣетъ и свои отличительныя особенности. Такъ, онъ точнѣе разграничиваетъ область классическаго и реальнаго образованія,

---

[1]) Дѣло 1858 г. № 18; Ж. М. Н. Пр. 1858 г. стр. 90 и 146.

точнѣе опредѣляетъ цѣль классическихъ гимназій, въ болѣе естественныя отношенія другъ къ другу ставитъ преподавателей [1]), вводитъ въ гимназическій курсъ преподаваніе искусствъ, краткаго естествознанія и общихъ началъ законовѣдѣнія, устанавливаетъ норму для числа учащихся въ каждомъ классѣ и *тахітит* лѣтъ для пребыванія ученика въ одномъ и томъ же классѣ и др. Назначеніе гимназіи указано въ новомъ Уставѣ, такимъ образомъ: «Гимназіи имѣютъ цѣлью доставить воспитывающемуся въ нихъ юношеству общее образованіе», и въ тоже время онѣ должны служить «приготовительными заведеніями для поступленія въ Университетъ и другія высшія спеціальныя училища» (§ 1). Но такъ какъ между Университетомъ и спеціальными училищами есть существенная разница, требующая различной подготовки молодыхъ людей, то, сообразуясь съ этимъ, Уставъ признаетъ два вида гимназій: *реальныя* и *классическія* и устанавливаетъ между ними слѣд. различіе: 1) въ реальныхъ гимназіяхъ въ сравнительно большемъ объемѣ преподаются математика, естественная исторія съ присоединеніемъ къ ней химіи, физика и космографія новые языки (оба обязательно), рисованіе и черченіе [2]); классическіе языки исключены совершенно; 2) въ классическихъ гимназіяхъ данъ перевѣсъ преподаванію древнихъ языковъ надъ остальными предметами такъ-же точно, какъ и въ Уставѣ 1828 г., и одинъ изъ новыхъ иностранныхъ языковъ сдѣланъ необязательнымъ.

Что касается естествознанія и законовѣдѣнія, то слѣдуетъ замѣтить, что преподаваніе перваго въ классическихъ гимназіяхъ было ограничено тремя низшими классами (въ каждомъ по два

---

[1]) А именно: уничтожаетъ дѣленіе ихъ на старшихъ и младшихъ.

[2]) Число уроковъ въ *классичес.* гимн. и *реальныхъ* назн. слѣд.:

а) *по математикѣ*	22	25
б) *по физикѣ и космогр.*	6	9
в) *по естественной исторіи*	6	23
г) *по новымъ языкамъ*	19	46
д) *чист., черч., рисованію*	13	20

урока въ недѣлю) и состояло «въ краткомъ наглядномъ объясненіи трехъ царствъ природы»; второе-же введено было въ послѣднемъ, высшемъ классѣ, но не какъ отдѣльная наука, а какъ литературное чтеніе, изъ котораго ученикъ, оканчивающій гимназію, могъ-бы получить «понятіе о нашемъ государственномъ устройствѣ, объ основныхъ законахъ Имперіи, касающихся верховной власти, о значеніи разныхъ присутственныхъ мѣстъ и о главныхъ законахъ гражданскихъ и уголовныхъ». Сообщать всѣ эти свѣдѣнія долженъ былъ предъ самымъ выпускомъ ученика изъ гимназіи или директоръ, или по его выбору—инспекторъ или одинъ изъ преподавателей (§ 41). Къ числу особенностей этого Устава надобно отнести: 1) выраженіе желанія, чтобы директоръ и инспекторъ занимались преподаваніемъ, для чего имъ предоставлялось право избрать въ какомъ-либо классѣ одинъ изъ учебныхъ предметовъ (§ 18 и 22); 2) постановленіе, чтобы въ каждомъ классѣ было не болѣе 40 учениковъ и 3) чтобы «ученики, пробывшіе два года въ одномъ классѣ и не оказавшіе удовлетворительныхъ успѣховъ, увольнялись изъ заведенія» (§ 63) [1]. Все прочее въ этомъ Уставѣ есть лишь повтореніе Устава 1828 г., въ иныхъ только выраженіяхъ.

7 лѣтъ спустя и этотъ Уставъ подвергся переработкѣ и въ передѣланномъ видѣ вышелъ подъ именемъ Устава 1871 года: съ небольшими измѣненіями онъ дѣйствуетъ до настоящихъ дней. Существенная отличительная черта его состоитъ въ томъ во 1-хъ, что онъ даетъ еще болѣе рѣшительный перевѣсъ преподаванію древнихъ языковъ въ гимназіяхъ, нежели Уставъ 1864 года, и въ этомъ отношеніи стоитъ очень близко къ Уставу 1828 г.; во 2-хъ, удержавъ дѣленіе среднихъ учебныхъ заведеній на два разряда, провелъ между ними рѣзкую грань, по одну сторону которой стоящіе молодые люди получили доступъ къ высшему обра-

[1]) Съ этою же цѣлью вскорѣ было издано распоряженіе, чтобы «ученики, имѣющіе 20-ти лѣтній возрастъ и неудостоиваемые ежегоднаго перехода изъ класса въ классъ, не оставались въ заведеніи». Цирк. 1865 г. № 4.

зованію (это—*классическія гимназіи*), а по другую—нѣть (*реальныя училища*); въ 3-хъ, директорамъ и инспекторамъ онъ вмѣнилъ въ непремѣнную обязанность преподавать тотъ или другой изъ предметовъ гимназическаго курса, по-преимуществу древніе языки и математику; наконецъ въ 4-хъ, онъ радикально измѣнилъ систему переводныхъ и выпускныхъ испытаній, на основаніи которой первыя стали производиться только въ IV-мъ классѣ (изъ всего пройденнаго въ теченіе 4-хъ лѣтъ), да въ VI-мъ (изъ курса V-го и VI-го кл.): выпускныя-же, названныя *испытаніями зрѣлости*, ограничены нѣсколькими предметами гимназическаго курса, что́ учащихся облегчило въ значительной степени.

Такимъ образомъ, въ продолженіе послѣднихъ 50 лѣтъ Кіевская 2-я гимназія на ряду съ другими пережила двѣ системы образованія: 1) по Уставу 1828 г., 2) по реформѣ 1849 г. и наконецъ 3) съ 1864 года вступила въ третій, современный намъ, фазисъ жизни, который можно назвать возвращеніемъ къ старымъ началамъ.

Останавливаясь на Уставахъ, мы желали раскрыть тѣ идеи, которыя въ разное время клались въ основу учебно-воспитательной жизни всѣхъ гимназій имперіи, въ томъ числѣ и Кіевской 2-й, образуя собою, такъ сказать, ихъ душу. Теперь мы постараемся познакомиться съ дѣятельностью высшей администраціи Министерства Народнаго Просвѣщенія и, главнымъ образомъ, съ распоряженіями Попечителей Кіевскаго Учебнаго Округа, потому что они, будучи посредниками между Министромъ и гимназіями, проводили въ нихъ требованія высшей власти, слѣдили за духомъ и направленіемъ ихъ, нерѣдко сами отъ себя дѣлали распоряженія и, если представлялась настоятельная нужда, переносили на высшее усмотрѣніе тѣ или другіе вопросы, выросшіе на почвѣ гимназій и ими возбужденные.

Въ періодъ времени отъ 1836 г. до конца 1848 г. Кіевскимъ Учебнымъ Округомъ управляли слѣд. Попечители:

1) Е. Ѳ. фонъ-Брадке (съ 14 дек. 1832 по 5 дек. 1838 г.).

2) С. И. князь Давыдовъ (съ 5 дек. 1838 по 13 іюня 1845 г.).

3) А. С. Траскинъ (съ 19 янв. 1846 по 18 нояб. 1848 г.).

Съ конца 1848 г. до изданія Устава 1864 г.—слѣд.:

1) Д. Г. Бибиковъ (генералъ-губернаторъ; съ 18 ноября 1848 г. по 1852 г.).

2) И. И. князь Васильчиковъ (также генералъ-губернаторъ; съ 18 ноября 1852 г. по 12 апрѣля 1856 г.).

3) Н. Р. Ребиндеръ (отъ 12 апрѣля 1856 по 18 іюля 1858 г.).

4) Н. И. Пироговъ (отъ 1858 г. по 13 марта 1861 г.).

5) А. П. баронъ Николаи (отъ 13 марта 1861 г. до 17 апр. 1862 г.).

6) Ѳ. Ѳ. Витте (отъ 17 апр. 1862 по 27 іюля 1864 г.).

Наконецъ, къ послѣднему періоду относятся:

1) А. П. князь Ширинскій-Шихматовъ (отъ 27 іюля 1864 по 15 мая 1867 г.).

2) П. А. Антоновичъ (съ февраля 1868 по 26 марта 1880 г.), а нынѣ этотъ постъ занимаетъ

3) С. П. Голубцовъ (съ 31 марта 1880 г.).

Наиболѣе обширная дѣятельность *по отношенію къ гимназіямъ* выпала на долю трехъ попечителей Кіевскаго Учебнаго Округа: фонъ-Брадке, Пирогова и кн. Ширинскаго-Шихматова. Если мы говоримъ такимъ образомъ, то это вовсе не значитъ, чтобы мы отрицали дѣятельность остальныхъ; совсѣмъ нѣтъ: мы хотимъ только сказать, что тремъ названнымъ попечителямъ свыше предоставлена была весьма сложная работа: первому и послѣднему—подробная организація гимназій, требовавшаяся въ свое время Уставами 1828-го и 1864-го годовъ, а Пироговъ самъ себѣ задалъ тяжкій трудъ реорганизаціи гимназій, какъ на основаніи Устава 1828 г., такъ и на основаніи требованій, выработанныхъ современною педагогикою, при чемъ онъ старался создать въ гимназіяхъ новое направленіе и сообщить имъ другой духъ.

Фонъ-Брадке предстояла трудная задача. Открывать въ губерніяхъ юго-западнаго края новую эру просвѣщенія было дѣло чрезвычайно важное, требовавшее не мало энергіи, не мало

труда. Нужно было ко всему самому присматриваться, во все вникать, всему давать внѣшній строй и порядокъ и, зорко слѣдя за теченіемъ жизни учебныхъ заведеній, укрѣплять въ нихъ то направленіе, которое наиболѣе соотвѣтствовало видамъ высшаго правительства. И фонъ-Брадке выполнилъ возложенное на него дѣло, если не совсѣмъ удачно, то во всякомъ случаѣ вполнѣ добросовѣстно, въ чемъ ему помогли нужныя для дѣлъ подобнаго рода качества человѣка и государственнаго дѣятеля. Какъ человѣкъ, онъ отличался деликатностью обращенія и доступностью, доставлявшими ему расположенность всякаго, кто только имѣлъ съ нимъ дѣло. По воскресеніямъ и другимъ праздникамъ онъ устраивалъ у себя собранія, на которыя приглашалъ учителей, студентовъ и даже гимназистовъ. «Рѣдкій праздникъ или воскресеніе учителя не обѣдали у него, а лучшіе ученики обѣихъ гимназій, по выбору директоровъ, не проводили вечера въ его домѣ [1]). Такое сближеніе открывало предъ нимъ широкое поле для близкаго ознакомленія какъ съ учащими, такъ и съ учащимися: онъ могъ узнавать ихъ умственныя силы, ихъ характеръ, душевное настроеніе и въ нужныхъ случаяхъ руководить ими. Представляя изъ себя живой образецъ неутомимой дѣятельности, онъ и въ другихъ умѣлъ цѣнить это качество. Зная это, всякій старался не отставать отъ него.

Таковъ былъ фонъ-Брадке, какъ человѣкъ; но добрыя качества, рисующія его благородную личность, остаются далеко назади его организаторскихъ способностей. Перечитывая его распоряженія, невольно удивляешься, до какихъ мелочей учебно-воспитательной жизни учебныхъ заведеній проникало его административное око, начиная съ Университета и кончая приходскимъ училищемъ. Правъ былъ покойный Слѣпушкинъ, когда сказалъ, что фонъ-Брадке «былъ по натурѣ организаторъ и устроитель. Вездѣ онъ вносилъ свое личное, живое участіе, наблюденіе и ободреніе. Всякой функціи столь сложнаго механизма, какъ учеб-

---

[1]) Слѣпушкинъ. Первые годы Кіев. 2-й гимн. стр. 24.

ное и воспитательное дѣло, онъ старался указать мѣсто, заставить ее совершаться въ тѣхъ формахъ и границахъ, которыя признавалъ лучшими. Во всѣхъ дѣлахъ, касающихся устройства училищъ, иниціатива исходила отъ него» [1]). Соглашаясь съ тѣмъ, что вообще дѣятельность фонъ-Брадке была плодотворна «и не только по мотивамъ, лежавшимъ въ ея основаніи, но и по обстоятельствамъ и нуждамъ времени», авторъ первыхъ годовъ Кіевской 2-й гимназіи въ то-же время не безъ основанія замѣчаетъ, что въ дѣятельности этой «было много регламентирующаго, подводившаго подъ правила такія явленія и отправленія учебной жизни, которыя подъ правила не укладываются, отчего иныя изъ его мѣръ оказывались на практикѣ невыполнимыми и невыдержавшими пробы времени». Дѣйствительно такъ; въ особенности это относится къ дисциплинарнымъ правиламъ, изъ коихъ одни даны въ руководство учителямъ, другія—такъ называемымъ инспекторскимъ помощникамъ, т. е. надзирателямъ за учащимися, иныя—репетиторамъ, носившимъ названіе домашнихъ смотрителей, и четвертыя, наконецъ, всѣмъ вообще ученикамъ. Къ сказанному нужно прибавить еще, что многія изъ его распоряженій отличались излишнею строгостью. Для примѣра приведемъ одно изъ нихъ: ученики не могли быть отпущены домой на вакаціи, Рождество Христово или Пасху, «если за время, предшествовавшее отпуску, въ среднемъ выводѣ имѣли менѣе *3* по успѣхамъ и поведенію, или *1* въ какомъ-либо предметѣ». Примѣненіе этого распоряженія на практикѣ оказывалось весьма неудобнымъ, потому что влекло за собою со стороны учащихся весьма крупный проступокъ со всѣми его печальными послѣдствіями, а именно: самовольную отлучку изъ города. Не меньшею строгостью отзывается его представленіе къ Министру о томъ, чтобы тѣлесное наказаніе, разрѣшенное Уставомъ только для учениковъ низшихъ классовъ, было распространено и на высшіе [2]). Согласился-ли

---

[1]) Тамъ-же, стр. 8.

[2]) Сбор. Распор. ч. II. 1 март 1838 г.).

Министръ съ этимъ представленіемъ, не знаемъ; знаемъ только изъ практики Кіевской 2-й гимназіи, что мѣра эта иногда приводилась въ исполненіе, но обыкновенно только послѣ заявленія родителей, что они не будутъ въ претензіи.

Такъ какъ правила, о которыхъ сейчасъ упомянуто, имѣли силу, обязательную и для Кіевской 2-й гимназіи, то мы не можемъ не ознакомиться съ ними [1]). Начнемъ съ тѣхъ, которыя даны въ руководство учителямъ. Они требовали слѣд.:

1) Ученики первыхъ трехъ классовъ гимназій собираются въ классы за 10 минутъ до начала ученія и, привѣшавъ свои шинели и шапки къ особо устроеннымъ въ каждомъ классѣ вѣшалкамъ, становятся въ двѣ шеренги, одна отъ другой на нѣкоторомъ разстояніи.

2) Учители первыхъ часовъ сихъ классовъ должны быть въ оныхъ также за 10 минутъ до открытія ученія и предъ начатіемъ онаго осматриваютъ выстроенныхъ въ шеренги учениковъ, опрятно-ли они одѣты, выстрижены-ли волосы, [2]) вымыто-ли лице и руки, ибо чистота и опрятность должны составлять одно изъ свойствъ хорошаго ученика и пріученіе къ онымъ впослѣдствіи пріобрѣтетъ училищному начальству искреннюю ихъ благодарность.

3) По колокольному звону, обозначающему начатіе ученія, ученики каждаго изъ сихъ классовъ по приказанію учителя садятся на свои мѣста.

4) Ученики IV, V, VI и VII классовъ... равномѣрно собираются въ оные за нѣсколько минутъ до открытія ученія, садятся на свои мѣста... и сами имѣютъ попеченіе объ опрятности; но тѣмъ не менѣе г.г. учители въ случаѣ, если бы ими были усмотрѣны неопрятно одѣтые ученики, имъ сіе замѣчаютъ.

5) Опрятность учениковъ записывается въ особой графѣ класснаго журнала.

---

[1]) Нѣкоторыя изъ нихъ напечатаны въ извѣстномъ уже намъ трудѣ Михалевича.

[2]) См. объ этомъ-же предметѣ Сбор. Расп. т. II, стр. 257.

6) Ученики разсаживаются въ классѣ «по общей сложности ихъ успѣховъ во всѣхъ предметахъ». Разсадка производится каждую четверть года.

7) Для слабыхъ учениковъ... первыхъ трехъ классовъ гимназій имѣть особыя скамейки; я возлагаю на г.г. учителей на сихъ учениковъ обратить особенное вниманіе.

8) Ежедневно во всѣхъ классахъ ученіе начинается молитвою, произносимою громко однимъ изъ учениковъ. Учители имѣютъ наблюденіе, чтобы во время сей молитвы всѣ ученики соблюдали должное благоговѣніе, и внушаютъ имъ, что безъ помощи Господа Бога.... и всѣ усилія ихъ къ образованію себя останутся тщетными....

9) Учители наблюдаютъ и отвѣтствуютъ, чтобы во время преподаванія и въ промежутокъ между ученіемъ въ классахъ ихъ было тихо и пристойно.

10) По окончаніи классовъ каждый учитель, выстроивъ свой классъ попарно, ведетъ оный до училищнаго двора и отвѣчаетъ за то, чтобы во время нахожденія учениковъ въ училищѣ и училищномъ дворѣ не могло произойти какихъ шалостей. При приходѣ и выходѣ учениковъ изъ классовъ въ гимназіяхъ инспекторъ всегда обязанъ присутствовать.

11) Учители озабочиваются учредить преподаваніе такимъ образомъ, чтобы ученики были вынуждены обращать полное свое вниманіе на ученіе и чтобы малѣйшее ихъ отъ сего уклоненіе могло быть тотчасъ замѣчено, и изыскиваютъ средства къ среднему испытанію возможно большаго числа учениковъ; сіе въ особенности относится къ ученикамъ... первыхъ трехъ классовъ.

12) Въ каждомъ классѣ имѣть особую книгу (для записыванія времени прихода и ухода учителя изъ класса и его занятій съ учениками).

13) Здѣсь повторяются требованія Устава.

14) Инспекторъ гимназіи по прошествіи каждыхъ трехъ мѣсяцевъ, основываясь на аттестаціи учителей въ ежемѣсячныхъ рапортахъ и собственныхъ своихъ наблюденіяхъ, составляетъ списокъ воспитанниковъ, удостоиваемыхъ къ полученію одобритель-

ныхъ билетовъ (за отличное поведеніе и успѣхи въ наукахъ). Списокъ сей разсматривается въ Совѣтѣ гимназій и утверждается директоромъ. Билеты выдаются три раза въ годъ: 1-го декабря, 1-го марта и 1 іюня.

15) Въ сіе время билеты выдаютъ ученикамъ лѣнивымъ и дурного поведенія, коими ихъ родители или заступающіе мѣста оныхъ извѣщаются о ихъ проступкахъ, въ прочтеніи коихъ ученики обязаны приносить отъ нихъ росписки.

Въ заключеніе обращается вниманіе учителей на поведеніе учениковъ внѣ гимназіи, «дабы чрезъ неприличное поведеніе ихъ не могла пострадать честь училища». Вскорѣ эти правила оказались такимъ тяжелымъ бременемъ для тѣхъ, на кого были возложены, что пришлось подумать объ учрежденіи отдѣльнаго надзора въ лицѣ надзирателей, на что по представленію фонъ-Брадке и послѣдовало Высочайшее повелѣніе [1]). На нихъ-то и возложена была бо́льшая часть вышеупомянутыхъ обязанностей.

Кромѣ надзора за порядкомъ въ гимназіи, надзиратели обязаны были имѣть бдительный надзоръ за учениками внѣ ея. Въ чемъ долженъ былъ состоять этотъ надзоръ, указано опять-таки правилами. По этимъ правиламъ «въ помощники инспектора избираются люди, по своей нравственности, поведенію и образу мыслей совершенно надежные и извѣстные училищному начальству. Желательно, чтобы они имѣли извѣстную степень образованія, дабы и съ сей стороны внушали ученикамъ уваженіе и довѣренность (§ 3). Всѣ вольноприходящіе ученики гимназіи раздѣляются на отдѣленія соотвѣтственно числу помощниковъ и расположенію ученическихъ квартиръ въ городѣ (§ 5). Каждое изъ отдѣленій по назначенію директора гимназіи поручается наблюденію помощника инспектора и однажды сдѣланное распоряженіе безъ желанія самихъ помощниковъ измѣняемо быть не можетъ (§ 6). Помощники инспекторовъ, получа списокъ учениковъ,

---

[1]) Сбор. Пост. т. II, отд. 1. Нужно замѣтить, что эти правила во всемъ ихъ объемѣ не коснулись учителей Кіев. 2-й гимназіи, потому что при своемъ открытіи она имѣла уже трехъ надзирателей.

надзору ихъ ввѣряемыхъ, съ обозначеніемъ квартиръ, собираютъ объ нихъ самое подробное свѣдѣніе, а именно: объ образѣ жизни и нравственности ихъ хозяевъ и о надзорѣ, учрежденномъ отсутствующими родителями надъ ихъ дѣтьми, посему и домашніе репетиторы подлежатъ ихъ наблюденію. На основаніи сихъ замѣчаній училищное начальство принимаетъ свои мѣры (§ 7). Помощники инспекторовъ обязаны каждые два дня обойти всѣ квартиры учениковъ ввѣреннаго имъ отдѣленія, а учениковъ неблагонадежнаго поведенія навѣщать ежедневно или и нѣсколько разъ въ день въ разную пору (§ 8). При посѣщеніи квартиръ они обязаны наблюдать:

а) образъ жизни учениковъ, т. е. распредѣленіе ихъ времени, которое по возможности должно сближаться съ предписаннымъ для пансіонеровъ гимназіи въ § 254-мъ Устава 1828 года[1]);

б) осматривать квартиры въ отношеніи чистоты и опрятности, осматривать шкафы и сундуки учениковъ, дабы удостовѣриться, въ порядкѣ-ли и чистотѣ содержатъ они свои вещи;

в) строго вникать, не предаются-ли ученики какимъ-либо порочнымъ склонностямъ, или шалостямъ, и въ семъ отношеніи освѣдомляться у хозяевъ учениковъ и разслѣдовать ихъ жалобы;

г) запрещать курить трубки, играть въ карты, держать огнестрѣльное оружіе, читать безполезныя, а тѣмъ паче вредныя для юношества книги, которыя немедленно отбирать и вручать родителямъ или представить инспектору;

---

[1]) Вотъ что написано въ этомъ §: „Распредѣленіе времени и занятій воспитанниковъ предоставляется усмотрѣнію Начальства. Но однакоже для сего установляются слѣд. общія правила: въ 5 или $5^1/_2$ ч. утра воспитанники встаютъ и къ 6 часамъ собираются на молитву. Время до 9 ч. опредѣляется на завтракъ и приготовленіе къ классамъ. Отъ 9 до 12 продолжается ученіе въ классахъ, отъ 12 до 1 часу—отдыхъ, музыка, или гимнастическія упражненія. Отъ 1 часу до 3-хъ обѣдъ, отдыхъ и приготовленіе къ классамъ. Отъ 3 до 6—снова ученіе въ классахъ. Отъ 6 до $6^1/_2$—отдыхъ. Отъ $6^1/_2$ до 8—повтореніе уроковъ. Отъ 8 до $9^1/_2$—ужинъ и отдыхъ, послѣ котораго воспитанники собираются на вечернюю молитву“ и ложатся спать. (Сбор. Пост. т. II, отд. 1, стр. 196).

д) осматривать тетради и бумаги учениковъ и все, что при семъ осмотрѣ найдено будетъ непозволеннаго или подозрительнаго, отбирать и представлять инспектору;

е) запрещать ученикамъ составлять между собою сходбища, или общества, подъ какимъ-бы предлогомъ оныя не собирались. Запрещать ученикамъ излишнюю переписку между собою, составленіе какихъ-либо періодическихъ листовъ, подписокъ, лотерей, театральныя представленія или игры, составляющія подражаніе происшествіямъ гражданскаго или политическаго общества;

ж) запрещать лакомства и мотовство и одобрять полезнѣйшее употребленіе денегъ;

з) выдавать ученикамъ билеты на необходимую отлучку изъ квартиры, или позволять брать такіе отъ благонадежныхъ репетиторовъ; и отлучку безъ сихъ билетовъ взыскивать (§ 9)[1]).

и) ученики одного отдѣленія, особенно имѣющіе родственниковъ, буде близость мѣста и время года позволяетъ, собираются въ воскресные и праздничные дни въ одну церковь, гдѣ бываетъ помощникъ и наблюдаетъ за ихъ благоговѣніемъ и порядкомъ (§ 10). Помощникъ инспектора наблюдаетъ, дабы ученики не посѣщали трактировъ, питейныхъ домовъ, кондиторскихъ и, буде застанутъ ихъ тамъ, немедленно представляютъ инспектору. Они наблюдаютъ, дабы посѣщающіе театры имѣли на то дозволеніе директора, а бывающіе на публичномъ гуляньѣ или встрѣчаемые ими на улицахъ—записки своихъ репетиторовъ. Помощникъ инспектора наблюдаетъ, чтобы ученики всюду были въ форменномъ платьѣ и чисто одѣты (§ 11). Помощники инспектора могутъ быть по очереди назначаемы къ присутствованію въ гимназіи, гдѣ обязанностью ихъ есть набюдать за поведеніемъ учениковъ при выходѣ изъ классовъ и смѣнѣ учителей (§ 12). Помощники ведутъ журналъ своихъ дѣйствій, въ который заносятъ каждую недѣлю замѣчанія свои о поведеніи ввѣренныхъ имъ учениковъ и всѣ необыкновенныя происшествія (§ 13). Они обязаны ежедневно

[1]) Лѣтомъ отлучка разрѣшалась до 9 ч. вечера, а зимою до 8 ч. (Слѣпуш. стр. 19).

рапортовать инспектору о состояніи учениковъ ввѣреннаго имъ отдѣленія относительно ихъ поведенія. О происшествіяхъ же необыкновенныхъ доносятъ немедленно (§ 14). Ежедневно инспекторъ даетъ помощникамъ записки о небывшихъ въ классахъ ученикахъ ихъ отдѣленій и объ опоздавшихъ. Помощникъ изслѣдываетъ причины того и другого и доноситъ на слѣдующій-же день инспектору (§ 15). Помощники инспектора не имѣютъ права сами подвергать учениковъ наказаніямъ, предоставленнымъ по уставу инспекторамъ гимназій или Педагогическому Совѣту. Замѣтивъ шалости, безпорядокъ или нерадѣніе, не столь важныя, чтобы объ оныхъ нужно было доводить до свѣдѣнія инспектора, помощникъ дѣлаетъ ученику выговоръ. Онъ обязанъ равно выслушивать жалобы учениковъ и въ разборахъ ихъ всегда обвинять самоуправство и нарушеніе права собственности (§ 16). Главная обязанность его, какъ выше видно, есть извѣстность обо всѣхъ ученикахъ своего отдѣленія и неупустительное донесеніе инспектору. Впрочемъ, онъ долженъ стараться дѣйствовать на учениковъ силою убѣжденія и примѣра, пользуясь всякимъ случаемъ для внушенія юношамъ духа благочестія, правилъ нравственности христіанской, покорности властямъ, любви къ Россіи и ея государственнымъ установленіямъ» (§ 17).

Подобныя-же правила составлены были и для репетиторовъ. Вотъ они:

1) Домашніе смотрители (т. е. репетиторы) находятся при ученикахъ неотлучно и объясняютъ то, чего они не понимаютъ.

2) Въ 8 ч. домашній смотритель выслушиваетъ ихъ уроки, и въ $8^1/_2$ ч., послѣ завтрака, осмотрѣвши прежде, имѣютъ-ли они все нужное для лекцій и въ надлежащей-ли находятся опрятности, идетъ съ ними въ гимназію, въ должномъ порядкѣ.

3) Въ 12 ч. утра каждый домашній смотритель собираетъ на дворѣ гимназіи своихъ учениковъ и ведетъ ихъ въ квартиру, гдѣ послѣ обѣда даетъ имъ на полчаса свободу при своемъ надзорѣ, а потомъ заставляетъ ихъ приготовлять свои послѣобѣденные уроки до 2-хъ часовъ, послѣ чего, прослушавъ ихъ и осмо-

трѣвъ, все-ли они имѣютъ нужное для лекцій, идетъ съ ними въ гимназію.

4) Въ 6 ч., по выходѣ изъ класса, домашній смотритель, приведши въ свою квартиру учениковъ, даетъ имъ полчаса на отдохновеніе, послѣ объясняетъ имъ заданные въ сей день уроки и заставляетъ ихъ учить сіи уроки въ его присутствіи до 8 ч. вечера.

5) Согласно § 254 Устава отъ 8 до $9^1/_2$ ч. назначается на ужинъ и отдыхъ, послѣ котораго уже собираются ученики на молитву, которую произносятъ всѣ вмѣстѣ, и ложатся спать.

6) Въ праздничные и воскресные дни въ $7^1/_2$ ч. по звону колокольчика всѣ домашніе смотрители съ своими учениками идутъ въ гимназію, откуда очередной учитель, выстроивъ всѣхъ по классамъ, идетъ съ ними въ церковь; изъ оной возвращаются всѣ опять въ гимназію, и оттуда каждый домашній смотритель ведетъ своихъ учениковъ въ квартиру.

7) Послѣобѣденное время въ воскресеніе предоставляется имъ для прогулки или добровольныхъ занятій подъ надзоромъ смотрителей. Повтореніе же пройденнаго въ теченіе недѣли должно происходить въ извѣстные сроки, по назначенію учителя, и чтобы сіе повтореніе повѣряемо было самимъ учителемъ въ классѣ.

8) Если-бы кто изъ учениковъ пожелалъ куда отлучиться, то отпускаемому съ квартиры ученику смотритель даетъ билетъ, а неблагопадежнаго поведенія учениковъ отпускать не иначе, какъ со старшимъ, или служителемъ.

9) Частыя отлучки домашняго смотрителя безъ особенной надобности будутъ рекомендовать его предъ начальствомъ невыгоднымъ образомъ и даже могутъ лишить его права имѣть надзоръ надъ учениками.

10) Если найдено будетъ, что ученики не со всею точностью занимаются по предписаннымъ здѣсь правиламъ и отступаютъ отъ нихъ для какихъ либо частныхъ занятій, то домашніе смотрители и содержатели подвергаются строгой отвѣтственности.

11) Всѣ мелочныя надобности для учениковъ по части ихъ занятій подлежатъ заботливости домашняго смотрителя, который обязанъ отдать во всемъ вѣрный отчетъ родителямъ ихъ.

12) Въ праздничные дни дозволяется сходиться на квартиру одного изъ смотрителей ученикамъ, между собою въ родствѣ состоящимъ.

13) Неисправности учениковъ, найденныя въ классѣ учителемъ...., будутъ поставлены на видъ домашнимъ смотрителямъ и содержателямъ квартиръ, и если въ семъ отношеніи одни выговоры учителей отдѣленія не будутъ достаточны для исправленія, то подавать о семъ формальные рапорты.

14) Домашніе смотрители, приведя въ извѣстность деньги и вещи учениковъ, имѣютъ имъ вѣрную опись, требуя впрочемъ, чтобы ученики наблюдали за цѣлостью своего имущества сами.

15) Ученикамъ совершенно воспрещается дѣлать долги или продавать свои вещи, а найденныя они должны немедленно доставить въ дирекцію.

16) Домашніе смотрители обязаны наблюдать, чтобы ученики имѣли у себя всѣ учебныя книги, и доносить учителю.... о тѣхъ, кои не имѣютъ оныхъ.

17) Смотрители обязаны не только наблюдать за чистотою и возобновленіемъ воздуха въ комнатахъ, но и вообще должны неослабно стараться отвращать все то, что здоровью учениковъ могло-бы быть вреднымъ.

18) Всякая переписка учениковъ должна быть извѣстна домашнимъ смотрителямъ, кромѣ переписки съ родителями, опекунами или старшими родственниками [1]).

Независимо отъ этихъ правилъ, были составлены еще особенныя, касавшіяся всѣхъ вообще учениковъ и подробно указывавшія, какъ именно должны были вести себя ученики въ классѣ и на улицѣ и какой, въ случаѣ ослушанія, подвергались отвѣтственности. Классная дисциплина требовала, чтобы ученики сидѣли прямо, не облокачиваясь, въ застегнутыхъ на всѣ пуговицы сюртукахъ, или мундирахъ, неподвижно, каждый на отведенномъ

[1]) Правила эти съ ничтожными измѣненіями были приняты впослѣдствіи къ руководству въ общихъ ученическихъ квартирахъ и почти въ томъ-же видѣ существуютъ въ нихъ до настоящаго времени.

ему мѣстѣ. На улицѣ, при встрѣчѣ съ своимъ начальствомъ и учителями, «они должны были снимать фуражки и, вытянувшись прямо, проходить мимо». Тоже самое требовалось отъ нихъ при встрѣчѣ съ генералами, какъ военнаго, такъ и гражданскаго вѣдомства, и другими почетными лицами[1]). Само собою разумѣется, что на улицу они должны были выходить не иначе, какъ одѣтыми по формѣ и застегнутыми не только на всѣ пуговицы, но и на крючки, бывшіе у воротника. «Для содѣйствія инспектору, учителямъ и надзирателямъ изъ отличнѣйшихъ учениковъ избирались старшіе въ высшихъ четырехъ классахъ и помощники ихъ въ низшихъ трехъ». На обязанности ихъ лежало «наблюдать за порядкомъ и тишиною въ классѣ, соблюденіемъ приличія и формы впѣ онаго, вести классный журналъ, сопровождать учениковъ въ церковь, доносить о всемъ замѣченномъ инспектору» и т. д. Изъ нихъ назначались дежурные по гимназіи, коихъ обязанность состояла въ содѣйствіи дежурному надзирателю въ наблюденіи за выходомъ учениковъ въ порядкѣ. Ими обыкновенно, въ небытность учителя въ какомъ-нибудь классѣ, замѣщались свободные часы. Они отличались отъ остальныхъ учениковъ нашивками на плечахъ[2]) и могли быть наказаны только инспекторомъ или директоромъ.

---

[1]) Сбор. Расп. т. II, стр. 61.

[2]) Кстати, объ ученической формѣ того времени въ Кіевскихъ гимназіяхъ. Она была двухъ родовъ: парадная и обыкновенная. Парадная состояла изъ мундира темносиняго сукна съ краснымъ воротникомъ, украшеннымъ двумя петлицами (во 2-й гимназіи серебряными); онъ былъ фрачнаго покроя, однобортный, застегивался спереди на 9 пуговицъ. Обыкновенная форма требовала, чтобы сюртукъ изъ такого-же сукна тоже съ стоячимъ краснымъ воротникомъ былъ двубортный съ 6-ю пуговицами въ два ряда. Пуговицы были плоскія, золоченыя съ гербомъ Кіев. губ. Брюки изъ того же сукна съ фартухомъ (лѣтомъ сѣрыя нанковыя). Шинели сѣрыя также съ стоячимъ краснымъ воротникомъ. Фуражки съ такимъ же краснымъ околышкомъ и съ бѣлою выпушкою. Указомъ 1840 г. синій цвѣтъ сюртуковъ и мундировъ

Вотъ до какихъ подробностей доведены были правила относительно внѣшняго порядка въ учебныхъ заведеніяхъ Округа въ концѣ 30-хъ годовъ. Обязанныя своимъ происхожденіемъ первому Попечителю, они держались очень долго, пока требованія времени не исключили изъ нихъ все, что было лишнимъ, а лишняго въ нихъ много. При всемъ томъ нельзя сомнѣваться, что рукой, чертившей эти правила, управляло доброе намѣреніе оградить молодой возрастъ отъ всякаго рода вредныхъ для него увлеченій и воспитать въ немъ благородныя, нравственныя привычки. Къ сожалѣнію, составитель правилъ слишкомъ вѣрилъ въ спасительное дѣйствіе предупредительныхъ полицейскихъ мѣръ и упустилъ изъ виду, что въ дѣлѣ воспитанія онѣ имѣютъ лишь второстепенное значеніе. При составленіи всѣхъ этихъ правилъ забыта дѣтская, да и не одна дѣтская, а вообще человѣческая природа, которая не можетъ примириться съ требованіями, отнимающими у нея всякую свободу дѣйствія и не оставляющими ей никакого простора, а правила фонъ-Брадке грѣшатъ именно этимъ: они отдаютъ густымъ запахомъ милитаризма и, какъ увидимъ ниже, породили цѣлый рядъ ученическихъ проступковъ. Тяжесть этихъ правилъ усиливалась еще отъ того, что въ рукахъ часто не-безкорыстныхъ блюстителей внѣшняго порядка они обращались въ источникъ мелкихъ придирокъ къ ученикамъ и вмѣсто порядка нерѣдко вносили въ учебное заведеніе безпорядокъ, безъ надобности увеличивая количество крупныхъ ученическихъ проступковъ.

Если обратимся теперь къ учебной части и къ устройству, данному ей фонъ-Брадке, то и здѣсь мы увидимъ, какъ его бдительное око старалось не упустить ничего, что такъ или иначе могло, по его понятію, способствовать, съ одной стороны, точному исполненію требованій Устава, съ другой—возможно болѣе успѣшному веденію гимназическаго образованія. Съ этою цѣлью «еще въ Октябрѣ 1836 года къ директору 2-й Гимназіи препровождены были печатныя табели росписанія учебныхъ предметовъ съ по-

---

былъ замѣненъ темнозеленымъ. (Сбор. Пост. т. II отд. 2). Ученикамъ же общихъ квартиръ, которыя были учреждены при 2-й Гим. въ 1840 г., дозволялось носить куртки съ стоячимъ краснымъ воротникомъ.

казаніемъ объема, въ какомъ каждый учебный предметъ долженъ быть въ каждомъ классѣ преподаваемъ, и съ указаніемъ книгъ, одобренныхъ высшимъ начальствомъ и предписанныхъ къ руководству при преподаваніи, а также съ означеніемъ книгъ и тетрадей, какія каждый ученикъ имѣть долженъ». По поводу этихъ таблицъ въ циркулярѣ сказано, что онѣ вводятся «для поставленія въ точную извѣстность воспитанниковъ, ихъ родителей и родственниковъ о томъ, что въ каждомъ классѣ проходится, о потребныхъ для нихъ книгахъ и цѣнѣ оныхъ и о нужныхъ для нихъ классныхъ тетрадяхъ и дабы ввести единообразный порядокъ классическаго (т. е. класснаго) преподаванія». Таблицы эти продавались каждому ученику по 20 коп. мѣдью за экземпляръ (такса, установленная Попечителемъ) [1]) и кромѣ того вывѣшивались въ каждомъ классѣ на стѣнѣ «въ приличной рамѣ». Въ концѣ таблицъ сдѣланы были слѣд. примѣчанія: 1) «книги и тетради должны быть содержимы въ чистотѣ и на оборотѣ подписано о ихъ содержаніи и кому онѣ принадлежатъ; 2) тетради для упражненій и переписыванія уроковъ должны быть въ четвертку, для вокабуловъ—въ восьмушку, для чистописанія и рисованія—въ листъ. Во всякой тетради долженъ находиться листъ пропускной бумаги» [2]). Разсылая таблицы по гимназіямъ Округа, Попечитель предписывалъ «принять сіи таблицы во всемъ, въ нихъ означенномъ, къ неизмѣнному руководству и ни подъ какимъ предлогомъ не дѣлать противъ нихъ ни малѣйшаго измѣненія какъ относительно росписанія и объема преподаваемыхъ предметовъ, такъ и въ отношеніи употребляемымъ книгамъ, цѣнѣ ихъ и опредѣляемымъ для ученико[illegible] тетрадямъ» [3]). Руководства,

---

[1]) Бѣдные ученики получали ихъ даромъ. Каменецъ-Подольская гимназія стр. 35.

[2]) Въ I-мъ кл. такихъ тетрадей положено 6, во II-мъ 8, въ III-мъ и IV-мъ по 16, въ V-мъ и VI-мъ 15 и въ VII-мъ 10.

[3]) Что по этимъ табелямъ должно было изучать въ каждомъ классѣ, увидимъ послѣ.

означенныя въ табеляхъ, были обязательны [1]). Одновременно съ этимъ были изданы правила о письменныхъ упражненіяхъ учениковъ [2]).

Изъ всѣхъ, указанныхъ въ гимназическомъ курсѣ предметовъ, наибольшую, повидимому, заботу начальство обращало на русскій языкъ. Это можно видѣть, во 1-хъ, изъ того, что еще въ 1832 г. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта положено «сообщить Министру Нар. Пр. о принятіи мѣръ на счетъ усиленія русскаго языка въ училищахъ западныхъ губерній» [3]), во 2-хъ, что «за совершенное знаніе русскаго языка и превосходнѣйшіе успѣхи въ Россійской Словесности» воспитанники гимназій югозападнаго края награждались чиномъ XIV класса [4]), и въ 3-хъ, изъ правилъ, изданныхъ Окружнымъ начальствомъ о литературныхъ чтеніяхъ учениковъ трехъ высшихъ классовъ изъ образцовыхъ произведеній русской литературы, которыя долженъ былъ вести учитель Словесности [5]).

Первому Попечителю принадлежитъ ходатайство, во 1-хъ, объ измѣненіи таблицы недѣльныхъ уроковъ Устава 1828 г. въ пользу изученія математики и новыхъ языковъ и, во 2-хъ, о перенесеніи переводныхъ и окончательныхъ испытаній на предканикулярное время. Уставомъ 1828 г. французскій языкъ изъ трехъ низшихъ классовъ былъ совершенно исключенъ и, начиная съ IV класса, ученики изучали или одинъ французскій, или одинъ нѣмецкій языкъ, смотря по заявленному желанію. Считая изученіе обоихъ новыхъ языковъ существенно необходимымъ и полагая, что число часовъ для математики слишкомъ недостаточно ($22^1/_2$), фонъ-Брадке испросилъ разрѣшеніе сократить во 2-й Гим-

---

[1]) Сбор. Расп. т. II стр. 100.

[2]) Дѣло 1838 г. № 716.

[3]) Сбор. Пост. т. II отд. 1 стр. 389.

[4]) Тамъ-же стр. 512.

[5]) У Михалевича прилож. 16.

назіи уроки по многимъ предметамъ и усилить преподаваніе новыхъ языковъ и математики. Такимъ образомъ въ Кіевской 2-й Гимназіи полагалось на латинскій языкъ не 39 ч. въ недѣлю, а 34½ ч., на греческій—не 30 ч., а 22½ ч., на Законъ Божій—не 16½ ч., а 15 ч., на исторію—не 19½, а 18 ч., на географію со статистикою—не 15, а 13½ ч., на чистописаніе, черченіе и рисованіе—не 30, а 25½ ч.; въ общей сложности отъ этихъ предметовъ отнято 14 уроковъ, или 21 ч., которые прибавлены къ математикѣ (4 урока или 6 ч.) и къ новымъ языкамъ (10 ур. или 15 ч.), которые съ тѣхъ поръ стали преподаваться оба и во всѣхъ классахъ. Кромѣ того, по представленію фонъ-Брадке, греческій языкъ сдѣланъ необязательнымъ. По Уставу 1828 г. испытанія должны были производиться послѣ каникулъ. Фонъ-Брадке совершенно основательно находилъ, что «такое назначеніе имѣетъ, между прочимъ, слѣд. главныя неудобства: 1) только ученики высшихъ классовъ... во время вакацій могутъ приготовлять себя къ испытанію, не развлекаясь разсѣяніями домашней жизни и удовольствіемъ находиться въ кругу ближайшихъ своихъ родныхъ, а ученики низшихъ классовъ нерѣдко являются къ испытанію послѣ вакацій мало къ нему приготовленные; 2) едва-ли, собственно для здоровья дѣтей, не нуженъ опредѣленный для вакацій мѣсячный отдыхъ....; укрѣпляя физическія ихъ силы, онъ усилитъ и охоту къ классическимъ занятіямъ; 3) ..... воспитанники VII кл. не могутъ явиться къ испытанію въ Университетъ въ назначенное время, ибо лекціи въ немъ по Уставу начинаются 22 Іюля», а окончательное испытаніе и торжественный актъ въ гимназіяхъ происходятъ въ теченіе августа. Министръ согласился съ тою только частью представленія фонъ-Брадке, которая касалась учениковъ VII класса, а въ остальныхъ классахъ испытаніе оставилъ на прежнемъ основаніи. Сообразуясь съ этимъ распоряженіемъ, въ апрѣлѣ 1837 г. Попечитель писалъ директорамъ гимназій, чтобы, начиная съ этого года, вакаціи продолжались съ 22 іюня по 22 іюля, окончательныя испытанія производились до каникулъ, а ученикамъ прочихъ шести классовъ отъ 22 іюля до 6 августа «производились репетиціи въ обыкновенное, для клас-

совъ назначенное, время, и затѣмъ начинались-бы годичные экзамены, оканчивающіеся торжественнымъ актомъ» [1]).

Вмѣстѣ съ симъ были изданы правила относительно оцѣнки ученическихъ познаній, переводныхъ и окончательныхъ испытаній, и составлены были *вопросы испытанія*, т. е. подробныя по каждому предмету программы [2]). Важно также распоряженіе, касающееся дальнѣйшей судьбы окончившихъ гимназію, а именно: «ученики, получившіе аттестатъ съ отмѣткою, въ поведеніи не менѣе *3*, при поступленіи въ Университетъ освобождаемы были отъ вторичнаго въ немъ экзамена». Правда, мѣра эта была исключительною, а не общею; она примѣнялась всякій разъ по особому представленію Попечителя съ разрѣшенія Министра и смотря по степени довѣрія, заслуженнаго гимназіею, но тѣмъ не менѣе практиковалась.

Весьма любопытны нѣкоторыя оригинальныя особенности стараго времени. Это—во 1-хъ, особенное расположеніе уроковъ по новымъ языкамъ, во 2-хъ, пріемъ въ Университетъ нѣкоторыхъ учениковъ VI класса и, въ 3-хъ, переводъ въ высшій классъ не въ очередь. Росписаніе уроковъ по новымъ языкамъ слѣдовало составлять такъ, чтобъ иные ученики высшихъ классовъ могли бывать на этихъ урокахъ вмѣстѣ съ учениками низшихъ классовъ, и наоборотъ. Дѣло въ томъ, что по всѣмъ другимъ предметамъ можно было считаться ученикомъ высшаго класса, а по новымъ языкамъ—состоять въ низшемъ, и обратно. Раздѣленные по новымъ языкамъ на 6 классовъ, ученики размѣщались такимъ образомъ, «чтобы ученики первыхъ трехъ классовъ не были по языкамъ выше третьяго, а ученики послѣднихъ четырехъ классовъ—ниже четвертаго». Мѣра эта введена, по словамъ Попечителя, для того, «чтобы ученики, поступающіе въ гимназію съ предварительными знаніями въ новыхъ языкахъ, были помѣщены въ классы, соотвѣтственные ихъ познаніямъ». Такое положеніе дѣлъ продолжалось до Ноября 1838 г. [3]).

---

[1]) Сбор. Расп. ч. 2 (15 апрѣля 1837 г.) и Дѣло 1837 г. № 29.

[2]) Правила объ испытаніяхъ и вопросы испытанія были введены въ видѣ опыта на четыре года, но продержались гораздо долѣе.

[3]) Проток. Совѣта за 1838 г.

Переводъ ученика не въ очередь, а съ перескакиваніемъ черезъ классъ, нужно понимать въ томъ смыслѣ, что ученикъ, напр., 4-го класса могъ удостоиться перевода прямо въ 6-й, минуя 5-й; но при этомъ соблюдались извѣстныя правила, состоявшія, во 1-хъ, въ томъ, что такой переводъ могъ производиться не иначе, какъ въ началѣ учебнаго года и при томъ ученикамъ, «которые имѣютъ возрастъ, соотвѣтственный классу, въ какой кто поступить желаетъ», во 2-хъ, что такой ученикъ долженъ имѣть «на годичномъ испытаніи въ предметахъ класса, въ коемъ состоялъ, и въ поведеніи не менѣе $^{8}/_{9}$ полныхъ балловъ», въ 3-хъ, что онъ долженъ обнаружить «по всѣмъ предметамъ класса, въ который поступить желаетъ, въ присутствіи Педагогическаго Совѣта, знанія совершенно удовлетворительныя. Правомъ такого перехода черезъ классъ ученики могли пользоваться только разъ въ теченіе гимназическаго курса». Такой переводъ учениковъ, минуя одинъ классъ, вслѣдствіе распоряженія Министра 10 ноября 1839 г., былъ прекращенъ [1]).

Выпускъ изъ VI класса гимназіи въ Университетъ былъ разрѣшаемъ «только тѣмъ ученикамъ, которые, имѣя не менѣе 16 лѣтъ и при переводахъ изъ низшаго класса въ высшій, не миновавъ прежде ни одного класса гимназіи, получали при годичномъ испытаніи не менѣе $^{8}/_{9}$ полныхъ шаровъ. Свѣдѣнія о такихъ ученикахъ сообщались ректору Университета». Означенная мѣра существовала, впрочемъ, весьма не долго, такъ какъ въ томъ-же (1837) году послѣдовало распоряженіе Министерства принимать въ Университетъ съ 1839 года только кончившихъ гимназію, а до того учениковъ, не кончившихъ полнаго курса, допускать къ экзамену въ Университетъ только по истеченіи времени равнаго тому, какое-бы имъ слѣдовало еще провесть въ гимназіяхъ для окончанія полнаго курса [2]).

Вотъ все, что намъ казалось нужнымъ привести здѣсь, чтобъ показать, какъ подъ вліяніемъ фонъ-Брадке должно было совершаться начальное теченіе жизни Кіевской 2-й гимназіи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) См. Цирк. за 1839 г.

[2]) Сбор. Расп. т. II. стр. 237.

Къ вопросу о реформѣ оффиціальной статистики.

(Преимущественно по даннымъ юго-западнаго края).

II.

Краткое резюме предыдущей главы. Состояніе оффиціальной статистики десятки лѣтъ назадъ и теперь. Задачи и цѣли существованія оффиціальныхъ статистическихъ органовъ по Положенію о Губернскихъ Статистическихъ Комитетахъ. По скольку эти задачи и цѣли осуществляются ими на дѣлѣ; недочеты изданій губернскихъ статистическихъ комитетовъ. Ближайшія причины, обусловливающія невозможность осуществленія Губернскими Статистическими Комитетами задачъ, указанныхъ Положеніемъ о Комитетахъ. Настоятельная необходимость реорганизаціи оффиціальной статистики

Хотя предыдущее изложеніе не исчерпываетъ всѣхъ отдѣловъ, подлежащихъ вѣдѣнію нашей оффиціальной губернской статистики, но сказанное, надо думать, уже достаточно характеризуетъ то состояніе, въ которомъ она находится въ настоящее время. И это тѣмъ болѣе, что вышеизложенный обзоръ губернской статистики коснулся уже главнѣйшихъ изъ тѣхъ ея отдѣловъ, которые, требуя собранія свѣдѣній на мѣстахъ, въ тоже время занимаютъ одно изъ выдающихся мѣстъ въ ея обычной текущей работѣ. Остается поэтому подвести итогъ тому, что сказано о ней выше.

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что недостатки нашей оффиціальной статистики сводятся, главнымъ образомъ, съ одной стороны, къ недостовѣрности собираемыхъ ею данныхъ, съ другой.—къ неумѣлому пользованію ими.

Недостовѣрность собираемыхъ данныхъ зависитъ главнѣйшимъ образомъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, отъ слѣдующихъ причинъ: 1) Отъ неудовлетворительности программъ, по которымъ они собираются (неточная формулировка программныхъ вопросовъ, а отсюда невѣрное пониманіе первичныхъ элементовъ статистической записи и пр.): 2) Отъ неуказанія способовъ и пріемовъ собиранія статистическихъ данныхъ (каждый собираетъ ихъ по своему усмотрѣнію, придумывая и примѣняя свои собственные способы и пріемы собиранія данныхъ—въ полномъ смыслѣ, «всякъ молодецъ на свой образецъ»); 3) Вслѣдствіе отсутствія всякаго (въ особенности, конечно, на мѣстахъ) контроля надъ собираніемъ данныхъ (чѣмъ обусловливается безнаказанная возможность представленія завѣдомо неточныхъ, взятыхъ «съ потолка» данныхъ) и какого бы то ни было руководства и указаній на мѣстахъ ихъ собиранія (разъясненія встрѣтившихся на практикѣ недоразумѣній, неудобопонятно изложенныхъ вопросовъ той или иной программы и т. п.); 4) Вслѣдствіе наличности у органовъ, собирающихъ данныя (вол. писаря, низшіе полицейскіе чины), массы другого болѣе отвѣтственнаго дѣла и 5) Благодаря отсутствію при этомъ съ ихъ стороны всякаго интереса къ добросовѣстному исполненію ихъ статистическихъ обязанностей (при увѣренности въ безнаказанности за доставленіе неточныхъ данныхъ, съ одной стороны, убѣжденіе въ отсутствіи въ нихъ необходимости для какого бы то ни было *настоящаго* дѣла—«только для свѣдѣнія», «только для статистики!»—и, съ другой стороны, еще болѣе полное отсутствіе надежды на какое бы то ни было поощреніе за исправное доставленіе вполнѣ точныхъ и полныхъ статистическихъ данныхъ).

Неумѣлое пользованіе собранными статистическими данными обусловливается, конечно, неподготовленностью къ этому приставленныхъ къ данной работѣ лицъ, а доказательствомъ этой неподготовленности, какъ видно изъ вышеизложеннаго, служатъ слѣдующіе главнѣйшіе недочеты въ обработкѣ статистическихъ данныхъ. Это неточная формулировка заголовковъ вѣдомостей; отсутствіе критики обрабатываемыхъ данныхъ, пользованіе завѣдомо

невѣрными и противорѣчивыми цыфрами; сравненіе съ случайными годами, несоблюденіе единства времени, къ которому пріурочиваются статистическія данныя (данныя разныхъ лѣтъ безъ оговорокъ объ этомъ пріурочиваются къ одному году); соединеніе несоизмѣримыхъ величинъ (напр., число коровъ, лошадей, овецъ, свиней всѣхъ возрастовъ выражается въ одной общей цыфрѣ) и пр. и пр.

Такимъ образомъ, нынѣшнее состояніе оффиціальной губернской статистики можетъ быть характеризовано тѣми же словами, какими оно десятки лѣтъ назадъ характеризовано было въ «матеріалахъ, собранныхъ для Высочайше учрежденной коммисіи о преобразованіи губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій» (ч. III, отд. IV) [1]) самими губернаторами, высказавшими тогда откровенно, что «свѣдѣнія собираются только на бумагѣ», составляются только «формально», «приблизительно по примѣру прежнихъ лѣтъ», «на обумъ» и т. д.

Эти отзывы губернаторовъ, въ правильности которыхъ, конечно, и не было никакихъ основаній сомнѣваться, признаны были тогда самою комиссіею «совершенно откровенными и согласными съ истиною», при чемъ въ тоже время собираніе «статистическихъ и другихъ необходимыхъ для правительства справочныхъ свѣдѣній» признано комиссіей «одною изъ весьма важныхъ обязанностей», неудовлетворительное исполненіе которой объяснялось комиссіею недостаткомъ для этого времени у собиравшихъ свѣдѣнія органовъ, а также и недостаткомъ средствъ и умѣнья.

—

Такимъ образомъ и полная неудовлетворительность оффиціальной статистики и главнѣйшія причины таковой были подробно выяснены и констатированы оффиціально еще десятки лѣтъ назадъ, чѣмъ и обусловливалась какъ возможность, такъ и необходимость приступить немедленно къ ея реорганизаціи.

---

[1]) Цитирую по брошюрѣ Строкина (читанной имъ «въ IV засѣданіи Псковской земской статист. комиссіи») «Къ вопросу объ организаціи статистики», Псковъ, 1881 г.

Однако, не смотря на признаніе собиранія статистическихъ данныхъ одною изъ важныхъ государственныхъ обязанностей, для улучшенія ея съ того времени ничего до сихъ поръ не сдѣлано, а возникшій было въ послѣднее время проектъ ея реорганизаціи отложенъ разсмотрѣніемъ до неизвѣстнаго будущаго.

Въ настоящее время наша оффиціальная губернская статистика организована на началахъ, указанныхъ въ «Положеніи о губернскихъ и областныхъ статистическихъ комитетахъ». По ст. 2 этого Положенія «главное назначеніе сихъ комитетовъ состоитъ въ *исправномъ содержаніи мѣстной административной статистики*, а именно въ установленіи по каждой губерніи или области *правильнѣйшихъ способовъ собиранія*, по требованіямъ Правительства и указаніямъ Центральнаго Статистическаго Комитета точныхъ статистическихъ свѣдѣній о качествѣ земель, народонаселеніи и производительныхъ силахъ губерніи или области и въ повѣркѣ и обработкѣ этихъ свѣдѣній по однообразнымъ формамъ, установляемымъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ». Изъ вышеизложенныхъ данныхъ, характеризовавшихъ современное состояніе этой статистики видно, что «главное назначеніе» Статистическихъ Комитетовъ, состоящее въ обязанности «исправнаго содержанія мѣстной административной статистики» осталось мертвою буквою въ полномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ статистика, долженствующая быть «исправною», оказалось по всѣмъ швамъ и статьямъ вполнѣ *не* исправною. «Установленіе правильнѣйшихъ способовъ собиранія точныхъ статистическихъ свѣдѣній», какъ мы видѣли, тоже свелось къ нулю, «повѣрка» свѣдѣній на мѣстахъ отсутствуетъ, а обработка ихъ производится безъ надлежащей предварительной критики данныхъ и при томъ весьма неумѣло и неудовлетворительно. Слѣдовательно «главное назначеніе сихъ Комитетовъ» при данныхъ условіяхъ (о которыхъ еще нѣсколько словъ ниже) остается неосуществленнымъ.

По ст. 3 Положенія Статист. Комитетамъ «поставляется сверхъ того въ обязанность заботиться о составленіи по мѣрѣ возможности, *вызывая къ тому содѣйствіе* какъ своихъ членовъ, *такъ и постороннихъ* свѣдущихъ лицъ, подробныхъ описаній гу-

берній и областей, равно какъ и частей оныхъ, также городовъ и особенно почему лично замѣчательныхъ въ губерніи или области мѣстностей, въ отношеніи топографическомъ, историческомъ, промышленномъ, сельскохозяйственномъ и пр., и объ изданіи трудовъ своихъ въ свѣтъ»—«печатаніемъ статей и описаній въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, составленіемъ и печатаніемъ Памятныхъ книжекъ о губерніяхъ и областяхъ и объ отдѣльныхъ городахъ и, наконецъ, печатаніемъ отдѣльныхъ монографій, или описаній губерній и областей или частей оныхъ».

Посмотримъ, какъ осуществляются требованія этой статьи на практикѣ. Обратимся для этого къ печатнымъ работамъ статистическихъ комитетовъ. Къ таковымъ принадлежатъ между прочимъ и «Обзоры», о которыхъ говорилось выше, хотя въ составленіи ихъ и принимаютъ иногда участіе кромѣ секретарей статист. комитетовъ, также и правители губернаторскихъ канцелярій [1]). Но о нихъ говорилось уже на столько много, что было бы излишне останавливаться на нихъ долѣе. Обратимся поэтому къ другой серіи обычныхъ изданій статистическихъ комитетовъ—къ изданіямъ, носящимъ привычныя названія «адресъ-календарей», «памятныхъ книжекъ» и «списковъ населенныхъ мѣстъ». Такъ какъ «статистическія данныя» въ нихъ приводятся тѣже, что и въ «Обзорахъ» и обрабатываются тѣми же способами и руками, то во избѣжаніе повтореній, мы и не будемъ останавливаться на разборѣ заключающихся въ нихъ «статистическихъ» данныхъ. И это тѣмъ болѣе, что для характеристики названныхъ изданій, послѣ всего сказаннаго собственно о качествѣ статистическихъ цыфръ и выкладокъ, достаточно разсмотрѣть нѣкоторые изъ этихъ изданій, на выдержку только, съ ихъ внѣшней, такъ сказ., стороны.

Обратимся къ изданіямъ этого рода за послѣдніе годы. Вотъ изданіе Подольскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: «По-

---

[1]) Иногда, въ виду незначительности жалованья и по той и по другой должности, а также и нѣкоторой связи между ихъ обязанностями—главнымъ образомъ по составленію обзоровъ и истребованію разныхъ „свѣдѣній"—обѣ должности совмѣщаются въ одномъ лицѣ.

дольскій адресъ-календарь, 1900 г.». Въ немъ страницы отъ 1 до 223 и отъ 261 до 349, т. е. 312 страницъ заняты чисто адресъ-календарными свѣдѣніями, а стр. отъ 223 до 260, т. е. 37, отведены главѣ подъ заглавіемъ: «Наиболѣе крупные представители фабрично-заводской промышленности въ губерніи», т. е. перечневой вѣдомости того же адресъ-календарнаго состава. Иныхъ свѣдѣній въ книгѣ не имѣется. Незадолго передъ этимъ тотъ же комитетъ издалъ «Списокъ населенныхъ мѣстъ Подольской губ.»—толстый томъ, содержащій названія всѣхъ населенныхъ пунктовъ, разстоянія ихъ отъ разныхъ центральныхъ и административныхъ пунктовъ своего уѣзда и губерніи, указанія волости, въ которой каждый пунктъ находится, стана, мирового участка и т. п. краткія свѣдѣнія, обыкновенно присущія болѣе подробнымъ спискамъ населенныхъ мѣстъ. При этомъ шаблонныя свѣдѣнія такого рода изложены не въ видѣ таблицъ или вѣдомостей, облегчающихъ справки и, главное, значительно сокращающихъ объемъ изданія безъ всякаго ущерба для дѣла, а сплошнымъ текстомъ, чѣмъ и объясняется объемистость изданія. По-скольку можно было судить при пользованіи имъ, включенныя въ немъ свѣдѣнія (кромѣ цыфръ населенія) довольно правильны, но никакой статистической разработки статистическихъ данныхъ въ этомъ изданіи все-таки нѣтъ.

Далѣе—«Списокъ населенныхъ мѣстъ Кіевской губ.» за 1896 г. Содержаніе его таково: адресъ-календарь и справочныя свѣдѣнія занимаютъ 19 страницъ, списокъ населенныхъ мѣстъ 318; итого, слѣдовательно,—337, а «очеркъ губерніи» и разныя «статистическія» свѣдѣнія и вѣдомости только 67; характеръ этихъ статистическихъ свѣдѣній, въ общемъ, конечно, тотъ же, что и въ «Обзорахъ». Затѣмъ списокъ населенныхъ мѣстъ той же губ. изданъ былъ и за 1900 г.; изданіе это—приблизительно того же характера, какъ и помянутый Подольскій списокъ населенныхъ мѣстъ, только при нѣсколько бо́льшей подробности много толще его, вслѣдствіе изложенія данныхъ тоже не въ табличной формѣ, а исключительно текстомъ.

По Волынской губ. въ 1899 г. издана «Памятная книжка» такого рода: оглавленіе—14 страницъ, адресъ-календарь—233 стр.

(1—46 и 1—187); справочныя свѣдѣнія (по почтовому вѣдомству, о желѣзныхъ дорогахъ и т. п.)—177 стр. (37—146; 189—257), итого 424 страницы; затѣмъ метеорологическія свѣдѣнія занимаютъ 4 стр., «литературный» отдѣлъ 76 и собственно статистическія свѣдѣнія 100 стр. (1—64 и 1—36).

Такъ какъ сказаннымъ достаточно уясняется нестатистическій характеръ такого рода изданій, представляющихъ собою простые справочники, то этимъ можно и ограничиться для доказательства того, что и требованія статьи 3-й Положенія о статистическихъ комитетахъ тоже не осуществляются ими. Фактическое, предпочтеніе изданія такихъ справочниковъ чисто статистическимъ изданіямъ происходитъ, надо думать, отъ того что секретари комитетовъ уже и сами не вѣрятъ въ эти статистическія данныя и въ дѣлаемые изъ нихъ выводы, которые, кромѣ механическихъ выкладокъ недостовѣрныхъ цыфръ, ни къ какимъ результатамъ не приводятъ; да и не всѣ секретари комитетовъ достаточно компетентны въ дѣлѣ обработки статистическихъ матеріаловъ [1]). Это—во первыхъ. А во вторыхъ, обусловливается это, вѣроятно, и спросомъ: въ «статистическія» изданія такого рода всякій давно извѣрился и никто въ нихъ не нуждается, а списки населенныхъ мѣстъ и всякіе другіе справочники бываютъ нужны именно для справокъ, почему имѣютъ ходъ на книжномъ рынкѣ, окупаютъ расходы изданія и даже даютъ доходъ комитетамъ, которые обыкновенно такъ нуждаются въ средствахъ. [2])

По ст. 8-й Положенія дѣйствительные члены комитетовъ избираются «изъ лицъ, какъ духовнаго и ученаго, такъ и *всѣхъ* званій, преимущественно изъ имѣющихъ пребываніе въ губерніи или области, могущихъ своими познаніями и опытностью принести пользу комитету и проявляющихъ готовность участвовать въ занятіяхъ его своими статистическими трудами». Кромѣ того званіе дѣйствительнаго члена присваивается также лицамъ, началь-

[1]) Само собою понятно, что я говорю *вообще* о секретаряхъ статистич. комитетовъ, число которыхъ, какъ извѣстно, приблизительно соотвѣтствуетъ числу губерній въ Россіи.

[2]) Уже съ одной этой точки зрѣнія, скажемъ кстати, было бы выгоднѣе издавать списки насел. мѣстъ въ табличномъ видѣ, а не текстомъ—это много уменьшило бы расходъ на бумагу.

ствующимъ учеными экспедиціями, или производящимъ въ губерніи или области, по порученію правительства ученыя работы, имѣющія связь съ статистическими изслѣдованіями. Въ почетные члены, по ст. 10, избираются, между прочимъ, лица «пріобрѣвшіе извѣстность своими учеными статистическими трудами или сдѣлавшіе особенно значительныя денежныя пожертвованія для статистическихъ цѣлей по губерніи или области». Сверхъ того, по ст. 11, «въ засѣданія комитета могутъ быть приглашаемы для совѣщанія, въ случаѣ надобности», какъ представители разныхъ вѣдомствъ, «такъ равно и извѣстные ученые, помѣщики, купцы, фабриканты и вообще лица, могущія сообщить полезныя свѣдѣнія о состояніи губерніи или области въ разныхъ отношеніяхъ». При всемъ этомъ, по ст. 14, губернскому начальству предоставлено право для статистическихъ «изысканій и работъ» командировать, «по опредѣленіямъ комитетовъ, какъ дѣйствительныхъ членовъ и секретарей, *такъ и другихъ лицъ*, благонадежныхъ по знаніямъ и усердію къ дѣлу, въ разныя части губерніи или области, для мѣстныхъ статистическихъ изслѣдованій, равно какъ и для *повѣрки* и *пополненія* на мѣстахъ, непосредственными личными изысканіями, первоначальныхъ свѣдѣній, собираемыхъ оффиціальнымъ путемъ, или для *направленія* и *установленія способовъ* собиранія этихъ свѣдѣній и *указанія* соотвѣтственныхъ *статистическихъ* пріемовъ». Статьею 15 комитетамъ предоставлено кромѣ того «по мѣрѣ открывающихся къ тому средствъ, снаряжать и особыя статистическія *экспедиціи* изъ нѣсколькихъ лицъ для мѣстныхъ изслѣдованій въ губерніи».

Изъ этихъ—цитированныхъ послѣдними—статей Положенія видно, что данною организаціею статистическихъ комитетовъ предполагалось, повидимому, поставить ихъ во главу всѣхъ мѣстныхъ научныхъ изслѣдованій и объединить въ нихъ всѣ мѣстныя научныя силы какъ оффиціально, такъ и частнымъ образомъ занимающіеся статистическими и имъ подобными изслѣдованіями. Время изданія Положенія о статистическихъ комитетахъ соотвѣтствовало тому сравнительно отдаленному періоду нашей общественной жизни, когда въ провинціи почти совершенно отсутствовали какія

бы то ни было учрежденія и общества для изученія родного края. Поэтому подобная постановка дѣла представлялась, конечно, въ то время, за неимѣніемъ соотвѣтственныхъ мѣстныхъ организацій, вполнѣ желательной и необходимой. Надо однако не забывать, что въ настоящее время провинція наша далеко еще не можетъ похвалиться не то что изобиліемъ, а во многихъ мѣстахъ даже просто наличностью подобныхъ организацій. Слѣдовательно, и теперь еще въ извѣстныхъ мѣстностяхъ не утратило бы смысла подобное объединеніе мѣстныхъ работниковъ хотя бы и въ статистическихъ комитетахъ, лишь бы дѣло изслѣдованія родного края не сводилось въ нихъ къ той чисто бумажной канцелярщинѣ, съ которой приходится теперь имѣть дѣло въ большинствѣ комитетовъ.

Но дѣло именно въ томъ, что благія намѣренія законодателя не оправдались даже въ отношеніи хотя-бы только (ст. 14) проектированнаго Положеніемъ пользованія мѣстными силами для простой «повѣрки» «первоначальныхъ свѣдѣній, собираемыхъ оффиціальнымъ путемъ» и для «установленія» способовъ и пріемовъ собиранія таковыхъ, что должно бы было составлять необходимый залогъ достовѣрности статистическихъ данныхъ и въ чемъ такъ нуждаются статистическіе комитеты.

Такой исходъ, несомнѣнно, былъ неизбѣженъ и эта неизбѣжность его лежала въ нѣкоторыхъ существенныхъ недостаткахъ организаціи комитетовъ. Суть въ томъ, что на комитеты [1]) возлагалось очень многое (все, о чемъ говорилось выше и сверхъ того обязанность быть первоисточниками всякихъ необходимыхъ администраціи свѣдѣній), а для пополненія всего этого имъ давалось болѣе чѣмъ слишкомъ мало. Предполагалось вѣроятно, что значительная часть задачъ комитетовъ будетъ осуществляться личными средствами и силами добровольцевъ изъ любителей изслѣдованія родного края, которые будутъ помогать и веденію очередныхъ текущихъ дѣлъ комитетовъ (повѣрка, установленіе способовъ и пріе-

---

[1]) А въ томъ числѣ, слѣдовательно, въ извѣстной мѣрѣ и на волостныхъ и низшихъ полицейскихъ чиновъ, какъ доставителей имъ необходимыхъ свѣдѣній.

емовъ и пр.), почему имъ не будетъ предстоять особенныхъ денежныхъ расходовъ.

По Положенію (ст. 13) единственнымъ постояннымъ «штатнымъ» работникомъ комитета является секретарь, на которомъ (независимо отъ присутствія или полнаго отсутствія добровольцевъ) лежитъ обязанность и «производить» «всѣ ученыя работы по комитету», и «постоянно слѣдить за исправнымъ и своевременнымъ полученіемъ всѣхъ срочныхъ статистическихъ данныхъ и свѣдѣній по разнымъ предметамъ управленія», и «приводить эти свѣдѣнія въ систематическій порядокъ», и «заниматься ихъ провѣркою и обработкою», и «составлять изъ нихъ требуемыя таблицы и вѣдомости», и «наблюдать за успѣшнымъ исполненіемъ и изданіемъ всѣхъ вообще ученыхъ работъ комитета, а равно и за ходомъ мѣстныхъ статистическихъ изслѣдованій», и «вести переписку по дѣлопроизводству и денежную отчетность комитета». Все это—за жалованье въ 750 р.! А на всѣ остальные расходы по комитету изъ 1500—2000 р. (ст. 20), на него ассигнуемыхъ, оставлялось такимъ образомъ 750—1250 р. [1]). Это (ст. 21) «на расходы по обработкѣ и перепискѣ ученыхъ трудовъ комитета и на канцелярскія потребности; на пріобрѣтеніе ученыхъ пособій, книгъ, картъ и журналовъ; на расходы по изданію трудовъ комитета въ свѣтъ; на командированіе чиновниковъ съ статистическими порученіями», а, наконецъ, въ случаѣ надобности, и «на наемъ квартиры».

Нечего и говорить, что этой суммы не достаточно даже для маломальски правильной постановки одного только хода счетно-канцелярскаго дѣла въ самомъ комитетѣ и, слѣдовательно, о вознагражденіи изъ нее мѣстныхъ работниковъ (волостныхъ писарей и пр.), за ихъ работу по доставленію «первоначальныхъ» свѣдѣній нельзя и подумать. Въ тоже время нельзя никогда разсчи-

---

[1]) Теперь—въ юго-западномъ, по крайней мѣрѣ, краѣ—расходъ на содержаніе комитетовъ отнесенъ на доходы отъ губернскихъ типографій, и слѣдовательно, поставленъ кромѣ того въ полную зависимость отъ случайности.

тывать, чтобы одинъ человѣкъ, да еще при столь ничтожномъ числѣ работниковъ, какое можно содержать на эти деньги, могъ добросовѣстно исполнить всю ту массу работы, которая возложена на секретаря комитета (ст. 13). И нельзя за 750 р. найти лицо, которое вообще было бы вполнѣ компетентно въ исполненіи всѣхъ этого рода работъ, требующихъ чисто спеціальныхъ познаній. Спеціалисты цѣнятся много дороже, и за 750 р. можно найти развѣ подручнаго, помощника, производящаго работу подъ руководствомъ или работающаго лишь надъ извѣстной отраслью. [1])

При всѣхъ такихъ условіяхъ отнюдь нельзя, конечно, винить исключительно Комитеты въ существующихъ крупныхъ недочетахъ ихъ статистическихъ «изслѣдованій», потому что при данныхъ условіяхъ правильная постановка статистическаго дѣла лежитъ внѣ ихъ возможности. Но изъ этого же слѣдуетъ, что при данныхъ условіяхъ такого рода недочетамъ не будетъ конца. Слѣдовательно, если признать и самую оффиціальную статистику (въ надлежащемъ ея видѣ, конечно) и губернскіе статистическіе органы ея нужными для государства, то необходимо и неизбѣжно что-то неотлагательно предпринять для реорганизаціи этого дѣла.

Конечно, нужно ее реформировать такъ, чтобы устранить всѣ выше перечисленные недостатки, добиться полученія ею вполнѣ достовѣрныхъ, обстоятельныхъ и подробныхъ данныхъ по всѣмъ подлежащимъ ея вѣдѣнію вопросамъ, добиться умѣлой и обстоятельной разработки статистическихъ матеріаловъ и пр., и пр. Но послѣ всего изложеннаго выше незачѣмъ, кажется, объяснять, что достиженіе всего этого возможно только при коренной реорганизаціи ея, такъ сказ., сверху до низу.

Начиная съ низу, прежде всего необходимо правильно организовать собираніе свѣдѣній на мѣстахъ—непосредственно людьми вполнѣ компетентными въ этомъ дѣлѣ, подготовленными къ нему усвоившими себѣ и пріемы и способы собиранія различнаго рода

---

[1]) Примѣромъ могутъ служить земскія статистическія бюро: тамъ завѣдующему бюро менѣе 1200 р. не платится, среднее жалованье 1800 р., а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и до 3000 р. въ годъ.

данныхъ и умѣнье обращаться съ народомъ, знающими народъ, знающими крестьянскій и помѣщичій бытъ и т. п. Только при этихъ условіяхъ, рядомъ съ правильно же организованнымъ фактическимъ контролемъ надъ этой работой, можно разсчитывать на полную достовѣрность и обстоятельность собираемыхъ на мѣстахъ статистическихъ данныхъ. Но для того, чтобы осуществить такую организацію, нужна цѣлая масса постоянныхъ, работниковъ на мѣстахъ, въ волостяхъ. А для этого, конечно, понадобится прежде всего весьма значительное увеличеніе расходовъ.... Нечего и говорить, что рядомъ съ этимъ и контролирующій аппаратъ и учрежденія, занимающіяся сводкой и разработкой присланныхъ съ мѣстъ статистическихъ данныхъ, должны будутъ состоять изъ достаточнаго числа людей соотвѣтственной компетенціи и располагать вполнѣ достаточными средствами для научно-обоснованной сводки и обработки всѣхъ собираемыхъ данныхъ въ надлежащемъ объемѣ и направленіи и съ должною своевременностью. А для этого опять, конечно, нужны и люди и средства,—много людей и очень много средствъ, и прежде всего уничтоженіе существующаго порядка,—полная реорганизація оффиціальной статистики.

Но возможно ли ожидать осуществленія такой коренной реформы въ настоящее время? Если отложено на неопредѣленное время осуществленіе проекта реформы, очевидно, менѣе полной—только, такъ сказ., перваго шага къ улучшенію оффиціальной статистики (о которомъ упоминалось въ началѣ настоящей статьи), то гдѣ же данныя для надежды на скорое осуществленіе коренной реформы? И въ особенности при томъ условіи, когда у насъ силою вещей—благодаря негодности оффиціальныхъ статистическихъ данныхъ — выработалось отношеніе къ статистикѣ, какъ къ дѣлу совершенно ненужному, никуда не пригодному! И гдѣ же кромѣ того данныя, что при всемъ этомъ на осуществленіе коренной реформы найдутся необходимыя деньги, когда при нынѣшнихъ стѣсненіяхъ въ средствахъ у насъ происходитъ иногда задержка въ осуществленіи мѣропріятій, считающихся гораздо болѣе назрѣвшими и неотложными!? Очевидно, надежды на коренную реформу статистики въ сколько нибудь скоромъ

времени мало, а потому, становясь на практическую точку зрѣнія, надо позаботиться объ осуществленіи на первыхъ порахъ хотя бы самаго только необходимаго.

Мы видѣли выше, какіе недостатки несетъ въ себѣ наша оффиціальная статистика и отъ какихъ причинъ они происходятъ. Слѣдовательно, въ общихъ чертахъ уже знаемъ, *что* надо устранить, чтобы избавиться отъ главнѣйшихъ изъ этихъ недостатковъ. Обсудимъ же теперь, въ чемъ долженъ заключаться первый шагъ къ улучшенію оффиціальной статистики, коренная реформа которой волей-не-волей должна быть признана идеаломъ неизвѣстнаго и вѣроятно, къ сожалѣнію, болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго. Будемъ, конечно, разсматривать этотъ вопросъ по возможности въ связи съ тѣмъ безвременно угаснимъ проектомъ статистической реформы, о которомъ было упомянуто въ началѣ статьи.

Л. Личковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПИДЪ ТЫХЫМЫ ВЕРБАМЫ.

Повисть.

ЧАСТЫНА ПЕРША.

Наступае чорна хмара,
А другая сыня...
Нар. писня.

I.

Чорна хмара.

Мынувъ уже четвертый рикъ, видколы Денысъ Сывашенко виддилывся видъ батька й видъ Зинька, меншого брата... заразъ писля того, якъ середульшого брата Романа заслано на Сибиръ. Погана се була сторія!.. Розледащивши Романъ у салдатахъ, не хотивъ дома ничого робыты, посварывся зъ батькомъ та зъ Денысомъ, прыставъ, пишовшы въ го́родъ, до злодійського товарыства, водывъ кони, піймався, суджено ёго й заслано на Сибиръ. Денысови це не пошкодыло, бо разъ, що ёму зъ батькивщыны больше прыпало, а друге—вси зналы, що винъ самъ и вспймавъ Романа и выказувавъ на ёго, то никому й на думку не спадало выбываты ёму очи Романомъ... хочъ воно такы й погано, якъ люде знають, що братъ у Сибиру... ну, та дарма! Хай краще въ Сибиру буде таке ледащо, нижъ дома черезъ ёго колотнеча.

Отъ тилькы, що съ батькомъ Денысъ посварився... Дакъ-же винъ у тому не виненъ: за те, що винъ не покрывавъ Романа, батько, маты й Зинько зненáвыдилы ёго та й годи!.. Та й це дарма́, бо такы все, що ёму прыпадало, все виддалы. Та винъ бы й не попустывъ, бо тамъ-же й ёго праця. Винъ и радый бувъ, що пишовъ одъ ихъ: ёму вже давно треба було хазяиномъ буты. Поставывъ хату на новому кгрунти, дали видъ батька, ажъ изъ другого краю села, та й хазяйнуе соби. И добре хазяйнуе: за си чотыри рокы зрисъ винъ угору высоко: зъ Деныса—Денысомъ Пылыповычемъ изробывся, зъ малого хазяина—багатыремъ... своеи земли трыдцять десятынъ та ще вдвохъ изъ тестемъ Манойломъ посессію держать... Отъ що! Нехай лышъ той дурень Зинько облызуется, дывлючысь на ёго заможнисть. Самъ жыве якъ харпакъ, мабуть ничо́го й не прыдбавъ, одко́лы батько вмеръ, самою батькивщыною старою й держы́ться. Х-ха! А Денысъ онъ сёго року до хаты прыробывъ ще другу половыну—зъ великою свитлыцею та зъ кимна́тою. И въ свитлыци въ ёго такъ прыбрано, що хочъ и станового, то не соромъ прыйняты: два тапчаны, стилци, чорнымъ покрашени, по стинахъ малюнкы велыки—виддававъ за ихъ Денысъ щетынныкови не то по злоту, а й по пивкарбованця, бо тамъ таки йе, що й зъ золотомъ... самыхъ генераливъ ажъ пъятеро, и вiйна турецька, и страшный судъ изъ змiемъ, и «выдъ города Тулы»... и вси за скломъ, у велыкыхъ червоныхъ та въ зеленыхъ рямцяхъ... А викна въ хати таки, що видчыняются, а не видсуваются, и на викнахъ завискы телипаются сытцеви,—зовсимъ якъ у панивъ. И лижко тутъ стоить—высоке й шыроке, на ёму ажъ тры перыны и заслани зверху червонымъ «одiяломъ» (пъять карбованцивъ цина), а чотыри здоровенныхъ подушкы за малымъ не до стели знимаются, та вси въ сытцевыхъ попывкахъ изъ здоровеннымы лапа́тымы квиткамы,—се вже Домаха Денысова набирала,—дуже гарни, сытець ажъ по злоту. Нихто на сёму лижкови не спыть (бо вси ночують у протывнiй хати), а стоить воно такъ, закрашае хату, чы то пакъ—«ко́мнату»,—щобъ выдко було якый хазяинъ жыве, не харпакъ... Та й дочо́къ-же въ Деныса двое,—то се жъ имъ Домаха над-

бала: хай люде бачуть що́ есть. На́дбано, хвалыты Бога, и на дочокъ, и на сынивъ: йе въ чому походыты, йе що зйисты й спыты. Не соромъ, ни, не соромъ поклыкаты до себе людей хочъ-бы й такыхъ заможныхъ, якъ оце заразъ сыдять у свитлыци за столомъ, пьють, йидять та й про дило гомонять.

Не мали жъ то й гости!

На покути сыдыть старшына Грыгорій Павловычъ Копаныця,—той, що колысь пысаремъ волоснымъ бувъ, а теперъ старшыною. Ге—ге! теперъ уже ёму не пысарюваты, теперъ уже винъ багатырь на всю губу: своеи земли скилькы! Якъ йиде въ городъ, у земське собраніе (бо винъ-же тамъ гласнымъ), то такъ уберется въ сиртука, що панъ та й годи! Та ёму жъ и треба сёго: помижъ панамы крутыться. Та хочъ и на сели, то безъ жакеткы й зъ хаты не выйде.

Заразъ биля ёго сыдыть Сучокъ Мыхайло Грыгоровычъ. О, то не маленькый Сучокъ! Йе въ ёго й крамныця й земля, до своеи дочкы Горпушы прыйнявъ соби въ прыймы зятя да такъ у двохъ теперъ орудують, що ну́!

А дали ще сыдять: Денысивъ тесть Манойло Гаврыловычъ, Домашынъ батько, биля ёго сватъ Остапъ Колодій, кумъ Терешко Тонконоженко та Яхремъ Рябченко—все багатыри, гарно повдягани, въ сынихъ чумаркахъ, у такыхъ, якъ и въ Деныса, тилькы Рябченко по городянському—въ жакетци.

Тесть та кумъ Терешко—то стари прыятели Денысови: зъ имы винъ издавна въ спилци, винъ имъ, а воны ёму пособляють. Зъ Копаныцею Денысъ запрыятелювавъ тоди, якъ пособывъ ёму вылизты на старшыны; тоди жъ и зъ Сучкомъ зазнався дужче. А отъ зъ Остапомъ Колодіемъ та зъ Яхремомъ спилка не съ такъ ище давня.

Остапъ Колодій, чепурный высокый чорнявый чоловикъ,—винъ родычъ Денысови, чы то пакъ—сватъ, бо за ёго брата Зинька виддавъ свою дочку Гаинку (Гаіанія іи охрыщено, а се вже такъ по простому сталы зваты). Думавъ Зинька перенадыты, на свій бикъ переняты, щобъ винъ изъ имъ у спилци бувъ,—дакъ хыба

жъ того дурня на́вчышъ? Черезъ те Остапъ не любыть Зинька, а зъ Денысомъ родычается.

А Яхремъ Рябченко... ну, се штучка! Воны булы зовсимъ у сварци—Денысъ та Яхремъ. Колысь на Яхрема скризь подейкувано, що винъ крадене передержуе. Дакъ якъ узято въ Сывашивъ сало, Денысъ и намигся, щобъ потрушено Рябченка. Ничого не знайдено, а ворожнеча промижъ ихъ стала велыка. Хто й зна щóбъ воно выныкло зъ цёго, та незабаромъ писля тіеи сторіи зъ саломъ Яхремъ пишовъ кудысь на заробиткы... зъ рикъ ёго не було, а тоди вернувся й грошей зъ собою прынисъ... та щось, кажуть, и не трохы... И заразъ купывъ соби два надилы... Промынувъ ище рикъ, чы два,—ажъ гулькъ!—Яхремъ узявъ у Глушкивського пана трыста десятынъ земли въ посессію. Якъ це такъ сталося,—нихто не мигъ зрозумиты. Наймала ту землю въ пана громада, наймалы багати люде,—не виддавъ панъ: билшои цины хотивъ... А ти соби затнулысь: пождешъ, пане, пождешъ, та видсы й за нашу цину! А Рябченко пидскочывъ, щось тамъ прыкынувъ панови та й узявъ на себе. И дé винъ грошей добувъ, щобъ панови третыну напередъ заплатыты, дакъ нихто й зрозумиты не мигъ,—уси дывомъ велыкымъ издывувалысь. Отъ же добувъ и взявъ!.. И не дурно: самъ не ставъ хазяйнуваты, а почавъ землю даваты за грошы людямъ; а сáме тоди земля зробылась дорогá,—по два карбованци барыша взявъ на десятыни! Та якъ пишовъ зъ того часу, то все йде та й иде вгору! Ого-го! Теперъ уже нихто й не згадуе про те, що колысь бабы плескалы, мовъ бы то винъ крадене передержуе! Де тамъ! Теперъ винъ Яхремъ Семеновычъ, багатырь... скризь у куппаніи буває... И зъ Денысомъ помырылысь. Чого имъ сварытыся? Що було, те мынуло, а зъ сваркы добра не буде, а въ прыгоди одынъ óдному воны можуть статы.

Дакъ отаки гости сыдилы въ свитлыци въ Деныса Пылыповыча Сывашенка за столомъ, повнымъ усякои стравы. Господыня, немолода жинка, мовчкы подавала на стилъ страву, иноди тилькы прыпрохуючы гостей прызволятысь; господаръ бувъ гоминкый, веселый, частувавъ и прыпрохувавъ залюбкы. Це жъ таки дороги

гости! Не голота яка зъ Зиньковои куппаніи, а поважни кремезни господари,—зъ имы хочъ яке дило робыты можно,—подужають! И гришмы-достаткамы воны—сыла, и въ громади сыла.

Домаха вже пишла въ другу хату лагодыты самуварь, а Денысъ усе частувавъ и казавъ:

— Истына правда, що каже Грыгорій Павловычъ, нашъ господынъ старшына: ніякого покорства теперъ у мужыка нема. (Денысъ такы навчывся помижъ «образованымы» людьмы и соби по «образованому» закыдаты). Всяка голота пнеться ривнятыся зъ путящымъ, порадошнымъ хазяиномъ. Щó бильшый харпакъ, тó бильше въ громади галасуе проты заможного чоловика. Того и въ голову соби не кладе, що колы бъ насъ не було, то якъ бы й воны прожылы? У кого землю взяты на хлибъ?—У насъ! До кого скотыну пасты виддаваты?—До насъ! У кого грошей позычыты?—У насъ такы жъ! Щó жъ бы воны робылы безъ насъ?

— Имено! Истына правда!—видказувалы гости.—Подохла бъ клята харпачня безъ нашои помочи.

А кумъ Терешко (винъ же пры панахъ бувъ, то знае якъ сказаты) доточывъ:

— Настоящая благодіянія оказуется, настоящая!

А Денысъ казавъ дали:

— Ото жъ бачыте!.. А ще й дыбкы проты насъ стають! Тилькы порадошный чоловикъ схоче що зробыты—чы въ громади, чы такъ,—заразъ крыку, галасу, репету такого нароблють, що настоящая бунтація та й годи! Отъ, сказаты, якъ Остапъ Дорохвеевычъ,—винъ кывнувъ на Колодія,—хотивъ, щобъ ёму громада виддала волость нову робыты,—лышенько! якый крыкъ изробывся! Кажуть: багатиты нашымъ коштомъ буде!.. А все брехня!..

— А вже жъ брехня!—сказавъ старшына, а Остапъ тилькы рукою махнувъ.

— Оттакъ и я,—говорывъ Денысъ,—хотивъ бы зробыты одно дило мале-невелычке, та й боюся зъ имъ и потыкатыся въ громаду, щобъ и лыха не здобуться. Хыба що вже вы, господа хазяины, пособыте мени.

— Кажить, кажить, яке тамъ дило!—загомонилы гости.—Щó доброго надумалы?...

— Отъ-же вы знаете,—розсказувавъ Денысъ,—що якъ пишлы пересельци на Амуръ, дакъ позоставалыся видъ ихъ надилы. Громада-жъ тоди не дозволыла пересельцямъ тіеи земли продаваты, а взяла на себе.

— Хотила на всихъ ривно подилыты!—гукнувъ кумъ Терешко, вже трохы пъяненькый.—Ге! А мы не далы, да тоби въ арендное содержаніе оддалы—на тры годá,—отъ тоби и вся бидá!

— Имено, имено! И доси дякую вамъ.—спасыби за се! Хочъ воно зъ тіеи земелькы невелыкого й добра, ну, а все жъ земелька.

— Та ще й добра!—додавъ старшына.—Не соромляйся, Денысе Цылыповычу! Передъ намы нема чого крытыся: мы знаемъ усе дило. Свои люде!

— Такъ, такъ!.. що й казать!.. Вамъ бы—та ще й не знаты!.. Дакъ ото жъ я два годы вже держу сю земельку, а оце й третій наступае, а тамъ и край...

— А тамъ изновy буде крыкъ та квалтъ у громади, щобъ тоби не даваты,—сказавъ Манойло.

— Ото-жъ то й то! Якъ найматы, такъ и крыкъ, такъ и крыкъ! Все репетують, и ніякъ того репету не збудешся,—говорывъ Денысъ.

— А що жъ вы зробыте? Нема способу!—промовывъ Остапъ.

— Та воно можна бъ и способу добраты,—натякнувъ Денысъ.

— А ну—якого?—запытавъ старшына.

— Та такого: взяты та й продаты землю ту кому зъ путящыхъ людей.

— Такъ...—сказавъ старшына, и вси на мыть замовклы. Вси зрозумилы, що Денысъ хоче самъ ту землю купыты, и думалы, чы можно на се прыстаты.

Воно такы пидходыло, щобъ Денысови вона впала. Разъ, що винъ уже держыть іи въ посессіи; друге—що вси ти надилы сумежно зъ ёго надиломъ,—такъ трапылося; трете—що винъ же свій чоловикъ, и якъ пособыты ёму теперъ, то й винъ колысь у

прыгоди стане. Може де-кому хотилось-бы замисто Деныса собі ту земельку прыдбаты, та, бачъ, тоди доведеться посварытыся зъ Денысомъ, та й зъ тестемъ ёго Манойломъ, та й зъ кумомъ ёго Терешкомъ... а вже якъ середъ гурту заведеться въ ихъ сварка, тоди голота переважуваты почне. Воны поты дужи, поки вкупи.

Оттаки й пидхожи думкы плуталысь у кожного въ голови, якъ старшына зновъ озвався:

— Такъ, Денысе Пылыповычу!.. А шо жъ, дило добре! Цымъ уже навикы заткнемо имъ рота. Може бъ ты й за купця бувъ, га?

— Та я... якъ вы, господа хазяины, скажете,—говорывъ Денысъ:—а я, звисно, узявъ-бы... хочъ мени й сутужно теперъ на грошы, ну, та вже розстарався бъ...

— Розстараешся!.. розстараешся!..—загомонилы гости.—А мы тоби пособымо въ громади: не попустымо, заткнемо горлянкы ротатымъ.

— Спасыби вамъ, господа хазяины, спасыби!—кланявся Денысъ.—Я на васъ—якъ на Бога!.. Уже теперъ вы мени, а колысь и я вамъ, дасть Богъ, чымсь пособлю.

— Истына правда,—сказавъ кумъ Терешко и додавъ панськои прыказкы:—Рука́ нагу́ моить.

— Правыльно!—промовывъ старшына.—Постановыть: продать переселенческы надилы Денысу Пылыповычу Сывашову.

— Продать! продать!..—загулы гости.

— А голоту, котора буде верещаты,—скрутыть!

— Скрутыть! скрутыть!

— Щобъ не смилы морды куды не треба пхаты,—по мордяци ихъ!

— По мордяци! по мордяци!

И все товарыство зареготалося. Голоснише за всихъ реготався самъ старшына, Грыгорій Павловычъ, и ёго товсте сыте облычче зъ поганенькою руденькою боридкою ажъ двытило все, закынувшыся назадъ. На ввесь ритъ реготавъ и кумъ Терешко, сміялыся Манойло зъ Остапомъ, радисно дрибненько сміявся въ шыроку русяву бороду Денысъ, а череватый одутлый Сучокъ до-

дававъ свого поважного-го-го-го-го,—мовъ порожня бочка гула. Пъяни червони облычча, блыскучи видъ поту й смальцю, що на ихъ повыступавъ, якось чудно ростягалыся, очи заплющувалыся, а замисто ихъ шыроко зялы ямкы червоныхъ пащъ-ротивъ зъ жовтымы велыкымы зубамы, выскаленымы зъ пидъ щетынястыхъ усивъ.

Самый Яхремъ Рябченко не реготавъ, тилькы ледви всмихався. Увесь часъ винъ сыдивъ мовчкы, погладжуючы свои чепурно закручени темни вусы, або чыстенько выголене пидборидде, та блыскаючы своимы пропозуватымы очыма. Теперъ, якъ регитъ трохы вщухъ, винъ озвався:

— По мордяци... Дай ёму сёгодни по мордяци, а завтра воно знову лизе. Отъ такъ, якъ свыня: ты ій бый, а вона кувика та такы лизе кризь тынъ на вгородъ.

— А ты такы бый по мордяци,—покы почуе та назадъ поверне!—сказавъ Манойло.

— А одвыхнувсь,—вона знову тамъ.

— Ну, дакъ що жъ ёго робыты?

— А що свынямъ роблють, щобъ на вгородъ не лазылы?—спытавъ Рябченко.

— Та що жъ?—Колодку прывъязують...

— Ну?

— Щó—ну?

— А те, що прывъяжймо й мы имъ колодку!—сказавъ Рябченко.

— Оттакои!—здувувавсь Остапъ.—А якъ же то?

— А хотилы-бъ?—лукаво спытавъ Рябченко.

— Ще бъ пакъ!.. Чого бъ то чоловикъ не схотивъ!..—загомонилы вси.—Якъ бы то!.. Та якъ?

— Та воно невелыка й штука,—спокійно й не поспишаючысь почавъ Рябченко.—Вы, Денысе Пылыповычу, та вы, Манойле Гаврыловычу, держыте въ посессіи комаривську землю?

— Держымо.

— А у васъ, Грыгоріе Павловычу, биля комаривськои своя земелька?

— Есть.

— А въ мене посессія биля вашои—глушкивського пана.

— Правыльно!

— А зъ другого боку комаривськои земли ти пересельски надилы, що Денысъ Пылыповычъ купуе?

— А вже жъ!

— А за имы земля Вавылова, Ивана Йвановыча?

— Такъ! такъ!

— А мижъ нею та глушкивською землею пана Горянського земля?

— И то правда.

— Ну, а де жъ громадська земля теперъ? га?—пытавъ Рябченко.

— Громадська?.. А громадська... де жъ? У середыни...

— Ну?—спытавъ Рябченко.

— Дакъ що жъ?—не розумилы слухачы.

— Овва! а ще й розумни люде!—засміявся Рябченко.—А те, що вси ци зе́мли кругъ громадськои зъ усихъ бокивъ. Вона середъ ихъ, якъ остривъ середъ воды. Визьмемо въ посессію Горянського землю, та поклычемо до себе въ куншанію Вавылова,—тоди вже дыблянамъ безъ насъ не буде ніякого ходу.

Вси прытыхлы, вражени надзвычайною дывною думкою. Прытыхлы, сылкуючыся збагнуты, чы гараздъ воны розибралы справу, чы не помылылыся. И тоди вразъ загомонилы моторно, весело, радисно.

Дакъ це жъ дуже добре! Отъ выгадка, дакъ выгадка! Що правда—Горянського земля велыка,—дви тысячи зъ половиною десятынъ,—але гуртомъ узяты можно. Тоди громада буде въ такому кильци, що зъ ёго не буде ходу. Куды ни ступны,—навкругы все ихъ земля буде. Тоди яки воны схочуть, таки й цины на землю будуть—и за выпасъ товару, и за роботу, и за все! Бо де жъ тоди мужыкъ визьме земли, якъ не въ ихъ? Ёму иншого ходу не буде. Тоди вже не посміе нихто галасуваты въ громади. Робытыме громада що воны звелять. *Воны* будуть тутъ паны!

Ого-го! Попанувалы паны-помищыкы, теперъ ще треба й господамъ хазяинамъ попануваты!

— Ловка штука буде!—казавъ весело Копаныця.—Та се можно самымы видбуткамы такъ изробыты, що просто якъ панщына буде та й годи! Ну й голова въ тебе, Яхреме Семеновычу! Дай я тебе поцилую!

Копаныця захопывъ ливою рукою Рябченка за шыю, нахылывъ до себе и почавъ цилуваты товстымы маснымы губамы.

— Голова! голова!—загомонилы навкругъ уси та й полизлы цилуватыся спершу зъ Рябченкомъ, а тоди й самы промижъ себе. Плечи штовхалыся, червони облычча стулялыся, ялозылысь одне объ одне замащенымы вусамы й бородамы, дыхалы одне на одне пъянымъ горилчанымъ духомъ, що имъ уже повна була вся свитлыця.

— Дорога голова!—крычавъ кумъ Терешко.—Цины нема!..

По троху посидалы знову та й почалы миркуваты якъ воно буде. Ихъ тутъ семеро. Вавыловъ буде восьмый. Та чы прыстане жъ винъ? Се чоловикъ чужый, захожый здалека москаль. Бувъ колысь за обйиздчыка въ одного пана, тоди за прыкащыка, тоди за вправытеля, а тамъ уже й свою земельку купывъ. Ёму до дыблянъ байдуже. А въ тимъ, якъ роздуматься, то й не байдуже, бо и въ ёго жъ дыбляне землю беруть... Помиркувалы туды й сюды:—мабуть, прыстане.

Висимъ чоловика—се буде товарыство. Воны скынуться гришмы и за ти грошы наймуть Горянського землю. Хто скилькы грошей дасть, стилькы тому й земли буде. Можно хазяйнуваты й гуртомъ, хочъ краще кожному зъ-окрема. А радыться про все гуртомъ и гуртомъ, такъ якъ у громади, справы ришаты... та й не про саму цю землю, а й про иншы: и за яку цину виддаваты десятыну, и яка цина на наймытывъ та на косаривъ, и яки видбуткы. И якъ и що робыты въ громади, то й про се спершу въ своему гурти радытыся...

Це все розсказувавъ имъ Рябченко и додававъ:

— Тоди насъ нихто не подужае... Одно тилькы... Хочъ мы й гарно миркуемо, та есть одна карлючка.

— А яка жъ то? Кажы!

— Йе одынъ чоловикъ такый, що може намъ велыкои шкоды наробыты.

— Ой! А хто жъ то? А ну, кажы!—почалы пытатыся.

— Та хто жъ? Деныса Пылыповыча братъ, Зинько.

— Хи!—що́ бъ то винъ и зробывъ?

— Почне каламутыты въ громади, почне коверзуваты,—може лыха наробыты.

— Та винъ уже теперъ прытыхъ,—озвався Сучокъ:—видколы оженывся. Чы такъ я кажу, Остапе Дорохвеевычу?

Остапъ покрутывъ своею чепурною головою.

— Ой ни! Якъ я за ёго дочку дававъ, то думавъ: буде семъянынъ, то вже до свого дила й прыхылю ёго. Такъ де тамъ!..

— Цурается?—спытавъ Копаныця.

— Ни, винъ насъ изъ старою й не цурается: и въ гостяхъ изъ дочкою бувае, и въ себе прыймае, а такъ, щобъ у яке дило зо мною прыставъ, дакъ ніякъ! Я,—каже,—того не хочу, бо черезъ велыки гроны слёзы ллються. И вамъ,—каже,—тату, радю тыхъ багатырывъ покынуты та по Божому жыты.

— Ичъ, идолова душа!—обурывся Терешко.—Муляють ёму ти багатыри!

— Ну,—сказавъ Рябченко,—а я такы думаю, що намъ ёго не мынуты. Бо винъ крутытыме въ громади. Памъятаете, якъ було зъ Стецьковою справою? Черезъ ёго жъ, черезъ Зинька жъ, усе сталося.

— Дакъ щожъ изъ имъ робыты?—спытавъ Денысъ.

— Прыйняты до насъ у спилку,—видказавъ Рябченко.

— Оттакои!

— Иншого ничого не выгадаешъ.

— Та въ ёго й грошей нема.

— Можно ёму гуртомъ позычыты, абы рота затулыты.

— А якъ не схоче?—пытавъ Манойло.—Онъ же чуешъ, якый голинный.

— Треба такъ изробыты, щобъ схотивъ,—обстоювавъ за свое Рябченко.

— Ну, та якъ же ты зробышъ?—не розумивъ Копаныця.

— А треба, щобъ ёму бувъ тутъ велыкый барышъ,—видказавъ Рябченко.

— Уже жъ бильшого, якъ усимъ, не буде!

— Колы сей ёму здастся малый, то треба й бильшого даты.

— Чого жъ то такъ?—спытавъ непрыхыльно Денысъ.—И грошы ёму позычъ, та ще й барыша зъ свого заробитку прыкынь! Це вже буде зовсимъ не по правди!

— Що жъ ты маешъ робыты,—казавъ спокійно Рябченко,—колы таке дило? Та воно не такъ и страшно, якъ здается. Колы треба буде, то мы ёму попустымо теперъ бильшый барышъ, щобъ винъ не зипавъ у громади за переселськи надилы, то що... Сымъ ёго видъ товарыства видлучымо. Бо винъ черезъ те тилькы й сылу мае, що зъ имъ товарыство такыхъ, якъ и самъ, гольтипакъ. А якъ винъ имъ разъ израдыть, то вже воны ёго зроду не прыймуть,—поневоли тоди буде зъ намы, хочъ и безъ велыкыхъ барышивъ.

— То тоди ёму хвоста вкрутымо?

— Авже жъ!.. А якъ винъ одъ ихъ одкынется, то самы воны довго не вдержаться.

— Бо винъ же въ ихъ голова, старшына!..—зареготався Копаныця.—Що правда, то правда,—намъ треба ёго збыты зъ плыгу. Бо воно—блоха, ну, а й блоха якъ почне кусаты, то спаты не дасть. Нехай Остапъ Дорохвеевычъ коло ёго заходыться,—ёму се найзручнище.

— Та що жъ,—и заходюсь,—згодывся Остапъ.—Тилькы вы мени скажить що ёму говорыты.

Почалы миркуваты, якымы барышамы можно краще спокусыты Зинька. Наказалы Остапови торгуватыся: спершу даваты меньше. А Денысъ казавъ, що занадто багато ёму дають.

— Дарма, абы впійматы!

— А тамъ скрутымо ёму въязы!

— Щобъ не брышкавъ!

— Нихто теперъ не брышкатыме!

— Прывъяжемо колодку свыни.

— А коды й зъ колодкою полизе.—по мордяци!..

— По мордяци! по мордяци!..

И зновъ уси зареготалыся,—такъ имъ до вподобы бувъ той жартъ. Сміялыся въ смакъ,—ажъ здорови жовти зубы поблыскувалы середъ щетынястыхъ, умазанныхъ у смалець, вусивъ та бороды.

II.

Зинько.

Зинько Сывашенко йшовъ полемъ. Ишовъ не поспишаючысь, бо була недиля, а, поробывшыся добре ввесь тыждень, любывъ у недилю видпочыты. И видпочывавъ справди, йдучы нога за ногою, упываючысь ясно-соняшнымъ веснянымъ днемъ, не душнымъ, бо жывущый витрець розвіювавъ духоту. Бувъ кинець весны, саме той, якъ и хлибъ, и трава зростуть уже досыть угору и блыщать пидъ соняшнымъ проминнемъ свижымъ зеленымъ колиромъ свого молодого соковытого тила.

Зинько зупынывся, задывывшысь. Передъ имъ шыроко розлягласъ поля зелени зъ буйнымы хлибамы. Витеръ гулявъ по ихъ, бывъ по ихъ своимы мякымы невыдымымы крыламы, дыхавъ на ихъ своимъ запашнымъ дужымъ дыханнемъ. Винъ грався зъ имы, винъ обнимався зъ имы, а воны весели, радисни, повни молодои сылы, молодого жыття, звывалысь пидъ ёго обіймамы, перекочувалысь моторнымы ясно й темно-зеленымы хвылямы.

Хвылювало, хвылювало зеленее море. Утикалы хвыли одъ витру. Котылыся, котылыся не перестаючы, все бижучы туды, въ далеку далечынню, ажъ де небо зхыляется до земли. Воны прыбигалы до ёго и плескалы въ ёго и цилувалы ёго. А воно сміялось до ихъ шырокымъ, безмежнымъ блакитнымъ усмихомъ, и той усмихъ спадавъ на ихъ золотымъ дощемъ соняшнымъ, несучы имъ жытте й сылу.

А витеръ, веселый и дужый, шугавъ мижъ блакытнымъ небомъ и зеленымъ моремъ и перекыдався, и купався въ просторахъ и сповнявъ Зинькови груды якоюсь дывною молодою сылою. Дыхалы груды такъ шыроко—вильно, и все тило, мицне якъ сталь, трепетало тіею сылою, здригалося видъ одного могучого порыванія кудысь кынутыся, щось изробыты—щось велыке, дуже, и гарне-гарне!.. И Зинько й самъ не помитывъ, якъ те порываніе до руху, до дила выхопылося въ ёго зъ грудей голоснымъ крыкомъ:

— Гей-гей!—далеко роскотылося полемъ, и Зинькови здалося, що голосъ ёго долынувъ ажъ туды, до краю зеленого моря, и плеснувъ объ бе́ригъ блакытного неба, и небо всмихнулось до ёго, до Зинька, такъ са́ме, якъ до того зеленого моря, якъ до тыхъ яривъ и байракивъ, що мрилы здалека, якъ до тыхъ пташокъ, що дзвенилы въ повитри, якъ до тыхъ метелыкивъ, що трипота́лы колёрыстымы кры́льцямы надъ зеленымы хвылямы.

Ой, та й гарно жъ жыты на свити, та й легко жъ, весело!.. Та якъ же й хочется жыты! Жыты й працюваты, робыты щось гарне—таке, якъ оци поля красни! И винъ ихъ робыть, тутъ йе й ёго праця,—отъ винъ здалека бачыть, якъ хвылюе й ёго поле, полыте ёго по́томъ... Хвылюе не згирше за инши, ни, ще й краще!...

Ой гарно жъ, радисно́, легко! И небо сміется, и поле сміется, и сміется счасте. Чому кажуть, що нема въ свити счастя? На свити, багато, багато счастя! Треба тилькы ёго здобуты. Все треба здобуваты, ни що само́ до рукъ не йде,—такъ и счасте.

Все треба здобуваты. Голова ёго спынылася надъ ціею думкою. Чы се тилькы за́разъ винъ до цёго дорозумувався, чы й попереду знавъ? А вже жъ знавъ, тилькы що, може, не думавъ про се такъ... розбирно́...

Все треба здобуваты, нищо́ само́ до рукъ не йде. Здобудешъ,—щаслывый будешъ, не здобудешъ,—зныдіешъ або згынешъ.

Зинько почавъ думаты, чы самъ винъ завсигды робывъ такъ, почавъ згадуваты мынуле жытте, перебираты одна по одній подіи. Почавъ зъ найблыжчыхъ, що трапылысь сёгодни, вчора,

и йшовъ дали, дали, пирнаючы въ те море мынулого жыття, то ясныхъ, то затуманеныхъ згадокъ. И потроху забувъ зъ чого почавъ думаты, сами згадкы опанувалы ёго цилкомъ, и мынуле стало передъ имъ якъ намалёване, якъ жыве.

Почувъ у своій души биль, згадавшы про те, про що николы не мигъ спокійно згадуваты, хочъ по тóму мынуло вже килькы рокивъ.

Ёго братъ Романъ, покынувшы чесну працю, руйнувавъ, укупи зъ товарышамы-коноводамы, свое село, забираючы въ людей кони, и врешти пидпалывъ у Зинькового сусиды Струка клуню, щобъ народъ збигся на пожежу, а ёго товарышамъ-коноводамъ вильно було тымъ часомъ браты кони. Ёго піймано, мордовано, палено страшно, вымагаючы, щобъ винъ выказавъ товарышивъ. Винъ не выказавъ никого, вытерпивъ, бувъ довго хворый одъ мордування, а тоди, засужденый, пишовъ на Сибиръ. Суджено й тыхъ, хто ёго пикъ, покарано тюрмою... Це все мынулося вже, а й доси стоить передъ Зинькомъ якъ жыве: и сей попеченый, змордованый братъ, и другый братъ, Денысъ, що дывився на те мордуванне залюбкы, ще й допомигъ, щобъ воно сталося... Охъ, цей Денысъ!..

Якъ бы винъ не гнався такъ за тіею копійкою, не сварився бъ изъ Романомъ, а лагидненько нахылявъ-бы ёго знову до роботы, дакъ може бъ и не було ничого. А то жадóба тая несыта: все бъ зажеръ соби,—отъ и давай выпыхаты Романа, щобъ бильше батькивщыны прыпало... Зненавыдивъ ёго такъ, що прымивъ-бы,—въ ложци воды втопывъ бы!.. И таки й утопывъ...

Боже! скилькы горя було тоди въ симьи! Батько занедужавъ тяжко и вже николы не выдужавъ зовсимъ,—за рикъ умеръ зъ велыкого бóлю, зъ несвитського соромá... Маты й доси плаче...

Не мигъ батько писля того Деныса бачыты. Выгнавъ ёго видъ себе, не давъ, а кынувъ якъ собаци ёго частку—усе, що той схотивъ, и зъ того часу не хотивъ и чуты за ёго и не згадувавъ николы. Зъ тымъ и вмеръ. Зостався Зинько хазяйнуваты вдвохъ изъ матиррю. Хазяйнувавъ такъ зó два рокы, а маты все нарикала, що стара вже, не може сама господарюваты... а хочъ

Зинько наймавъ наймычку, та наймычка не господыня, и треба Зинькови женытыся.

А винъ не хотивъ. Бо не знаходывъ соби пары. Видкóлы парубкувавъ, тилькы одна дивчына й прыпала ёму була трохы до вподобы—то була вбога сырота, байстрючка, наймычка Левантына—тыха, боязька и нижно-гарна. Та ій звивъ Романъ, покынувъ зъ дытыною... Зинько такы хотивъ ій взяты, та вона, поховавшы дытыну, втекла видъ ёго... згодомъ умерла тяжкою смертю—такъ, що Зинько тоди й не знавъ... Винъ не знае навить де ій могылка. Але згадка про неи жыла въ ёго въ серци и не давала змогы думаты про одружинне.

Та мынувъ часъ, затыхъ биль... Одружывся Зинько, и теперъ йе старій матери видпочынокъ. И Зинькови добре. Було бъ и зовсимъ добре, якъ бы не одно: якъ бы не ти думкы!..

Думкы посидалы Зинька, не давалы ёму впокою, гнитылы ёму серце, розсаджувалы голову. И не мигъ винъ имъ даты ладу, хочъ уси воны крутылыся коло одного. Отъ такъ, якъ у тій писни спивается:

Нема въ свити правды, правды не зискаты,
Що теперъ неправда стала правдуваты.

Отъ, саме такъ: стала *неправда правдуваты*, бо крывду вважають за правду. Зинько прыглядався до сильського жыття и бачывъ, що тамъ сáме такъ и йе.

По симьяхъ не було ладу. Диты змагалыся зъ батькамы и пусто йшлы. Кожне порывалося выхопытыся зъ свыты та вскочыты въ панське пальто. Думалы не про те, щобъ буты хазяинамы, а якъ бы щобъ не буты простымы. Кыдалыся на заробиткы въ городъ, а верталыся часто неробамы роспоганенымы. Браты промижъ себе грызлыся, а найбильше за тую батькивщыну, якъ собакы за маслакъ. Булы й тыхи симьи, що жылы въ згоди, та такыхъ було менше.

Не добре дiялось и въ громади. Тамъ верховодылы Конаныця, Денысъ, Рябченко та инши таки жмыкруты, дбалы не про добро людське, а тилькы за свои барыши: щó имъ нá руку,—за

те репетувалы, былыся, зъ рукъ ирвалы, не думаючы зовсимъ, що въ иншого черезъ те слёзы ллются. Та все жъ такыхъ багатырывъ було мало, а якъ бы воны сами булы, то певне ничого не моглы бъ изробыты зъ громадою, бо громада велыкый чоловикъ. Та на́ лыхо сама громада имъ пособляла. Одни стоялы за ихъ черезъ те, що булы имъ выны, напозыча́вшыся багато, то не малы сылы й змогы проты ихъ иты; други змагалыся й соби выбытыся вгору на бильше багатство, то держалыся богатырськои купы, сподиваючыся, що та имъ швыдче пособыть перевагу взяты надъ иншымы громадянамы; третихъ багатыри купувалы за горилку, и такыхъ було трохы чы не найбильше. Зоставалася невелычка кучка самостайни́шыхъ людей, але одни зъ ихъ не знаны якъ обстаты за свое право, а други булы вже занадто малосыли, щобъ моглы гору браты. Черезъ те въ громади багато гукалы, репетувалы, сперечалысь, але подужувалы завсигды багатыри зъ своимы прыбичныкамы й полыгачамы. И де-дали вбывалыся все въ бильшу та въ бильшу сылу. Народу намножылося стилькы, що вже ёму не ставало тіси земли, яка въ ёго була, а багатыри сылкувалыся пидгортаты пидъ себе й ту, скуповуючы іи въ убожчыхъ хазяинивъ, або забираючы за позычени й не вернени грошы. Де-дали коженъ зъ ихъ стававъ усе потужни́шый та потужни́шый, и Зинькови здавалося, що може прыйты такый часъ, колы воны посядуть усю землю громадську, и громади доведеться на ихъ робыты.

Такый ладъ здавався Зинькови поганый. Хыба жъ не могло буты краще? Але якъ?

Сёго Зинько не знавъ. Але винъ певный бувъ, що се можно знаты, и що десь хтось ёго знае. Де й хто? Може ёго знають паны, велыки генералы? Може вчени люде? Може де по книжкахъ напысано? Адже по книжкахъ спысано всяку науку: и якъ у Бога треба вирыты, и якъ по закону треба робыты, и якъ та зъ чого що сталося на свити—все! Чому жъ бы не було тамъ про те, якъ завесты лишный ладъ на сели?

До панивъ, велыкыхъ генераливъ не можно Зинькови доступыться, хочъ мабуть воны й знають про все, чого ёму

треба. Про вченыхъ людей—не про панивъ, а таки про справди вченыхъ людей—Зинько тилькы чувъ, що воны йе, але зроду ни одного не бачывъ, не зна й яки воны и де ихъ шукаты. Лышаются хыба кныжкы.

Багато про все це Зинько думавъ. Ще змалечку винъ не такый удався, якъ уси: бувъ тыхый замысленый хлопець. Слухняный, робывъ завсигды що наказувано, тилькы велыкый забудька бувъ: оце пасе телята й доглядае добре, щобъ якъ у шкоду не вскочылы... А навкругы трава зелена, небо шыроке, пташкы летючи... Якъ воны литають? Черезъ що воны литають? А якъ бы чоловикъ соби крыла прыробывъ, то литавъ бы? Мабуть ни, бо якъ бы можно було, то давно бъ уже вси люде поробылы соби крыла та й литалы бъ,—се жъ краще, нижъ ходыты або йиздыты. А чого жъ пташкамъ можно? Уже жъ люде розумнишы за пташокъ, то певне колысь выгадають такъ, що й литатымуть. Ото-бъ добре було! Ажъ до неба можно було бъ! долынуты та й подывытысь що тамъ йе... на Бога й на янголивъ глянуты. Еге—ге! теперъ винъ знае чого люде не можуть литаты: бо якъ бы моглы то й коженъ гришный чоловикъ замисто пекла залитавъ бы въ рай та й надокучавъ бы Богови. Тымъ то Богъ такъ и зробывъ. Хочъ воно й не по правди, бо й мижъ пташкамы не вси жъ праведни, а йе й гришни. Онъ шулика—кожну пташку роздырае. А може жъ ёму то видъ Бога звелено, щобъ пташкы йисты? Такъ, якъ людямъ можно йисты вивци, волы, куры... Якъ чудно на свити: одне одного йисть: вивця йисть траву, а чоловикъ та вовкъ вивцю; пташка йисть комашокъ, а шулика та чоловикъ йисть пташокъ: рыба йисть чирвакивъ, а чоловикъ рыбу... Штука!—чоловикъ усе йисть, тилькы ёго нихто не йисть! Хыба нихто? А вовкъ та ведмидь якъ ниймае, то й зйисть, колы чоловикъ ёго не вбъе. Онъ якъ: одне одного йисть, одне одного йисть... А се погано, бо воно болыть, якъ ризаты або вбываты. Чому бъ не було такъ на свити, щобъ нихто никого не йивъ, а йилы або хлибъ, або садовыну, або городыну, або траву... Ха-ха-ха! Це бъ тоди люде паслысь якъ телята!..

— Ой-ой-ой-! А де жъ це телята?

Гляне, ажъ воны давно въ шкоди. Бижыть Зинько завертаты... Побачыть сторожъ або хазяинъ та такыхъ духопеливъ ёму падае... Бувало такъ, що й займано, то Зиньковому батькови доводылось платыты за спашъ. Батько гримавъ, а Денысъ и бывъ за се...

Зрисъ трохы Зинько, нарубкомъ уже бувъ, заманулося ёму вывчытыся чытаты. Школы въ ихъ тоди ще не було, дакъ Зинько зъ свого заробитку дякови платывъ, ажъ покы той навчывъ ёго такъ-сякъ чытаты. Пысаты винъ и самъ трохы прывчывся: купывъ соби пропысь у городи та й навчывся самопыскы... Помалу пыше, але все жъ пыше. Чытае краще. Винъ уже багато книжокъ попрочытувавъ. Зъ святыхъ книгъ Евангелію найбильше вподобавъ. Здорово тяжко розбираты, а книжка справди свята, бо напысано, якъ по правди жыты, людей не крывдючы. А зъ несвятыхъ книжокъ найбильше ёму до смаку прыпало дви. Одного разу винъ бувъ у городи на базари и купывъ тамъ дви стареньки, въ поганенькыхъ палитуркахъ, книжкы. Одна була менша и звалася: «Робертъ Оуэнъ». Важко було ій розумиты,—Зинько й теперъ ще не все въ ій розибравъ. Але оце винъ розибравъ добре: йе така земля Англія, а въ тій Англіи на хвабрыкахъ та на заводахъ робочому народови дуже погано було жыты; дакъ выйнявся такый чоловикъ, Робертъ Оуэнъ,— винъ усе клопотався, щобъ тымъ людямъ краще жыты було, и всякого способу до того добиравъ, самого себе не жалiючы. И Зинькови цей Робертъ Оуэнъ здавався такымъ гарнымъ чоловикомъ,—трохы чы не святымъ: де жъ такы—багатый панъ, мигъ, бы соби сласно йисты й пыты, хороше ходыты, ни про що не дбавшы, а винъ за вбогыхъ людей такъ клопочется! Зовсимъ якъ святый! Въ книжци бувъ Оуэнивъ патретъ. Зинько выйнявъ ёго звидты, оддавъ завесты въ рямци пидъ скло и почепывъ на стини. Дывысь на ёго й думавъ;

— Отъ бачъ-же, выйнявся тамъ такый чоловикъ, що за вбогыхъ людей обставъ. Чому жъ у насъ нема такого, щобъ

обстававъ за нашыхъ хлиборобивъ та й позаводывъ середъ ихъ кращи порядкы?

Друга кныга була Зинькови така зрозумила, така зрозумила, якъ ще ни одна въ свити: кожне тоби словечко въ ій Зинько тямывъ, розумивъ и почувавъ, бо воно ёму якось до душы, до серця промовляло. Звалася та кныга «Кобзарь Тараса Шевченка», и якъ Зинько чытавъ ій, то такъ, мовъ батька ридного чувъ, або до писни, що кохана дивчына спивае, прыслухався. Такъ гарно!.. И напысано про таки прости речы и про простыхъ людей, а гарно! Черезъ те жъ и гарно воно Зинькови було, бо ёму сподобалося, що про простыхъ людей однаково якъ и про панивъ велыкыхъ, говорытся. И Зинько такъ соби думавъ:

— Велыка душа въ того чоловика була, що сю кныгу спысавъ, бо винъ розибравъ, що й мы люде, та й каже про насъ, якъ про людей.

И винъ выйнявъ зъ кныгы патретъ Тарасивъ Шевченкивъ та й ёго почепывъ поручъ изъ Оуэномъ у рямцяхъ за скломъ. Дывлючысь на ёго, згадувавъ разъ-у-разъ усяки ёго щыри слова (знавъ изъ головы багато), а якъ згадае таки, якъ отъ:

Обнимите, браты мои,
Найменшого брата,—
Нехай маты усмихнеться,
Заплакана маты!

то ёму ажъ слёзы бренилы на очахъ. Духъ переймало ёму й тоди, якъ чытавъ:

Учитеся, браты мои,
Учитесь, чытайте—
И чужого научайтесь
Й свого не цурайтесь.
Бо хто матиръ забувае,
Того Богъ карае.

Спершу винъ не розумивъ, до чого се тутъ матиръ изгадуется, але дали, багато развивъ прочытавшы «Кобзаря», за малымъ не вывчывшы ёго всёго, думавшы про ёго часто, таки зрозумивъ....

И тоди сказавъ самъ соби, що буде винъ поважаты свою хату, не хоче видбыватыся видъ своихъ людей и буде *вчытыся*.

Вчытыся! О, цёго бажала вся душа ёго, до цёго порывалася вся йстота ёго! Вчытыся, щобъ знаты, якъ и що йе на́ свити и черезъ що воно такъ. Учытыся, щобъ знаты, якъ запобигты лыхови, якъ зробыты, щобъ не крывда, а *правда правдувала!* Винъ певный бувъ, що наукою сёго зможе дійты, бо не дурно жъ той, хто напысавъ «Кобзаря», люблючы такъ дуже правду та вбогыхъ людей, веливъ усимъ учытыся. Винъ знавъ, на що се казавъ, и Зинько хоче ёго слухатыся, за ёго прыводомъ иты и вчытыся.

Але якъ? Де? Видъ кого?

До школы вже пизно було йты такому, якъ винъ. Черезъ те пишовъ до вчытеля, просючы, щобъ той учывъ ёго самого, а винъ за те ёму платытыме.

— Чого жъ тебе вчыты?—запытавъ учытель.

— Всіеи науки, яка йе на́ свити!—видказавъ Зинько.

Учытель засвыстивъ, а тоди зареготався.

— Дурный ты!

— Та я знаю, що я дурный,—тымъ и прыйшовъ, щобъ вы мени розуму доточылы.

— Хыба жъ можно всихъ наукъ навчыты?

Та й почавъ личыты яки йе наукы: и така, и сяка, и отъ яка... Ажъ моторошно Зинькови стало...

Одначе, все жъ изгодывся вчыты Зинька де чого и справди за рикъ навчывъ ёго трохы арихметыкы та пидучывъ дужче розумиты книжкы... Та незабаромъ Зинько побачывъ, що сей учытель и самъ не дуже бильше знае... та й до книгы мало колы зазыра, а все то въ карты гуляе, то въ бе́седи горилочку цмулыть, то зъ собакою качокъ дыкыхъ стриляты бигае... А ще бильше не сподобався винъ Зинькови тымъ, що на кожного се-

ляпына, хочъ бы якого старого й поважного, каже «*ты*» та велычается передъ мужыкамы, що винъ панъ... Покыпувъ Зинько до ёго ходыты. Наважывся вчытыся самъ.

Купывъ соби арихметыку, щобъ и дали вчыты ій, купывъ геограхвію, бо хотивъ знаты про всяки зе́мли... Купувавъ ище багато всякыхъ кныжокъ. Яки булы въ ёго грошы, що мигъ бы на парубоцьки вборы вытрачаты, або що,—все виддававъ за кныгы. Купувавъ на базари, въ щетынникивъ и въ погане́нькій кныга́рни въ го́роди. Купувавъ, не знаючы яки воны, а такъ—яка до вподобы прыпаде своимъ заголовкомъ. Купувавъ и чытавъ багато и врешти кынувъ. Здебилшого ёму траплялыся недотепни, а часомъ и гыдки кныжкы. Зинько не знаходывъ середъ цёго мо́тлоху того, чого шукала ёго розумна, свиту прагнуща голова. Надъ «Кобзаря» та надъ «Роберта Оуэна» кныгы не знайшовъ, хочъ не збувся надиі колысь такы вышукаты чого треба. Знавъ бо, що йе добри кныгы, але самъ не тямывъ, по чо́му ихъ пизнаваты и де ихъ знаходыты. Зрозумивъ, що мусыть засягты порады якого-сь тямущого чоловика.

Де жъ винъ? Де ёго шукаты?

Навкругы, поблызу Зинька, ёго не було. Учытель самъ не дуже дбавъ за кныгы, батюшка не любывъ розмовляты зъ селянамы ни про що, оприче церковныхъ справъ; панокъ Глушкивськый (поблызу жывъ) тилькы й знавъ, що ганявъ зъ хортамы за зайцямы, то Зинько й не сподивавсь тамъ ничого доброго почуты... та й не смивъ до ёго, до незнаёмого, йты...

— У городъ хыба питы?—думавъ соби парубокъ часомъ, але заразъ-же й покыдавъ цю думку: разъ, що винъ якось не полюблявъ того города писля нещаслывого выпадку зъ Романомъ та зъ Левантыною, а друге—до кого-бъ же винъ и тамъ удався? Все невидоми люде, не схочуть зъ имъ и говорыты. И зоставався Зинько самъ изъ своимы думкамы...

Хочъ и не зовсимъ самъ. Такы булы де-яки товарыши, що винъ мигъ изъ имы розмовляты про те, що турбувало ёму розумъ и серце. Найбильше зъ Карпомъ та зъ Васютою...

III.

На пасиці.

Почынало ставать душно, бо сонце давно вже звернуло зъ пивдня. Питъ проймавъ Зинька, а витеръ уже не прохолоджувавъ, бо й самъ ставъ такый гарячый, мовъ зъ печы.

Зинько вже бачывъ поблызу середъ поля невелычкый гаёкъ. Тамъ холодокъ, тамъ такъ гарно,—хочь бы швыдче дійты.

Винъ скынувъ чумарку, щобъ не було такъ душно и зостався въ самій гарно й рясно вышываній сорочци зъ тонкого полотна. Видкотный комиръ злегка обнимавъ ёму загорилу шыю. Загориле було й облычче, худе трохы, але молоде й чепурне, зъ темнымы вусамы й чупрыною, що не зовсимъ ховала ёго лоба гарного, хочь и була розчисана напередъ. Зъ пидъ чорныхъ ривнывъ бривъ (заздрощивъ дивочыхъ) сялы розумни променысти очи. Винъ удывлявся тымы очыма въ блызькый уже гай,—чы не побачыть тамъ кого ёму треба. Не побачывъ никого. Додавъ ще ходы и незабаромъ ставъ биля гаю.

Маленька стежечка вбигала зъ поля помижъ дерева. Зинько вступывъ на неи, и ёго вразъ обняло такымъ гарнымъ любымъ холодкомъ, що винъ ажъ зитхнувъ шыроко й легко. Пишовъ тоди помалу, впываючысь тіею жывущою прохолодою, тыхо ступаючы по мякій стежци. Трохы згодомъ деревъ поменшало, и незабаромъ передъ Зинькомъ розислалася прогайлёвына, вся осяяна соняшнымъ проминнемъ.

Се була пасика. Десяткивъ зо́ три вуликивъ, понакрываныхъ покривлямы черепъянымы й зъ кóры, стояло середъ гайка. Золоти бджолы бренилы въ золотому соняшному проминни, купчылысь на вуликахъ биля вичокъ, гулы весело. Ливоручъ стояла невелычка катрага, а передъ нею, трохы блыжче до Зинька, въ холодку пидъ велыкою гиллястою грушою, сыдило двое.

Просто Зинька сыдивъ, нахылывшы порыте глыбокымы зморшкамы чóло зъ снижыстою стрихою, зовсимъ билый дидъ.

Велыка довга борода спадала ёму на товсту билу сорочку и на ій ще билила якъ снигъ. Худорлявый дидъ мавъ шыроки плечи и могучи ще жылави рукы. Винъ зъ упокоемъ зложывъ ти рукы на колинахъ и не поспишаючысь оповидавъ тыхымъ ривнымъ голосомъ, иноди кываючы злегка головою, и тоди Зинько бачывъ, якъ зъ пидъ ёго билыхъ кудлатыхъ бривъ блыщалы чорни, надзвычайно молоди очы.

Слухала ёго пыльно, втупывшы въ ёго свои темни мрійни оченята дивчынка, що сыдила передъ имъ. Ни, не дивчынка, бо на голови въ неи бувъ маленькый святковый очипокъ,—тилькы здавалась дивчынкою,—така була зъ облычча молоденька, за малымъ не дытына. Сыдила бокомъ до Зинька, просто на земли, пидобгавшы пидъ себе ногы. Зинькови выразно выдко було ій высоке, якъ и въ дида, чоло, мовъ намалёвану, чорну брову и маленькый, ледви-ледви горбатый носыкъ; червони губынята и нижно обведене легеньке пидборидде. Трохы загориле облычче такъ и пашило румъянцемъ. Коло вухъ и на шыи вылося, выбывшыся зъ пидъ очипка, непокирне русяве волоссе. Тонка шыя вгыналася пидъ разкамы колёрыстого намыста й дукачивъ. Блыскучею хвылею спадалы воны на высоки груды, на билу тонку сорочку зъ мистецькымъ вышываннемъ. Тоненькый станъ стягавъ червоный плетеный поясъ, колина обнимала картата старосвитська плахта—зъ зеленымы, червонымы, сынимы, жовтымы картамы. Молодычка заслухалася дидового оповидання, ій маленьки рученята лежалы на колинахъ нерухомо. Передъ могучою постаттю обсыпаного снигомъ старечои зимы дида ёго маленька слухачка здавалась якоюсь рясноцвитною нижною веснянною квиткою.

О, якъ винъ ій любывъ, сю квитку, винъ, Зинько! Любывъ и заразъ такъ сáме, якъ и тоди, якъ уперше ій зостривъ, уперше глянувъ на неи та й закохався видразу й навикы. Цёму помынуло вже мало не пивтора рокы, але Зинько й доси мовъ бачыть передъ себе ту першу зустричъ.

До того часу винъ ій не помичавъ. Бачывъ разъ чы двичы, але давнише, маленькою ще дивчынкою. Воны жылы далеко видъ

Сывашивъ, зовсимъ на другому кутку села. Зинько й на своему кутку не дуже ходывъ на вулыцю, а на чужый, то й поготивъ. И въ церкви бувавшы якось недобачавъ ии. Ажъ одного разу послався ёго батько на поле въ пасику до дида Дороша Колодія попытаты, чы не продасть винъ ёму зъ пару вуликивъ. Зинько прыйшовъ на цю саме пасику, але никого на ій не було. Озырався туды й сюды, чы де не вгледыть дида, колы несподивано передъ себе побачывъ дывну дивочу постать. Саме въ оцёму, вбранни, що й сёгодни, тилькы безъ очипка, зъ винкомъ на голови, зъ довгою пышною косою, стояла вона на краю прогайлёвыны, готуючысь выйты зъ гаю на пасику. Роэхылывшы кущи рукамы, спынылась, зострившы несподиваного гостя и дывылась на ёго мовчкы. Ёму здалося, що передъ имъ стала якась гаёва царивна—така, про яку оповидають у казкахъ: гарна, якъ квитка, легенька й полохлыва, якъ пташка. Винъ зъ нею ще слова не сказавъ, винъ тилькы глянувъ ій у-вичи и вже почувъ, що кохае ии, що вона ёму дорожча за всихъ людей на свити... И воны стоялы одне проты одного мовчкы, мовъ зачаровани, обхоплени однымъ могучымъ почуваннемъ.

Тилькы тоди винъ зрозумивъ, що винъ никого й николы не кохавъ, що Левантына була ёму тилькы сестрою—нещаслывою й любленою сестрою... Теперъ винъ зновъ стоить у тій же такы пасици и передъ ёго дидъ Дорошъ, а вона, Гаинка, ёго коханне, ёго дружына, ёго щасте, сыдыть и слухае.

И, стыха чоломъ кываючы, оповидае дидъ:

— А въ лиси жыве Полисунъ. Ходыть зъ велыкою пугою и ганяе вовкивъ, бо винъ вовчый богъ. Де вiйна, то винъ туды й турыть ихъ на прокормъ... Такый, якъ чоловикъ, тилькы велыкый, якъ дерево... И видъ ёго тини нема: усе мае тинь, а винъ—ни... А у поли жыве Полёвый—и то нечыста сыла... А въ очерети надъ ричкою Очеретяныкъ—выбигае зъ очерету билымъ бараномъ и лякае людей... А въ води жыве Водяныкъ—сей у зеленый кушырь уплутаный, пакосты чыныть, гребли рве... А въ болоти жыве Болотяныкъ—такый замурзаный та вкаляный...

уночы затягае въ болото чоловика... вогныкомъ свитыть середъ болота, а чоловикъ думае, що тамъ люде, иде туды, а воно все дали, дали... ажъ покы заведе въ таку ковбаню, що й загрузне бидолашный чоловикъ... А въ скели жыве Змій. И се нечыста сыла. Симъ годъ жыве гадыною, други симъ годъ—полозомъ (така велыка та страшна зміюка), а трети симъ годъ жыве зміемъ изъ крыламы,—таки велыки, якъ у витряку... И тилькы трохы махне крыламы,—схопытся выхоръ и закрутыть по шляху и якъ стрине чоловика, то пидвіе и вхопыть, и кыне, й скаличыть навикы. А якъ дуже махне крыламы та вылетыть изъ скель, то зареве буря и ламаются дерева и розвалюются хаты...

— Ой страшно!.. Боже!..

— И въ хмарахъ йе нечыстый,—збирае хмары маленькымы шматкамы и зносыть ихъ докупы, ажъ покы зберется велыка хмара... А якъ бувае въ нечыстои сылы весилле, дакъ винъ тоби збирае багато снигу и сыпле й крутыть имъ,—того й завирюха.

— Бачъ, чого воно бувае! А я й не знала!...

— А ще нечыстый литае зміемъ-перелесныкомъ. Якъ побачышъ на дорози стричку або поясокъ,—николы не беры. Одна жинка знайшла та й заховала въ скриню. А то бувъ змій-перелесныкъ: вылизъ та до неи вночы... Зъ того часу ставъ литаты до неи и жыты якъ чоловикъ изъ жинкою, а вона зсохла, змарнила и вмерла... А скарбу, якъ хто закопае, береже Скарбныкъ: не попустыть никому зайняты... А дома жыве Домовыкъ...

— Що людей у ви сни давыть?

— Еге, давыть, якъ гнивается... А щобъ не гнивався, треба становыты ёму окрипъ—пъе... А то якъ розгнивается то й спалыть...

— И Господы!—ажъ сплеснула рукамы Гаинка,—и скризь, де не ступнешъ, ота нечыста сыла: и въ води, и въ земли, и въ лиси, и въ очерети, и въ бузыни, и въ руинахъ, и въ скели, и въ хмари—скризь, скризь, скризь! И все на шкоду людямъ! И на що Богъ пустывъ ии на свитъ? Адже зъ неи нема добра, сама шкода?

— Нема... Трошкы йе... Що дня, якъ сонце сходыть, дакъ воны, куцакы, выкочують ёго. А воно горыть, а воно ихъ пече!.. Що-дня тысяча ихъ тамъ робыть, а мало якый жывый зостается.

— Де жъ воны знову набираются?

— Якый жывый зостанется, то той купается, а купаючысь,— брызкае позадъ себе, покы набрызкае тысячу крапель,—и зъ кожнои крапли, заразъ народжуется гаспыдъ.

— Боже! То це коженъ що-дня народыть ихъ ажъ тысячу! Дакъ це жъ скоро за имы й ступнуты не можно буде!

— А ты жъ думала якъ? Та хыба тилькы си? А ще Мана́, що маныть людей, абы зблукалыся, та Мара́—голову имъ заморочуе, та Манія́—дратуе ихъ, та Моровы́ця—така, якъ корова, або якъ кинь, да тилькы сами кисткы, безъ шкуры... Якъ про́йде по селу вночи,—коровы ревуть страшно, а вси собакы мовчать—боятся... И обходыть усе село, и де стане,—тамъ скотына и гыне, и гыне...

— Ой, страшно!.. Це ще страшнише за русалокъ, дидусю... Я страхъ боюсь, що мене русалкы залоскочуть.

— Дакъ то жъ на Русалчынъ Велыкдень.

— А мавкы?

— Та й мавкы жъ... И русалкы, й мавкы—все зъ нехрыщеныхъ дитей... По поляхъ, по лисахъ, по водахъ жывуть...

— И скризь таке, що ёго й не бачышъ, а воно жыве... Оть дыво!

— Чому—не бачышъ? Якъ хто, то часомъ и бачыть. Доведется й тоби колысь побачыты.

— Ой ни, ни, ни!... Не хочу! Не хочу! Не хочу!..—И вона затулыла облычче одніею рукою, а другою махала видъ себе, мовъ боронючысь одъ нечыстои сылы.—Не хочу, бо я боюся!..

Въ сю мыть Зинько пидійшовъ до неи и обхопывъ за плечи.

— Ой!—скрыкнула вона несамовыто, зирвалась на ногы, видскочыла й глянула зъ пидъ рукы.

— Зиньку!.. капосный! поганый! Якъ ты мене злякавъ! геть, геть, геть видциля!.. Чого ты сюды прыйшовъ?.. Тилькы лякаты мене!..

И вона кынулась до ёго та й почала видпыхаты видъ себе. А винъ одніею рукою обхопывъ іи, маленьку, за станъ и пиднявъ угору.

— Геть!.. Чого ты прычепывся?.. Диду! та скажить ёму!.. Оце ще выгадкы!..

Вона пручалась, одбывалась своимы маленькымы рученятамы.

— Ахъ ты жъ кошеня дряпуче!—скрыкнувъ Зинько. и вмыть схопывъ другою своею рукою обыдви іи рукы. —Отъ же тоби! Въ неволи!..

— У неволи!.. Якый гарный!.. Пусты!.. Здоровый якъ ведмидь,—дакъ и радый!.. Пусты, а то плакатыму!..—казала вона й справди плачу́щымъ голосомъ.

Зинько пустывъ. Вона вразъ выхопылась одъ ёго, видбигла геть дали и зареготалась веселымъ дзвинкымъ смихомъ.

— Одурыла! Одурыла! А що?!.. Я й не думала плакаты и не плакала бъ... А одурыла!..

И вона ажъ стрыбала зъ радощивъ, а Зинько й сывый дидъ дывылыся на неи нижно-ласкавымы очыма, весели й щаслыви. «И де вона въ Бога, оця ясочка, взялася?»—шепотивъ дидъ. А ясочка выбигла на сонце и стояла вся променысто-золота, и золоти бджолы бренилы, вылыся кругъ неи, не займаючы іи. Вона хытала маленькою чепурною голивонькою, кывала рукою на Зинька й казала:

— А що? втекла! И не доженешъ теперъ, и не доженешъ!.. Бо по пасици бигаты не вильно,—дидусь не велять! А що?

— Годи вже! Я не наздоганятыму. Иды та сидай зъ намы!

— Отъ! А ты мени знову рукы крутытымешъ?

— Иды, иды,—я не дамъ,—казавъ дидъ.

— Ну йды жъ!—заклыкавъ и Зинько.

— А не за́ймешъ?

— Та не займу, кажу жъ тоби! Ось я ляжу.—сказавъ Зинько и справди лигъ, розкынувшыся въ холодку.—Ну та й гарно якъ тутъ писля спеки!

— Бачъ, гарно!.. А чого доси не прыходывъ сюды?—сказала Гаинка, сидаючы биля ёго.

— Покы справывся дома—та те та се...

Вона почала ховаты пидъ очипокъ непокирне русяве волоссе, що вылося кругъ усеи головы:

— Ать, се мени волоссе!..

Сей гаёкъ и пасика булы Колодіивъ, але Зинько становывъ сюды на лито й свои вулыкы. А Дорошъ, Гаинчынъ дидъ, беригъ пасику. Дидъ Дорошъ бувъ старый, але ще кремезный чоловикъ. Усе лито винъ жывъ на пасици, мало колы й навидуючысь до-дому. Винъ такы й не любывъ буты дома: усе тамъ було ёму не до вподобы. Сынъ ёго Остапъ, Гаинчынъ батько, заводывъ тамъ такый ладъ, що, якъ на дидову думку, зъ ёго не могло буты ничого доброго. Замисто щобъ хазяйнуваты по Божому, винъ запрыятелювавъ изъ Денысомъ, изъ Копаныцею, зъ Рябченкомъ, почавъ даваты на процентъ та на видробитку грошы, почавъ прытыскаты людей... И самъ жыты ставъ уже не такъ: закрывывся на якого-сь чы мищанына, чы Богъ ёго й зна на кого... въ горилку ставъ укыдатыся... Все те не подобалося старосвитському дидови.

— Земля—маты,—казавъ винъ,—шануй іи, то вона тебе озолотыть, а оти гендели всякы, то чортъ-зна-що!—то видъ лукавого!... Зъ того добра не буде!..

Винъ давно виддавъ сынови все хазяйство, черезъ те не встрявавъ до ёго. Що правда, одного разу винъ сказавъ Остапови, що не туды винъ верне, дакъ той ёму й одризавъ:

— Не ваше дило, тату! Вы свое видробылы, а теперъ, колы здалысь на мене, то вже я робытыму такъ, якъ схочу.

— Абы розумно та по Божому,—видказавъ старый и бильше вже й не озывався за це. Винъ самъ мавъ таку вдачу, що колы робывъ яке дило, то щобъ нихто не встрявавъ и не перешкожавъ робыты якъ хочешъ. Черезъ те не мишавсь и до сына. Що правда, винъ мигъ зовсимъ одибраты въ ёго хазяйство и знову початы самому хазяйнуваты, дакъ же разъ, що бувъ такы вже старый, а друге, що тоди повстала бъ у симъи сварка та незлагода, а дидъ Дорошъ сёго не любывъ и якъ чумы страхався. Умерты хотивъ по Божому, въ упокои та въ злагоди зъ усима. А що сыновы

порядкы ёму не подобалысь, то такы не вдержувавсь, щобъ часомъ не докорыты: скаже щось, мовъ кыне слово, та й пишовъ и не слухае вже, чы ёму що видкажуть, чы ни. А дывытыся на все те не хотилось,—черезъ те винъ, скоро почыналась весна тепла и бджолу зъ омшаныкивъ захожувалысь выйматы, заразъ перейиздывъ жыты въ сей гаёкъ, у катрагу, и вже ридко колы й зазырявъ до-дому, бо ёму сюды й сорочку билу прынесуть щонедили, а йисты винъ и самъ собі зварыть. Такъ жывъ ажъ до осены, ажъ покы бджола перейиздыла до омшаныка,—зъ нею вертався й дидъ до села.

Сёгодни, заразъ по обиди, Гаинка побигла зъ дому до матери, а звидты—до дида, на пасику. Зинько жъ не схотивъ иты до тестя, а прыйшовъ просто сюды и оце лежавъ теперъ у холодку пидъ деревомъ, упываючысь свижымъ запашнымъ повитремъ, а биля ёго сыдила й щебетала Гаинка, а дидъ Дорошъ докыдавъ часомъ и собі сливце.

— А батько пыталысь,—казала Гаинка,—чому ты до ихъ не прыйшовъ... Якесь у ихъ тамъ дило... Пыталыся, чы ты дома будешъ? Ни, кажу, и винъ до дидуся пиде...

— Яке жъ тамъ дило?—цикавывся Зинько.

— А хыба я знаю? Казалы—дило... Та воны сюды прыйдуть сёгодни, то самъ и попытаешъ.

— Гараздъ.

— А що, сыну,—пытавъ дидъ Дорошъ,—якый хлибъ?

— Хвалыты Бога,—добрый. Думка, що неврожаю не буде.

— Колы бъ то Богъ давъ!.. А то все неврожай та неврожай,—зведуться люде ни на що!—бидкався дидъ.

— А зведуться, диду, колы не будуть дбаты про те, щобъ краще господарствоваты... А то лисы рубають, а земля сохне, и дощивъ меншае... И выробылась земля, вытратыла всю сылу, а воны й сылы ій не вертають...

— А якъ же ій сылу вертаты?—пытавъ дидъ.

Зинько почавъ бувъ розсказуваты що́ прочытавъ недавно въ книзи, але дидъ и слухаты не хотивъ, тилькы рукою махнувъ:

— Атъ! Выгадкы! Колысь и вченыхъ не було, та яки врожай булы! А теперъ черезъ те й неврожаи, що вчени понаставалы, не вирють ничому старосвитському, все въ ихъ дурныця! Гнивается земля,—тымъ и не родыть! Отъ що!..

— Хыба земля жыва, диду?—спытала Гаинка.

— А ты думаешъ—ни? Вона все чуе й знае. Уси грихы людськи бачыть и вгынается, якъ по ій гришныкъ иде... а якъ якого, то й зъ ямы выкыне мертвого. Якъ люде гарни до неи, вона радіе й пособляе имъ, а якъ ни, то плаче й гнивается.

— Та чого жъ вона гнивается?—спытався, усмихаючысь, Зинько.

— Того, що ій не шанують! Вона—паша маты, вона—свята! Ій цилуваты треба, кланяючысь!.. А въ насъ що роблють?—Не то дытына дурна, а й здоровый лобуряка сяде та й давай кыйкомъ гатыты по ій. Игрышкы ёму!.. Або, колысь було, молодыця якъ несе обидъ орачамъ, то вберется якъ на Велыкдень: визьме плахту гарну, роспустыть намитку довгу, бо такъ треба до земли йты. Отъ воно й родыло и на вгороди й на поли. А теперъ иде молодыця, просты Господы, якъ та росомаха: у самому очипку, ще й пачосы повыпускае, а замисть плахты—задрипана спидныця. Ну, хыба жъ се шана земли? Ну, вона, свята, й гнивается.

Гаинка глянула на свои колина и побачыла тамъ плахту; тоди лапнула себе за голову: неслухняне русяве волосся все вылося зъ пидъ очипку. Вона мерщій ухопыла хустку, що лежала биля неи, й напнулася.

— Ни, диду,—видказавъ Зинько,—тутъ не въ тому сыла.

— Атъ!—перепынывъ ёго дидъ.—Отъ я тебе люблю дуже, Зиньку, що ты добрый чоловикъ и гарно, по Божому, жывешъ, а отого вже не люблю, якъ ты зъ кныжокъ почнешъ верзты всячыну. То вже видъ лукавого, оти кныгы.

— Адже й Евангелія—кныга,—сказавъ Зинько.

Дидъ розсердывся:

— Що ты ривняешъ? То Евангелія, а то ка-зна що!.. Отъ уже не люблю!..

По стежци видъ поля почулася ходá.

— Батько, батько йдутъ!—скрыкнула Ганпка.

И справди, незабаромъ на краю пасикы стала высока гарна постать Остапова.

— Здорови, тату!—зъ недилею!

— Здоровъ, сыну! И тебе зъ недилею!

— И ты тутъ, Зиньку? Здоровъ!

— Здорови, тату!

— А чомъ же ты до мене зъ Ганкою не прыйшовъ? У мене до тебе й дило йе.

— Казала мени Ганпка. Яке жъ тамъ дило?

— Нехай же згодомъ,—одпочыну трохы.

Сивъ до гурту и почавъ роспытуваты дида Дороша про пасику. Погомонивши, сказавъ до зятя:

— А ходимъ, Зиньку до того лану, що биля Крывои балкы, я тамъ щось хочу тоби показаты.

— И я зъ вамы,—скочыла Ганпка.

— Ни, ты не ходы,—звеливъ батько.—Мы заразъ вернемось.

— Ну, дакъ вертайтеся жъ швыдче!

Тесть изъ зятемъ пишлы зъ пасикы. Выйшовшы на поле, пишлы помалу середъ высокихъ жытивъ. Зинько мовчавъ, дожыдаючысь, покы тесть самъ озветься зъ своимъ диломъ. Якъ уже видійшлы трохы геть, той загомонивъ:

— Отъ що, Зиньку: йе въ мене одно дило дуже добре.

— А ну скажить!

— Знаешъ ты Горянського землю? Добра земля?

— Ще бъ пакъ!

— Щó, якъ бы намъ ии въ посессію взяты?

— Еге! Де жъ такы? Дви зъ половыною тысячы десятынъ! Хыба жъ то на пашу сылу?

— Абы схотилы, то буде й на нашу. Зберемо такый гуртъ. товарыство, визьмемо землю, а тоди подилымо часткамы,—скилькы кому треба. Адже тоби треба?

— Та трохы такы треба...

— И гараздъ! и добре!—зрадивъ Остапъ.—Визьмешъ, скилькы схочешъ.

— Або ще й на скилькы грошей выстачыть.

— За грошы не турбуйсь!—одказавъ Остапъ.—Колы въ тебе зразъ усихъ нема, то можно тоби на якый часъ позычыты, здобуты... А тамъ земля ихъ верне... Се вже я тоби грошей добуду.

— Спасыби вамъ, тату!

— Дакъ выходыть—прыстаешъ?

— Чому—ни? Якъ уся громада прыстане, то й я.

— Та ни жъ бо! Се не вся громада братыме землю, а такъ—товарыство, гуртъ.

— А якъ на мою думку, то краще, якъ бы вся громада... Ну, а хто жъ у тому гурти?

Остапъ почувався, що теперъ винъ ажъ у самыхъ суточкахъ. Одначе не выявлявъ того, а казавъ певнымъ голосомъ:

— Та люде все гарни, заможни,—нема чого боятыся, що невыдержка буде зъ гришмы, якъ панови платыты.

— Хто жъ то?

— Та ось я та ты... Тонконоженко Терешко... сватъ Манойло Гаврыловычъ... Ну, вже тутъ знаешъ, не мынешъ и Деныса... Хочъ ты ёго й не полюбляешъ, та такы жъ винъ тоби братъ, то треба вамъ родычатыся...

— А ще хто?—допытувався Зинько.

— Та мабуть и вси...

— Ни, сихъ мало: не подужають.

— Та ще буде старшына... та Яхремъ Рябченко... Вавыловъ... Оце покы й уси... Може ще кого доведется прыняты,—того вже не знаю. Дило барышовыте! Тутъ такъ, що можно на карбованець—два заробыты.

— А чого жъ то воно таке барышовыте?—выпытувавъ Зинько.

— Оттакъ! Та земля жъ яка тамъ добра—се разъ. А друге—цину на землю тоди вже мы самы яку схочемо скажемо, бо навкругы не буде такои земли, щобъ нашымъ дыблянамъ браты... Ну. дакъ скилькы жъ тоби десятынъ?

— Ни скилькы,—видказавъ спокійно Зинько.

— Якъ то?—здывувавсь Остапъ.—А ты жъ казавъ, що прыстанешъ.

— И прыстану, колы вся громада визьме землю.

— А зъ намы жъ чому не хочешъ?

— Бо се багацьке товарыство. Воно хоче пидгорнуты пидъ себе громаду, а я того не хочу. И вамъ раджу, тату, до такыхъ негарныхъ людей не прыставаты.

— Що ты мене вчышъ? Я старишый за тебе!

— Дарма, тату,—абы я до дила казавъ.

— Чортъ-зна що ты кажешъ! Ты лучче покынь оте все та прыставай!

— Ни, сёго не буде.

Остапъ почавъ умовляты. рахуваты яки барыши будуть, якъ Зинько забагатіе.

— На що вы мени, тату, се кажете? Хочъ барышъ и добрый, дакъ гришный.

Тоди Остапъ зовсимъ росердывся. Щó винъ, Зинько, все носыться зъ своею правдою? Чы винъ думае, що самъ за всихъ розумнишый та святишый? Нехай лышъ слухается старишыхъ за себе людей!

Зинько не змовчавъ и видказавъ, що не все, що старе, те й добре. Остапъ украй розгнивався, покынувъ Зинька середъ поля и, не попрощавшысь, пишовъ самъ додому на село.

Зинько вернувся на пасику и бувъ тамъ ажъ до вечора.

Вже зиркы позасвичувалысь на темно-блакытному неби и роса лягла важкымы краплямы на траву й хлибъ, якъ Зинько зъ Гаинкою верталыся вдвохъ изъ пасикы додому, идучы вузенькою стежечкою помижъ высокымы жытамы.

— Що тоби батько казалы?—пытала Гаинка, тулючысь до Зинька.

— Заклыкалы, щобъ прыставъ до ихъ у товарыство: батько, Денысъ, Тонконоженко, Манойло, старшына, Рябченко, Вавыловъ... щобъ гуртомъ наймaты землю.

— А ты жъ?

— А я не схотивъ.

— И не прыставай, серденько, до ихъ. Богъ изъ нымы! Бо то таки страшни люде—оти Денысъ, старшына та Рябченко.

Зинько засміявсь:

— Чого жъ воны страшни?

— Я не знаю... Тилькы я ихъ, було, боюся, якъ воны прыходють до батька та нышкомъ про щось говорють.

— Страшни воны справди тымъ, що людей крывдють,— зитхнувъ Зинько.

— Хочъ бы вже батько зъ имы не прыятелювалы,—казала Гаинка.—А то ихъ уси люде кленуть, а батько все зъ имы. Може се й грихъ, що я про батька кажу, да тилькы жъ... Ну, отъ я разъ бачыла, якъ до батька прыходыла Марчыха... усе за ти грошы, шо ще покійный Марко позычавъ у батька... Та якъ упала навколишкы та плаче-плаче бидна, та батькови ногы цилуе, щобъ земли не бралы... Отъ же взялы... не помылувалы!.. Якъ згадаю, дакъ и теперъ такъ бы й плакала за нею!.. Якъ же ёго не сказаты, хочъ воны й батько?

— Черезъ те жъ и я николы не прыстану до ихъ.

— И не треба... Глянь, глянь: зирочка!.. Ясна-ясню́ня!.. Ой, зирочкы-сонцевы диточкы!..

— А хто жъ ихъ батько?

— А хто жъ? Мисячко. Сонце, красна панна, пишла замижъ за мисячка... Ихъ дванадцять братывъ-мисяцивъ, дакъ воны по черзи й свитють.

— А сонце жъ якъ: за однымъ братомъ, чы за всима дванадцятьма?—спытавъ сміючыся Зинько.

— Ну, що ты выгадуешъ? Чого ты зъ мене глузуешъ? Де жъ такы выдано, щобъ дванадцять чоловикивъ було?—казала не-

вдоволенымъ голосомъ Гаинка.—Отъ я вже знаю, що ты заразъ скажешъ, що це все выгадкы, що сонце кругле, якъ кавунъ, а зиркы... а зиркы якъ дыни, чы що? Ха-ха-ха! Ну, де такы выдано: сонце якъ кавунъ!.. То сонце—красна панна, зирочкы—ди точкы, а то кавунъ!.. Це жъ зовсимъ негарно!.. А що: ты кажешъ—русалóкъ нема, а дидусь кажуть, що такы йе!

— Чувъ, що сёгодни казано було... То все выгадкы.

— Хыба дидусь брешуть?

— Ни, тилькы помыляется. Ты жъ бачыла, що винъ помыляется: сама жъ казала вже, що видёмъ нема.

— Еге жъ, Зинечку, нема... Тилькы... Ну, а що, якъ йе?

— Ну, отъ зновъ!—загомонивъ Зинько невдоволенымъ уже голосомъ и почавъ розсказуваты ій черезъ що вси ти оповидання про видёмъ та про нечысту сылу—неправда. Вона помитыла, що ёму се прыкро и слухала покирно и казала сама соби думкою, що мусыть изъ имъ згодытыся, бо Зинько такый розумный, усе знае—де жъ такы, щобъ винъ неправду казавъ? И гнивается на неи за се—такъ, трошечкы, иноди, але гнивается... Якъ же вона не слухатымется ёго? Треба жъ уже ій розбираты: вона жъ уже велыка, симнадцять рокивъ ось-ось буде... и замижъ пишла вже...

И вона стыха, якъ маленька дытына, промовыла:

— Еге, Зинечку, я бильше вже тому не вирытыму...

— И добре!.. Отъ мы неодминно про це книжку прочытаемо,—сказавъ Зинько.—А то ты давно вже й книжокъ не чытаешъ. На що жъ я тебе й чытаты вывчывъ?

— А неправда жъ!—палко видказала Гаинка, рада, що повертае розмову на иншу стежку.—Я чытала недавнечко «Катерыну»... чытала й спивала іи.

— Якъ то: спивала?

— А такъ: дывлюся въ книжку та й спиваю.

— А на якый же голосъ?

— А хто ёго зна... на якый набижыть... Ось слухай, якъ я спивала!

И вона почала спиваты перши куплеты Шевченковой поэмы:

Кохайтеся, чорнобриви,
Та не зъ москалямы,
Бо москали—чужи люде,
Роблють лыхо зъ вамы.

Вона спивала на якыйсь голосъ, що сама выгадала, але Зинькови подобався ій спивъ.

— А що, гарно?

— Ще й дуже.

— Невже?

— Ій бо, добре! И якъ се ты выгадала?

— Хыба я выгадувала? Воно—саме... Тамъ такъ усе рядочкамы попысано, рядочкамы попысано, то такъ и хочется спиваты.

— Та ты мое спивоче!..

Гаинка й справди була дуже спивлыва. Але теперъ вона похытала головою й видказала:

— Ни, якъ колы... А чуешъ,—онъ на сели спиваютъ!

Воны вже пидходылы до села и видтиля справди чуты було дивочи й парубочи спивы.

— Весело имъ... гуляютъ!..—промовыла Гаинка.

— Може й тоби хочется до ихъ?—спытався Зинько.

— Ой ни!—видказала, хытаючы головою. Якъ я зъ тобою, дакъ мени вже ничого не хочется.

И вона, идучы, прытулылась до ёго ще дужче.

— Справди?—спытавъ Зинько.—А буйного доброго намыста, такого, якъ у Горпыны?

Вона не заразъ одказала...

— Буйного доброго намыста такы трошкы хочется...

IV.

На вулыци.

Воны ввійшлы въ село. Темни вербы й садкы дрималы надъ хатамы, а осяяни виконечка весело всмихалыся зъ пидъ чорныхъ стрихъ и кыдалы впоперекъ улыци ясни смугы свого билястого свиту. Пидъ одніею хатою зибралася купа́ дивчатъ та парубкивъ, чуты було веселый гоминъ.

— Зи́ньку, ты?—озвався голосъ изъ тіеи купы, и высока постать выйшла зъ неи.

— Я, Васюто,—видказавъ Зинько.

Васюта, Зинькивъ товарышъ, пидійшовъ до ихъ.

— А я заходывъ до тебе,—думавъ сёгодни почытаемось... ажъ тебе нема.

— На пасици въ дида Дороша булы.

— Ще й одну штуку хочу тоби сказаты.

— Кажы!

— Ни, заразъ не хочу. Прыходь завтра ввечери до Карпа, и я тамъ буду,—дакъ и поговорымо.

— Гаразды. Бувай здоровъ!

— Бувай!

Гаинка зъ Зинькомъ пишлы дали вулыцею, а Васюта вернувся до товарыства. Тамъ чуты було регитъ та крыкъ: уси сміялыся зъ Мыкытыныхъ выгадокъ. Мыкыта Тонконоженко, Денысового кума Терешка сынъ, верховодывъ теперъ помижъ парубкамы, видколы вернувся зъ городу. Рокивъ изъ пъять винъ тамъ бувъ, бо якъ вывчывся въ школи та пидрисъ трохы, то заразъ ёго батько туды виддавъ. Жывъ тамъ и за сторожа, и за прыкащыка, та якось прошкапывся: щось продавъ изъ бакалiи нышкомъ одъ хазяина, соби грошы прыховавшы, а хазяинъ довидався та й прогнавъ. Поблукавшы по городу безъ службы, вернувся до батька. Дома ничого не робывъ и до хазяйства не брався:

— Вотъ, мене хароше мѣсто ждёть, а я буду въ гною рукы паганыть!..

Батько самъ потуравъ тому:

— У мене сынъ образованый!

Самъ робывъ, а «образованый» сынъ лежавъ пидъ грушою дожыдаючыся, щобъ грушы сами въ ротъ падалы. За те дывувавъ Мыкыта всихъ на вулыци своимъ убраннемъ: чоботы «бутилкамы», штанци-галанци вузеньки, сорочка сытцева червона на выпускъ, ще й поясомъ сынимъ зъ кытыцямы пидперезана, а зверху ще й «паджакъ зъ искрою»,—такъ винъ самъ ёго звавъ.

— Якажъ у ёму искра?—пыталыся промижъ себе дивчата.

— А що рябенькый...

Зъ себе Мыкыта бувъ здоровый, чорвонопыкый, а на языкъ гострый,—кожному забывавъ бакы. Надъ парубкамы верховодывъ, бо одни вподобалы ёго «образованость» та що винъ ихъ часто напуваввъ горилкою, а други боялысь ёго здоровыхъ кулакивъ. Тилькы Васюта ніякъ ёго не шанувавъ и часто глузувавъ изъ ёго, и за те Мыкыта ненавыдивъ безъ миры не то самого Васюту, а й усихъ, хто зъ имъ прыятелювавъ.

Теперъ Мыкыта стоявъ середъ гурту парубкивъ, у бокы взявшысь, одставывшы ногу, ще й выляючы носкомъ, и патякавъ:

— Ну й баба ета Гаинка! Ну прямо така, што умѣсто сахарю чай бы зъ нею пилъ.

— Ха-ха-ха!—реготалыся парубкы.

— Ій-Бо—не я буду,—одобъю іи въ етаго дурака Зинька.

— Тю на тебе!—озвавсь якый-сь парубокъ.—Вона жъ чуже подружже!

— Вотъ—пустякъ уныманія, нуль обращенія! Какое намъ до етого дѣло? Абы мине понаравылась,—моя буде! Се по вашому, сельскому, дакъ никакъ нильзя, ще й нивозможно, а въ городи—го-го! Тамъ, братъ, кажна барыня свого любовныка имѣить и даже не то што барыни, а й горнышни й кухаркы. Мени одынъ лакей знакомый росказувалъ. Дила́—первый сортъ!

— Дакъ се ты и въ насъ, чы що, хочешъ таке завесты?—спытавъ Васюта, ставшы проты ёго.

— А тоби што за дѣло? Хочъ бы й хотивъ! Што жъ ты мынѣ—перепъянство йздѣлаешъ, чы какъ?

— Я тоби якогось тамъ перепъянства не робытыму, а колы ты ще разъ такъ озвешся за Гаинку, дакъ и зубы вызбираешъ!— сказавъ сердыто Васюта.

— Хто—я? Хи-ввa! Бальшая барыня твоя Гаинка! Наплювать мени! Не такыхъ выдалы!

— Да й ти на васъ плювалы!—доточывъ Васюта, почынаючы вже своимъ звычаемъ глузуваты.

Парубкы й дивчата зареготалыся.

— Оце дакъ утявъ! А ну, Мыкыта, а ну—одкажы ёму.

Мыкыта позакладавъ рукы въ кышени въ штаны, видкынувъ голову назадъ и промовывъ:

— Штука мени ёму одказать! Какъ бы одказавъ, то й носомъ бы землю зарывъ, да не стоить зъязуваться зъ усякымъ какымъ нибудь!..

— А знаете, хлопци й дивчата,—не вгававъ Васюта,—я навчывся новои писни, та й ловкои!

— А ну-ну! якои?—загомонилы вси, цикави на нову писню.

— Слухайте жъ! я буду спиваты, а вы розбирайте добре, бо це писня городська, дакъ гарна. Эхъ, бисъ ёго батькови!— нема въ мене двохъ кышень у штаняхъ,—никуды обохъ рукъ позакладаты!.. Ну, та дарма,—гараздъ буде й такъ! Ну, роззявляйте роты та слухайте!

И винъ почавъ трындыкаты:

Закладае рукы въ брукы
Та й говорыть, што вонъ панъ,—
Розсмотрившысь хорошенько—
Настоящый шарлатанъ!

— Ха-ха-ха!—загаласувала вся купа, а Мыкыта ажъ затрусывся.

— Ты будешъ мени шарлатана прытулять?!—скрыкнувъ винъ и кынувся до Васюты зъ кулакамы.

— Тю, тю на тебе! Оханысь! Та винъ несамовытый!.. Святъ! святъ!..—казавъ Васюта, поступаючысь назадъ та хрыстючы Мыкыту.—Чого ты до мене прычепывся? Тожъ не я, тожъ

писня моя!.. А ты іи й до себе тулышъ? Де жъ такы? Хыба жъ воно на тебе похоже? То жъ про пана, чы такъ про шарлатана, а ты жъ мужлай репаный, такый саме, якъ и мы, тилькы що, знаешъ, изверху тіею вапсою помазаный,—отіею чорною, що смердыть такъ, що й носа не навернешъ.

— Мовчы!—скрыкнувъ Мыкыта, все стоючы зъ затысненымы кулакамы, але не зважуючыся вдарыты, бо й у Васюты булы не згирши.

— Ой-ой-ой! уже занимивъ!—и Васюта затулывъ рота рукою... и вразъ крыкнувъ:

— Кгвалтъ! горыть!..

— Де горыть? де?—заметушылася перелякана молодижъ, ладна вже бигты на пожежу.

— Паджакъ зъ искрою горыть!..

Уся вулыця гримнула реготомъ.

— Пху на тебе, собака паршыва!—крыкнувъ Мыкыта, одвернувся й пишовъ на другый бикъ гурту, а Васюта репетувавъ;

— Стрывай! стрывай! гасытымемъ!.. Искры розгоряются!..

— Ни, не здержыть Мыкыта проты Васюты,—казалы парубкы.—Проты всихъ здержыть, а проты тебе, Васюто, ни.

А зъ Мыкытою тымъ часомъ оддилылося килькы парубкивъ и пишлы гуртомъ на другу вулыцю.

— Ну й уйидается въ тебе сей Васюта!—казавъ одынъ парубокъ.—И чомъ ты ёго не провчышъ?

— Рукъ поганыть не хочу,—вотъ што, Ванька!—отказавъ ище заклопотанный Мыкыта.

— Здоровый, якъ туръ!—промовывъ другый парубокъ,—самъ ще й не подужаешъ ёго.

— Дакъ давайте гуртомъ попадемо та й одлатаемо!—порадывъ той, що ёго Мыкыта Ванькою звавъ.—Ій-Бо, Мыкыто, мы тоби поможемо.

Мыкыти стало веселише.

— Вотъ спасиба, камарады! Кабы ихъ обоихъ изъ Зинькомъ!

— Дакъ що? И Зинька можно! Нехай лышъ не велычается! А то такый праведныкъ: усе ёму парубкы поводються погано,—не такъ, якъ ёму завгодно.

— Бо вонъ города не выдавъ, дакъ у ёго й мужыцьке понятія,—сказавъ Мыкыта.

— А скажы, Мыкыто,—невже справди въ городи такъ жывуть, що хто зъ кымъ хоче, зъ тымъ и любытся—чы винчаный, чы нёвинчаный—однаково?—спытавъ званый Ванькою.

— Ще й якъ!

— Отъ штука!

— А што, харашо? Не журысь, Ванька,—и въ насъ завыдёмъ! Вотъ толькы нымного пожыву зъ вамы, дакъ мы такое завыдёмъ, що тилькы ну́ да й облыжысь! А то вы царамонытесь! Вотъ я васъ навчу!

Ишлы дали, и винъ подававъ имъ науку.

А тымъ часомъ Зинько зъ Гаинкою пидходылы вже до своеи хаты.

— Ой, щось сварыться!—сказала Гаинка.

Справди сварылося. Товстый роздратованый чоловичый голосъ крычавъ:

— Брешешъ! брешешъ! Не косытымешъ ты, бисова тинь, того жыта! Я ёго скосю, бо на моій земли.

— Оце вже Момоты за землю лаются,—сказавъ Зинько.

Момоты булы сусиды Зинькови: зъ одного боку Струкъ, а зъ другого Момоты. У старого Момота було трое сынивъ: старшый—Грыцько, тоди—Панасъ, обыдва жонати, а тоди Иванъ, ще парубокъ—отой «Ванька», що ходывъ зъ Мыкытою по вулыцяхъ. Грыцька батько давно вже виддилывъ, оженывшы, выпрохавъ ёму въ громады кгрунтъ на краю села, поставывъ тамъ хату, давъ клапоть поля й трохы худобы. Одначе батько виддавъ не все поле, що мусыло ёму прыпадаты: десятыны не додавъ, бо ще на свою частку зоставлявъ, а вмираючы торикъ, пры людяхъ сказавъ, що Грыцько мае взяты соби ще одну десятыну,—тоди въ кожного брата буде ривно земли. Отъ-же браты не схотилы виддаты ёму тіеи десятыны, кажучы, що батько ёму все виддавъ ще тоди, якъ оддилявъ ёго. Грыцько пишовъ, одмирявъ самъ соби десятыну та й посіявъ на ій. Панасъ зъ Иваномъ довидалыся про се тоди, якъ Грыцько вже й заволочывъ. Зъ того часу

почалася запекла сварка промижъ двома братамы—Грыцькомъ та Панасомъ. Де бъ ни стривалыся воны, то заразъ якось зачеплются за ту землю, та й почнется супречка, за малымъ не бійка. Иванъ, меншый, бувъ не такый запеклый, та все жъ обстоивавъ за Панаса (винъ зъ имъ и жывъ).

Така спирка счынылася й теперъ. Грыцько йшовъ улыцею, а Панасъ, стоючы въ воротяхъ, зачепывъ ёго.

— А не диждешъ ты, — видповидавъ Грыцько, — чужого хлиба косыты! Я буду працюваты, а ты будешъ мое добро забираты!

— Бо не сій на чужому! И заберу, а ты дулю зйисы!— одгукувавсь Панасъ.—Йистымешъ дули: такъ тебе нымы нагодую, що ажъ репнешъ. А хлиба не йистымешъ, бо я ёго заберу, на всій тій десятыни заберу!

— И на́ поле не пустю!—видказувавъ Грыцько. —Въ мене коса въ рукахъ буде.

— Побачымо ще! Не пустышъ мене на мое поле, дакъ самъ зогныешъ у земли!—нахвалявся Панасъ.

— Отъ такы воны справди порижутся колысь!—промовыла Гаинка.

Тымъ часомъ Грыцько вже промынувъ Панасову хату и бувъ коло Зиньковои.

— Добрывечиръ, дядьку!—озвався до ёго Зинько.

— Добрывечиръ!.. А хто се? Зинько!.. А я за тымъ шыбеныкомъ и не добачывъ тебе.

— И хочется ото вамъ, дядьку, змагатыся зъ имъ!

Грыцько махнувъ рукою.

— Ты жъ кажы! Оттакъ соби йшовъ до-дому прозъ ёго хату и въ голову того соби не клавъ, щобъ сварытыся, а винъ зачепывъ.

Грыцько вже видсердывся трохы: винъ звычайно скоро прохолонявъ, не такъ, якъ Панасъ: той якъ росердыться, то вже злый буде хто й зна покы и все проты того чоловика копатыме, а якъ розлютуется иноди, то хто й зна що робывъ бы. На ёго багато людей ремствувало: чы свыня чыя до ёго вбралася, то

винъ уже ій спыну перебъе; китъ до ёго внадывся чужый,—лапы ёму повидрубуе. А одного разу засварывся зъ чоловикомъ за якусь тамъ дурныцю и все нахвалявся: Ну, будешъ-же ты безъ худобы! Той чоловикъ и байдуже, а одного разу вранци встае, пишовъ у повитку,—ажъ кони ёго—пара добрыхъ коней—здыхають: хтось уночы зализъ та ножемъ кышкы имъ повыпускавъ... Усе село знало, що се Панасъ изробывъ, а ничымъ довесты,—такъ и пропало. Черезъ те дыбляне не любылы Панаса, трохы навить боялыся ёго, и въ спирци зъ Грыцькомъ бильшисть до старшаго брата прыхылялася, надто жъ, що Грыцькова й правда була. За те въ Панаса бувъ оборонець—Копаныця.

Грыцько тымъ часомъ, стоючы въ Зинька передъ воритьмы, оповидавъ, якъ почалася сёгодни сварка, и додававъ:

— Отъ ты кажешъ: не сварысь! Якъ же мени не сварытыся—самъ ты подумай! Се жъ мои труда! А земля? Вона жъ моя,—се жъ усяке знае. А въ мене жъ диты! Якъ же я поступлюся нею? Теперъ усяке надъ землею трусыться, бо народу багато, а земли мало, а я такъ и покыну ій?

— Та ни, я того не кажу,—видповидавъ Зинько.—Знаю, що земля се ваша, що вамъ ій треба. Тилькы що якъ почнете вы сварытыся та бытыся, то не буде ничого зъ того добра. Вы свое робить, а колы винъ до васъ чеплятымется, тоди позывайте ёго.

Грыцько подумавъ...

— Хто ёго знае, чы выпозываешъ що...—промовывъ зитхнувшы.—А въ тимъ—воно справди тоди лучче выдно буде, а теперъ не вартъ змагатыся... Бувайте здорови!..

— Бувайте й вы!

— Шкода чоловика!—промовывъ Зинько.—И путящый чоловьяга, а не счастыть ёму.

Грыцькови справди не таланыло. Все було ёму якесь лыхо: то въ ёго коняку вкрадено, то вилъ здохъ, то грядъ ныву побывъ—и такъ мало не що року якась бида йде та й другу за собою веде. Напосилася недоля на горопаху. Зовсимъ пидбывся чоловикъ, а найбильше тоди, якъ ёму жинка вмерла, покынувшы

трое малыхъ дитей. Бывся винъ, бывся зъ имы щось бильше якъ рикъ, а дали такы оженывсь удруге. Самъ винъ и не хотивъ того, бо й доси журывсь по першій жинци, та люде кругомъ казалы и самъ бачывъ, що не выдержыть безъ господыни зъ трёма дитьмы та зъ хазяйствомъ. Та яка жъ на трое дитей пиде? Нараяно ёму покрытку Йивгу—чепурну й здорову, але зъ дытыною. Та то бъ ище не лыхо, та погано про неи говорено на сели. Та що було робыты Грыцькови? Хыба инша пиде? Добре що й така трапылась. И оженывсь. Та щось и теперъ не дуже велыкый ладъ у ёго въ симъи...

Маты вже спала, якъ Зинько зъ Гаинкою вернулыся до-дому. Воны не сталы іи будыты. Гаинка пóтемкы познаходыла въ хати вечерю, вынесла, и воны силы вечеряты на прыспи. Мисяць уже высоко пидбывся вгору, и було ясно, хочъ голкы збирай. Голодни й щаслыви, воны повечерялы тымъ, що зосталося видъ обиду, и полягалы спаты на прымостци въ садку, що почынався въ ихъ заразъ одъ хаты.

— Зиньку, чы правда що на мисяци братъ брата на вылахъ держыть?—спыталася Гаинка, лежачы горилыць та дывлючысь на мисяць.

— Казавъ же тоби, що ни!—видповивъ Зинько, вже трохы дримаючы.—Спы лышъ, а то завтра рано вставаты.

— Хи, якый робочый! Гляды лышъ, чы самъ устанешъ колы треба!

Зинько вже давно спавъ, а вона все дывылася на небо та думала про Визъ блыскучый—хто на ёму йиздыть? Богъ? Чы святый Илля? Може саме тымъ возомъ винъ и йиздыть, якъ гримъ гримыть? А ото Квочка... Чого вона на неби, тая Квочка? Певне—се Божои Матинкы Квочка зъ Курчатамы. Отъ же й на неби йе дробына... Не дурно кажуть, що Богъ любыть хазяйство... Адже и въ колядкахъ спивають, що Сусъ Хрыстосъ землю оравъ и сіявъ, а Божа Матинка обидаты ёму выносыла... Правду дидусь кажуть, що землю шануваты треба, бо іи жъ самъ Богъ оравъ и засивавъ... Земля—маты, вона насъ любыть... И я іи люблю... И вона... и я...

Думкы плуталысь, Гаинка заснула.

V.

Зинькове товарыство.

Прокынувшысь другого дни рано вранци, Зинько справди побачывъ, що винъ оставсь позаду: невсыпуща господыня Гаинка давно вже встала вдвохъ изъ матирью, видигнала корову до череды и, покы маты порплылась на вгороди, помалу полючы старымы рукамы картоплю, Гаинка заходылася топыты. Саме якъ Зинько прокынувсь, вона въ старéнькій спиднычыни, зъ закáчанымы по ликоть рукáвамы, выбигла зъ хаты вхопыты дровець.

— Чомъ же ты мене не збудыла?—гукнувъ до неи Зинько.

Вона, заслоняючы очи рукою видъ сонця, що сáме сходыло червонымъ пивколомъ, глянула въ ёго бикъ.

— А ты вже вставъ хыба? У, сонюжыще! Спыть, що вже й сонце сходыть!

— Кажу жъ: чомъ не збудыла?

— Добрый хазяинъ самъ знае встаты!—сміялася Гаинка и стояла вся червоно-золота, позыраючы зъ пидъ рукы на Зинька. Потимъ додала:—И чого бъ то я тебе будыла? Однакъ велыкого дила теперъ нема,—ну й поспы!

И побигла браты дрова.

Зинько, трохы засоромленый, що заспавъ, кынувся швыденько садкомъ до ричкы, мыттю скупався и, моторный та здоровый, не заходючы въ хату, пишовъ пидъ повитку. Винъ трохы столярувавъ, якъ не було хлиборобськои роботы—оть такъ. самъ соби навчывся та й робывъ. Теперъ заходывся майструваты соби велыке лижко. Се не легенька штука була, бо Зинько николы такого ще не робывъ. Але винъ хотивъ зробыты и выпрохавъ соби на деякый часъ у дяка старе поламане лижко деревляне. Розибравъ усе на часткы и теперъ и соби робывъ сáме таки часткы и певный бувъ, що складе зъ ихъ лижко—такъ саме. якъ зробывъ соби колысь шахву на кныжкы, тоди вийку. Найнявъ у чоловика вийку, щобъ перевіяты свое зерно, роздывывся, ажъ

воно й не мудра штука. Заходывся робыты. Що зализне, то те ёму коваль поробывъ, а деревляне—все самъ. И зробывъ. Побачывъ одынъ чоловикъ, що добре війка віе,—купывъ іи въ Зинька, а той соби знову зробывъ, ще кращу. И такъ винъ ажъ чотыри війкы зробывъ: одну соби, а тры людямъ.

Стругавъ и думавъ про вчорашню розмову зъ тестемъ. Що тестеве товарыство хоче взяты въ посессію пана Горянського землю, то те Зинька не дывувало: воны булы заможни люде, здолилы се зробыты, а добра земля дасть имъ и добрый заробитокъ. Чому жъ и не взяты, колы йе сыла? Але дывувало Зинька, що тесть заклыкавъ и ёго до спилкы.

Що правда, скоро Зинько одружывся зъ Гаинкою, іи батько не разъ та й не двичы нахылявъ зятя, щобъ той ишовъ зъ имъ одніею стежкою. Та Зинько швыдко розибравъ, яка то стежка, и нею не пишовъ, а Остапъ Колодій не згирше розибравъ, що винъ помылывся на зятеви: винъ рахувавъ, що якъ пысьменный Зинько прыстане до ёго, то воны вдвохъ таке заведуть, що ну! Бо ёму, Остапови, тилькы пысьменства й не ставало. Ажъ дали побачывъ, що Зинько не туды зовсимъ дывыться, то й облышывъ ёго жыты якъ тому хочется... надто, що Зинько николы ніякои помочи въ ёго не прохавъ. Черезъ те воны жылы зъ Зинькомъ такъ, що не сварылыся, та й не ладналы промижъ себе, а йшлы коженъ самъ соби.

Тымъ Зинько ніякымъ робомъ не мигъ и думаты, щобъ тесть, знаючы вже ёго добре, та знову заходывся заклыкаты до якоись спилкы. Одначе жъ заклыкавъ! Черезъ що жъ?

Щобъ зробыты Зинькови добро? Може буты... хоча... Остапъ Колодій не зъ такыхъ, що робыть дурно добро, хочъ-бы й родычеви... а надто такому, що ничого въ ёго не просыть и може самъ соби прожыты.

Може не подужають самы земли взяты? Може. Але Зинько, негрошовытый чоловикъ, не здолае тутъ ничого пособыты: колы бъ уже воны шукалы помочы, то знайшлы бъ не одного заможнишого за ёго.

А все жъ клычуть! То выходыть, що имъ такы жъ треба на щось Зинька, саме ёго, а не кого иншого.

На що жъ? Зинько думавъ про се, думавъ и ничого не мигъ выгадаты. Тилькы почувавъ, що тутъ щось непевне.

Ввечери Зинько пишовъ до свого прыятеля Карпа. И Карпо бувъ молодый чоловикъ, недавно жонатый. Бувъ пысьменный: якъ и Зинько, навчывся чытаты въ дяка. Страшенно любывъ божественни книжкы и чымало мавъ ихъ у себе купованыхъ. Иншыхъ не любывъ, думаючы, що то все дурныця, казкы та й годи. «На що воно намъ?»—казавъ. Розмовлявъ больше про божественне та про громадськи справы и бувъ велыкымъ и завзятымъ ворогомъ старшыни Копаныци за ёго вчынкы зъ громадою. Жывъ у своій невелычкій, але чепурненькій хатци за малымъ не вбого, хочъ працювалы обое зъ жинкою щыро. Жинку соби обибравъ не дуже чепурну, але ласкаву, мовчазну й працёвыту, и бувъ щаслывый зъ своею Катрею, та зъ маленькымъ сыномъ. Зъ себе бувъ нечепурный, худый, зъ коротко пидстрыженою русявою боридкою, зъ велыкымы зморшкамы на чоли, але зъ глыбокымы розумнымы очыма.

Увійшовшы Зинько до ёго, побачывъ тамъ уже й Васюту. Се бувъ парубокъ увесь билявый, зъ надзвычайно веселымы блакытнымы очима и зъ цилою копыцею настобурченого русявого волосся на голови, зъ поганенькымы билявымы вусыкамы. Бувъ уже немолодый, та що бувъ дуже русявый, а вусы не рослы, то здавався молодчымъ за свои лита.

— О, и вся куншанія, невелычка, але чесна!—промовывъ винъ, уздрившы Зинька.—Бувъ бы жинку свою прывивъ, дакъ тоди бъ уже вси тутъ булы. Треба такъ, щобъ якъ намъ зиходытыся, дакъ щобъ изъ жинкамы.

— Дакъ ты жъ спершу оженысь!—пожартувавъ Зинько.

— Колы жъ ни одна не прыходытся до мене! Одна проты мене дуже высока, а проты другои я дуже довгый.

— Дакъ хыба жъ уже нема такыхъ, що однакови зъ тобою на зристъ?—засміялася Катря.

— Чому нема? Йе! Дакъ що жъ? Одна дуже товста, а друга дуже тонка. Одніеи не обниму, бо рукы не сягнуть, а другои не стае на обниманне. А колы й знайдешъ на свою мирку, дакъ зновъ лыхо: одна дуже мовчазна,—ни зъ кымъ буде мени й розмовляты, а друга балакуча, дакъ за тіею й я не поспишуся слова сказаты.

— Ну!—засміялыся въ хати.—де бъ то вже така й знайшлась, щобъ тебе переговорыла!

— Отъ же й я такъ казавъ, дакъ же вырескалась! Я за нею тоди ну́ гнаться, ну́ гнаться!... Гнавсь, гнавсь—де тоби!... Колы жъ у неи таки довги ногы! Узяла та въ Чорно́вусъ и втекла. Дакъ я вже тоди й годи ходыты та дивчатъ на свою мирку миряты.

Все село знало цю сторію зъ Одаркою Момотивною, якъ Васюта закохався въ неи, а вона ёго водыла-водыла та й пишла въ Чорновусъ за багатыря. Васюта й доси не мигъ іи забуты, але глузувавъ самъ изъ себе.

— Чы йе таке на свити,—спытався Карпо, щобъ ты, Васюто, та зъ ёго не сміявся?

— Отъ щобъ я здохъ, колы не плакавъ надъ цыбулею!

Зинько зъ Катрею сміялысь, усмихавсь и Карпо, а Васюта сыдивъ поважный.

— Отъ що, братикы,—озвавсь нарешти Зинько,—я до васъ прыйшовъ зъ одніею новыною... Не знаю, якъ вамъ издастся, а мени вона вищуе щось недобре.

— Молодыце! Нашорошуйте вуха, бо новына буде: йе зъ чымъ по селу побигты!—гукнувъ Васюта на Катрю.

— Ну, ця молодыця не зъ такыхъ,—одповивъ ёму Зинько.

Катря справди була дывомъ на сели, бо николы не носыла ніякыхъ новынъ, и за се найбильше и влюбывъ іи Карпо.

— Ну, колы вона така, що свого жиночого дила не знае, дакъ я за неи розбрешу!—не вгававъ Васюта.

— Ха-ха-ха!—не вдержалась Катря.—Зъ тебе бъ и глухый засміявся, Васюто.

— Де тамъ сміются?—сердются! Я вчора прыхожу до свого глухого сусиды, а винъ ворота на току лагодыть: Здорови, диду,

булы!—А то жъ чіи, колы не твои волы?—каже.—Уже вдруге на току! Я имъ рогы позбываю!—Та я не про волы, я кажу: Добрыдень!—Самъ ты,—каже,—злыдень, а я хазяинъ!...

Катря зновъ засміялась, а Карпо ажъ росердывся:

— Та годи бо вже тоби штукарыты!.. Тутъ чоловикъ про дило, а ты... Слухаймо краще Зиньковои речы!

Васюта замовкъ и тилькы поглядивъ чудно на Катрю та сылкувався крутыты билявого вусыка, хоча зъ тымъ ёму й менше счастыло, якъ изъ жартамы.

Карпо сивъ на лави, зипершыся ликтемъ на стилъ, а головою на руку—спрацёвану й худу руку, велыку й кощаву, и налагодывся слухаты, втупывшы очи внызъ.

Зинько розсказавъ про свою вчорашню розмову зъ тестемъ и выявывъ, черезъ вищо справа здается ёму непевною.

— Що непевна, то непевна!—промовывъ Карпо.—Блаженъ мужъ, иже не йде на совитъ нечестывыхъ,—добре й ты есы учынывъ, що до ихъ не прыставъ.

— Та не въ цёму теперъ сыла,—видказавъ Зинько,—а въ тимъ, що воны щось замиряются робыты.

— Лыхый чоловикъ и вдень, и вночи лыхе замиряе,—сказавъ Карпо.

— А я вамъ ище одну штуку доточу,—озвався Васюта.—Твій, Зиньку, братъ Денысъ захожуется купуваты ту землю, що пересельци, выйиздючы, громади поздавалы.

— Невже? А звидкы жъ то ты знаешъ?

— Отъ штука знаты! Я ще вчора хотивъ сказаты вамъ... Воны вже й Захарька пустылы, щобъ людей до того нахылявъ.

Захарько бувъ соби такый не молодый чоловикъ, пьяныця пропащый: за чвертку горилкы выгукувавъ у громади що ёму звелено.

— Боится моя душа, чы не хытрища це штука ще й за Горянського землю, промовывъ Карпо.—Денысъ и такъ уже вбывся у сылу велыку, а скоро купыть пересельську землю, то запануе тоди винъ изъ своимъ товарыствомъ нечестывымъ такъ, що й шыи намъ крутытыме, мовъ воламъ у ярми.

— Не треба попускаты ёму цёго,—видказавъ Зинько.

— А якъ воны кусаются, та ще й бильша ихъ сыла въ громади?—сказавъ Васюта.

— Треба, щобъ нашои було бильше,—обстоювавъ Зинько.— Воны Захарька пъяного послалы людей збываты, а мы самы будемо выявляты людямъ, яка зъ цёго шкода, та прыхыляты ихъ на свій бикъ.

— А й справди, братця,—скрыкнувъ Васюта,—не можно жъ даваты имъ соби на шыю сидаты! Давайте зъ имы, чортовымы сынамы, воюваться!

— Знову ты почавъ *того* згадуваты!—докорывъ ёму Карпо. Винъ не любывъ, якъ хто згадувавъ «чорта», а надто въ хати, а балакучый Васюта разъ-у-разъ про це забувавъ.

— Не буду вже, ій Бо не буду!—прысягався винъ.—Хай ёму чортъ тому чор... Ой!.. Ну! скажы на мылисть Божу,—такъ тоби на языкъ и лизе!..

— Правду кажешъ, Зиньку, що годыться намъ за свое обстоюваты,—загомонивъ Карпо, облышывшы Васютыны прысягання.—Та лыхый то розумъ у воина буде, колы війну почынае, а якъ подужаты—не видае.

— Отъ штука!—не втерпивъ Васюта.—Самъ-же все кажешъ що Господь и младенци вмудряе, не то що, а мы жъ такы здорови лобурякы!

Зинько засміявся, але Карпо озвався поважно:

— Не перекручуй святого пысьма, колы не тямышъ, бо й до рукъ николы ёго не берешъ! Не знаю вже на що мы вдвохъ изъ Зинькомъ и чытаты тебе вывчылы! Тилькы й знаешъ, що казочкы гортаты.

— Давайте людей до себе прыхыляты,—перепынывъ Карпову науку Зинько,—турчатымемъ имъ у вуха, умовлятымемъ ихъ,—воны жъ повынни побачыты щó имъ краще.

— Слипи воны мають очи, глухи воны мають уха,—видказавъ Карпо.—Прыхыляются воны тилькы до лыхого,—немае доброи стежкы до головы нерозумнои. Одначе не можно й такъ покыдаты. Робытымемъ якъ кажешъ, маючы надію въ Бози.

— Немынуче се треба!—казавъ Зинько.—Бо въ насъ багато такои бидноты, що ій хочъ и заразъ давай тіеи земли, а якъ попустымо іи въ багацьки рукы, то тоди вже вдруге не нажывемо.

— Не попустымо! Подавлются воны нею!—пидбадёрювавъ Васюта.

Товарыши ще довгенько про се розмовлялы, а другого жъ дни справди почалы всимъ розсказуваты про Денысови замиры та пидбурюваты людей, щобъ не поступалыся тіею землею. Вси люде лаялы й Деныса, й ёго товарыство, але якъ хто зъ трёхъ прыятеливъ запытувався такого чоловика, чы винъ озветься проты сёго замиру въ громади, то звычайно чоловикъ вылявъ на вси бокы и сылкувався ничого на се не видказаты. Наши прыятели дуже добре розумилы черезъ що се такъ: одынъ выненъ бувъ щось самому Денысови, чы кому зъ ёго товарыства, другый—мавъ у ихъ позычыты, третій—узявъ, чы думае браты землю... И коженъ не хотивъ проты тыхъ людей навпростець выступаты. Тилькы самъ Грыцько Момотъ сказавъ Васюти по щырости:

— Що жъ, братику,—я бъ изъ дорогою душею до васъ прыставъ, дакъ колы жъ несыла моя. Ты жъ самъ знаешъ: пропавъ у мене вилъ, пропала й коняка... Напозычався я по сами вуха, що вже й никуды дали. У Деныса я позычывъ двадцять карбованцивъ на коня, и оце мени за тыждень выходыть ихъ оддаваты. А въ мене ни копія. Якъ не зласкавыться Денысъ, не видсуне строку, то щó я робытыму? Забере винъ у мене коня за ти грошы, та ще й тымъ не оплачуся... У мене жъ диты дрибни!.. Якъ-бы я мигъ оддаты си двадцять рубливъ,—обстоювавъ бы за васъ, а теперъ—мовчатыму.

Васюта почувавъ, що Грыцько правду каже, и не знавъ що ёму й видказаты.

Але булы люде й зовсимъ незалежни видъ Денысового товарыства. Таки казалы, що стоятымуть у громади проты Деныса, и имъ можно було вирыты. Та такыхъ було не багато, и мала покы була надія на перевагу.

Зійшовшыся Карпо зъ Васютою до Зинька, почалы одынъ одному переказуваты, якъ ведется справи. Васюта розсказавъ и за Грыцька. Зинько замыслывся мовчкы.

— А що, братця,—озвався врешти,—якъ бы мы Грыцькови та пособылы?

— Якъ то?—спытався Карпо.

— Та такъ: скынулысь бы гришмы та й позычылы бъ ёму, щобъ винъ мигъ Денысови грошы вернуты. Бо, бачыте,—разъ, що чоловикови пособыты—завсигды добра штука, а друге—що намъ теперъ коженъ новый прыхыльныкъ дуже дорогый.

— Отъ же ій-Бо правда!—скрыкнувъ Васюта.—Щобъ я здохъ, колы винъ недобре радыть!

— Розумна твоя рада,—промовывъ и Карпо.—Та чы стече жъ у насъ на тее грошей?.

— Якось скынемось! Уже жъ для такого дила грихъ не стягтыся, бо воно такы справди добре дило буде,—куды ни глянь,—упевнявъ Зинько.

— Скилькы жъ ёму: двадцять карбованцивъ треба?

— Еге жъ.

Карпо подумавъ.

— Отъ що вамъ казатыму!—промовывъ нарешти.—Мали въ мене теперъ грошы: немае спромогы бильшъ якъ пъять карбованцивъ позычыты.

— И то добре!—сказавъ Зинько.—А ты, Васюто?

Васюта хочъ и нарубкувавъ, та бувъ дома за хазяина, бо въ ёго батько вмеръ, а самъ винъ бувъ найстарший у симьи.

— Та що жъ? Уже жъ и я бильшъ якъ пъять не напкрябаю.

— Ото десять. Ну, гаразды: у мене теперъ десять карбованцивъ знайдется, то я й дамъ десять,—казавъ Зинько.—Усёго й буде двадцять. Такъ и скажемо Грыцькови, що се ёму гуртова запомога, щобъ винъ мигъ тамъ оплатыться и до насъ прыстаты.

— А не одурыть же винъ?—спытався Карпо.

— Похоже, що ни, бо то щыра душа,—видмовивъ Зинько.—А ты, Васюто, якъ думаешъ?

— Хи! Та я Грыцькови йму виры бильше, нижъ соби! Колы мени вирыте, то ёму й поготивъ!—одказавъ той.

— Колы такъ свидчыте, то й оддаймо ёму гропы сіи,—сказавъ Карпо.—Пидемо вси втрёхъ до ёго, певнише воно й поважнише

буде. якъ уси зъ имъ говорытымемъ. Выдно й ёму тоди буде добре. що не самъ Васюта за це стоить. а товарыство обстае.

— Правда!—згодывся Зинько.

Не гаявшыся й пишлы.

Увійшовшы трое товарышивъ у вбогу хатку Грыцькову, освичену поганенькою тьмавою лямпою на стини, побачылы тамъ усю симъю. Четверо дитей лагодылось уже лягаты спаты на полу, а Йивга слала имъ. Грыцько сыдивъ за столомъ. У хати було нечепурно, сорочкы на блидыхъ дитяхъ та на Грыцькови булы чорни, повмазувани. а Грыцькова жилетка—лата на лати. Самъ Грыцько, трохы вже згорблепый видъ тяжкои праци, зъ худымъ облыччемъ, порытымъ зморшкамы, зарослымъ темною бородою и зъ глыбоко позападалымы сирымы очима, здавався старшымъ, нижъ бувъ справди: не було ще ёму й сорока рокивъ, а выдавалося. що мавъ ихъ изъ пивсотни. Здавалася, мовъ щось прыгничувало и сю тисну хатку, и людей, що въ ій жылы. Сама Йивга не пасувала до сёго темного закутку вбозтва й прыгниченосты. Высока. гарна зъ себе й здорова, вона була и вбрана краще, и по хати ходыла мовъ чужа, мовъ гистя. Вона не любыла Грыцька и пишла за ёго, абы де прыхылытыся зъ дытыною, а теперъ шкодувала. що такъ изробыла. Ся понура хата. сей похылый Грыцько и четверо галаслывыхъ дитей очортилы вже ій безъ миры,—якъ бы могла, то й не зазырнула бъ сюды!

Прывиталыся гости, посидалы. Грыцько заразъ почавъ розсказуваты про свою суперечку зъ братамы за землю. Винъ ходывъ до суддивъ. казавъ, що браты нахваляются ёго жыто покосыты на тій десятыни. Дакъ судди кажуть: ще жъ не покосылы, дакъ чого жъ ты намъ и голову морочышъ? Отъ ты имъ и пожалійся! Теперъ винъ бачыть. що вже правды не шукай. Буде самъ оборонятыся, якъ изможе.

— Оборонышся! Де жъ пакъ! Ихъ двое, а ты самъ!—промовыла Йивга непрыхыльно и мовъ радіючи, що такый безсылый бувъ Грыцько. Вона перемывала на лави биля мысныка ложкы и ввесь часъ, покы Грыцько довго росповидавъ про

свою сварку зъ братамы, все мовчкы поглядала на Зинька, блыскаючы на ёго своимы смилымы зваблывымы очима,—винъ бо сыдивъ на лави крайній, биля неи. Слухаючы Грыцька, не бачывъ ій поглядывъ, але теперъ, якъ вона озвалася, глянувъ на неи, и ихъ очи ззырнулыся.

— Знаешъ ты тамъ!—одказавъ ій сердыто Грыцько.

Але вона вже ёго не слухала, а дывылася все на Зинька. Винъ ій подобався. Грыцько знову провадывъ свое, Васюта зъ Карпомъ роспытувалыся ёго, а вона тымъ часомъ стыха озвалася до Зинька:

— Чомъ ты до насъ николы не заходышъ?

— Я?—спытавъ, трохы дывуючысь, Зинько.—Та такъ... дила не було.

— Та ты жъ такъ недалеко жывешъ,—казала вона такъ саме пивголосомъ, мовъ спиваючы, а очи такъ и гралы, такъ и променылыся до Зинька.—Блызенько жывешъ... Заходь, то й мени веселише буде.

— Добре! спасыби!—видказавъ Зинько й заразъ же прыставъ до гуртовои розмовы.

Грыцько, розставляючы порепани чорни рукы, казавъ:

— Я й самъ бачу, яки воны дерылюды. За имы ниде правды не знайдешъ. Ни до старшыны, ни въ судъ—никуды.

— Отъ же бачыте, дядьку,—озвався Зинько,—самы кажете, що черезъ те нема й суду на вашыхъ бративъ, що й судди на багатырськый бикъ хылються. Дакъ колы такъ, то не треба намъ попускаты имъ ще въ бильшу сылу вбытыся. Бо тоди воны насъ ще дужче въ шоры визьмуть та ще й зъ усихъ бокивъ: и судомъ, и землею, и скотыною—всимъ. Черезъ те й треба намъ дбаты, щобъ не попустыты сёго.

— Та я бъ и раднишый, дакъ же...—почавъ бувъ Грыцько, але Зинько перепынывъ ёго:

— Знаю черезъ що вамъ нема змогы. Дакъ сёму лыхови й запобигты можно. Отъ мы скынулысь гришмы та й прынеслы вамъ двадцять карбованцивъ. Визьмить та й оддайте Денысови, а намъ вернете по спромози и безъ проценту.

Зинько положывъ на стилъ грошы. Грыцько подывывся на ихъ, помовчавъ.

— Дакъ якъ же се такъ,—спытався нарешти,—черезъ що жъ се вы мени даете грошы?

— Черезъ те запомогу сюю вамъ подаемо,—видказавъ ёму Карпо,—що якъ оддасте позычку свою Денысови, то можно буде вамъ у громади проты ёго ставаты, щобъ не попустыты ёму земли громадськои.

— Такъ...—якымся непевнымъ голосомъ тягъ Грыцько.—А вамъ же та земля якъ: вы ии самы, чы що, хочете купыты?

— Та що се вы, дядьку?—скрыкнувъ Васюта.—Хыба жъ я вамъ не казавъ?

— Що казавъ, то казавъ... я й думавъ соби, що й справди се абы тилькы Денысови не даты... Ну, а теперъ бачу, що вы й грошы прыносыте, то воно якось...

— Що—якось?—спытавъ Карпо, зовсимъ уже сердытый.—Зъ щырого серця запомогу вамъ прыносымо, а вы пеню на насъ изводыте, що, замисто Деныса, хочемо лукавымъ способомъ громаду одурыты! Самы не ходыте мабуть у правди, то праведного й на свити не хочете добачаты. Мовъ уже й правды ни въ кого нема,—сама хапанына. Не терпыть моя душа такого! Ходить, братця, звидсы! Блаженъ мужъ, иже не йде на совитъ нечестывыхъ!

Карпо вставъ зъ лавы та й хотивъ уже буvъ иты, але Зинько ёго прыпынывъ:

— Стрывай, брате! Вы, дядьку, справди не гаразд кажете. Не про себе тутъ дбаемо, а про громаду. Та, колы хочете, й про себе: буде громади легше жыты, полегшае й намъ. Кожному по одынци важко чогось домогтыся, то треба гуртомъ. И що бильшый гуртъ буде, то легше доможемося. Черезъ те й вамъ пособляемо до нашого гурту прыстаты. Вамъ се краще, та й намъ, бо нашои сылы побилышае.

Карпо стоявъ середъ хаты зъ шапкою въ рукахъ, гнивный, ладенъ що хвылыны выйты звидсы. А Грыцько, похылывшы голову, думавъ. Вразъ пидвивъ голову.

— Та невже це вы справди, братикы, за громаду?

— Тю на васъ, дядьку, ій-бо!—гукнувъ Васюта.—Чы намъ землю йисты, чы що, прысягаючысь? Якъ такъ граться, то се вже й хатку краще розваляты!

Грыцькове облычче вразъ мовъ бы сяевомъ осяяло.

— Ну й добрый же вы народъ!—скрыкнувъ.—Ій-бо, такыхъ людей я ще й не бачывъ! Та я зъ дорогою душею!.. Мени абы зъ Денысовыхъ рукъ, а то я!.. Ну зроду и не згадавъ-бы, що се вы за громаду. Якъ прынеслы грошы,—такъ и думавъ, що соби землю хочете. Ажъ вы, бачу... Спасыби жъ вамъ, братикы, таке, що й хто ёго зна яке!..

Писля цёго всимъ стало весело, почалы говорыты про те, якъ и що воны въ громади робытымуть та кого ще можно на свій бикъ прыхылыты... Йивга ввесь часъ сыдила въ кинци лавы, схылывшысь трохы на мысныкъ, та дывылась на Зинька.

Пизно вернувся до-дому Зинько и пишовъ у садокъ, думаючы, що Гаинка давно вже тамъ спыть. Але ій не було. Пишовъ бувъ до хаты и стривъ жинку на порози.

— А ты ще й доси не спышъ!

— Та я була лягла оце заразъ спаты та й устала,—боюся.

— Чого?

— Щось ходе въ садку надъ ричкою... Ще й учора нибы щось ходыло,—такъ мени здалося... Та думала соби,—то такъ учувается... А сёгодни тилькы лягла, колы воно—трись, трись у саду,—по сухыхъ гилкахъ иде. Онъ чуешъ,—знову.

Воны прыслухалысь. Справди чуты було, що въ саду щось йе. Зинько шепнувъ Гаинци, щобъ зосталася тутъ, а самъ швыденько й тыхенько побрався помижъ деревамы внызъ, де чуты було ходу. Ничъ була не мисяшна, хочъ и зоряна, и треба. було добре прыдывлятыся, щобъ побачыты щось середъ деревъ. Зинько прыглядавсь и ничого не бачывъ. Колы вразъ почувъ, що затрищавъ тынъ у той бикъ, де бувъ Струкивъ садокъ. Глянувъ и побачывъ, що хтось перелазыть черезъ тынъ. Велыка

темна постать на мыть зъявылася надъ плотомъ и заразъ же шугнула внызъ, у Струкивъ садокъ.

— А хто тамъ ходыть?—гукнувъ Зинько, але почувъ тилькы, якъ хтось швыдко затупавъ ногамы по той бикъ тыну.

Гаинка спыталася, якъ винъ вернувся:

— А що, бачывъ?

— Бачывъ,—щось у Струкивъ садокъ плыгнуло.

— А не пизнавъ?

— Де жъ тамъ! Темно та й здалека. И чого бъ теперъ ходыты? Сказаты влитку, дакъ хочъ садовына, а теперъ?—дывувався Зинько.

— Дакъ може на кого воно скыдается?—допытувалася Гаинка.

— Де жъ тамъ розберешъ! Такъ, нагадало мени чогось Мыкыту Тонконоженка,—мовъ такый здоровый, якъ винъ... да тилькы чого жъ ёму тутъ ходыты? Хыба до якои Струкивны?

— А й справди,—може до Струкивны,—сказала Гаинка й додала:—Ну, та й не люблю я цёго Мыкыты! Якъ стринешся зъ имъ де на вулыци, то такъ на тебе гляне, що ажъ гыдко.

— Не люблю й я ёго,—видказавъ Зинько, поганый парубокъ.

— И все якъ зостринется зо мною, то разъ у разъ словомъ займае, а я не люблю ёго й голосу. И очи въ ёго якись таки, якъ... якъ у Йивгы!..

Зинькови згадалыся на мыть Йивжыни очи—якъ воны на ёго сёгодни блыскалы. Але заразъ же й забувъ за ихъ, почавшы розсказуваты Гаинци про те, що въ ихъ було зъ Грыцькомъ...

Промынуло ще килькы день, и вже десятныкъ ходывъ и загадувавъ на недилю въ громаду. Лышалося нашому товарыству тилькы ще тры дни. Воны клопоталысь зъ усеи сылы, щобъ за той часъ нахылыты яко мога бильше людей до своихъ думокъ.

VI.

Громада.

Вже вся громада зибралася коло волосты. Де-яки сыдилы на колодахъ по-пидъ тыномъ, де-яки, сыдючы й стоючы, купчылысь на волосному рундуку, а бильше стояло навкругы, гуртуючысь купкамы, переходючы туды й сюды та жваво розмовляючы. Говорылы голосно про всяки новыны, про надіи на хлибъ та врожай та про инши свои справы, тилькы не зачипалы справы Денысовои, бо самъ Денысъ бувъ уже тутъ. Винъ крутывся помижъ своимы людьмы, усмихався та прымылявся до ихъ та нышкомъ иноди казавъ кому щось. Зинько вмысне прыйшовъ у громаду дуже рано, бо пры ёму не такъ вильно було Денысовымъ прыхыльныкамъ збываты людей. Одначе, скоро винъ помитывъ, що десятныкъ разъ-у-разъ нышкомъ клыкавъ сёго або того дядька въ середыну до волосты, де давно вже сыдилы Копаныця, Сучокъ, Рябченко, а часто зазыравъ туды й Денысъ. Выдымо, що воны тамъ, уси гуртомъ, умовлялы такыхъ людей, якыхъ ище не встыглы або не змоглы доси вмовыты. Зинько озыравъ громаду и личывъ на кого можно рахуваты, що обстануть не за Деныса, и выходыло дуже мало.

— А бачышъ, Зиньку,— озвався до ёго зтыха Васюта.—ни Павла, ни Оксена, ни Юхыма нема.

Справди килькы чоловика такыхъ, що подалы слово стояты вкупи зъ Зиньковымъ товарыствомъ, зовсимъ не прыйшло въ громаду, побоявшыся выступаты проты багатыривъ.

— Лукави души!—промовывъ Зинько.—А чого жъ се доси Грыцька нема?

— Онъ иде,— видказавъ Карпо.

Грыцько пидійшовъ и ставъ просто биля ихъ. Виддавшы винъ позычку Денысови, теперъ не боявся ёго и ладёнъ бувъ змагатыся зъ имъ зъ усеи сылы. Винъ подывывся по громади й промовывъ:

— Мало нашыхъ!

— Мало,—сказавъ Зинько.—А все жъ треба змагатыся—що Богъ дасть.

— Глянь, Грыцьку,—промовывъ Мыхайло, одынъ зъ молодчыхъ господаривъ, що стоялы пры Зиньковому боци,—глянь, якъ твій братикъ зъ Денысомъ!

Справди Панасъ бувъ у тому гурти и ходывъ слидкомъ за Денысомъ.

— Чы ты ба,—якый багатырь выйнявся!—сказавъ другый чоловикъ, Савка.—Туды жъ пхается!

— Не дыво,—промовывъ Грыцько.—Сподивается, що ти пособлють одняты въ мене поле.

— А гляньте, де Кырыло!—промовывъ Карпо.

Вси глянулы й побачылы, якъ Кырыло выходывъ зъ волосты.

— Кырыле!—гукнувъ Васюта.

Але винъ, мовъ не чуючы того, дывывся въ другый бикъ, збигъ швыденько зъ рундучка и зныкъ у Денысовій юрби.

— Оце жъ израдывъ!—сказавъ Карпо.

Ся зрада була дуже прыкра: и Зинько, и ёго товарыши дуже рахувалы на Кырыла, бо бувъ чоловикъ не дурный, прорічыстый та смилывый. За имъ потягло бъ руку й багато иншыхъ, а теперъ воны або пидуть слидкомъ за имъ у той гуртъ, або мовчатымуть.

Тымъ часомъ Захарько у новищій, полатаній, а не драній, чынарци, ще непъяный, тилькы трохы выпывшы, крутывся середь людей, скризь показуючы свою одутлу зъ червонымъ носомъ пыку. Винъ махавъ рукамы, моргавъ очыма и щось изтыха казавъ то тому, то тому. Васюта нышкомъ зайшовъ до ёго ззаду и прыслухався.

— Держится, хлопци, за Деныса Пылыповыча!—умовлявъ пъяныця.—Бо се, знаете, выгода громади... Ну й пошануе васъ Денысъ Пылыповычъ: дви видри, сказавъ, поставлю. Заразъ изъ сходкы пожалуйте.

И йшовъ дали, всимъ кому треба кажучы про дви видри горилкы могорычу.

— Старшына! старшына!—загомонилы навкругы.

Розмовы стыхлы, вси глянулы на рундукъ и поскыдалы шапкы, здоровкаючысь. Тамъ стоявъ Копаныця зъ знакомъ на шыи, а биля ёго пысарь, держучы въ рукахъ якись паперы, та староста. Громада зовсимъ ущухла, дожыдаючыся, що скаже старшына.

— Ну, сходка почынается! — промовывъ Копаныця голосно.—Семене Семеновычу, чытайте бомагы!

— Предписаніе уѣздной земской управы отъ 19 апрѣля сего года за № 1829. Въ виду появленія на рогатомъ скотѣ эпизоотіи ящура озаботыться...,—чытавъ пысарь щось мудре, а громада слухала.

— Розшелепалы?—гукнувъ Копаныця.—Хвороба, дакъ щобъ береглысь!

— Яка жъ хвороба, колы про ящирокъ?—пытався хтось середъ людей.

— Дакъ ото жъ и звелено, щобъ не йила скотына ящирокъ, а то буде така хвороба, пызотія называется,—розсказувавъ хтось мудрышый.

— Та дѐ жъ це выдано, щобъ скотына ящиркы йила? Таке выгадають!—сказавъ якыйсь дидь, махнувъ рукою.

— Атъ! Яки тамъ ящиркы?—не згожувався одынъ дядько.—Хыба не чуешъ? про *ящура*, а не про ящирокъ написано.

— Не розсуждай! Колы пышуть,—спольняй и бильше ничого!—гримнувъ старшына. Продолжайте, Семене Семеновычу!

— Предписаніе господина станового пристава первого стану отъ 15 мая сего года за № 2374 о немоченіи конопли въ рѣкѣ... подъ угрозою штрафа въ два рубля, для чего выкопать бассейнъ, собравъ на этотъ предметъ по двадцать коп. съ двора.

— Чуете? Щобъ конопель не мочылы въ ричци, а то штрапу два карбованци!

— Та де жъ мы будемо мочыты? Оце лыхо! Хыба жъ намъ безъ конопель жыты?—почулыся голосы.

— Не выгадувать!—гукавъ старшына.—Сказано не мочыть, дакъ не мочыть! Спольняй и билышъ ничого! Якъ зберете по двадцять копіёкъ зъ двора, то тоди волость дозволыть мочыть де хочешъ.

— А що тамъ ище сказано копаты?—допытувався хтось.

— Ничого не копаты: знесы на волость по двадцять копіёкъ зъ двора та й мочы де хочъ, а не прынесешъ,—штрапъ и въ холодну!—видказавъ Копаныця. — Продолжайте. Семене Семеновычу!

Семенъ Семеновычъ ище чымало «продолжавъ», вычытуючы и про те, щобъ заплатыты земству грошы за пожарку, и про те, що «розискуются бегли рештанты», и про всячыну иншу; але вси слухалы це мало, бильше пускаючы кризь уха, бо добре зналы, що не про се ихъ сюды поклыкано. Врешти, якъ уже все попрочытувано, Копаныця спытавъ пысаря:

— А що, Семене Семеновычу, бильше нема диловъ?

— Нема, усѣ.

— Ну, дакъ и до-дому можно... А въ тимъ, стрывайте!—прыпынавъ винъ громаду, мовъ тилькы теперъ изгадавшы те, що хотивъ казаты.—Ще одно невелычке дило йе... Отъ вы знаете, що у насъ йе пересельськи надилы... Мы за ихъ громадою платымо поземельне и вси видбуткы видбуваемо, а за що? Богъ ёго святый знае! Чы не краще було бъ намъ узяты та продаты...

— Продаты! продаты!—зарепетувалы зъ усеи сылы Денысовы прыхылныкы, але зарепетувалы занадто рано, бо Копаныця заразъ же гримнувъ на ихъ:

— Цытьте вы! Дайте сказаты!.. Бачыте: якъ бы найшовся добрый чоловикъ, та продаты ёму, то бувъ бы намъ барышъ, а

теперъ маемо саму втрату. Мы бъ на ти грошы могды що добре зробыты. Якъ вы про се думаете, люде добри?

— А яку жъ мы маемо втрату,—задзвенивъ изъ громады Зинькивъ голосъ,—колы мы тую землю наймаемо и тымы гришмы и вси оплаткы видбуваемо, ще й зостается?

— Хто се говорыть?—зыкнувъ Копаныця.

— Я!—промовывъ Зинько, выступаючы зъ громады.

— И я!—выступывъ за имъ Карпо.

— Та й я! и я!—озывалыся одынъ по одному Васюта, Грыцько, Дмытро, Мыхайло, Савка и ще килькы голосивъ изъ стовпыща.

— И я! и я!—перекрывывъ старшына.—Розъякалысь якъ! А вы жъ почóму знаете, шо ще й зостается? А може жъ ище й не стае?

— А по тóму, що Денысъ платыть за десятыну бильше, нижъ изъ тіеи десятыны оплаткивъ иде,—сказавъ твердо Зинько.—Хыба не такъ? Хыба цёго не запысано въ кныгахъ? Колы не запысано, дакъ треба довидатыся, куды ти грошы йдуть.

Старшына побачывъ, що наскочывъ на слызьке, и заразъ завернувъ у бикъ

— Грошы вси цили и запысуются куды треба,—ты мени того не росказуй! Якъ ты можешъ казать, що грошы кудысь дываются? Мени вся громада вирыть, мени все начальство вирыть, а ты мени сміешъ казать, що въ мене грошы пропадають! Та я тебе заразъ у холодну закыну!

— Стрывайте бо, не такъ швыдко закыдайте!—видказавъ спокійно Зинько.—Я не казавъ, що у васъ грошы пропадають, а се *вы* сказалы, що не стане грошей на оплаткы, дакъ я й хотивъ знаты—куды жъ воны йдуть.

— Я кажу тилькы,—перепынывъ ёму старшына,—що выгоднише громади ту землю продаты та маты зъ грошей процентъ.

— Выгоднише! выгоднише!—зарепетувалы Денысовй прыхыльныкы.—Продаты!.. Продаты!.. Абы чоловикъ добрый знайшовся!..

— Та йе такый чоловикъ.—гукнувъ старшына.—Онъ Денысъ Пылыповычъ мабуть купывъ бы.

— Гараздъ!.. Отъ и добре!.. Продаты Денысови Пылыповычу!.. Продаты!..

— Не продаваты!—гукалы зъ другого боку.—Не хочемо!.. У насъ скилькы безземельныхъ!.. Краще имъ часткамы роздаты... Не хочемо й найматы бильше Денысови, не то продаваты!..

Счынився такый галасъ, крыкъ, що мало що можно було й розбираты. Справа була вельмы важна й пекуча, и черезъ те вси булы дуже роздратовани. Говорылы вси вразъ, то до гурту гукаючы, то двое-трое сперечаючысь промижъ себе. Денысъ тымъ часомъ опынывси вже на рундуци биля старшыны. Тамъ уже стоялы и Остапъ, и Рябченко зъ Сучкомъ, и все инше ихъ товарыство Воны говорылы до старшыны та до тыхъ людей, що поблызу ихъ стоялы. Карпо, Васюта, Грыцько ходылы помижъ людьмы, пидбурюючы ихъ, щобъ не продаваты. Зинько тымъ часомъ протыснувся до рундука и помалу, середъ натовпу, зиходывъ на схидци.

— А годи вже вамъ галасуваты!—гукнувъ старшына.—Слухайте що скаже Денысъ Пылыповычъ!

— Цытьте! цытьте! слухайте!—почалы люде спыняты сами себе, але инши крычалы навпакы:

— Не хочемо ёго й слухаты! Не треба!..

Такъ позмагалыся ще якый часъ, ажъ покы такы помалу все втыхомырылось. Денысъ выкашлявся й почавъ:

— Господа хазяины! Я не набываюсь изъ своимы гришмы. Це якъ вы соби хочете: хочете продавайте, хочете—ни. Я ту земельку купывъ бы, а не схочете продаты,—я за свои грошы й иншу знайду. Грошы така штука, що за ихъ скризь чого хочешъ знайдешъ. Я тилькы черезъ те й купую, що думаю соби: однакъ мени купуваты, а якъ у громады куплю, то се жъ я ій помичъ дамъ. Отъ що! Цину мою вы знаете за десятыну,—цина добра,—и грошы заразъ же прыставлю въ волость. Ото жъ якъ знаете.

Тилькы винъ договорывъ свое, ище нихто не встыгъ ничого й сказаты на те, колы це несподивано передъ громадою, заступывшы Деныса, ставъ Зинько и озвався голосно:

— Люде добри, панове громадо!

— А цей чого тутъ?—скрыкнувъ старшына.—Геть извидсы!

— Денысъ казавъ,—казатыму й я!..—видповивъ Зинько.—Чого жъ се такъ, що ёму можно, а мени—ни? Вильно кожному.

— Денысъ землю купуе, а ты що?

— А звидкиля жъ вы знаете, що я не хочу іи купыты? Може жъ и я купуватыму! Я такый хазяинъ, якъ и Денысь,—одказавъ Зинько, не повертаючысь до старшыны и не зступаючы зъ свого мисця, а тоди зновъ озвався до громады:

— Панове громадо! Колы я що не въ ладъ скажу,—простить мени и навчить чымъ помылывся, бо я ще чоловикъ молодый, треба мени розуму видъ старишыхъ учытыся. Може бъ я й промовчавъ, дакъ не можно жъ и не сказаты: якъ идешъ прозъ хату та бачышъ, що вона займается, а хазяинъ спыть, то чы годыться жъ не погибты та не збудыты ёго? А наша громадська хата займается!

Вси слухалы вважно, цикави, що буде дали. Тилькы де-хто пошепкы пытавъ у сусиды, штовхнувшы ёго ликтемъ:

— Про яку се винъ хату говоре? Де займается?

— Слухай уже!—видказувавъ сусида.

— Зъ искоркы малои почынаются пожари,—казавъ дали Зинько, а тоди вже стае полумъе. Отъ и въ насъ така искорка прокынулась. Що року народу бильшае, а земли— ни. Теперъ на душу прыпадае вдвое меньше земли, нижъ було спершу. У насъ и теперъ безземельни заразъ бы порозбиралы ту землю, а вы іи продаете одному. Чы то жъ по правди? Продайте, чы дайте по десятыни,по дви тому,въ кого земли мало або й зовсимъ нема, а не збагачуйте того, хто й такъ багатый. Чы громади буде добро зъ того, що одынъ буде дуже багатый, а другый дуже бидный? Тоди громади добре, якъ *уси* въ достаткахъ.

— Правда! правда!—озвалыся навкругы голосы.—Наче въ око влипывъ!

А Зинько, насмиленый хвалою, казавъ палко дали.

— Кажуть: громада—велыкый чоловикъ. Треба жъ, щобъ у велыкого чоловика й сыла велыка була, а то винъ буде малый. Хай же винъ не збувается своеи сылы. Наша сыла—земля. Колы вона буде въ громады,—въ громады буде й сыла; колы жъ

громада ім виддасть кому-сь, то свою сылу змалыть, а чужу вбильшыть. Тоди велыкымъ чоловикомъ буде не громада, а хтось инший, а громада буде въ ёго попыхачемъ. Хто хоче зробыты громаду попыхачемъ,—хай продае землю, хай пидпалюе громадську хату! Оце й усе!

Зинько зійшовъ изъ схидцивъ у стовпыще. Громада мовчала, на хвылыну прытыхшы. Всихъ уразылы Зиньковы слова. По малу почавъ озыватыся то той, то сей.

— А що жъ, хыба й не правда?.. Воны на насъ скоро верхы йиздытымуть!.. Не можно имъ попускаты!.. Не треба продаваты!.. Не хочемо!..

Озывалося все бильше й бильше. Вся громада вже гула, якъ бджолы въ вулику. Тымъ, хто за горилку згоджувався статы за Деныса, теперъ соромъ було згадуваты про це. Та й хто сыдивъ у неволи въ Деныса, чы въ ёго полыгачивъ, забувъ на ту мыть про те. Кожный почувався громадяныномъ. Кожный розумивъ, що винъ тутъ мае сылу и любо ёму було се почуваты. Денысовы полыгачы мовчалы, а голосно озывалыся прыхыльныкы громадськи. Зинько й товарыши ходылы промижъ людьмы и додавалы имъ ще до того, що вже було казано.

— А цытьте вы! Слухать!—зыкнувъ зъ усіи сылы старшына.

Громада вщухла, дослухаючыся що винъ ище скаже. Але загомонивъ не винъ, а Денысъ.

— Колы не хоче громада продаваты, то я за свои грошы й де инде знайду,—плакаты не буду. Тилькы вже якъ громада до мене, такъ и я до громады. Нехай уже теперъ нихто не ходыть до мене по землю, та й тымъ не буду дали ждаты, хто мени грошы выненъ. Отъ що!

Проказавшы це, видійшовъ назадъ и сивъ на рундуци на ослинчыку. За имъ выступывъ Рябченко.

— И по моему громада не по правди робыть зъ Денысомъ Ныпыповычемъ. Колы такъ, то й я слидкомъ за имъ: земли никому не дамъ и зъ позычкамы царамониться не буду.

— Та вже й я не инакъ робытыму,—озвався Остапъ, а за имъ и Денысивъ тесть Манойло, а за Манойломъ—Сучокъ.

Вси ти похвалкы падалы на громаду, якъ довбня волови на голову. Голова запаморочувалась.

— Оттакъ, якъ заразъ казано,—такъ и я робытыму зъ вамы!—гукнувъ Копаныця.—Чулы?

А воны се такъ добре чулы, що видразу не знать де й подилася вся то смилисть, той громадськый запалъ, що тилькы оце заразъ обхопывъ ихъ. Стоялы похнюпывшысь, и коженъ думавъ про те, скилькы винъ выпенъ Денысови, чы кому зъ ёго полыгачивъ, де винъ визьме грошей, щобъ вернуты ту позыку, въ кого винъ братыме въ осены землю, куды виддасть на пашу товаръ...

— Чулы?—гукавъ Копаныця.—Колы не позакладало, то теперъ бачыте куды треба завертаты! Отъ же хто хоче продаты Денысови Пылыповычу Сывашеви землю,—зоставайся тамъ, де стоишъ, а хто не хоче,—выходь ливоручъ за колоды.

Зинько, Карпо, Васюта, Грыцько та ще чоловика десять, а середъ ихъ Дмытро, Мыхайло та Савка, перейшлы ливоручъ. Вси инши, велычезна бильшисть, стоялы мовчкы, похнюпывшысь.

— Люде добри!—скрыкнувъ до ихъ Зинько.—Та що жъ се вы робыте? Вы жъ самы себе продаете!

— Мальчать!—крыкнувъ старшына. — Шо ты мени тутъ бунтъ заводышъ? Я тебе въ холодну закыну! Я тебе въ станъ одишлю!

— Годи! годи!—видказавъ Зинько.—Що се вы такъ зъ холодною розносылыся, що все мене закыдаете? Я не бунтую, я правду кажу. Панове громадо! Соромъ вамъ, що вы таки боязьки! Невже жъ ниде нема правды на свити, тилькы въ багацькій кышени?

— Десятныкы! берить ёго въ холодну!—решетувавъ старшына.

Десятныкы нехотя пидійшлы до Зинька.

— Братикы,—промовывъ до ихъ Васюта,—не будьте свынякамы! Бо щобъ я здохъ, колы першому, хто до ёго торкнется, не погладжу ёго свынячу морду оцією штучкою!—и винъ пиднявъ свого здоровенного кулака.

Десятныкы сталы, не знаючы що имъ робыты. Але й старшына, бачучы, що вже почынается щось непевне, облышывъ Зинька, мовъ забувшы за ёго, и гукнувъ на пысаря.

— Семене Семеновычу! пышить прыговоръ о продажи обчеськои земли Денысу Пылыповычу Сывашу!

— Ще вчора напысавъ!—одказавъ пысарь.

— Одбирать рукы!—звеливъ старшына.

Двое пысьменныхъ пишло въ стовпыще видбираты въ непысьменныхъ рукы. Звычайно пидпысувалысь за ихъ и безъ цёго, але що теперъ було таке карлючкувате дило, то старшына звеливъ зробыты й се. Двое людей штовхалося середъ стовпыща, а стовпыще стояло похнюплене, понуре...

Зинько мовчавъ, не знаючы вже що діяты, бачучы добре, що тутъ уже нищо не поможе. И вразъ мовъ полумъемъ обняло ёму голову, и винъ, самъ не знаючы на що се робыть, кынувся до Деныса и, стыскаючы кулакы, скрыкнувъ.

— Дерылюде! всихъ проглынуты хочешъ? А бодай бы ты подавывся на сёму мисти!...

Ще одна мыть, и Зинько вдарывъ-бы Деныса, збывъ бы ёго до-долу, пидъ ногы... Але Денысъ, изроду не бачывшы Зинька такого роздратованого, злякався й скрыкнувъ:

— Господынъ старшына! Я протестуюсь... Винъ мене вбъе!..

Це перелякане облычче, цей повный страху голосъ одразу спынывъ Зинька. Винъ спустывъ рукы.

— А. такъ!—скрынувъ старшына.—Десятныкы! Роты пороззявлялы, стоять якъ стовпци!.. Берить ёго!..

Але поки десятныкы наблызылысь, Карпо взявъ Зинька за руку и вывивъ ёго зъ громады.

— Ходимъ, брате! Нема вже чого намъ тутъ робыты!..

Воны пишлы.

— Ну й падлюкы!—лаявъ громаду Васюта.—Отъ свыняча порода!

— Вывишавъ бы всихъ!—похмуро й прыкро сказавъ Карпо.

— Таку землю, таку гарну землю та й виддаты!—бидкався Грыцько.

— А мы ще клопочемось за ихъ, за громаду! — казавъ Карпо.—Та наплювать на сю громаду,—вона доброго слова не варта!

Зинько ничого не казавъ, тилькы важко дыхавъ, стыскаючы зубы.

— Уси въ ихъ у рукахъ, якъ рыба въ волоци въ матни,—отъ що!—казавъ Грыцько. — Схоче — выпустыть, а схоче—въ юшци зъисть.

— Булы тамъ таки, що й не въ матни, та й ти въ свынячый слидъ побиглы,—видказавъ Васюта.

— Праведный чоловикъ ніякого лыха не злякается, а злочестывый и безъ лыха лыхо діе,—правывъ свое Карпо.—Чого жъ мы будемо за ихъ клопотатыся, турбаціи соби завдаваты? Не дурно сказано, що покыньте мертвыхъ свои мерци ховаты,—отакъ и це.

— Атъ, облышъ бо, Карпе!—видказавъ гирко Зинько.—Неправду ты кажешъ, та нехай иншымъ разомъ, а то теперъ...

Винъ не доказавъ, що ёму було теперъ, такъ тяжко й гирко, що не хотилось и розмовляты.

Похмурый вернувся винъ до-дому, и Гаинка не могла ёго звеселыты ніякымъ своимъ прымыляннемъ та щебетанцемъ.

Довго не спавъ тіеи ночы Зинько за думкамы. Не разъ та й не двичы доводылось ёму нещаслыво ставаты въ громади проты тыхъ людей, що й сёгодни, але николы не було ёму се такъ тяжко, якъ сёго разу. И не черезъ те тилькы, що саме дило було не маленьке, за-для громады важне. Ни, де дали все дужче й дужче опановувала Зинька одна думка и не давала вона ёму спокою: думка завесты въ громади такый ладъ, щобъ по правди все робылось. Хотилось бачыты свою громаду въ усихъ справахъ розумною, правдывою та дружною. Тоди бъ усимъ було добре, вси щаслыво та гарно жылы бъ. Багато вже думавъ Зинько про те якымъ робомъ се зробыты, та не мигъ ни до чого путящого додуматыся, до такого, щобъ одразу воно взяло та й повернуло всихъ людей на кращый шляхъ. Додумався тилькы до того, що ёму самому треба завсигды робыты такъ, якъ винъ

хотивъ бы, щобъ уси робылы, та й иншыхъ нахыляты до того. Та сёго жъ мабуть мало. Бо отъ же й винъ, и товарыши ёго того додержувалы, а ничого сёгодни не вдіялы...

А якъ бы винъ изъ своимъ товарыствомъ сёго разу подужавъ у громади, то се великого важыло бъ! Тоди бъ смиливише було всимъ стояты проты тыхъ, хто хотивъ сидаты на шыю. А теперъ буде ще гирше, дуже гирше!.. И надія на те, що въ громади покращае, поладнишае, видсувалася ще дали...

Та все жъ Зинько не хотивъ зрекатыся тіеи надіи, не хотивъ покыдаты того, чымъ повна була вся ёго душа. Повынна такы правда подужаты крывду! Хочъ не скоро, а подужае—се Зинько добре знае. И якъ знае, такъ и робытыме,—якось уже воно буде...

А тамъ, далеко, на майдани, галасувавъ народъ, и той галасъ долынавъ и до Зинька. То громада пыла Денысову горилку. Пъяніючы, галасуючы, точучысь, цилуючысь и лаючысь, вона забувала про те, що сама себе виддавала въ попыхачи кожному, хто хотивъ нею попыхаты...

В. Гринченко.

(Дали буде).

ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ А. Ѳ. КИСТЯКОВСКОМУ.

Со времени смерти П. А. Кулиша (2 февр. 1897 г.) нашъ журналъ, признавая все значеніе личности покойнаго въ культурной исторіи нашей родины, рѣшилъ прежде всего собрать, по мѣрѣ возможности, тотъ матеріалъ, который лучше всего можетъ освѣтить умственный и нравственный обликъ человѣка,—это его переписку съ лицами, дававшими ему поводъ высказываться не только по вопросамъ личнаго характера, но и по общимъ, принципіальнымъ сюжетамъ. Переписка П. А. Кулиша была до сихъ поръ нами опубликована въ довольно значительномъ количествѣ, но, конечно, далеко не вся, даже изъ того матеріала, какой, по обстоятельствамъ времени, могъ-бы быть уже напечатаннымъ. Въ минувшемъ году мы пріостановились на время съ печатаніемъ дальнѣйшихъ матеріаловъ его переписки, такъ-какъ рѣшили удѣлить мѣсто опыту біографіи П. А. Кулиша, составленному В. П. Шенрокомъ. Печатая эту біографію, мы въ предисловіи отъ редакціи сдѣлали оговорку, что не считаемъ возможнымъ теперь дать безусловно вѣрную характеристику личности П. А. Кулиша, т. к. далеко еще не собранъ весь тотъ матеріалъ, изъ подробнаго изученія котораго только и явится вполнѣ опредѣленно выяснившеюся личность общественнаго дѣятеля. Въ виду этого, теперь, когда уже закончился печатаніемъ, опытъ біографіи П. А. Кулиша мы опять удѣляемъ мѣсто для опубликованія болѣе инте-

ресныхъ частей изъ его обширной переписки. На этотъ разъ мы печатаемъ письма П. А. Кулиша къ знаменитому нашему криминалисту, покойному профессору Кіевскаго университета, Алекс. Федор. Кистяковскому.

Переписка П. А. Кулиша съ А. Ф. Кистяковскимъ, любезно сообщенная намъ вдовой покойнаго профессора, А. И. Кистяковской, начинается съ конца 1867 года и доходитъ до начала 1881 года, т. е. заканчивается за 4 года до смерти послѣдняго. Письма эти содержатъ въ себѣ много сюжетовъ чисто личнаго свойства, вслѣдствіе чего, мы, не считая себя въ правѣ публиковать изъ переписки недавно сошедшихъ со сцены людей ничего, что носитъ на себѣ слѣды личныхъ отношеній, печатаемъ эти письма съ пропусками, выбирая изъ нихъ только то, что можетъ интересовать читателя съ точки зрѣнія общественной.

1.

Окт. 19. 1867. Москва.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ!

Вашъ совѣтъ выражаетъ Ваше доброе расположеніе ко мнѣ. Я знаю, что, написавъ исторію Малороссіи въ двухъ томахъ, да сдѣлавъ уступки мѣстной субъективности, я бы стяжалъ и суетную славицу и нѣкое богатство. Но мнѣ пріятнѣе угодить одному или двумъ знатокамъ дѣла, нежели морочить публику, какъ морочилъ ее (конечно безъ умысла) Костомаровъ. Совершенно понимаю, что въ первыхъ томахъ у меня много лишняго и нелѣпаго, но я же заявилъ печатно при II-мъ томѣ, [1]) что мнѣ не съ этого слѣдовало бы начинать работу.

Публикѣ не имѣлъ я права сказать, что написалъ два тома исторіи подъ вліяніемъ страха близкой смерти, съ цѣлью доста-

[1]) Исторія возсоединенія Руси.

вить Александрѣ Мих. хоть тысячу рублей дохода послѣ меня. Теперь я работаю не такъ, что когда одна глава печатается, такъ слѣдующая за нею пишется. Притомъ же, предварительно III-го тома напечатается I-й томъ матеріяловъ съ комментаріями. За польскимъ шрифтомъ, который понадобилось приливать, да за бумагою, которую по прежнему формату пришлось заказывать, до сихъ поръ не приступилъ къ печатанію матеріаловъ, а исторію во многомъ дополняю и исправляю. Именно то надо дѣлать, что́ я дѣлаю и что́ дѣлаете по Вашей спеціальности Вы, если хотимъ знать наше былое. Популяризаторы исторіи, конечно, приносятъ пользу, но въ большинствѣ случаевъ—вредъ. Я, напримѣръ, въ состояніи сказать кое что дѣльное объ эпохѣ Іова Борецкаго, но какъ же я могу говорить дѣльно о каждой другой эпохѣ? Пришлось бы многое внушать публикѣ безъ внутренняго убѣжденія, что говоришь правду. Совсѣмъ было другое дѣло, когда мы издавали *Основу:* я былъ убѣжденъ, что проповѣдую истину. Но надъ *Основой* вообще слѣдовало бы поставить эпиграфъ: «Мнѣ повѣрь: все то вздоръ, чего не знаетъ Митрофанушка». Слава Богу, этотъ кукольванъ снесло по Днѣпру въ море забвенія и безвредности. Я послѣ Основы кое-что и видѣлъ и дѣлалъ безъ козацкаго энтузіазма, нелѣпѣе котораго развѣ одинъ башибузукскій. Теперь я начинаю понимать и Польшу, и Москву объективно, и Вы увидите, что нашъ южнорусскій элементъ ничего не потеряетъ въ моихъ писаніяхъ отъ того, что опредѣлится динамически.

Радуетъ меня зѣло трудъ Петрова о Могилѣ, каковъ бы онъ ни былъ по способности автора видѣть историческую реальность изъ-за документальности. Въ IV томѣ придется и мнѣ дать отзывъ объ этомъ трудномъ предметѣ, съ рѣшеніемъ котораго я медлю даже и передъ самимъ собою. За то объ Іовѣ Борецкомъ я открылъ безцѣнные матеріалы, которые и напечаталъ въ I-мъ томѣ оныхъ. Знаете ли Вы, что бѣдный Кост. видитъ однимъ только глазомъ? Но какъ усидчиво онъ трудится надъ архивными бумагами, такъ это просто трагическое зрѣлище! А Бодянскій? Вѣдь цѣлый вѣкъ проработалъ однимъ окомъ gratis! (За *Чтенія*

и секретарство въ 28 лѣтъ не получилъ онъ ни рубля вознагражденія.) Преподобные и богоносные отцы, молите Бога о насъ! Я теперь такъ отношусь къ симъ подвижникамъ, научившись цѣнить лучше прежняго всякое завоеваніе въ пользу науки.

Бувайте здорови и Господéви люби. Щиро до Васъ прихыльный

П. Кулишъ.

2. [2])

1868, іюля 6. Варшава.

Милостивый Государь Александръ Ѳедоровичъ!

Что у Васъ дѣлается хорошаго? Здѣсь все по старому. Въ началѣ августа я получу наконецъ возможность располагать своимъ временемъ по усмотрѣнію и намѣренъ проѣхаться съ Александрой Михайловной по Пруссіи, Саксоніи, Баваріи, а можетъ быть и по Франціи. Изъ этого маршрута Вы видите, что я намѣренъ избѣгать австрійской почвы, которая наполнена теперь сплетниками, распложенными Катковымъ и Аксаковымъ, не говоря уже о сплетникахъ польскихъ. О возвращеніи въ Малороссію не помышляю. Еслибъ у меня было большое имѣніе, я бы нашелъ что̀ дѣлать дома, но при моей дачной, т. е. хуторской, жизни мнѣ остается только созерцать безтолковщину окружающей жизни. Выйти изъ тѣснаго круга родныхъ и сосѣдей значило бы подать поводъ къ выдумкамъ, которыхъ послѣдствія слишкомъ для меня ясны. Итакъ я по неволѣ туристъ, пока возможно для меня быть онымъ, а потомъ—опять чиновникъ. Сіе послѣднее зѣло для меня нежелательно, и потому буду искать средствъ для постояннаго пребыванія въ чужихъ краяхъ. На худой конецъ намѣренъ сдѣлаться

[2]) Письмо это относится къ тому времени, когда Кулишъ, оставивъ службу въ Царствѣ Польскомъ, собирался отправиться въ заграничное путешествіе.

нѣмецкимъ бауеромъ, для чего у меня денегъ довольно. Перспектива, если угодно, грустная, но еще грустнѣе сидѣть въ Малороссіи, видѣть на каждомъ шагу дѣло и не смѣть ни за что взяться! Мнѣ, именно *мнѣ*, нельзя заняться въ Малороссіи ни этнографіею, ни просвѣщеніемъ умственной тьмы вокругъ себя. Другіе могутъ работать на пользу общую спокойно, пока не пріобрѣли той печальной извѣстности, какою пользуюсь я въ административныхъ сферахъ, по милости московскихъ публицистовъ и слѣпыхъ послѣдователей ихъ нелѣпаго ученія.

Прошу поклониться отъ Александры Мих. и отъ меня Вашей супругѣ. Всѣ мы Вамъ кланяемся.

Душевно преданный Вамъ Кулишъ.

3.

Варшава 1868, авг. 4.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ!

Хорошее дѣло печатать сказки и пѣсни, но это—роскошь относительно кое-чего другого. Если бы кто нибудь издалъ сказки систематически и съ ученою обработкою—прекрасно, но Кіяне, какъ можно думать, намѣрены представить публикѣ только свои тетради въ напечатанномъ видѣ [1]). Что касается до пѣсенъ, то, послѣ всего уже напечатаннаго, требуется изданіе или совершенно неизвѣстныхъ налей публикѣ пѣсенъ, или же нѣчто въ родѣ нѣмецкаго изданія Рейсманна: das deutsche Lied in seiner historischen Entwickelung dargestalt, mit Musikbeilagen. Еслибы не существовало болѣе настоятельныхъ нуждъ, то благородно поступилъ бы тотъ, кто и на перепечатку рукописныхъ тетрадокъ

---

[1]) Очевидно, въ письмѣ А. Кистяковскаго сообщалось о приготовлявшемся къ печати изданіи И. Рудченка «Народныя южно-русскія сказки», вышедшемъ въ Кіевѣ въ 1869 г. Дальнѣйшія строки въ этомъ-же письмѣ вызваны у Кулиша, несомнѣнно, извѣстіемъ о приготовленіи изданія историческихъ пѣсенъ, вышедшихъ въ 1874 году.

употребилъ бы 300 р. Таково мое мнѣніе, а впрочемъ каждый себѣ господинъ.

Если я пріѣду въ Малороссію въ началѣ сентября, то только по невозможности съ малыми деньгами жить за границей, не нуждаясь въ ученыхъ пособіяхъ и тому подобныхъ предметахъ умственнаго комфорта. Но напередъ отказываюсь отъ того вліянія, которое вы предполагаете съ моей стороны возможнымъ. Для одного того, чтобы не доставить злостной радости чадамъ Каткова и Аксакова, я долженъ всячески удаляться отъ людей, которымъ надобно еще внушать, какъ они должны жить и трудиться. Велика ли отъ внушеній была бы польза, или нѣтъ, это еще неизвѣстно, но совершенно понятно для меня, какъ великъ былъ бы вредъ, еслибы вышеозначенныя чада тьмы нашли за что уцѣпиться для возбужденія противъ меня мѣстныхъ властей. И потому пребуду нѣмъ аки рыба среди людей, которые при мнѣ больше готовы трудиться, нежели безъ меня. Само собою разумѣется, что этимъ поведеніемъ я лишу себя многихъ отрадныхъ часовъ и наслажденія видѣть, какъ застоявшіяся умственныя силы пришли бы въ движеніе. Но если имъ необходимо двигаться, то это совершится и безъ возбужденія съ моей стороны. У меня же и безъ того много дѣла. Между прочимъ, я перевелъ Pentateuch, пользуясь почти всѣми европейскими переводами. Желательно было бы списать нѣсколько копій, для сообщенія просвѣщеннымъ кружкамъ на разсмотрѣніе. Въ Варшавѣ и за деньги не найдешь такого человѣка. Эту работу я буду продолжать до конца, яко усладительную для моего ума и вкуса. Давно бы пора это сдѣлать, но и лучшіе изъ насъ не стоятъ худшихъ между Нѣмцами и другими Европейцами. Когда буду въ Кіевѣ, то покажу Вамъ. Интересно знать, какъ Вы на этотъ мой трудъ взглянете.

Мой экземпляръ постановленій учр. комитета будетъ сложенъ для Васъ у В. М.

Еще не знаю, пріѣду ли въ Малую Россію, или найду возможнымъ ѣхать за границу; но въ этомъ мѣсяцѣ рѣшится, какъ сему дѣлу быть.

Искренно преданный Вамъ П. Кулишъ.

4.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ!

Очень Вамъ благодаренъ за полный экземпляръ *Основы*. Еще покорнѣйше и убѣдительнѣйше Васъ прошу—составить по возможности полное собраніе всѣхъ украинскихъ книгъ, въ томъ числѣ и моихъ сочиненій, и все это, вмѣстѣ съ Основою, отправить въ Вѣну по слѣдующему адресу: Oesterreich—*Wien*. Herr Michael *Podolinski*. Stadt, Gonzagagasse. № 14, Thür № 23 (14. 4. 23). Сколько за все это будетъ стоить денегъ съ пересылкою, благоволите увѣдомить Василія Михайловича, у котораго имѣются для всѣхъ моихъ надобностей наличныя деньги. Онъ Вамъ вышлетъ. Переплетать не надобно,—развѣ нельзя было бы иначе достать, какъ въ переплетѣ. Это собраніе книгъ предназначено мною въ подарокъ знаменитому Миклосичу, отъ котораго я ожидаю (говоря между нами) весьма важныхъ одолженій. Въ Вѣнѣ все переплетется и поднесется ему съ подобающею торжественностію. Миклосичъ въ необыкновенной степени заинтересованъ украинскою литературою, что̀ въ настоящее время значитъ очень много. Подарокъ будетъ сдѣланъ въ день его ангела. Пожалуйста поспѣшите съ этимъ дѣломъ, сколько отъ Васъ зависитъ.

Если потомъ окажется возможнымъ добыть еще одинъ полный экземпляръ Основы, то сдѣлайте одолженіе пріобрѣтите и пришлите въ Венецію по слѣдующему адресу: Italia—*Venezia*. Al Signor Pantaleone *Culisc*, hôtel Laguna. Василій Мих. возвратитъ деньги и за это.

Мы живемъ въ Венеціи совершенно спокойно и удобно. Городъ тихій и дешевый. Работать можно сколько душѣ угодно. Но мы только читаемъ, а не пишемъ. Со всего свѣта валитъ сюда матеріалъ для чтенія, и между прочимъ изъ Галиціи. Тамъ напечатано уже въ видѣ корректурныхъ листовъ двѣ Моисеевыхъ книги въ переводѣ на украинскій языкъ, напечатанъ также переводъ въ стихахъ книги Іова, и печатается стихотворный пере-

водъ всего Псалтиря. Печатается еще книжка для чтенія дѣтямъ, окончившимъ букварь, и работаютъ надъ составленіемъ полнаго гимназическаго курса учебниковъ. (Какъ бы достать для нихъ рукопись Ариѳметики Мороза? Отъ Ник. Ив. никто ничего не добьется, а она, говорятъ, погребена у него). Все это насъ радуетъ. Пусть хотя Галичане просвѣтятъ свой народъ!

П. Кулишъ.

1869. марта 26. Венеція.

5. [1])

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ.

Ваши деликатныя оговорки при начертаніи относящагося къ займу показываютъ, что Вы все еще считаете меня только литераторомъ, какимъ знали во времена блаженной памяти редакторства Василія Михайловича. Съ того времени я прошелъ сквозь огнь и воду. Ничто меня не поразитъ въ строгости житейской ариѳметики.

Хильчевскаго нѣтъ надобности утруждать, да я ни въ какомъ случаѣ не сталъ бы углубляться въ вопросъ: гдѣ именно будутъ лежать платимые мною проценты, развѣ пожалѣлъ бы, какъ и въ настоящемъ случаѣ жалѣю, что Банкъ, а не Вы, имѣетъ въ нихъ пользу. Вѣдь я и самъ получалъ и до сихъ поръ еще съ одного господина получаю проценты за занятые ему деньги. Да еще и благодаритъ платя. Такъ и я буду благодарить Васъ въ душѣ всякій разъ при отправленіи праведной мзды.

---

[1]) Это письмо хотя и носитъ отпечатокъ личнаго дѣла, но, во 1-хъ, оно свидѣтельствуетъ о матеріальныхъ затрудненіяхъ Кулиша въ тѣ годы, а во 2-хъ, по поводу этого займа, очевидно несостоявшагося, упоминается и въ перепискѣ Кулиша съ Хильчевскимъ, при чемъ Кулишъ былъ очень раздраженъ отказомъ А. Ф. Кистяковскаго (см. Кіев. Стар. 1898 г. № 1, стр. 129—131).

Срокомъ воспользуюсь, въ случаѣ надобности, вполнѣ; но думаю, что уплачу скорѣе, да это для меня же выгоднѣе. За позволеніе присылать частями благодаренъ очень. Это—самое удобное для меня.

Искренно преданный Вамъ и уважающій Васъ П. Кулишъ.
1874. февр. 16. С. Петербургъ.

PS. Въ избѣжаніе хлопотъ по перепискѣ, нельзя ли перевести 1000 р. въ С. Петербургскій учетный и ссудный банкъ, въ которомъ я имѣлъ прежде нѣсколько тысячъ и теперь еще имѣю небольшія деньги на текущемъ счету? Чинъ мой—надворный совѣтникъ. Впрочемъ для меня и съ почты получить не затруднительно.

6.

10 марта 1874 г. СПБ.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ!

На Страстной недѣлѣ йиду до дому йисты пасхи. Если деньги не могутъ быть получены мною до выѣзда, то лучше оставьте ихъ у себя: я пріѣду въ Кіевъ, отдохнувши въ хуторѣ отъ столичныхъ трудовъ.

Вашъ П. Кулишъ.

7.

15 марта 1874 г. СПБ.

Мнѣ даютъ командировку въ Кіевъ, и я появлюсь на кіевскомъ горизонтѣ вслѣдъ за этимъ письмомъ.

П. Кулишъ.

8.

9 марта 1874 г. Борзна.

Написано было: „при Вашей профессурѣ“. Это значило: при извѣстномъ обезпеченіи. Потрудитесь справиться въ моемъ письмѣ. Я жъ таки слава Богу знаю, что и въ какомъ случаѣ написать. Остальное пусть будетъ по Вашему.

П. Кулишъ.

1874, апр. 9.

---

9. [1])

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ.

Это письмо пишу съ извиненіемъ за небрежный почеркъ. Совсѣмъ иначе смотритъ моя рукопись по исторіи, которую продолжаю и осенью надѣюсь представить публикѣ три тома того, *о чемъ никто ей не говоритъ, точно оно никогда и не происходило.*

Бувайте здоровы! Искренно преданный Вамъ П. Кулишъ.

1875, февр. 20. Х. Мотроновка.

10.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ.

Вы уже въ другой разъ невѣрно читаете мое писаніе и недоумѣваете на мой счетъ. Такъ было, я помню, и въ прошлой нашей перепискѣ. Я написалъ: „Моему энтузіазму къ работѣ Вы

---

[1]) Изъ этого письма мы печатаемъ только отрывокъ, т. к. почти все письмо посвящено дѣловымъ вопросамъ, съ которыми П. А. Кулишъ обращался къ А. Кистяковскому, какъ къ юристу, поручая ему веденіе своего искового процесса.

не *вѣрьте*", а Вы прочитали: *не вѣрите*, и, естественно, находите противорѣчіе съ дальнѣйшими словами.

Что касается до моего энтузіазма, то онъ зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ, и всего больше отъ матеріаловъ. Можетъ быть, только въ Петербургѣ набросокъ мой получитъ окончательную форму. Притомъ же весна заставитъ меня бить такіе байдики, какіе только возможно вообразить.

Очень буду благодаренъ за книгу. О томъ не безпокойтесь, чтобъ она мнѣ принадлежала. По всей вѣроятности, я въ нѣсколько дней исчерпаю ея содержаніе для моего предмета: а потомъ—у меня столько книгъ нечитанныхъ, что совѣстно передъ самимъ собою. Это я говорю объ описаніи Кіева. А то есть еще какая-то книга Антоновича о городахъ. Хотѣлось бы прочесть. XVIII в. не нуженъ.

Э, такъ и Вы таки знаете, что люди бываютъ достойны слезъ и смѣха! Стоитъ ли для нихъ работать? Я работаю въ свое удовольствіе, и часто мнѣ пріятно думать, какъ они будутъ озадачены! Судомъ же я интересуюсь только такимъ, который подвинетъ мою работу, хотя бы онъ былъ самый суровый. По такого суда скорѣе дождешься отъ людей *не* спеціальныхъ.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

1875, марта 10. Х. Мотроновка.

11.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ.

Вы справедливо замѣтили, что Гоголь не восходилъ выше городничихъ въ своемъ смѣхѣ. Онъ осмѣивалъ грязную обувь, а не тѣхъ, отъ кого зависитъ устройство чистыхъ улицъ. Я разумѣю администрацію самой администраціи, т. е. интеллигенцію, которая ищетъ хоть какихъ нибудь божковъ для поклоненія, за отсутствіемъ идеала, которому единому подобаетъ кланяться и тому единому подобаетъ служити.

Мнѣ бы надобно прочитать статьи о Петрѣ Могилѣ, помѣщенныя въ *Православномъ Обозрѣніи* прошлаго года, а также двѣ статьи Пекарскаго: «Представители кіевской учености въ XVII вѣкѣ», помѣщенныя въ *Отеч. Запискахъ* 60-хъ годовъ. Если найдете возможнымъ снабдить меня, на короткое время, сими книгами, то очень обяжете. Я же весьма исправенъ въ возвращеніи книгъ. Еще Пекарскаго: «Наука до Петра Великаго».

Покойный Иванишевъ хвалился мнѣ, что имѣетъ какія-то выписки изъ Варшавскаго архива о Петрѣ Могилѣ. Нельзя ли найти доступа къ его бумагамъ? Я бы пріѣхалъ на нѣсколько часовъ въ Кіевъ.

Но ко всему этому не относитесь весьма серьезно. Я пишу 3-й томъ, можно сказать, для себя и не очень забочусь о томъ, чтобы наша публика какъ можно скорѣе поумнѣла на счетъ затверженныхъ по преданію понятій о русскомъ мірѣ.

Искренно преданный Вамъ П. Кулишъ.

1875, марта 17. Х. Мотроновка.

12.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ.

Бездорожье мѣшало мнѣ получить Ваши книги. Теперь, получивъ ихъ, пою Вамъ благодарственную пѣснь и съ нетерпѣніемъ ожидаю обѣщанной монографіи Петра Могилы.

Я далеко уже подвинулся въ писаніи III-го тома Исторіи Возсоединенія, и такъ какъ планъ совершенно опредѣлился, то послалъ начало печатать. На меня гнѣваются преждевременно, но и это мнѣ помогаетъ, а въ какомъ отношеніи—видно будетъ въ свое время. Работа моя занимаетъ меня чрезвычайно, и я объ одномъ сожалѣю, что не могу сдѣлать нѣкоторыхъ поѣздокъ, находя невозможнымъ оставить все на расхищеніе и на деморализацію. Бытъ хуторской чрезвычайно труденъ. Одна Александра

Михайловна могла такъ совладать съ нимъ, что я могу предаваться безконечному чтенію, ни во что не входя. Но оставить хуторъ вдвоемъ—значило бы уничтожить самые важные подвиги ея. Здѣсь отъ человѣка требуется не только экономическихъ, но и политическихъ способностей. Исторія нашего былого во многомъ объясняется для меня пребываніемъ въ хуторѣ. Но четвертый томъ необходимо потребуетъ отъ меня поѣздокъ, или же не будетъ написанъ, о чемъ для меня и думать горько. Но время устраиваетъ многое. 3-й томъ выйдетъ къ осени въ свѣтъ, а къ 4-му начну готовиться по имѣющимся у меня матеріаламъ, въ видѣ набросковъ. Потомъ солью во-едино и разовью сообразно дальнѣйшимъ изысканіямъ.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

1875, апр. 16. Мотронъ.

13.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ.

Двѣ бандерольныя посылочки отъ Васъ получены. Одна изъ нихъ заключаетъ въ себѣ чей-то кабинетный экземпляръ, который Вы для меня выпросили, но приписокъ я не могъ прочесть, по нечеткости почерка. Когда читалъ отзывъ Костомарова о трудѣ Голубева, мнѣ казалось, что онъ ошибается въ пониманіи Петра Могилы, и уже набросалъ собственный эскизъ этой личности. Голубевъ во многомъ меня подтвердилъ, а въ иномъ и наставилъ. Это—почтенный трудъ, за сообщеніе котораго сердечно Васъ благодарю. Но ни Голубеву, ни Костомарову не былъ извѣстенъ одинъ источникъ, напечатанный въ Парижѣ въ 1864 году. Онъ подкрѣпляетъ его догадку существенно, что дѣлаетъ честь сообразительности Голубева и обнаруживаетъ въ Костомаровѣ неспособность видѣть реальную почву подъ ногами у изображаемыхъ имъ по документамъ лицъ. Даже поразительно видѣть, какъ поч-

тенный историкъ, въ своёмъ отзывѣ о Голубевѣ, игнорировалъ въ пользу Могилы нѣкоторыя части изслѣдованія сего кіянина, столь ясно взглянувшаго на положеніе Могилы среди нашего духовенства. Вѣроятно, Голубевъ знаетъ нынѣшнюю духовную среду, которая скрыта отъ Костомарова ширмами обыкновенныхъ встрѣчъ и уклончивыхъ съ обѣихъ сторонъ бесѣдованій. Я рѣдко слышалъ Костомарова, говорящаго о томъ, что ему извѣстно въ обыкновенной жизни; и поэтому самъ весьма немногое сообщалъ ему изъ того, что составляетъ суть, а не выставку жизни. Тѣмъ менѣе способенъ онъ вызвать на двѣрчивость человѣка далекаго. Обставивъ себя ширмами, эти господа всю жизнь услаждаютъ взаимно свой слухъ анекдотами. Какъ же имъ понять время Петра Могилы и его зависимость отъ своей старой и новой сферы? Старой онъ рабски подчинялся, съ новой—пански хитрилъ. У Голубева это высказано довольно ясно; а Костомаровъ написалъ образъ, а не портретъ.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

1875, апр. 26. Х. Мотроновка.

14.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ.

Оная книга, изданная въ Парижѣ 1864 года, въ двухъ томахъ, называется сице: Relacye Nuncyuszów Apostolskich i innych osób o Polsce. Въ ней о пребываніи Могилы въ Парижѣ не упоминается, но есть указаніе на связь его дома, еще за Днѣстромъ, во время его дѣтства, съ іезуитами. Такъ, какъ сіе будетъ изображено въ 3-мъ томѣ моей книги, то и не распространяюсь.

За границу поѣду развѣ глубокою осенью, а въ Богоспасаемый градъ ѣхать не зачѣмъ. Работаю.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

Мая 4, 1875. Мотроновка.

15.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ.

Что касается до Вашего „задерживающаго нерва“, то у меня одно преимущество передъ моими корреспондентами: я никогда себя не щажу и во всякую минуту подавляю врожденную человѣку лѣность. (Еслибъ она не была свойствомъ натуры человѣческой, то не сказано было бы въ видѣ угрозы: Въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой.) Но „сердиться“ я отвыкъ, занимаясь исторіей, а потому оставайтесь безъ страха въ ладу съ Вашимъ задерживающимъ нервомъ. Я и самъ не прочь полѣниться, да таки правду сказать и полѣниваюсь по мѣрѣ возможности. Но 3-й томъ исторіи почти что весь написанъ. Такъ широко я распространяюсь о формаціи нашего общества, что Петръ Могила останется у меня для 4-го тома, хотя этюдъ о немъ уже и набросанъ. Теперь я только приговариваюсь къ этому характерному лицу и предрасполагаю читателя смотрѣть на него или лучше сказать на его время и общество моими глазами.

По сій же мови та бувайте здорови.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

1875, мая 28. Мотроновка.

16.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ.

Вы спрашиваете: какъ далеко подвинулся мой третій томъ (въ печати)? Я вытребовалъ начало его изъ типографіи, чтобы усовершенствовать ту часть, гдѣ говорится о Галицкой Руси; а это можно сдѣлать только во Львовѣ. Теперь готовлюсь къ путешествію. По всей вѣроятности, въ половинѣ сентября посѣщу Кіевъ, а оттуда и далѣе. Итакъ—до пріятнѣйшаго свиданья!

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

1875, авг. 20. Мотроновка.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Въ борьбѣ за просвѣщеніе.

Въ концѣ прошлаго года совершенно неожиданно для многихъ, по крайней мѣрѣ въ Россіи, выдвинулся и завладѣлъ общимъ вниманіемъ вопросъ объ основаніи отдѣльнаго русинско-украинскаго университета во Львовѣ, а между тѣмъ вопросъ этотъ имѣетъ уже свою длинную исторію, насчитывающую болѣе столѣтія своему существованію. Крайне напряженная форма, въ которую этотъ вопросъ облекся въ послѣднее время, указываетъ лишь на то, что онъ въ достаточной степени уже созрѣлъ и для Галичины является въ полномъ смыслѣ больнымъ вопросомъ, требующимъ немедленно своего разрѣшенія. Въ настоящей статьѣ мы хотимъ познакомить читателя съ исторіей вопроса вплоть до послѣднихъ событій въ львовскомъ университетѣ.

Въ 1772 году совершился, какъ извѣстно, первый раздѣлъ Польши, и Галичина по этому раздѣлу отошла, подъ именемъ королевства Галиціи и Лодомеріи, къ Австріи. Изъ числа всѣхъ земель старой Украины Галичина, благодаря своему положенію вблизи центра польско-шляхетской державы, находилась въ самомъ бѣдственномъ и печальномъ состояніи. Гнетъ соціальный, политическій, національный и религіозный нигдѣ не чувствовался такъ сильно, нигдѣ не принималъ такихъ вопіющихъ формъ,

какъ здѣсь. Народъ стоналъ подъ невыносимымъ игомъ рабства и сопряженныхъ съ нимъ бѣдности, невѣжества и темноты, не имѣя иного названія, какъ «быдло», «хлопъ»; остатки сильнаго когда-то мѣщанства и сельское духовенство стояли по своему развитію немногимъ выше народа и, конечно, не могли создать болѣе или менѣе сильнаго культурнаго движенія. Нуждаясь сами въ руководителяхъ, они, конечно, не могли вести народъ къ лучшей жизни. Предъ австрійскимъ правительствомъ стояла въ высшей степени серьезная, трудная и отвѣтственная задача: если не помочь, то хоть дать возможность забитому, угнетенному бѣдностью и тяжелой обстановкой народу воспрянуть къ новой жизни, созданной новыми условіями политическаго и соціальнаго строя. Изъ дальнѣйшаго отчасти будетъ видно, на сколько эта задача выполнена австрійскимъ правительствомъ, а теперь мы отмѣтимъ только, что на первыхъ же порахъ оно озаботилось произвести нѣкоторыя реформы въ судѣ и управленіи, признать за «хлопами» право на личную свободу и собственность. Къ этому же времени относятся и первыя заботы правительства о народномъ образованіи, въ частности—о высшемъ. Двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ присоединенія Галичины къ Австріи, въ 1784 году, императоръ Іосифъ II основалъ въ Львовѣ университетъ, предназначенный очевидно для русинско-украинской части Галичины, какъ по мѣсту основанія, такъ и потому, что поляки имѣли уже свой университетъ въ Краковѣ. Уже при самомъ основаніи львовскаго университета русины пробуютъ убѣдить правительство, что наиболѣе цѣлесообразнымъ оказался бы такой порядокъ, при которомъ языкомъ преподаванія въ новомъ университетѣ, по крайней мѣрѣ на факультетахъ богословскомъ и философскомъ, былъ бы народный «руськый» языкъ. Въ этомъ смыслѣ была представлена правительству петиція, между прочимъ, со стороны львовскаго епископа Петра Бѣлянскаго. Очевидно, того же мнѣнія держалось и само правительство, такъ какъ уже въ 1786 году оно рекомендуетъ употребленіе русинскаго языка при домашнихъ занятіяхъ студентовъ, а въ слѣдующемъ 1787 году вводитъ преподаваніе на немъ и въ университетѣ. Бо-

гословскій факультетъ, съ преподаваніемъ всѣхъ наукъ на народномъ языкѣ, составилъ особый лицей, находившійся въ связи съ университетомъ. Профессорами въ немъ состояли русины, занимавшіе одновременно каѳедры и въ университетѣ и связывавшіе, такимъ образомъ, университетъ и лицей въ одну высшую школу. Съ какими чувствами былъ встрѣченъ этотъ первый опытъ національнализаціи университета среди русинскаго общества, ясно показываютъ хотя бы слѣдующія слова современника Ивана Гарасевича: «день первый мисяця листопада року 1787 есть и будетъ всегда памятнымъ въ жыттю народнимъ кожного галыцького русына; въ тотъ бо день осуществылося найвысшое ришеніе: на любомудрію (т. е. на философскомъ факультетѣ) и богословію отозвалыся учители народно-церковно-руськымъ языкомъ. *Это было истинным восхищеніемъ* слухаты, якъ молодіи таланты свое быстроуміе въ политическихъ упражненіяхъ на своемъ родымомъ языци изъяснялы и якъ превосходно въ такъ многоважномъ дили просвищенія поступалы» [1]). Среди профессоровъ-русиновъ многіе и за предѣлами Галичины были извѣстны какъ ученые съ солидной репутаціей, таковы: Лодій, Лавровскій, Радкевичъ, Гарасевичъ, Гриневецкій и др.; они съ успѣхомъ начали дѣло преподаванія, издавали свои собственныя сочиненія, переводили труды европейскихъ ученыхъ и т. д. [2]). По русински читались тогда слѣдующіе курсы: философія (профессора: Лодій и Лавровскій), математика и физика (Павловичъ и Земанчикъ), церковная исторія (Захаріясевичъ, Билецкій и Липницкій), герминевтика, греческій и еврейскій языки (Радкевичъ), экзегетика св. писанія (Гарасевичъ, Дуткевичъ и Миленевичъ), церковное право (Ангеловичъ и Мохнацкій), догматика (Гриневецкій и Скородинскій), пастырское богословіе и катихитика (Левицкій, Мараморошъ и Потоцкій) и нравственное богословіе (Павловичъ, Шан-

---

[1]) Огоновскій Ом.—Исторія литературы рускои, ч. II, стр. 49.

[2]) Лодій, впослѣдствіи профессоръ Петербургскаго университета, перевелъ нравственную философію Баумейстера; Захаріясевичъ—Церковную исторію Данненмайстра и т. д.

ковскій и Лавровскій). Что касается языка, который употребляли въ своихъ лекціяхъ и сочиненіяхъ профессора-русины, то хотя они очень часто именовали его «руськымъ» (т. е. украинскимъ), или даже «россійскимъ», но ни тѣмъ, ни тѣмъ болѣе другимъ онъ, разумѣется, не былъ. Это была смѣсь народнаго украинскаго языка съ церковнославянскимъ и современнымъ русскимъ. Характерно, что употребляя въ своихъ трудахъ, очевидно, въ силу необходимости «простыя выраженія», подъ которыми разумѣются народныя украинскія, почтенные служители науки всякій разъ стыдливо прячутся за «пользу учащагося юношества галлиційскаго», при чемъ даже просятъ извиненія у «благосклоннаго читателя»—«да не почудится простымъ иногда выраженіемъ» (Лодій) или—«сего да не кто мнѣ отъ иностранныхъ во зло вмѣняетъ» (Захаріясевичъ). «Не почудится», конечно, этому стыдливому отношенію къ родному языку и современный читатель, если вспомнитъ, что не въ одной Галичинѣ народный языкъ считали признакомъ «дурного тона», что и въ Россіи какъ разъ въ это время царило еще въ полной силѣ пресловутое дѣленіе «штиля» на «возвышенный» и «подлый» и вполнѣ господствовалъ языкъ Ломоносова и Сумарокова и только значительно позже закипѣла «словесная война» изъ-за обновленія русскаго языка между литературными старовѣрами, въ родѣ извѣстнаго адмирала Шишкова, и реформаторомъ Карамзинымъ. Во всякомъ случаѣ, каковъ бы ни былъ языкъ первыхъ профессоровъ-русиновъ, при благопріятныхъ условіяхъ, ихъ корпорація могла бы стать тѣмъ зерномъ, изъ котораго несомнѣнно развилась бы украинская наука, и вопросъ объ украинскомъ университетѣ слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ получилъ бы свое благополучное разрѣшеніе и не доставлялъ бы теперь столько огорченія и затрудненій своимъ противникамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ попутно разрѣшены были бы и многіе другіе, тѣсно связанные съ первымъ, вопросы, какъ напр., о правѣ и возможности существованія украинской литературы и науки. Но къ сожалѣнію, «не такъ склалося, якъ жадалося» и какъ можно было ожидать, судя по первымъ результатамъ опыта русинско-украинскаго университета.

Положеніе русиновъ въ университетѣ на первыхъ порахъ было въ высшей степени ненормальное и прямо таки двусмысленное. Съ одной стороны—какъ члены профессорской корпораціи, они имѣли несомнѣнное право на участіе въ академической жизни наравнѣ со своими нѣмецкими товарищами; но съ другой—эти послѣдніе, пользуясь своею многочисленностью, не допускали русиновъ къ занятію высшихъ должностей въ университетѣ, не считали себя обязанными справляться съ ихъ мнѣніями и даже оставили въ сильномъ подозрѣніи ихъ право быть членами факультета. Лицей, въ которомъ преподаваніе шло на русинско-украинскомъ языкѣ, въ насмѣшку прозванъ былъ «Winkelschulen», а сами профессора-русины по этой причинѣ извѣстны были подъ именемъ «Winkellehrer». Очевидно, нѣмецкіе профессора уже въ то отдаленное время предвосхитили тактику нѣкоторыхъ изъ современныхъ публицистовъ и не считали унизительнымъ для своего ученаго достоинства изощрять профессорское остроуміе надъ тѣмъ, что въ сущности вовсе не было смѣшнымъ. Такое отношеніе нѣмецкихъ профессоровъ, создавшее рядъ недоразумѣній и конфликтовъ съ русинами, вызвало со стороны послѣднихъ много жалобъ на свое ненормальное положеніе въ университетѣ, и хотя жалобы эти въ нѣкоторой части и были удовлетворены, но все таки русины прекрасно чувствовали свое двусмысленное положеніе, тяготились имъ и, конечно, пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы оставить оказавшіяся для нихъ не особенно гостепріимными стѣны львовскаго университета. Разумѣется, что эти мелкія затрудненія и неудобства имѣли только временный характеръ и съ теченіемъ времени уладились бы сами собою, а между нѣмцами и русинами установился бы ни для кого необидный **modus** vivendi, отношенія вошли бы въ извѣстную норму. Но въ 1805 году львовскій университетъ, по соображеніямъ политическаго и финансоваго характера, былъ закрытъ, многія каѳедры перечислены къ краковскому университету, а въ оставшемся въ Львовѣ русинскомъ лицеѣ получила сначала преобладаніе, а затѣмъ съ 1808 г. исключительное господство мертвая латынь. Справедливость требуетъ отмѣтить, что этого

давно уже добивались нѣкоторые высшіе представители галицкой церкви, считавшіе латынь верхомъ схоластической мудрости, а народный языкъ слишкомъ низкимъ и, можно сказать, «подлымъ» для употребленія съ высоты университетскихъ каѳедръ. Не будемъ ихъ строго судить за это: они едва ли и сами вѣдали, что́ творили; но, къ сожалѣнію, ихъ поступокъ оказался чреватымъ очень крупными послѣдствіями,—онъ на цѣлое столѣтіе отсрочилъ разрѣшеніе вопроса объ русинско-украинскомъ университетѣ и затормозилъ движеніе русиновъ по пути культурнаго развитія и прогресса. Зерно, очевидно, упало на слишкомъ неблагодарную, каменистую почву всеобщаго невѣжества, темноты и равнодушія къ народнымъ интересамъ, господствовавшимъ тогда среди галицкаго общества, и, конечно, заглохло, не успѣвъ дать прочнаго ростка. Возобновленный въ 1818 г. львовскій университетъ, хотя и предназначенный по прежнему для русиновъ, носитъ вполнѣ нѣмецко-латинскій характеръ, ничѣмъ не напоминающій того, какому народу онъ призванъ служить. Немногочисленное русинское интеллигентное общество было совершенно равнодушно къ вопросамъ высшаго порядка и, должно быть, вполнѣ довольствовалось настоящимъ положеніемъ вещей,—по крайней мѣрѣ, протестовъ противъ него мы не знаемъ.

Въ половинѣ XIX столѣтія, подъ вліяніемъ проникшихъ въ Галичину сочиненій украинскихъ писателей — Котляревскаго, Гулака-Артемовскаго, Квитки, Максимовича, Метлинскаго, позже Шевченка,—начинается національное возрожденіе галицкихъ русиновъ. Языкъ произведеній украинскихъ писателей поразилъ ихъ своею близостью къ употребляемому галицкимъ простонародіемъ и впервые поставилъ передъ ними вопросъ истинно народной литературы. Первой ласточкой національнаго возрожденія русиновъ была сыгравшая въ Галичинѣ такую же роль, какая на Украинѣ принадлежитъ безсмертной «Энеидѣ»— Котляревскаго, «Русалка Днистрова», изданная въ 1837 г. небольшимъ кружкомъ русинскихъ патріотовъ съ Маркіяномъ Шашкевичемъ во главѣ. Первая книжка на народномъ языкѣ произвела сильное впечатлѣніе и пробудила среди русиновъ дремавшее гдѣ то въ глубинѣ

души чувство любви къ родному народу и состраданія къ его безотрадному положенію. Появляется рядъ дѣятелей, которые уже открыто, не стѣсняясь, заявляютъ о своемъ родствѣ съ народомъ и даютъ своего рода Ганнибалову клятву—посвятить себя борьбѣ съ темными силами, опутавшими кругомъ народную жизнь; зарождаются первые проблески народной литературы и національно-украинскаго направленія въ политической жизни. Бурный 1848 г., могучей волной пронесшійся изъ края въ край по всей Западной Европѣ и всколыхавшій мертвую поверхность тогдашней жизни, не прошелъ безслѣдно и для Галичины, вызвавъ здѣсь небывалое дотолѣ оживленіе. Чувствуя опасность со стороны польскихъ пановъ, стремившихся къ возстановленію Польши, австрійское правительство примѣнило мудрую политику, выражаемую словами: «divide et impera», и въ противовѣсъ польско-шляхетской партіи рѣшило надѣлить правами русиновъ, или, какъ иронически говорили поляки, «выдумало» ихъ. Въ 1848 г. возникла во Львовѣ «Рада руска», а затѣмъ созванъ былъ «Соборъ русскихъ ученыхъ», который занялся обсужденіемъ нуждъ русинскаго населенія Галичины. Это были первыя въ Галичинѣ оффиціальныя институціи, которыя открыто высказали національную программу, направленную къ развитію украинскаго населенія въ Галичинѣ. Между многими другими вопросами, возникшими предъ нарождавшеюся русинскою интеллигенціею, и «Рада» и «Соборъ» должны были, конечно, обратить особенное вниманіе на положеніе школьнаго дѣла въ Галичинѣ, носившаго тогда, крайне несовершенный характеръ, и высказались въ томъ смыслѣ, что преподаваніе среди украинскаго населенія должно вестить на народномъ языкѣ не только въ низшихъ и среднихъ школахъ, но и въ университетѣ. Въ этомъ направленіи и были сдѣланы представленія правительству. Принципіально согласившись съ мнѣніемъ русинскихъ представителей, правительство отвѣтило однако, что, по причинѣ недостаточной разработанности русинско-украинскаго языка, преподаваніе въ гимназіяхъ и львовскомъ университетѣ будетъ вестись по-нѣмецки; но только до тѣхъ поръ, пока не найдется достаточнаго числа учителей и профессоровъ, способныхъ вести преподаваніе

на народномъ языкѣ, да и слушатели не подготовятся къ употребленію его въ качествѣ научнаго. Для скорѣйшаго же достиженія этого, во львовскомъ университетѣ учреждается каѳедра русинско-украинскаго языка и литературы, которую занялъ извѣстный Я. Головацкій, принадлежавшій тогда еще къ народному направленію. Преподаваніе духовныхъ наукъ признано возможнымъ начать на русинско-украинскомъ языкѣ сейчасъ же, и въ силу этого на богословскомъ факультетѣ начато преподаваніе пастырскаго богословія, догматики, катехитики и методики на народномъ языкѣ. Кромѣ того, распоряженіемъ министерства народнаго просвѣщенія отъ 6 ноября 1848 г. изученіе русинско-украинскаго языка признано обязательнымъ для всѣхъ учениковъ въ гимназіяхъ восточной Галичины. Вообще львовскій университетъ оффиціально назывался тогда русинскимъ университетомъ, и правительство не разъ категорически заявляло, что преобладаніе въ немъ нѣмецкаго элемента носитъ только временный характеръ.

Такимъ образомъ возможность и необходимость украинскаго университета во Львовѣ въ принципѣ категорически признана еще въ 1848 году; правительство, не возражая ничего противъ желаній русиновъ по существу, только по практическимъ якобы соображеніямъ отложило выполненіе этихъ желаній до того времени, когда русины изъ своей среды выдвинутъ достаточное число профессоровъ и когда слушатели будутъ готовы къ преподаванію на родномъ языкѣ. Нельзя не замѣтить, что мотивы отсрочки, особенно второй, сшиты на современный взглядъ бѣлыми нитками и сильно смахиваютъ на простую отговорку; едва ли въ такой отсрочкѣ была существенная необходимость, оправдываемая фактическимъ положеніемъ дѣла. Начать съ того, что доводъ о необходимости подготовки учениковъ къ воспріятію научныхъ свѣдѣній на родномъ языкѣ можетъ вызвать лишь улыбку въ настоящее время; что же касается недостатка въ профессорахъ, то и тогда, и раньше въ львовскомъ университетѣ много профессорскихъ каѳедръ занимали русины (Ярына, Нападіевичъ, Яхимовичъ, Куземскій и др.), которые безъ всякаго труда для себя и ущерба для науки легко могли бы приспособиться къ новымъ требова-

ніямъ касательно языка. Конечно, основаніе сразу же цѣлаго университета, при неподготовленности общества, затруднительно; постановка преподаванія на первыхъ порахъ не вездѣ была бы вполнѣ удовлетворительна, но эти затрудненія не имѣли непреодолимаго характера и, при доброй волѣ правительства и общества, съ теченіемъ времени были бы устранены. Такимъ образомъ, существенной необходимости въ отсрочкѣ основанія русинско-украинскаго университета не было и въ 1848 г., и въ ней сказалась лишь характерная особенность въ отношеніяхъ правительства къ русинамъ. Вынужденные къ тому политическими обстоятельствами, руководители австрійской имперіи проявили свое благосклонное вниманіе къ нуждамъ русиновъ, снизошли къ ихъ требованіямъ, но въ тайникахъ душъ своихъ не желали сдаться окончательно и не теряли надежды на онѣмеченіе своихъ вѣрныхъ «тирольцевъ востока». Эта задняя мысль австрійскихъ политиковъ впослѣдствіи сказалась очень ясно. Какъ только затрудненія, созданныя политическими осложненіями, миновали, сейчасъ же были весьма основательно забыты нужды и желанія русиновъ: правительство ровно ничего не сдѣлало для того, чтобы исполнить свои обѣщанія, и идея, національнаго просвѣщенія мало-по-малу начинаетъ уступать все яснѣе и яснѣе обозначавшемуся стремленію къ германизаціи славянскихъ народовъ, въ томъ числѣ и русиновъ. Этому помогло и поведеніе самого русинскаго общества. Энтузіазмъ и всеобщій подъемъ духа, вспыхнувшій было яркимъ фейерверкомъ въ 1848г., быстро погасъ, и русинское общество опять погрузилось въ болѣе привычное ему состояніе спячки и апатіи къ общественнымъ дѣламъ, проявляя интересъ лишь къ вопросамъ азбучнаго, правописнаго и тому подобнаго мелочного характера. Такое поведеніе не замедлило дать свои плоды. Въ 1857 г. отмѣнена обязательность изученія русинско-украинскаго языка, а въ слѣдующемъ году уничтожены и тѣ украинскія каѳедры въ университетѣ, которыя еще оставались какъ пріятное воспоминаніе о минутномъ благоволеніи правительства къ русинамъ.

Попытка онѣмеченія Галичины, не имѣя подъ собой прочнаго основанія, рѣшительно не удалась; въ началѣ 60-хъ годовъ,

послѣ неудачной итальянской кампаніи, вновь съ большею силою поднимается протестъ славянскихъ народовъ противъ германизаціи; правительство, опять застигнутое этимъ движеніемъ врасплохъ, принуждено было пойти на серьезныя уступки. Въ 1862 г. во львовскомъ университетѣ, который по прежнему оставался нѣмецкимъ, учреждены на юридическомъ факультетѣ двѣ украинскія каѳедры—уголовнаго права и гражданскаго процесса—и даже предоставлено право на томъ же языкѣ производить по указаннымъ предметамъ экзамены для занятія судебныхъ должностей. Кромѣ того, опять даны торжественныя обѣщанія—увеличивать постепенно число украинскихъ каѳедръ по мѣрѣ того, какъ будутъ появляться кандидаты, удовлетворяющіе научнымъ требованіямъ; для приготовленія такихъ кандидатовъ рекомендовался рядъ мѣръ въ видѣ стипендій, посылки молодыхъ ученыхъ въ заграничные университеты и т. п. Какъ и слѣдовало ожидать, и на этотъ разъ все ограничилось одними словами и голыми обѣщаніями, не имѣвшими никакихъ практическихъ результатовъ, кромѣ двухъ указанныхъ каѳедръ на юридическомъ факультетѣ. Хуже всего то, что сами русины, слабо развитые въ это время культурно и политически, и на этотъ разъ отнеслись къ дѣлу съ обычною апатіею, и потому, когда пришла пора раздѣла нѣмецкаго наслѣдства въ львовскомъ университетѣ между поляками и русинами, они оказались сильно обдѣленными. Поляки, стоявшіе несравненно выше въ культурномъ отношеніи, захватили всѣ выгоды въ свои руки, предоставивъ русинамъ пользоваться только крохами, да и то достающимися теперь съ неимовѣрными усиліями.

Пораженіе при Садовой съ очевидною ясностью доказало австрійскому правительству опасность, грозящую государству съ конгломератомъ различныхъ, по большей части враждующихъ между собою, народностей, слабо связанному въ своихъ составныхъ частяхъ, неустойчивому. Централизаціонная система не только не въ силахъ была связать этотъ конгломератъ народностей въ одинъ стройный организмъ государственный, но еще болѣе его разъединяла, внушая чувство отвращенія и вражды обдѣленнымъ народностямъ; меттерниховская система доказала

свою несостоятельность и затрещала по всѣмъ швамъ. Возрожденіе цѣлаго ряда народностей еще нагляднѣе показало грозящую опасность, подчеркнуло ее, и правительство поспѣшило поворотить курсъ и окончательно и безповоротно вступить на тотъ путь, который рано или поздно долженъ привести Австрію къ федеративной системѣ государственнаго устройства. Но къ сожалѣнію, и вступивши на этотъ путь, правительство не пошло имъ безъ оглядки на прошлое, не обезпечило свободнаго развитія всѣмъ народностямъ, а своею нерѣшительною, колеблющеюся, не всегда послѣдовательною политикою отдало слабѣйшія народности въ власть болѣе сильныхъ. Въ Галичинѣ интересы русиновъ были принесены въ жертву интересамъ поляковъ, т. е., собственно польской правительственной партіи. Такъ было во всѣхъ сферахъ жизни, такъ вышло само собою, конечно, и въ вопросѣ университетскомъ.

Въ 1871 г. издано было весьма важное распоряженіе министра народнаго просвѣщенія, гласившее, что «всѣ ограниченія, служившія до сихъ поръ препятствіемъ для польскихъ и русинскихъ чтеній въ львовскомъ университетѣ на факультетахъ юридическомъ и философскомъ, отмѣняются, и на будущее время профессорскія каѳедры предоставляются только лицамъ, *владѣющимъ однимъ изъ мѣстныхъ языковъ*». Въ теченіе трехъ лѣтъ со времени изданія этого распоряженія нѣмецкіе профессора или должны усвоить одинъ изъ мѣстныхъ языковъ и на немъ открыть преподаваніе, или будуть замѣнены новыми. Этимъ распоряженіемъ навсегда былъ покончень вопросъ о существованіи нѣмецкаго университета во Львовѣ, но за то созданіемъ утраквистическаго польско-русинскаго университета выдвинуть новый— о взаимныхъ отношеніяхъ поляковъ и русиновъ. Первые къ тому времени представляли изъ себя уже замѣтную въ культурномъ и политическомъ отношеніи силу, объединенную однимъ направленіемъ въ національномъ вопросѣ; вторые были слабо подготовлены къ самостоятельной жизни, слабо развиты культурно и политически; малочисленная въ то время русинская интеллигенція распадалась на нѣсколько партій, враждующихъ изъ-за языка,

правописанія, и тянула въ разныя стороны. Разумѣется, что шансы были слишкомъ не равны, и перемѣна положенія въ львовскомъ университетѣ не только не доставила на первыхъ порахъ русинамъ никакихъ выгодъ, но еще вовлекла ихъ въ борьбу съ болѣе сильными сосѣдями. Еще раньше, въ 1869 г. былъ сдѣланъ опытъ мирнаго размежеванія обѣихъ народностей въ университетѣ: сеймомъ избрана особая «международная коммиссія» изъ равнаго числа поляковъ и русиновъ для разрѣшенія русинско-польскихъ недоразумѣній. По университетскому вопросу коммиссія пришла къ заключенію, что по практическимъ соображеніямъ необходимо во львовскомъ университетѣ учрежденіе украинскихъ каоедръ—на юридическомъ факультетѣ по всѣмъ тѣмъ предметамъ, которые входятъ въ кругъ государственныхъ экзаменовъ на судебныя должности, а на философскомъ—украинскаго языка и литературы, философіи, классической филологіи, всеобщей исторіи, украинской исторіи, математики, физики и естественныхъ наукъ. Галицкій сеймъ съ его сильнымъ польскимъ большинствомъ отнесся къ предложеніямъ коммиссіи неодобрительно и отвергъ ихъ. [1]) Послѣ министерскаго ряспоряженія 1871 года поляки энергично принялись за полонизацію львовскаго университета, вызывая профессоровъ изъ заграницы и всѣми средствами проводя своихъ кандидатовъ. Русины въ это время были заняты обычнымъ сведеніемъ личныхъ счетовъ и партійной борьбой и оставались въ роли почти спокойныхъ зрителей этого движенія, по крайней мѣрѣ не проявили никакой дѣятельности, чтобы воспользоваться выгодами реформы. Послѣдствія такого халатнаго поведенія въ столь важномъ вопросѣ не замедлили сказаться: не прошло и нѣсколькихъ лѣтъ, какъ поляки совершенно завладѣли львовскимъ университетомъ и начали примѣнять къ русинамъ ту же тактику, отъ которой сами такъ много терпѣли при нѣмецкомъ владычествѣ. Уже начиная съ 1873 г., университетскій совѣтъ обращается къ правительству

[1]) В. Г.—«Справа українсько-руського університета у Львові», Літ.-Наук. Вістник, 1899 г., августъ.

съ настоятельными просьбами объ узаконеніи фактическаго положенія признаніемъ оффиціальнымъ языкомъ въ университетѣ польскаго,—очевидно предъ поляками носился все таки возможный въ будущемъ призракъ русинскихъ претензій, опирающихся на утраквизмъ, созданный министерскимъ распоряженіемъ 1871 г. Всѣми силами они стараются измѣнить это положеніе и добиться отъ правительства категорическаго постановленія, которое бы признало оффиціальнымъ языкомъ польскій; ради этого они готовы даже на компромиссъ, на уступку нѣмцамъ, оставивъ нѣмецкую каѳедру германскаго права и умноживъ число украинскихъ параллельныхъ, т. е. необязательныхъ, каѳедръ. Но правительство, отдавъ полякамъ университетъ въ фактическое обладаніе, долго колебалось узаконить этотъ порядокъ и только въ 1879 г. признало оффиціальнымъ языкомъ польскій, но и то съ очень значительными оговорками, сохраняющими въ сущности утраквистическій характеръ львовскаго университета. Оговорки эти состоятъ въ томъ, что на прошенія, написанныя по украински, университетскія власти должны отвѣчать на томъ же языкѣ; для профессоровъ русиновъ оффиціальныя бумаги должны составляться на ихъ языкѣ, и кромѣ того правительство оставило за собой право свободнаго назначенія и русинскихъ профессоровъ путемъ учрежденія «по мѣрѣ надобности» новыхъ украинскихъ каѳедръ. Категорическаго признанія львовскаго университета исключительно польскимъ, какъ видимъ изъ предыдущаго, не было: всѣ старанія поляковъ въ этомъ направленіи успѣха не имѣли и потому на ихъ сторонѣ только право фактическаго владѣнія—не больше, что не измѣняетъ утраквистическаго въ принципѣ устройства львовскаго университета, тѣмъ болѣе, что и распоряженіе 1871 г. отмѣнено не было. На это обстоятельство мы обращаемъ особенное вниманіе читателя, такъ какъ на немъ русины основываютъ впослѣдствіи свои требованіи о полной и послѣдовательно проведенной утраквизаціи львовскаго университета.

Итакъ, львовскій университетъ, предназначенный — опять подчеркиваемъ это—при своемъ основаніи для русиновъ, принадлежитъ въ настоящее время въ одинаковой мѣрѣ и полякамъ и

русинамъ; тѣ и другіе имѣютъ на него равныя права. Обращаясь къ примѣненію утраквистическаго принципа на практикѣ, мы замѣчаемъ прежде всего, что оно вовсе не соотвѣтствуетъ юридическому положенію и самымъ элементарнымъ требованіямъ справедливости. Господа положенія—польскіе профессора, не достигши юридическаго подтвержденія ихъ исключительнаго господства въ университетѣ, воспользовались своей фактической силой для того, чтобы не допускать русиновъ въ университетъ, перенесши такимъ образомъ національную и политическую борьбу въ стѣны университета. Въ тоже время и русины, сдѣлавшіе въ послѣднее время громадный шагъ впередъ во всѣхъ областяхъ культурной жизни и вполнѣ уже пробудившіеся и созрѣвшіе, все сильнѣе и сильнѣе чувствуютъ потребность такого важнаго очага культуры и развитія, какимъ является національный университетъ; все сильнѣе и сильнѣе тяготятся его отсутствіемъ. Естественно, что теперь они уже не могутъ равнодушно относиться къ ненормальному положенію, утвердившемуся во львовскомъ университетѣ. Они уже перестали идти на помочахъ у правительства, перестали возлагать всѣ свои надежды на подачки и милость его и начали за свой собственный страхъ и рискъ домогаться осуществленія принадлежащихъ имъ и по закону, и по справедливости правъ. Такое положеніе, все обострявшееся, принимавшее все болѣе выразительныя формы, привело, наконецъ, къ открытой борьбѣ.

Прежде, чѣмъ перейти къ изложенію этихъ событій, мы постараемся кратко обозрѣть пріобрѣтенія русиновъ, начиная съ 70-хъ годовъ. Извѣстное министерское распоряженіе 1871 года застало русиновъ всего съ двумя каѳедрами на юридическомъ факультетѣ, одной на философскомъ и одной—на богословскомъ. Въ 1882 г. учреждена каѳедра гражданскаго права, которую занялъ Александръ Огоновскій; въ 1894 г.—каѳедра всеобщей и украинской исторіи, въ 1900 г.—старо-славянскаго языка. Такимъ образомъ въ настоящее время русины имѣютъ слѣдующія каѳедры: всеобщей и украинской исторіи (профессоромъ М. С. Грушевскій), украинскаго языка и литературы (проф. Колесса),

славянскаго языка (проф. Студинскій), уголовнаго права и процесса (проф. Стебельскій), гражданскаго права (проф. Днистрянскій), пастырскаго богословія и педагогики (проф. Барташевскій), катехитики и методики (проф. Редкевичъ),—итого 7 каѳедръ, [1]) Дальнѣйшее увеличеніе украинскихъ каѳедръ обставлено такими затрудненіями и препятствіями, о которыя разбиваются всѣ стремленія русиновъ въ этомъ направленіи. Въ силу постановленія 1871 г., каждую каѳедру можетъ занимать профессоръ, который въ состояніи вести преподаваніе *на одномъ изъ мѣстныхъ языковъ*, исключая каѳедръ спеціально русинскихъ; слѣдовательно, на какой угодно каѳедрѣ, можетъ, въ принципѣ, оказаться профессоръ-русинъ, выразившій желаніе вести преподаваніе на украинскомъ языкѣ. Но въ томъ то и дѣло, что такой кандидатъ на практикѣ никогда не получитъ каѳедры,—объ этомъ позаботятся польскіе профессора, ревниво ограждающіе неприкосновенность польскаго языка въ университетѣ. Русинъ, если только онъ не gente Ruthenus, natione Polonus, не имѣетъ никакой надежды на каѳедру и даже на научную карьеру въ львовскомъ университетѣ. При наличности двухъ кандидатовъ—русина и поляка, всегда будетъ отличенъ избраніемъ послѣдній, безъ всякаго отношенія къ его научнымъ заслугамъ и даже безъ сравненія съ достоинствами его конкурента—русина. Если кандидата поляка или полонизированнаго русина въ виду не имѣется, то профессорская корпорація предпочитаетъ оставить каѳедру вакантной, но ни въ какомъ случаѣ не поручитъ ее русину, заявившему себя сторонникомъ національнаго возрожденія украинской народности. Для этого въ рукахъ господствующей партіи находится очень много средствъ, которыя и выдвигаются въ такихъ случаяхъ, начиная отъ различнаго рода чисто формальныхъ придирокъ [2]) и кончая

---

[1]) Въ Черновецкомъ университетѣ русины имѣютъ всего двѣ каѳедры: украинскаго языка и литературы (проф. Смаль-Стоцкій) и практическаго богословія, гомилетики и литургики (проф. Еремійчукъ).

[2]) Одному кандидату возвращено прошеніе на томъ основаніи, что оно было написано по-нѣмецки и вмѣсто термина ruthenisch упо-

«проваломъ» представленныхъ факультету ученыхъ работъ, впослѣдствіи одобряемыхъ другими австрійскими университетами. Этимъ путемъ и достигается обыкновенно то, что самъ кандидатъ теряетъ наконецъ всякую охоту ко вступленію въ настроенное такъ враждебно къ нему ученое учрежденіе и старается получить каѳедру въ какомъ-нибудь другомъ изъ австрійскихъ университетовъ. Въ исторіи львовскаго университета найдется достаточно случаевъ отказа русинамъ, которые затѣмъ составляли гордость другихъ университетовъ. Такъ было, напр., съ замѣщеніемъ каѳедры гражданскаго права по смерти профессора Ал. Огоновскаго; выступившій кандидатомъ русинъ, докторъ Зобковъ, послѣ цѣлаго ряда недоразумѣній, ушелъ въ Загребскій университетъ; въ результатѣ каѳедра въ теченіе 8 лѣтъ оставалась вакантной, а украинская наука въ лицѣ д-ра Зобкова потеряла выдающуюся въ научномъ отношеніи силу. Не мало было и другихъ лицъ съ прочной научной репутаціей, предъ которыми однако львовскій университетъ на-глухо запиралъ свои двери; многія достойныя каѳедры лица, видя, съ какими усиліями сопряжено для нихъ полученіе профессуры въ львовскомъ университетѣ, даже и не пытаются стучаться въ запертую дверь, наперед предвидя исходъ дѣла. Число спеціальныхъ украинскихъ каѳедръ, какъ мы видѣли, очень незначительно, и, какъ это ни странно, инціатива учрежденія ихъ никогда не исходила отъ университета: всякій разъ онѣ создавались по почину правительства, если оно по политическимъ соображеніямъ сочтетъ нужнымъ дать русинамъ «милость» въ видѣ новой каѳедры. Положеніе профессоровъ русиновъ въ университетѣ крайне тяжело: ихъ не допускаютъ на почетныя должности ректора и деканов; ихъ мнѣнія разбиваются о противодѣйствіе польскихъ профессоровъ, сильныхъ своею сплоченностью; ихъ наконецъ по-просту третируютъ. Характернымъ въ этомъ отношеніи является недавній инцидентъ съ проф. Грушевскимъ, котораго деканъ философскаго факультета проф.

требленъ kleinrussisch. См. статью Observator'a «Листи з-над Полтви» въ Літ.-Наук. Вістнику 1899 г., ноябрь.

Тарновскій лишилъ слова за то, что онъ началъ свою рѣчь въ академическомъ собраніи по-украински; проф. Грушевскому послѣ этого только и оставалось выйти изъ собранія, оказавшагося не на высотѣ академической свободы и толерантности.

Вотъ какими оказались плоды утраквизма, обезпечивающаго яко-бы справедливыя отношенія въ львовскомъ университетѣ. На самомъ дѣлѣ утраквизмъ служитъ лишь ширмой, за которую прячутся и университетскія власти, и правительство въ отвѣтъ на жалобы и домогательства русиновъ, а совершенно нормальный и справедливый при другихъ условіяхъ принципъ университетской автономіи, какъ бы для того, чтобы оправдать извѣстную пословицу—«summum jus—summa injuria», обратился въ средство національной борьбы и угнетенія слабѣйшаго сильнымъ. Существующій только на бумагѣ утраквизмъ, конечно, не можетъ удовлетворить русиновъ, чувствующихъ потребность ничѣмъ нестѣсняемаго научнаго развитія.

Если и въ прежнее время лучшая часть русинской интеллигенціи не удовлетворялась такимъ, какъ видно изъ предыдущаго, болѣе чѣмъ проблемматическимъ утраквизмомъ львовскаго университета, то тѣмъ менѣе она склонна удовлетвориться имъ въ настоящее время. За послѣднія два десятилѣтія русины въ политической и культурной жизни уже успѣли сравняться со своими сосѣдями. Въ частности, литературное движеніе создало серьезную политическую прессу, цѣлый рядъ газетъ и журналовъ, а также вызвало къ жизни общества, поставившія своей задачей поддерживать и содѣйствовать народному развитію. Вмѣстѣ съ тѣмъ дошла уже очередь и до серьезнаго научнаго движенія, выразившагося особенно замѣтно въ дѣятельности извѣстнаго «Наукового Товариства імени Шевченка». Основанное въ 1873 г., оно сначала поставило себѣ чисто литературныя задачи и долгое время ничѣмъ особеннымъ не проявляло своей дѣятельности. Разцвѣтъ его начинается лишь съ 1892 г., когда оно было реорганизовано въ ученое общество и пополнило свой составъ новыми членами, внесшими и новую жизнь въ «Товариство». Съ тѣхъ поръ оно энергично работаетъ для развитія

украинской науки: при незначительныхъ матеріальныхъ средствахъ и самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, оно ежегодно издаетъ много цѣнныхъ научныхъ трудовъ, [1]) сгруппировало вокругъ себя цѣлый рядъ солидныхъ научныхъ силъ, воспитало школу подающихъ надежды молодыхъ ученыхъ и своею дѣятельностью вызвало въ русинскомъ обществѣ интересъ къ научному движенію. Оно же взяло на себя иниціативу этого движенія и въ вопросѣ университетскомъ, представивъ въ концѣ 1898 года министерству народнаго просвѣщенія обширную, весьма тщательно и подробно мотивированную записку, содержащую критику современной постановки университетскаго дѣла въ Галичинѣ и свѣдѣнія о наиболѣе необходимыхъ и желательныхъ на первыхъ порахъ измѣненіяхъ. Товариство признало особенно важнымъ, въ интересахъ русиновъ, учрежденіе слѣдующихъ украинскихъ каѳедръ: на философскомъ факультетѣ—классической филологіи, славистики. математики, естественныхъ наукъ и выдѣленія украинской исторіи въ отдѣльный предметъ преподаванія; на юридическомъ факультетѣ—гражданскаго процесса, вексельнаго и торговаго права, исторіи украинскаго права и австрійскаго государственнаго права; на медицинскомъ—описательной анатоміи, медицинской химіи,

[1]) Въ истекшемъ году выходили слѣдующія изданія Товариства: 1) «Записки Наукового товариства імени Шевченка» (съ 1892 года вышло 45 томовъ), 2) «Збірникъ історично-фільозофичної секциі» (съ 1888 г.—3 тома), 3) «Збірник фильольогичної секциі» (съ 1898 г.—четыре тома), 4) «Збірник математично-природописно-лікарськои секціи» (съ 1897 г.—семь томовъ), 5) «Часопись правнича і економична» (съ 1894 г.—12 томовъ), 6) «Руська історична библіотека» (съ 1890 года—20 томовъ), 7) «Жерела до істориі Украіни-Руси» (съ 1895 г.—три тома), 8) «Памятки украінсько-руської мови і літератури» (съ 1895 г.—два тома), 9) «Етнографичний збірник» (съ 1895 г.—10 томовъ), 10) «Матеріали до украінсько-руської етнольогіі» (съ 1898 г.—три тома), 11) «Літературно-науковий Вістник» (съ 1898 г. выходитъ ежемѣсячными книжками) и 12) «Хроніка украінсько-руського Наукового Товариства імени Шевченка» (съ 1900 г. выходитъ по четыре выпуска ежегодно). Кромѣ этихъ періодическихъ изданій, ежегодно выходитъ около 40 отдѣльныхъ книгъ и оттисковъ.

гигіены и акушерства. Вслѣдъ за «Товариствомъ імени Шевченка» подобныя же петиціи были представлены и другими культурно-просвѣтительными и политическими обществами, каковы: «Просьвіта», «Народна Рада» и др. Въ тоже время русинскій депутатъ Танячкевичъ внесъ въ рейхсратѣ интерпеляцію по поводу ненормальнаго положенія университетскаго вопроса въ Галичинѣ. Изложивши очень подробно исторію львовскаго университета, доказывающую преимущественныя права на него русиновъ, Танячкевичъ отъ имени русинско-украинскаго народа рѣшительно ставитъ требованіе, чтобы львовскій университетъ былъ вполнѣ предоставленъ русинамъ, потому что только въ такомъ случаѣ всѣ законныя и естественныя права ихъ получатъ полное удовлетвореніе. По мнѣнію Танячкевича, главная причина неудовлетворительнаго, оскорбительнаго для русиновъ положенія дѣлъ въ львовскомъ университетѣ кроется въ утраквизмѣ, представляющемъ широкую возможность господствующей партіи угнетать слабѣйшую; улучшеніе можетъ быть достигнуто только устраненіемъ причины, т. е., уничтоженіемъ утраквизма и предоставленіемъ русинамъ отдѣльнаго университета во Львовѣ. [1]) Эта интерпеляція, какъ и петиціи русинскихъ обществъ, не имѣла никакихъ результатовъ: правительство по прежнему ограничилось одними неопредѣленными и мало говорящими обѣщаніями. Тогда выдвигается новый элементъ въ борьбѣ за университетъ—студенческая молодежь.

За послѣдніе три года студенческая русинская молодежь является самымъ дѣятельнымъ и энергическимъ пропагаторомъ идеи украинскаго университета; можно сказать, что съ 1899 года, со времени перваго своего митинга, она взяла все движеніе въ свои руки, сообщила ему крайне напряженный, нервный характеръ и для популяризаціи идеи среди всѣхъ слоевъ русинскаго общества сдѣлала больше, нежели кто-либо другой до этого времени. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Для отцовъ во-

[1]) Объ интерпеляціи Танячкевича см. въ уже упоминавшейся статьѣ Observator'a.

просъ объ украинскомъ университетѣ имѣетъ больше принципіальный характеръ, какъ необходимое достояніе культурной жизни вообще; для молодежи—это насущный вопросъ огромнаго практическаго значенія: ей приходится всецѣло чувствовать всѣ неудобства современнаго порядка, лишающаго ее многихъ правъ. Еще значительно раньше, во второй половинѣ 60-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ, молодежь нѣсколько разъ поднимала свой голосъ, требуя то учрежденія той или другой украинской каѳедры, то измѣненія порядковъ, почему либо оскорбительныхъ для національнаго чувства русиновъ. Но тогда движеніе малодежи не было организовано и носило вполнѣ случайный характеръ: высказавъ то или иное требованіе, молодежь, отвлекаемая другими вопросами, быстро успокаивалась и не настаивала на осуществленіи своихъ требованій. Поворотнымъ пунктомъ въ отношеніяхъ русинской молодежи къ университетскому вопросу нужно считать первый митингъ ея, состоявшійся $^{1}/_{13}$ іюля 1899 г. во Львовѣ. Представители украинскихъ студенческихъ организацій всѣхъ высшихъ школъ Австріи, въ количествѣ 500 душъ, собравшись въ залѣ «Народнаго Дома», рѣшили выслать петицію министерству съ соотвѣтственными требованіями, но не ограничиваясь этимъ, обратиться ко всему украинскому народу въ Галичинѣ съ просьбой, во имя національнаго долга, поддержать ихъ требованіе и популяризировать идеи украинскаго университета. «Сини ждуть від батьків своіх слóва!»—такимъ характернымъ обращеніемъ заканчивалось выпущенное молодежью воззваніе, и «отцы» вскорѣ доказали, что молодежь вправѣ была ожидать отъ нихъ сочувствія и поддержки... Молодежь сразу поставила дѣло на новую, болѣе твердую и устойчивую почву, привлекши къ движенію всѣ слои русинскаго общества, и этимъ заложила крѣпкій фундаментъ національнаго университета. Ораторы, выступавшіе на митингѣ, всесторонне обсудили вопросъ и предложили слѣдующую, единогласно принятую резолюцію: «русинско-украинскіе студенты всѣхъ высшихъ школъ Австріи, принимая во вниманіе, что русинско-украинскій народъ участвуетъ матеріальными жертвами на пользу австрійскаго государства, что конституція обезпечиваетъ свободное

развитіе всѣхъ народностей, что утраквизмъ не достигаетъ своей цѣли, а число студентовъ-русиновъ возросло до значительной цифры—требуютъ отъ правительства основанія русинско-украинскаго университета во Львовѣ». Указывалось, какъ на мотивы такого требованія, на затруднительное положеніе студентовъ, не обязанныхъ въ существующихъ уже украинскихъ гимназіяхъ изучать польскій языкъ, но вынужденныхъ тѣмъ не менѣе слушать на этомъ языкѣ лекціи въ университетѣ; на потребность въ учителяхъ и чиновникахъ, обязанныхъ по закону знать украинскій языкъ; приводились справки о числѣ студентовъ-русиновъ, которое оказалось превосходящимъ вдвое весь контингентъ слушателей въ Черновецкомъ университетѣ; указывалось на плодотворную научную дѣятельность «Товариства імени Шевченка», служащую очевиднымъ доказательствомъ возможности существованія и развитія украинской науки и т. п. [1]).

Первый митингъ русинской студенческой молодежи прошелъ блистательно; особенно знаменательнымъ являлся фактъ глубокаго интереса и сочувствія къ нему со стороны русинско-украинскаго народа. Не смотря на то, что никакихъ приготовленій къ митингу не было и даже газеты предварительно говорили о немъ мало, вѣсть о митингѣ разнеслась по всѣмъ уголкамъ Галичины и комитетъ получилъ 120 телеграммъ и привѣтствій отъ всѣхъ круговъ русинскаго общества. Представители и народа, и интеллигенціи одинаково горячо привѣтствовали молодежь, выступившую на борьбу за народный университетъ, и обѣщали ей свое содѣйствіе, поддержку и помощь. Это показало, что идея украинскаго университета вошла уже въ народное сознаніе и самъ народъ выражалъ свое одобреніе и сочувствіе борцамъ за свои права. Съ другой стороны эта первая, можно сказать, всенародная мани-

---

[1]) Подробности о митингѣ см. въ изданной, по порученію митинга, Крушельницкимъ книжкѣ «Українсько-руській університет. Памяткова книжка першаго віча студентов Українців-Русинів всіх вищих шкіл Австріи в справі основання українського-руського університету». Львовъ, 1899.

фестація застала врасплохъ противниковъ культурнаго развитія украинскаго народа въ Галичинѣ. Польская пресса, за немногими исключеніями относящаяся къ русинамъ враждебно, постаралась замолчать фактъ проявленія народнаго сознанія или же отдѣлаться насмѣшками, называя требованія молодежи «Smieszną i dziką pretensyą» и предсказывая въ насмѣшливомъ тонѣ, что вслѣдъ за русинами и студенты-евреи потребуютъ основанія отдѣльнаго еврейскаго университета и признанія еврейской народности. Впрочемъ, сквозь этотъ насмѣшливый тонъ кое-гдѣ проскальзываетъ уже тревога за будущее...

Прошло два года; молодежь терпѣливо ждала результатовъ своихъ требованій, однако не только ничего не дождалась, но и не была даже удостоена хоть какого нибудь отвѣта, хотя бы въ формѣ отказа, не смотря на то, что требованія отдѣльнаго украинскаго университета не перестаютъ раздаваться со всѣхъ сторонъ. Въ 1900 г. опять повторили свои петиціи русинскія общества; въ 1901 г. то-же требованіе внесено было депутатомъ Олесницкимъ въ галицкомъ сеймѣ. Настроеніе молодежи измѣняется въ смыслѣ сомнѣнія не въ правотѣ и основательности своихъ требованій, а цѣлесообразности избранной для достиженія цѣли дороги. Раздаются голоса, что мирными средствами ничего не подѣлаешь, что нужно вступить на дорогу оппозиціи и демонстрацій и воспользоваться всѣми средствами борьбы, разъ на нее толкаютъ сами правящія сферы своимъ упорствомъ. Масла въ огонь подлила еще безтактность нѣкоторыхъ польскихъ профессоровъ, не постѣснявшихся открыто выразить свое одобреніе угнетенію русиновъ. Все это обостряло и безъ того натянутыя отношенія, подсыпало пороху и въ безъ того тлѣющій пожаръ и послѣдовательно и неуклонно вело къ одному концу—къ тѣмъ событіямъ, свидѣтелемъ которыхъ сдѣлались стѣны львовскаго университета въ ноябрѣ истекшаго года.

8 октября въ зданіи университета произошелъ второй митингъ студентовъ-русиновъ, который, поддерживая всѣ свои прежнія требованія, какъ ближайшій путь къ возможно скорѣйшему урегулированію университетскаго вопроса, избираетъ консеквентно,

до послѣднихъ предѣловъ проведенную утраквизацію львовскаго университета и требуетъ основанія рядомъ съ польскими всѣхъ украинскихъ каѳедръ, права держать экзамены по-украински и вообще предоставленія украинскому языку тѣхъ же правъ въ оффиціальныхъ сношеніяхъ, какими пользуется польскій. Составленныя въ такомъ духѣ петиціи представлены академическому совѣту и министерству; при чемъ студенты подчеркиваютъ, что это послѣдняя попытка рѣшить наболѣвшій вопросъ мирными средствами; что, въ случаѣ отказа, они съумѣютъ найти другую дорогу, которая рано или поздно должна будетъ привести къ намѣченной цѣли. Въ этомъ митингѣ не принимали участія, вслѣдствіе запрещенія духовнаго начальства, слушатели богословскаго факультета, самаго многочисленнаго по числу русиновъ; тѣмъ не менѣе и они заявили, что вполнѣ присоединяются къ требованіямъ своихъ свѣтскихъ товарищей. Мало того, обстоятельства такъ сложились, что богословы должны были первыми открыть вскорѣ начавшуюся борьбу, благодаря безтактности декана богословскаго факультета ксендза Фіалка.

На богословскомъ факультетѣ, гдѣ подавляющее большинство слушателей—русины, вошло въ обычай, освященный болѣе чѣмъ 20-лѣтней практикой, заполнять вписные листы по-украински: никто противъ этого обычая не протестовалъ до тѣхъ поръ, пока деканомъ не пришлось быть ксендзу Фіалку. Когда студенты представили ему для подписи вписные листы, написанные по-украински, кс. Фіалекъ возвратилъ ихъ обратно съ требованіемъ заполнять ихъ по-польски. Студенты въ отвѣтъ на это обратились съ жалобой на такое нарушеніе ихъ правъ къ академическому совѣту и митрополиту Шептицкому; кс. Фіалекъ понялъ, что едва-ли выиграетъ дѣло, и въ концѣ концовъ уступилъ, предупредивъ однако, что сдѣлалъ это только въ видѣ исключенія, но что на будущее время вся оффиціальная переписка должна вестись исключительно на польскомъ языкѣ. Это послужило сигналомъ къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ богослововъ; они напечатали въ газетахъ «Покликъ», въ которомъ приглашали слушателей свѣтскихъ факультетовъ къ солидарности съ ними, а въ семинаріи собралась

сходка, рѣшившая требовать основанія отдѣльнаго украинскаго университета, а пока уравненія правъ украинскаго языка съ польскимъ. Кромѣ того къ кс. Фіалку отправлена была депутація, отъ лица всѣхъ слушателей богословскаго факультета русиновъ, выразившая ему свой протестъ и порицаніе за нетолерантное поведеніе, а также заявленіе, что и на будущее время студенты оставляютъ за собой право пользоваться и въ оффиціальныхъ сношеніяхъ роднымъ языкомъ. Въ то же время нѣчто подобное случилось и на другихъ факультетахъ: студенты въ отвѣтъ на прошенія, написанныя по-украински, получили резолюціи по-польски, не смотря на то, что это является прямымъ нарушеніемъ министерскаго распоряженія 1879 г., да и ректоръ кромѣ того далъ обѣщаніе отвѣчать по-украински. Студенты не приняли резолюцій, а ректоръ въ свое оправданіе сослался на деканові отдѣльныхъ факультетовъ. Студенты поняли, что ихъ требованіями систематически пренебрегаютъ, и рѣшили собрать въ университетѣ митингъ для обсужденія текущихъ дѣлъ.

19 ноября въ рейхсратѣ депутатъ Романчукъ долженъ былъ выступить съ интерпелляціей по поводу основанія отдѣльнаго украинскаго университета. На этотъ же день былъ назначенъ и митингъ студентовъ во львовскомъ университетѣ: университетское начальство сходку разрѣшило, но сняло съ обсужденія вопросъ о равноправіи языковъ и кромѣ того назначило для митинга самую тѣсную и неудобную залу, а время митинга перенесло съ 12 часовъ дня, какъ желали студенты, на 7 час. вечера,—послѣднее, очевидно въ томъ соображеніи, что вечеромъ студенты богословскаго факультета, живущіе въ общежитіи, не въ состояніи будутъ принимать участія въ митингѣ. Молодежь такъ и поняла это распоряженіе и рѣшила остаться при своемъ первоначальномъ планѣ. Въ 12 часовъ дня въ самой обширной залѣ университета собралось свыше 500 студентовъ, и едва собраніе было открыто, какъ въ залѣ неожиданно появился проф. Твардовскій съ секретаремъ университета Виняржемъ и цѣлымъ отрядомъ педелей и началъ безцеремонно расталкивать толпу направо и налѣво, пробираясь къ каѳедрѣ съ намѣреніемъ объявить сходку незаконной,

и собраніе распущеннымъ. Появленіе наиболѣе непопулярнаго среди русиновъ профессора, извѣстнаго своею крайнею нетерпимостью ко всему русинскому, да еще въ то время, когда не совсѣмъ затихли отголоски инцидента съ проф. Грушевскимъ, подлило масла въ огонь и еще болѣе возбудило и безъ того горячо настроенную молодежь. Послышались крики: «Pereat Твардовскій! Позоръ! Прочь!» и т. п., а затѣмъ дружнымъ натискомъ непрошенные гости вытѣснены были изъ залы. Черезъ нѣсколько минутъ явился ректоръ, проф. Ридигеръ, опять таки въ сопровожденіи педелей; дѣло дошло до схватки между студентами и педелями, и среди неописуемаго шума ректоръ объявилъ собраніе распущеннымъ и ушелъ изъ залы. Послѣ его ухода, митингъ продолжался: выработана была резолюція, гласящая, что студенческая русинская молодежь вновь требуетъ основанія отдѣльнаго украинскаго университета, а пока—полной утраквизаціи существующаго львовскаго, о чемъ высылаетъ министерству петицію, подписанную всѣми участниками митинга. Вмѣстѣ съ тѣмъ студенты выразили сочувствіе депутату Романчуку, внесшему въ тотъ день интерпелляцію въ рейхсратѣ, и глубочайшее осужденіе профессорамъ Твердовскому, Фіалку и Цвиклинскому за ихъ позорное и недостойное ученыхъ поведеніе въ національномъ вопросѣ. По окончаніи митинга всѣ участники устроили демонстративное шествіе по улицамъ съ пѣніемъ «Ще не вмерла» и «Не пора, не пора»; около редакцій польскихъ реакціонныхъ газетъ «Dziennika Polskiego» и «Gazety Narodowej» устроены были враждебныя демонстраціи, послѣ чего молодежь спокойно разошлась.

Вслѣдъ за тѣмъ событія идутъ ускореннымъ темпомъ. Въ тотъ же день университетскій совѣтъ рѣшилъ пріостановить чтеніе лекцій въ университетѣ и произвести строжайшее слѣдствіе надъ участниками въ демонстраціи, а студенты-русины обратились съ воззваніемъ къ товарищамъ полякамъ и евреямъ, въ которомъ, изложивъ свои требованія, причины и поводы демонстраціи, приглашали товарищей содѣйствовать борьбѣ за культурное дѣло. 24 ноября по поводу слуховъ о томъ, что слѣдствіе уже закончено, русины обратились къ академическому совѣту съ коллектив-

нымъ заявленіемъ о томъ, что всѣ подписанные принимали участіе въ митингѣ и требуютъ примѣнить къ нимъ то же наказаніе, которое назначено ихъ товарищамъ. 30 ноября совѣтъ издалъ обращеніе къ студентамъ, въ которомъ, игнорируя совершенно русинскую молодежь, явно тенденціозно и пристрастно излагаетъ событія послѣднихъ дней, а въ отвѣтъ на это депутація студентовъ-русиновъ вручила ректору университета заявленіе о томъ, что русинско-украинская молодежь, считая для себя дальнѣйшее пребываніе въ университетѣ, профессора и совѣтъ котораго заняли явно враждебную по отношенію къ русинамъ позицію, невозможнымъ,—рѣшила коллективно оставить университетъ. Студенты массами начали подавать прошенія объ исключеніи ихъ изъ списковъ «гражданъ» львовскаго университета. Число всѣхъ вышедшихъ изъ львовскаго университета «бурлакъ», какъ ихъ прозвали, достигаетъ 600; въ настоящее время всѣ они приняты въ вѣнскій, краковскій, пражскій и другіе университеты. Въ пользу недостаточныхъ студентовъ открытъ по всей Галичинѣ сборъ пожертвованій, общее число которыхъ за мѣсяцъ дало сумму 30000 кронъ; повсемѣстно въ Галичинѣ устраиваются митинги, выражающіе признательность студентамъ за ихъ мужественную борьбу и обѣщанія поддерживать ихъ требованія. Въ рейхсратѣ русинскими депутатами сдѣланъ запросъ о томъ, что намѣрено предпринять правительство для устраненія на будущее время возможности подобныхъ событій. «Товарство імени Шевченка» вновь обратилось съ петиціей (текстъ ея напечатанъ въ предыдущей книжкѣ «Кіевской Старины») объ основаніи украинскаго университета и т. п.

Польская станчиковская пресса въ Галичинѣ («Dziennik Polski», «Gazeta Narodowa», «Czas» и др.) подняла крикъ негодованія по поводу изложенныхъ событій; въ ходъ были пущены всѣ средства, начиная отъ запугиванія, кого слѣдуетъ, гайдамачиной и кончая неприличной бранью; дѣло дошло до того, что противъ русинской молодежи возстановляли правительство, требуя примѣненія въ ней строжайшихъ наказаній, убѣждали польскихъ студентовъ не подавать русинамъ руки, бросали имъ обвиненія въ шовинизмѣ (!), въ оскорбленіи (!) польской науки и т. п. Вѣ-

роятно, подъ этимъ вліяніемъ, часть польской молодежи, сгруппировавшаяся вокругъ Czytelni akademickoj, выступила также противъ своихъ товарищей и серьезно обсуждала вопросъ, подавать или не подавать русинамъ руку. Но къ чести польскаго общества и студенчества нужно сказать, что лучшая ихъ часть (газеты «Naprzód» и «Krytyka») съ негодованіемъ отнеслась къ подобнымъ шовинистическимъ выходкамъ и рѣшительно стала на сторонѣ русиновъ, признавъ ихъ требованія справедливыми и основательными, а способъ дѣйствія оправданнымъ. Выраженіе симпатій получены также изъ многихъ другихъ мѣстъ: изъ Кракова (отъ польскаго студенчества), Праги (отъ чеховъ), Любена (отъ соединенной группы славянскихъ студентовъ), Лейпцига (отъ студентовъ-поляковъ), Берлина (отъ студентовъ-болгаръ) и т. д. Варшавская пресса («Prawda», «Slowo» и др.) также заняла вполнѣ безпристрастную позицію; въ томъ же смыслѣ высказываются и лучшіе органы русской печати («Русскія Вѣдомости» № 334, «Приднѣпровскій Край» № 1400, С.-Петербургскіе Вѣдомости и др.); «при особомъ мнѣніи» осталось, конечно, «Новое время»...

Вотъ голый перечень фактовъ, представляющихъ, по всей вѣроятности, безпримѣрное явленіе въ исторіи университетовъ: болѣе подробное изложеніе ихъ отняло бы у насъ слишкомъ много времени [1]). Читатель, надѣемся, и самъ оцѣнитъ значеніе тяжелой жертвы, принесенной ради идеи будущими дѣятелями родной намъ Галичины. Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ объ общественномъ значеніи этихъ событій и рѣшить вопросъ, дѣйствительно ли возможенъ университетъ съ преподаваніемъ на томъ языкѣ, которому вѣковые предразсудки, хотя и раздѣляемые нѣкоторыми учеными, отказываютъ даже въ правѣ на существованіе, не говоря уже о развитіи?.

---

[1]) Подробности изложены въ украинской газетѣ «Діло» (номера за ноябрь и декабрь), въ статьяхъ В. Г. «Справа українсько-руського університета у Львові» (Л. Н. Вістникъ, ноябрь и декабрь); отзывы нѣкоторыхъ польскихъ газетъ приведены въ № 50 Петербургскаго «Kraj'a», очевидно, не сочувствующаго движенію русинской молодежи, хотя и выражающагося очень осторожно.

Изъ приведенныхъ выше историческихъ свѣдѣній по данному вопросу читатель знаетъ уже, что онъ не возникъ внезапно и только въ послѣднее время, а имѣетъ уже свою болѣе чѣмъ столѣтнюю исторію; съ большей или меньшей силой онъ прорывался въ теченіе всего пребыванія Галичины подъ австрійскою короною. Уже это постоянство достаточно ясно показываетъ, что движеніе русиновъ для достиженія своего университета обусловливается не случайными, скоропреходящими причинами, а представляетъ, очевидно, потребность, настоятельно нуждающуюся въ удовлетвореніи. Въ самомъ дѣлѣ, число русиновъ въ Австріи достигаетъ $3^1/_2$ милліоновъ; низшее и среднее образованіе они могутъ проходить на родномъ языкѣ, не изучая совершенно польскаго, съ которымъ впервые встрѣчаются уже въ университетскихъ аудиторіяхъ. Это крупное вообще неудобство особенно сильно даетъ себя чувствовать тамъ, гдѣ, какъ на богословскомъ факультетѣ, подавляющее большинство слушателей (около $^7/_8$) принадлежатъ къ русинской народности. Между тѣмъ даже и на богословскомъ факультетѣ русины принуждены довольствоваться всего лишь двумя каѳедрами, всѣ же остальные предметы читаются на польскомъ или, что еще хуже, на латинскомъ языкѣ. Число студентовъ-русиновъ во львовскомъ университетѣ перешло уже за 600, что для австрійскихъ университетовъ, вообще не отличающихся многолюдствомъ, представляетъ уже солидную цыфру [1]). Сверхъ того около 200 русинскихъ студентовъ состоятъ слушателями въ другихъ австрійскихъ университетахъ, преимущественно въ вѣнскомъ и краковскомъ, благодаря порядкамъ, господствующимъ во львовскомъ университетѣ. Несомнѣнно, что, имѣя свой университетъ, они возвратились бы на родину и еще болѣе увеличили бы число слушателей предполагаемаго университета. Настоящее положеніе дѣлъ является несправедливымъ и по отношенію къ общему

---

[1]) Черновецкій университетъ, напр., при открытіи имѣлъ всего 209 студентовъ, да и теперь число всѣхъ слушателей его едва доходитъ до 400; львовскій политехникумъ открытъ чуть ли не при сотнѣ слушателей и т. д.

числу русиновъ въ Австріи: для 9 милліоновъ нѣмцевъ существуетъ 6 университетовъ, для 3 мил. поляковъ—2, а $3^1/_2$ мил. русиновъ не имѣютъ высшаго культурнаго разсадника вовсе. Все это такія обстоятельства, которыя дали полное право одному изъ ораторовъ перваго студенческаго митинга сказать: «з огляду на те, що утраквизм лишь дурить русинів-українців—не хочемо утраквизму, намъ треба свого власного університету на рідній уркаинсько-руській мові».

Самыми сильными возраженіями, какія обыкновенно выставляются противъ основанія отдѣльнаго украинскаго университета. являются указанія на непригодность украинскаго языка, обусловленную недостаточнымъ развитіемъ его для выраженія научныхъ понятій, и недостатокъ украинскихъ ученыхъ, способныхъ занять профессорскія каѳедры въ новооткрытомъ университетѣ. Эти возраженія, какъ намъ извѣстно, не отличаются новизною: они встрѣчались намъ еще въ 1848 г. и тогда были болѣе умѣстны. хотя и для того времени значеніе ихъ сильно преувеличивалось. Въ частности, что касается недостаточной якобы для выраженія научныхъ понятій разработки языка, то дѣятельность хотя бы Наукового Товарищества имени Шевченка блистательно опровергаетъ это возраженіе. Обладая очень незначительными матеріальными средствами, среди самыхъ невыгодныхъ условій существованія, почтенное Товарищество зарекомендовало себя такою интенсивной научной дѣятельностью, которая возбуждаетъ справедливое удивленіе и получила уже всеобщее признаніе въ ученыхъ кругахъ. Научныя работы членовъ Товарищества, относящіяся ко всѣмъ областямъ человѣческаго знанія, наглядно показываютъ, на сколько несправедливы нападки на недостаточное развитіе украинскаго языка. Но если бы даже онѣ и были справедливы, то это едва ли могло бы служить серьезнымъ аргументомъ противъ основанія украинскаго университета: развитіе языка въ моменты сильныхъ возбужденій двигается такими быстрыми шагами, что не прошло бы и нѣсколькихъ лѣтъ дѣятельности новаго университета, какъ немногіе недостающіе научные термины (а о нихъ только и можетъ быть споръ) были бы выработаны, и университетъ только

оказалъ бы услугу развитію языка, обогатилъ бы его непосредственно, не говоря уже о томъ, что возникновеніе такого важнаго культурнаго центра, какимъ въ наше время является университетъ, не осталось бы безъ вліянія на общій ходъ культурнаго развитія общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его языка. Едва ли кто рѣшится утверждать, чтобы, напр., русскій языкъ былъ разработаннѣе современнаго украинскаго и способнѣе къ выраженію научныхъ понятій въ моментъ основанія перваго русскаго университета, однако это обстоятельство не помѣшало ему вскорѣ стать истиннымъ разсадникомъ просвѣщенія и центромъ умственной дѣятельности страны. Очень, конечно, важно другое возраженіе, указывающее на недостатокъ украинскихъ ученыхъ, достойныхъ профессуры; но и оно не совсѣмъ точно передаетъ истинное положеніе дѣла. Прежде всего число украинскихъ ученыхъ вовсе не такъ ужъ незначительно, какъ это кажется съ перваго взгляда; оно только скрадывается, благодаря нѣкоторымъ неблагопріятнымъ условіямъ. Въ настоящее время, при отсутствіи своего научнаго центра, они разсѣяны по чужимъ университетамъ и принуждены работать на пользу другихъ народовъ: профессоровъ-украинцевъ найдется достаточное число и въ нѣмецкихъ, и въ польскихъ, и въ русскихъ, и въ иныхъ университетахъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы въ самомъ дѣлѣ мысль объ отдѣльномъ украинскомъ университетѣ получила свое воплощеніе, многіе изъ нихъ предпочли бы работать на родной почвѣ, на пользу родного народа. Затѣмъ, сколько силъ, способныхъ къ научной работѣ и даже успѣвшихъ уже зарекомендовать себя въ этомъ отношеніи, гибнетъ и глохнетъ въ канцеляріяхъ, судахъ, гимназіяхъ и т. п., благодаря современному порядку, не дающему возможности развернуться и проявить свои силы! Учрежденіемъ стипендій, серьезной заботой о приготовленіи ученыхъ силъ и эти гибнущіе таланты могли бы быть извлечены изъ неподходящей обстановки и спасены для родной науки, да и на будущее время была бы предупреждена возможность такой непроизводительной траты національныхъ силъ и талантовъ. При раціональной постановкѣ дѣла, этимъ пу-

темъ въ короткій сравнительно срокъ можно создать цѣлые кадры ученыхъ, вполнѣ достойныхъ съ честью нести отвѣтственное положеніе представителей высшей науки. Что это вполнѣ достижимо безъ особыхъ затрудненій, тому и сами поляки могутъ служить прекраснымъ примѣромъ. Въ началѣ 70-хъ годовъ у нихъ также ощущался недостатокъ въ профессорахъ, но они сумѣли съ нимъ прекрасно справиться, благодаря энергической и главное— ничѣмъ не стѣсняемой дѣятельности, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что теперь сумѣютъ справиться съ этимъ препятствіемъ и русины. Наконецъ, возникаетъ и еще одинъ вопросъ—уступятъ ли правящія сферы и захотятъ ли онѣ удовлетворить хотя бы и справедливое и вполнѣ достижимое требованіе, но исходящее отъ не вполнѣ окрѣпшаго еще политически народа? Вѣдь столѣтняя исторія университетскаго вопроса въ Галичинѣ очень наглядно показываетъ, что австрійское правительство не очень то склонно придти русинамъ на помощь и, выдвигая ихъ въ моменты обостренныхъ отношеній, чтобы на нихъ опереться, протежируя имъ при нуждѣ, оно забываетъ о нихъ тотчасъ же, какъ только въ этомъ минуетъ надобность. Гдѣ же гарантія, что на этотъ разъ оно окажется иначе настроеннымъ и захочетъ доказать свою заботливость о русинахъ уже не одними платоническими обѣщаніями? Дѣйствительно, современная политика австрійскаго правительства, стремящаяся угодить болѣе сильнымъ элементамъ государства, бросающаяся поперемѣнно въ объятія самыхъ разнородныхъ направленій, менѣе всего способна возбудить какія-нибудь надежды: правительство по прежнему будетъ «гнуть свою линію» и безъ крайней необходимости, конечно, не согласится разгнѣвать могущественную партію польскихъ магнатовъ, которые одни только и возстаютъ противъ требованій русиновъ. Гарантію счастливаго и успѣшнаго разрѣшенія университетскаго вопроса для русиновъ мы видимъ не въ правительственной политикѣ, а въ чемъ то другомъ, что́ оказывается въ иныхъ случаяхъ гораздо сильнѣе минутнаго настроенія въ правящихъ сферахъ. Это другое и есть *народное сознаніе*, твердость и постоянство въ достиженіи *цѣ-*

лымъ народомъ заранѣе намѣченной цѣли,—а часъ для такого сознанія въ Галичинѣ, повидиму, уже пробилъ. Присматриваясь внимательно къ исторіи русинскихъ требованій, мы замѣтимъ одну характерную особенность; въ прежнее время всегда дѣйствующимъ лицомъ являлась лишь незначительная кучка интеллигенціи, народъ же оставался въ роли пассивнаго, молчаливаго, безразличнаго слушателя или, говоря точнѣе, совершенно отсутствовалъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, что народу до того, на какомъ языкѣ будутъ читаться лекціи въ университетѣ, если самъ-то народъ и не увидитъ никогда стѣнъ этого университета, если онъ совершенно не сознаетъ его значенія? Какое дѣло до всѣхъ подобныхъ вопросовъ народу, стонущему подъ ярмомъ рабства, какъ было въ 1784 г., или хотя освобожденному, но все еще пребывающему подъ игомъ невѣжества и темноты, какъ было въ 1848 году?. Вотъ главная причина того, почему требованія русиновъ терпѣли до сихъ поръ неудачу за неудачей: они не опирались на народное сознаніе и, исходя отъ незначительной, несплоченной группы, не возбуждали никакого вниманія въ соотвѣтственныхъ кругахъ. Кромѣ того, и сама интеллигенція, ратуя за родной университетъ, неясно представляла себѣ все значеніе и послѣдствія этого фактора культурнаго развитія и потому неспособна была къ твердой и послѣдовательной дѣятельности въ одомъ направленіи. Къ тому же она была слишкомъ малочисленна и разъѣдаема внутри личными и партійными счетами и вслѣдствіе этого легко шла на уступки, возлагая свои надежды лишь на то, что дадутъ имъ безъ борьбы, изъ милости. «Посмотрѣвъ да посравнивъ вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій», замѣтимъ громадную разницу, способную разубѣдить самаго закоренѣлаго пессимиста. Интеллигенція русинская и количественно, и качественно стоитъ теперь несравненно выше въ сравненіи даже съ недавно минувшимъ временемъ; она уже прекрасно понимаетъ, что безъ борьбы, безъ энергической и настойчивой работы едва ли гдѣ-нибудь «валятся сами въ ротъ галушки»... Кромѣ того, она успѣла уже выдѣлить изъ своей среды замѣтный контингентъ

научныхъ силъ, возбудить интересъ къ наукѣ, прежде совсѣмъ среди русиновъ неизвѣстной, и, такимъ образомъ, поставить дѣло національнаго университета на болѣе или менѣе прочное основаніе. Да и народъ теперь остается уже не чуждымъ общему движенію: народное образованіе и общее культурное и политическое развитіе страны уже стоятъ на такой ступени, что народъ способенъ интересоваться научными и связанными съ наукой вопросами и добиваться ихъ разрѣшенія въ желательномъ для себя смыслѣ. Что это не пустая фраза, доказываетъ то сочувствіе, которое вызвали среди народа требованія молодежи: тѣ сотни простыхъ, иногда наивныхъ, но даже и въ этой наивности своей трогательныхъ и многозначительныхъ привѣтствій, которыя посылалъ народъ своимъ молодымъ борцамъ; тѣ тысячи тяжелымъ трудомъ заработанныхъ, потомъ и кровью пріобрѣтенныхъ крейцеровъ, которые тотъ же народъ собралъ для поддержки своихъ сыновъ, принужденныхъ искать просвѣщенія на чужбинѣ. «Мы за васъ!» — этотъ окликъ, идущій изъ глубины сермяжныхъ сердецъ, способенъ воодушевить на самую тяжелую борьбу и окрылить надеждами, что цѣль рано или поздно будетъ достигнута. Народъ, сознавшій себя, проникнутый стремленіемъ къ просвѣщенію, равенству и свободѣ—грозная сила; нѣтъ преградъ, которыя бы эту силу были въ состояніи сломить, уничтожить, задавить. Сломленная и задавленная разъ, она проснется съ новой, удвоенной силой и въ конечномъ счетѣ всегда выйдетъ побѣдителемъ изъ борьбы; исторія даетъ много глубокопоучительныхъ примѣровъ могущества народныхъ движеній, сломившихъ всѣ препятствія, лежащія имъ на пути... Вотъ почему, какъ движеніе всенародное, лежащее глубоко въ сознаніи народныхъ массъ, борьба за народный университетъ, проявившаяся въ Галичинѣ съ особенной силой въ концѣ прошлаго года, не могла быть сломлена обычными средствами, съ успѣхомъ практиковавшимися раньше; вотъ почему она приковала къ себѣ всеобщее вниманіе. Если даже непосредственнымъ и ближайшимъ результатомъ этой борьбы и не будетъ основаніе

украинскаго университета сейчасъ же (на это, впрочемъ, не надѣются и сами борцы), то во всякомъ случаѣ она значительно приблизила осуществленіе народнаго желанія, и 1901 годъ въ исторіи основанія украинскаго университета будетъ долго памятнымъ, какъ выразитель впервые ясно обозначившагося народнаго сознанія.

С. Ефремовъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Еще строки Шевченка. Много лѣтъ тому назадъ случайно купленъ М. Левченкомъ въ Петербургѣ, на толкучкѣ, экземпляръ «Кобзаря», перваго изданія, подаренный Шевченкомъ Штернбергу (извѣстному художнику, ум. 1845), съ автографомъ поэта.

«*На незáбудь Штернберови:*

Пойидешъ далеко,
Побачышъ багато;
Задывышся, зажурышся—
Згадай мене, брате!

Тарасъ Шевченко».

Конечно, послѣ смерти Штернберга, книжка Кобзаря попала на толкучку и лежала тамъ лѣтъ 35, пока случайно попалась на глаза пріѣзжему украинолюбцу. (Изъ бумагъ Левченка).

Къ исторіи могилы Т. Г. Шевченка. Вѣроятно, большинству читателей «Кіевской Старины» приходилось проѣзжать по Днѣпру и, любуясь красотами береговъ, между прочимъ останавливать свое вниманіе на одномъ пунктѣ праваго берега, ниже Канева, гдѣ находится могила Т. Г. Шевченка. Люди пожилые помнятъ, конечно, и то время, когда эта могила имѣла нѣсколько иной видъ, будучи гораздо проще по своей отдѣлкѣ. Читатели наши знаютъ также, что эта первоначально отдѣланная могила была сооружена сейчасъ-же послѣ погребенія поэта

одлѣ Канева однимъ изъ почитателей его, Г. Н. Честаховскимъ, объ чемъ онъ самъ разсказалъ въ письмахъ своихъ Ф. И. Черненку (см. Кіев. Стар. 1898 г. № 2, стр. 167—193). Если не ошибаемся, въ такомъ видѣ просуществовала могила поэта, безъ всякихъ передѣлокъ, вплоть до осени 1882 г., когда отъ времени она пришла въ полное разореніе: дубовый могильный крестъ свалился къ сторонѣ Днѣпра, разбившись на два куска, которые и были постепенно сожжены подростками-пастухами, согрѣвавшимися отъ холода у подошвы могилы. Такъ, по крайней мѣрѣ, сообщалось тогда въ кіевской газетѣ «Заря».

Кому-же было естественнѣе всего явиться оффиціальнымъ лицомъ которое приняло-бы на себя заботы по ремонту могилы? Надо имѣть въ виду, что, при рѣшеніи вопроса о похоронахъ Шевченка надъ Днѣпромъ, рѣшался и вопросъ, на чье же имя должна быть совершена купчая на землю, предназначавшуюся для могилы,—на имя-ли Ф. И. Черненка, или Варфоломея Григорьевича Шевченка, его названнаго брата и свояка? (См. объ этомъ въ письмахъ Честаховскаго, стр. 183). Оказалось въ концѣ концовъ, что земля куплена не была, а взята въ долгосрочную аренду у города Канева В. Г. Шевченкомъ. Естественно, что, при такихъ условіяхъ, онъ и долженъ былъ теперь выступить съ оффиціальными распоряженіями по ремонту могилы. Дѣйствительно, уже въ декабрѣ мѣсяцѣ 1882 года пріѣхалъ В. Г. Шевченко въ Каневъ и началъ съ того, что на полуразрушенной могилѣ поставилъ новый деревянный крестъ. Но этого, конечно, было мало,—нужно было подумать о капитальномъ ремонтѣ. Самъ В. Г. Шевченко, при скудости своихъ личныхъ средствъ, ничего серьезнаго предпринять не могъ,—пришлось, поэтому, взяться за это дѣло почитателямъ памяти поэта, чтобы путемъ добровольныхъ пожертвованій собрать необходимую сумму для приведенія въ порядокъ могилы. Однимъ изъ первыхъ отозвалось на это дѣло Полтавское губернское земское собраніе, которое постановило 6 декабря 1882 года ассигновать для этой цѣли 500 рублей. Затѣмъ покойный В. В. Тарновскій, извѣстный любитель и собиратель украинской старины, лично знавшій поэта, заявилъ, что онъ ставитъ на свой счетъ большой чугунный крестъ на могилѣ, обошедшійся около 1000 рублей. Сверхъ этихъ пожертвованій, поступило отъ разныхъ лицъ еще тысячъ до трехъ, такъ что для капитальнаго ремонта могилы можно было располагать суммою до 5 тысячъ рублей. Послѣ того какъ выяснились средства, В. Г. Шевченко, отъ имени котораго производились всѣ работы, долженъ былъ приступить

къ договорамъ съ разными подрядчиками, а также и ко всевозможнымъ оффиціальнымъ сношеніямъ съ учрежденіями и лицами. Благодаря тому, что одно изъ уполномоченныхъ В. Г. Шевченкомъ лицъ, бывшій смотритель Каневскаго 2-класснаго училища, В. С. Гнилосыровъ [1]), вѣрный хранитель могилы Тараса, оставилъ аккуратно веденныя имъ записи о ходѣ работъ на могилѣ, мы можемъ теперь познакомить читателей съ болѣе интересными моментами въ исторіи созиданія могилы Т. Г. Шевченка въ теперешнемъ ея видѣ.

Начались работы въ іюнѣ мѣсяцѣ 1883 года, послѣ того какъ В. Г. Шевченко и уполномоченныя имъ лица, инженеръ А. Ѳ. Якубенко и В. С. Гнилосыровъ, а также предсѣдатель Золотоношской земской управы И. В. Тоцкій, дѣйствовавшій по порученію Полтавской губернской земской управы, совмѣстно съ каневскимъ городскимъ головою и исправникомъ, побывали на Тарасовой горѣ для опредѣленія плана работъ на мѣстѣ. Первыми работами были: укладка изъ дикого камня на цементѣ тумбы, на которую долженъ опираться чугунный крестъ, и насыпка вокругъ этой тумбы высокаго земляного кургана. Рабыты эти протянулись уже нѣсколько недѣль, какъ вдругъ, по распоряженію мѣстныхъ каневскихъ властей, онѣ были пріостановлены. «По городу Каневу стали ходить какіе-то темные слухи о нелѣпыхъ доносахъ мѣстныхъ радѣтелей»—такъ отмѣтилъ въ своихъ дневникахъ почтеннѣйшій В. С. Гнилосыровъ. Окончилось это странное недоразумѣніе тѣмъ, что генералъ-губернаторъ А. Р. Дрентельнъ, всегда съ рыцарскимъ благородствомъ относившійся къ подобнаго рода инцидентамъ, призвалъ къ себѣ В. Г. Шевченка и спросилъ его: «зачѣмъ вы затѣяли всѣ эти хлопоты по реставраціи могилы вашего родственника и по постройкѣ тамъ какой-то избы?» На это В. Г. отвѣтилъ: «на склонѣ жизни чувствую себя нравственно обязаннымъ это сдѣлать, такъ-какъ покойный Тарасъ еще при жизни своей поручилъ мнѣ построить ему хату, въ которой онъ предполагалъ дожить свой вѣкъ». Послѣ этого объясненія, начальникъ края сейчасъ-же сдѣлалъ распоряженіе о снятіи запрещенія производить работы на Тарасовой горѣ. Работы сейчасъ-же возобновились и пошли усиленнымъ ходомъ: кладка тумбы къ осени была закончена; грабари продолжали насыпку кургана, а плотники суетились надъ закладкой и постройкой хаты. Къ

[1]) См. о немъ Кіев. Стар. 1901 г. № 2.

началу зимы работы стояли въ такомъ положеніи: хата вчернѣ совсѣмъ была поставлена, но не обмазана; деревянная огорожа всего мѣста ($^1/_2$ десятины) только подготовлялась; курганъ былъ насыпанъ; изготовлена была изъ жернового камня плита, вѣсомъ до 40 пуд., какъ основаніе подъ крестъ. Ожидали, что зимнимъ путемъ будетъ доставленъ на могилу чугунный крестъ, заказанный въ Кіевѣ, на заводѣ г. Термена; но тутъ опять произошло какое-то недоразумѣніе: крестъ былъ арестованъ на заводѣ, и его нельзя было взять въ ту зиму.

Всѣ зимніе мѣсяцы 1884 года, какъ видно изъ записей В. С. Гнилосырова, прошли въ томъ, что онъ аттаковалъ письмами В. Г. Шевченка и А. Ѳ. Якубенка, прося выслать денегъ для расплаты съ рабочими и для заготовки нѣкоторыхъ матеріаловъ, но все остается безъ отвѣта, или—какъ выражается въ дневникѣ своемъ авторъ—«барина все нѣту, баринъ все не ѣдетъ». Такова уже видно судьба всѣхъ работъ, ведущихся по доброй волѣ!—Только въ половинѣ апрѣля появился г. Якубенко и привезъ 30 фунтовъ сѣмянъ французскаго пирея для посѣва на могилѣ взамѣнъ обдерноваиія ея. Тутъ-же имъ даны были и указанія для дальнѣйшихъ работъ. Къ половинѣ іюля почти всѣ работы были закончены, такъ что оставалось сдѣлать главное—водрузить на могилѣ крестъ. Довольно долго пришлось распутывать недоразумѣнія съ крестомъ, не выпускавшимся изъ завода г. Термена, особенно благодаря отсутствію изъ Кіева В. В. Тарновскаго, но въ концѣ концовъ 18 іюля былъ онъ доставленъ изъ Кіева по Днѣпру на берлинѣ; вѣситъ онъ до 250 пудовъ. 20 іюля происходила установка и укрѣпленіе креста на мѣстѣ, подъ наблюденіемъ г. Якубенка и техника, присланнаго г. Терменомъ. На этомъ скромномъ торжествѣ, кромѣ указанныхъ лицъ, присутствовали В. С. Гнилосыровъ, нѣсколько рабочихъ завода Термена, доставившихъ крестъ, плотниковъ, окончившихъ хату и огорожу, семья нанятаго уже для охраны могилы сторожа, да нѣсколько любопытныхъ сосѣдей рыбаковъ и гончаровъ. Послѣ установки креста, «вся наша группа—пишетъ въ дневникѣ В. С. Гнилосыровъ—щыро помолылась за душу велыкого покійныка; выпылы купно по добрій чарци оковытои, попойилы мудрого кулишу и розійшлыся, кому куды шляхъ. У ночи-жъ бувъ невелыкый дощыкъ,—само небо посвятыло дорогый монументъ. Зъ того часу на могыли трава зеленіе». Такъ простоялъ этотъ крестъ на вершинѣ кургана неогороженнымъ до лѣта 1888 года, когда г. Терменъ, ранѣе еще давшій обѣщаніе, безплатно прислалъ чугунную рѣшетку вокругъ креста;

тогда-же и крестъ, и рѣшетка были окрашены,—и могила приняла вполнѣ законченный видъ. Еще черезъ годъ, въ 1889 году, въ хату на могилѣ доставлены были образъ св. Тарасія, заказанный въ Кіевѣ, и портретъ Т. Шевченка, копія съ портрета, рисованнаго И. Е. Рѣпинымъ, работы художника Платонова.

В. Н.

Памяти Михаила Михайловича Левченка. «*Мы лѣнивы и нелюбопытны*»—писалъ нѣкогда Пушкинъ, и какъ часто приходится намъ горько сознаваться въ справедливости его словъ! Даже о писателяхъ, составляющихъ славу нашей литературы, нерѣдко поднимались споры въ печати о годѣ рожденія и разныхъ обстоятельствахъ жизни ихъ; а о провинціальныхъ труженикахъ, работавшихъ часто весьма добросовѣстно, интересно и разнообразно, мы почти ничего не знаемъ, или лѣнимся собрать и то немногое, что знаемъ. Вотъ хоть бы, напр., Мих. Мих. Левченко—кому онъ теперь извѣстенъ? А вѣдь онъ нѣсколько лѣтъ жилъ въ Кіевѣ, основалъ въ немъ книжный магазинъ, посвященный преимущественно родной, малороссійской литературѣ, печаталъ статьи свои въ газетахъ и журналахъ, издавалъ книги, но кто теперь знаетъ, что написалъ онъ на своемъ вѣку? Даже и о смерти его не было упомянуто ни въ «Кіевской Старинѣ», ни вообще въ печати! Увы! въ наше время чаще, чѣмъ прежде, приходитъ на мысль поговорка «*долой изъ глазъ—долой изъ мысли!*» Вотъ и рѣшаемъ мы хоть теперь, по поводу исполнившагося десятилѣтія его смерти, помянуть хотя чѣмъ нибудь полезнаго дѣятеля. Сообщаемъ все, что намъ пришлось узнать и собрать изъ книжныхъ источниковъ глухого уголка.

Сынъ потомственнаго дворянина, М. М. Левченко родился въ г. Конотопѣ, 1830 года, сентября 29; воспитывался въ Петровскомъ—Полтавскомъ Кадетскомъ Корпусѣ и въ Дворянскомъ полку въ Петербургѣ; по окончаніи курса участвовалъ въ походѣ въ Венгрію въ 1849 г. и написалъ воспоминанія о немъ, впослѣдствіи напечатанныя; послѣ того служилъ нѣсколько лѣтъ ротнымъ офицеромъ въ одномъ изъ Московскихъ Кадетскихъ Корпусовъ; по выходѣ въ отставку, занялся сельскимъ хозяйствомъ въ своемъ имѣніи, въ Ананьевскомъ уѣздѣ, Херсонской губерніи; въ 1869 г. переѣхалъ въ Кіевскую губернію, женился на вдовѣ сосѣда помѣщика, въ 70-хъ годахъ жилъ въ Кіе-

вѣ и открылъ книжный магазинъ вмѣстѣ съ Л. В. Ильницкимъ (въ 1874 г. былъ изданъ каталогъ его); наконецъ уѣхалъ въ имѣніе свое и тамъ неожиданно скончался въ октябрѣ 1891 года. Вотъ въ краткихъ словахъ внѣшняя сторона его жизни.

Многимъ изъ его знакомыхъ памятенъ онъ, какъ истый щирый малороссъ; онъ страстно изучалъ родину, особенно въ ея старинѣ, и немало писалъ о ней въ разныхъ отношеніяхъ; чудесно пѣвалъ малороссійскія пѣсни, отлично разсказывалъ, съ юмористическимъ оттѣнкомъ, причемъ самъ заливался веселымъ заразительнымъ смѣхомъ. Бывало, въ 50-хъ годахъ, въ Москвѣ, лѣтомъ прійдетъ онъ [1]) къ своему земляку, жившему тогда на Тверскомъ бульварѣ, раскроетъ въ его квартирѣ окно и звонкимъ степнымъ симпатичнымъ голосомъ начинаетъ пѣть родныя пѣсни, одну за другою; всего чаще пѣвалъ онъ: «*Бьють пороги, мисяць зходыть*», «*И любывъ, и кохавъ, соби дивчыну мавъ*», «*Дощыкъ, дощыкъ стукае дрибненько*», а въ заключеніе непремѣнно ужъ «*Часъ до дому, часъ*»; пѣлъ онъ, а проходящіе мимо оконъ останавливались и подолгу заслушивались его. Вездѣ, гдѣ приходилось ему жить, онъ любилъ пѣть, старался составить хоровое пѣніе, особенно у себя на родинѣ, гдѣ и многіе родные его владѣли прекрасными голосами, и сколько вечеровъ проходило въ этомъ семейномъ пѣніи, даже при собравшихся гостяхъ. Усердно онъ слѣдилъ за изданіемъ пѣсенъ и вообще за литературою, и самъ любилъ писать въ разныхъ родахъ; но неотложныя и многостороннія хлопоты по хозяйству не давали ему ни времени, ни спокойствія для усидчивыхъ и постоянныхъ занятій литературою; все таки нѣкоторыя статьи его обращали на себя вниманіе печати и общества. Его извѣстіе о сектѣ штундовыхъ (въ газетѣ «Голосъ» 1867) г. явилось *первымъ* во всей нашей печати и подняло сначала цѣлую бурю въ Одессѣ противъ него. «*Я готовлю топоромъ вырубленный отвѣтъ*»—писалъ онъ одному изъ своихъ пріятелей,—«*но не спѣшу съ нимъ*». Намъ неизвѣстно, напечаталъ ли онъ этотъ отвѣтъ, и гдѣ?...

А вотъ пока все, что намъ стало извѣстно о его литературной дѣятельности.

---

[1]) Съ неизмѣнной трубкой и чубукамъ въ рукавѣ сюртука военнаго и съ кисетомъ въ карманѣ.

1855.

1) *Воспоминанія пѣхотинца о походѣ въ Венгрію, въ 1849 году,* «Москвитянинъ», №№ 8—10, подписано: Болеславъ *Лучинскій* (авторъ жилъ на Лучинкѣ, части г. Конотопа). Перепечатано въ томъ же году, въ «Журналѣ для чтенія воспитанникамъ Военно-Учебныхъ заведеній».

1859.

2) Сотрудничалъ въ «Ботаническомъ Словарѣ» Н. И. Анненкова,—объ этомъ упоминается въ предисловіи, и въ текстѣ книги нерѣдко приводится фамилія Левченко.

1861.

3) *Степныя письма* (три письма) въ журналѣ «Сельское Хозяйство, изд. Н. И. Анненкова, въ Москвѣ (Анненковъ писалъ автору, что письма очень понравились читателямъ).

4) *Мѣсто жительства и мѣстныя названія русиновъ въ настоящее время,* «Основа», № 1, стр. 263—266.

5) Замѣтка о русинской терминологіи, «Основа» № 7, стр. 183—186 (по поводу этой статьи, Основа 1862, № 8, стр. 45—52, статья П. С. Ефименка).

6) *Степныя письма* (письмо 4-е), «Основа», № 11—12.

1863.—1865.

7) *Что намъ дѣлать съ Западнымъ краемъ?* Одесскій Вѣстникъ, № (?) (статья возбудила толки).

8) *О предстоящей дѣятельности земскихъ собраній.* (Одесскій Вѣстникъ....

9) *Замѣтка о табаководствѣ въ Ананьевскомъ уѣздѣ,* Одесскій Вѣстникъ 1865 № 81.

1867.

10) *Письма о нуждахъ земства.* Сельско-Хозяйственный Сборникъ, Полтава, выпускъ 2-й, письмо 1-е, стр. 1—9; письмо 2-е, выпускъ 4—5, стр. 15; письмо 3-е, выпускъ 6, стр. 1—17.

11) Корреспонденція изъ Новороссіи, *о сектѣ штундовыхъ*. «Голосъ», № 331.

1873.

12) Сообщилъ *два заклинанія* въ книгѣ П. С. Ефименка «Заклинанія южнорусскага народа». Москва 1873.

1874.

13) *Нѣсколько данныхъ о жилищахъ и пищѣ южноруссовъ*, «Записки Юго-западнаго Отдѣла Импер. Русскаго Географическаго Общества, Кіевъ, т. 2 стр. 135—150.

14) *Объ уничтоженіи памятниковъ старины въ Южной Россіи*, «Труды III Археологическаго съѣзда (въ Кіевѣ) 1874, т. 1, стр. 309—312; перепечатано въ томъ жо году въ Кіевлянинѣ № 105.

15) *Опытъ русско-украинскаго словаря*. Кіевъ, 1874, въ 8 д. л. IV, 88 л. 2 стр. (Напечатано 700 экземпляровъ).

1888.

16) *Старинные тракты или дороги въ Южной Россіи*, «Кіевская Старина», № 6, стр. 543—546 (безъ подписи).

17) *Потомки Запорожцевъ на островѣ Лети* (въ дельтѣ Дуная), «Кіевская Старина» № 5, стр. 344. По этому указанію М. М. Левченка, ту мѣстность посѣтилъ Ѳедоръ Кондратовичъ и описалъ послѣднюю судьбу запорожіцевъ въ «Кіев. Старинѣ» 1883, кн. 1, 2 и 4.

18) *Гайдамацкій кутъ*, Кіев. Старина, № 5, стр. 345—349.

19) *Гдѣ именно жили запорожцы во время подчиненія своего крымскому хану* (1709—1773), Кіевская Старина, № 6, стр. 548.

20) *Исчезнувшія и исчезающія Южной Россіи животныя*. Кіевск. Старина, № 8, стр. 373—379.

1885—1886.

21) *Очеркъ растительности Ананьевскаго уѣзда, Херсонской губ.*, Вѣстникъ Садоводства 1885, № 14.

22) Продолженіе предыдущей статьи. *Растенія, введенныя культурою*, Вѣстникъ Садоводства 1886, №№ 18 и 23.

23) *Грибы, находимые въ Радомысльскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи*, Вѣстникъ Садоводства.

1888.

24) *Про огороды въ Радомыслькомъ уѣздѣ*, Вѣстникъ Садоводства.

1889.

25) *Воспоминанія о моемъ пребываніи въ Полтавскомъ Кадетскомъ Корпусѣ*, рукопись, которую авторъ оканчивалъ уже въ январѣ 1889 г., какъ онъ писалъ намъ. Уцѣлѣла-ли она—это могутъ рѣшить наслѣдники его, живущіе въ мѣстечкѣ Городищѣ. Если уцѣлѣла, то очень интересно было-бы увидѣть ее въ печати. М. М. Левченко былъ мастеръ на мѣткія характеристики своихъ воспитателей, какъ намъ неоднократно случалось слышать отъ него въ 50-хъ годахъ.

Годъ ?

26) Не знаемъ, къ какому году относится изданная имъ книжка «*Еврейскій Кагалъ*», подъ псевдонимомъ *Борисъ Незначный*. Мы никогда не встрѣчали ее и знаемъ о ней только изъ письма М. М. Левченка.

—

Кромѣ сего, множество мелкихъ замѣтокъ его разсѣяно въ Кіевлянинѣ, Одесскомъ Вѣстникѣ, Новороссійскомъ Телеграфѣ, газетѣ Трудъ, С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, въ журналѣ Основа, Вѣстникъ Садоводства, разныхъ годовъ; но ихъ уже не могъ вспомнить самъ авторъ, при случайномъ въ 1888 г. свиданіи съ нами. Ослабѣвшая память подсказывала ему глухо и неточно періодическія изданія, годы ихъ и самыя заглавія его собственныхъ статей. Главнѣйшія показанія его мы привели въ хронологическій порядокъ и провѣрили ихъ отчасти по самымъ періодическимъ изданіямъ.

С. Пономаревъ.

Указъ о проповѣдяхъ на малорусскомъ языкѣ. Подлинный Указъ Полтавской Духовной Консисторіи о допущеніи малорусскаго языка при произнесеніи проповѣдей находится при архивѣ приходской церкви с. Толкачевки, Прилукскаго уѣзда, и любезно былъ предоставленъ въ наше распоряженіе мѣстнымъ священникомъ, который, на

основаніи этого указа, всегда произноситъ свои, къ слову сказать, глубоко-содержательныя проповѣди на доступномъ для народа—малорусскомъ языкѣ. Отличаясь простотою, общедоступностію, проповѣди эти оказываютъ сильное впечатлѣніе на слушающихъ, свидѣтелемъ чему былъ пишущій эти строки. Безспорно, этому много помогаетъ и то, что проповѣди произносятся имъ безъ тетрадки, въ формѣ живого слова; съ внѣшней стороны—онѣ безукоризненны и обнаруживаютъ въ уважаемомъ проповѣдникѣ человѣка, хорошо знающаго народный языкъ и умѣющаго пользоваться имъ. Замѣчательно, что языкъ (слогъ) проповѣдей, не смотря на простоту, изобилуетъ красивыми сравненіями религіозно-нравственныхъ понятій съ предметами природы, окружающей обстановки и т. д.,—и въ этомъ нѣтъ ничего, что бы напоминало вульгарность и служило оскорбленіемъ святости предметовъ проповѣди,—напротивъ, это еще болѣе усиливаетъ впечатлѣніе проповѣди. Прихожане очень довольны тѣмъ, что батюшка обращается къ нимъ въ церкви «по нашому» (какъ они сами говорятъ).

Очевидно, такъ-же смотрѣло на дѣло и Полтавское духовное начальство въ 60-хъ годахъ прошлаго 19-го столѣтія, когда особымъ указомъ довело до свѣдѣнія Благочиннаго Прилукскаго уѣзда «не запрещать» подвѣдомственнымъ ему священникамъ произносить проповѣди на доступномъ для народа его родномъ языкѣ. Намъ неизвѣстны тѣ ближайшія причины, которыя вызвали настоящій указъ,—можетъ быть здѣсь имѣла мѣсто частная иниціатива какого нибудь священника, который возбудилъ этотъ вопросъ передъ Епархіальнымъ начальствомъ, или можетъ быть тотъ же о. Благочинный испрашивалъ у начальства точныхъ инструкцій по этому дѣлу; неизвѣстно также, былъ ли разосланъ изъ Полтавской Консисторіи Указъ по всѣмъ церквамъ Епархіи или же только Благочинному той мѣстности, гдѣ возникъ этотъ вопросъ,—во всякомъ случаѣ важенъ тотъ фактъ, что Епархіальное начальство безпристрастно посмотрѣло на дѣло и рѣшило вопросъ въ благопріятномъ смыслѣ.

«Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго изъ Полтавской Духовной Консисторіи. Благочинному Прилукскаго уѣзда Протоіерею Антонію Ромашкевичу.

По указу Его Императорскаго Величества, Полтавская Духовная Консисторія, во исполненіе резолюціи Его Преосвященства, предписываетъ Вамъ, Благочинному, не запрещать священникамъ вашего вѣдомства произносить проповѣди своимъ прихожанамъ на малорос-

сійскомъ языкѣ.»—Сентября 9-го дня. 1861 года. Членъ Консисторіи П.[1]) Н. Кондратовичъ. Секретарь. (Нѣтъ подписи). Столоначальникъ. Иваницкій. № 15316.

Сообщ. **С. П.**

Распоряженіе князя А. И. Шаховскаго о раздѣленіи малороссійскихъ козаковъ на „выборныхъ“ и „придомощниковъ“, 1735 г.[2]). При нарядѣ малороссійскихъ козаковъ въ походы происходило очень много злоупотребленій со стороны полковниковъ и сотниковъ, наряжавшихъ въ походы бѣдняковъ и освобождавшихъ богатыхъ за взятки. Особенно развились эти злоупотребленія въ гетманщинѣ—при Скоропадскомъ и Апостолѣ, когда произволъ полковниковъ достигъ наибольшаго своего развитія. Поэтому однимъ изъ первыхъ распоряженій кн. Шаховскаго, вступившаго въ управленіе Малороссіей послѣ смерти Апостола, было установленіе извѣстныхъ правилъ при отправленіи походной службы козаками. Какимъ образомъ установлены были эти правила и въ чемъ таковыя заключались, видно изъ слѣдующихъ двухъ документовъ.

А) *Указъ ея и. величества самодержицы всероссійской изъ войсковой енералной канцеляріи судіи полковому лубенскому Семену Максимовичу*, на сей часъ полковое правленіе содержащому. Въ бытность свою въ Глуховѣ малороссійскихъ полковъ полковники, а именно: нѣжинскій Иванъ Хрущовъ, стародубскій Афанасій Радищевъ, черниговскій Михайло Богдановъ, съ старшиною полковою, указомъ ея и. величества зъ енералной войсковой канцеляріи призванные, противъ посланныхъ въ малороссійскіе, въ томъ числѣ и въ лубенскій, полки, по силѣ именного всемилостивѣйшего ея и. величества указу, о бытіи въ Малой Россіи тридцятотысячному числу козаковъ выборныхъ отъ генерала лейтенанта, сенатора, кавалера св. Александра, гвардіи подполковника и ея и. величества генерала адьютанта князя Шаховскаго, изъ енералной войсковой канцеляріи объ опредѣленіи зъ полку лубенского указного по росписанію з енералной канцеляріи тѣхъ

---

[1]) Слѣдуетъ читать вѣроятно: Протоіерей.

[2]) См. Исторія Мал. Россіи, Б.-Каменск., III, 211, и Опис. Черниг. Намѣстнич., Шафонскаго, стр. 65.

выборныхъ козаковъ числа указовъ, подали сочиненную ими статями, зъ совѣту другихъ полковниковъ, какимъ образомъ тихъ выборныхъ козаковъ опредѣлять и что имъ имѣть надлежитъ, за руками своею и старшины полковой, генералу лейтенанту, сенатору и кавалеру князю Шаховскому, в енералную войсковую канцелярію, форму, которая имъ генераломъ-лейтенантомъ, сенаторомъ и кавалеромъ княземъ Шаховскимъ, съ прысутствующими члены въ той енералной войсковой канцеляріи, аппробована и какъ надлежитъ исправленна. И сего сентября 15-го дня, по указу ея и. величества и по опредѣленію его жъ генерала-лейтенанта, сенатора и кавалера князя Шаховскаго, съ прысутствующими енералной войсковой канцеляріи членами, веленно тѣ исправленніе по статямъ формы, за скрѣпою руки енералного войскового писаря Михаила Турковского и за справкою канцелярскою, якъ въ протчие малороссійские полки, при указахъ отправить, такъ и въ полкъ лубенскій пры семъ ея и. величества указѣ таковую послать форму, а въ ономъ указѣ предложить, дабы вы указное по учиненному въ енералной войсковой канцеляріи росписанію, въ полку лубенскомъ число выборныхъ козаковъ велѣли опредѣлять по силѣ сообщенной при семъ указѣ форми и что въ оной ко исправленію о тихъ выборныхъ козакахъ, такожъ о содержаніи лошадей, платя и другихъ к одѣянію потребностей и о протчемъ, показано исполнять непремѣнно; особливо же мѣете вы такъ сами, яко и другая старшина полковая и сотенная, имѣть крѣпкое смотреніе въ томъ, дабы могущіе сами въ выборныхъ козакахъ изъ своего имущества, какъ въ оной формѣ обстоятельно изяснено, службу отправлять, за другихъ или въ помощикахъ другимъ между убогими и неимущими, которіе, сами без подмоги, службу отправлять должны въ выборныхъ козакахъ, к отправленію службы опредѣленни не были, и козакамъ въ подпомогу выборнымъ, опредѣленнимъ, въ чиненіи той подпомоги праведное было уравненіе, смотря по ихъ имуществамъ, кто можетъ болше, а кто менше подпомогать, дабы никаковой имъ однимъ предъ другими обиды не было, и егда по силѣ той формы указное зъ полку лубенского выборныхъ козаковъ число опредѣленно будетъ, то мѣете вы сочинивъ об онихъ именую вѣдомость и описавъ по прежде посланнымъ и сему указахъ, ихъ грунта и показавъ порознъ, кто съ подпомогой и кто безъ подпомоги, въ тотъ выборъ опредѣленъ, за руками своею и протчой старшины полковой, прислать при доношеніи своемъ генералу-лейтенанту, сенатору и кавалеру князю Шаховскому, въ енералную войсковую

канцелярію, конечно къ числу 1-му генваря 1736 году, а судіи полковому лубенскому Семену Максимовичу съ товарищи чинить по сему ея и. величества указу. О семъ же и въ протчіе малороссійскіе полки указы посланны. Данъ въ Глуховѣ, сентября 16, 1735 году. Въ подлѣнномъ тако: князь Алексѣй Шаховской. Князь Андрей Барятинскій. Василей Гуревъ. Андрей Марковичъ. Михайло Забѣла. Войсковый енералній писарь Михаилъ Турковскій. Канцеляристъ Федоръ Свѣрскій.

Б) *Форма. По силѣ именного всемилостивѣйшого ея императорскаго величества указу, о бытіи въ малорѳссійскихъ полкахъ тридцатитысячному, въ томъ числѣ и въ полку лубенскомъ, указному по росписанію войсковой енералной канцеляріи выборныхъ козаковъ числу, какимъ образомъ опредѣленному быть, и с какихъ кирунтовъ и уродій и прочаго имущества безъ подпомоги, а какимъ съ подпомогою, выборного козака опредѣлять, и какіе потребности въ службѣ войсковой и въ какой цѣнѣ всякому выборному козаку имѣть по выбору надлежитъ, въ енералной войсковой канцеляріи исправленная. 1735 году, сентября 16 числа.*

1) Выборному козаку надлежитъ имѣть лошадь, цѣною отъ семи до девяти рублей, сѣдло—одинъ рубль, узда 20 коп., мушкетъ два руб., лядовница 15 коп., кременецъ—3 коп., копіе—10 коп., натруску—3 копѣйки.

2) Платя на него—ярмолукъ 1 руб. 60 коп., жупанъ 2 рубля, шапку 30 коп., три пары сапоговъ 90 коп., поясъ 15 коп., рубашекъ три пары 60 коп., убране свитное 20 коп., кожухъ одинъ рубль, опанчу 60 коп., итого, кромѣ пороха и пуль, на одного козака выходитъ, поставивъ лошадь по 9 рублей, 20 рублей, 7 копѣекъ, якое платье и другіе ко одѣянію потребности, долженъ козакъ въ то время на себя взять и носить, а лошадь къ поѣздкѣ употребить, когда въ походъ идти или какую войсковую посылку отправить повелѣно будетъ. Когда же въ домѣ будетъ, то оное платье и потребности содержать въ сохраненіи и въ ношеніе не употреблять. И лошади, какая къ службѣ для того выборнаго козака куплена и опредѣлена будетъ, въ работизну и на свои приваты отнюдь не употреблять, но содержать хозяинамъ въ добромъ и пилномъ смотрѣніи и на добромъ кормѣ, чего должны смотрѣть за выборными козаками подпомощники и старшина. А понеже таковые платье и прочія потребности могуть трвать и лошадь жить килка лѣтъ, паче же ружье—едва не чрезъ все житіе человѣческое можетъ быть въ цѣлости, того ради не всякого года на одежу и показан-

ныя другія потребности вышьнамѣненную сумму денегъ къ поставкѣ въ службу выборнаго козака собирать должно отъ подпомощниковъ, но развѣ въ тѣхъ выборныхъ козаковъ лошадь пасть, а одежда весьма сносится, прочее жъ испортится моглобъ. Что же въ формѣ полковниковъ нѣжинского, черниговского и стародубского показано, яко ежели пороху положить на человѣка по пяти фунтовъ, а фунтъ по 15 коп., итого учинитъ 75 коп., да свинцу по пять фунтовъ, то учинитъ 40 к. и того со всѣмъ станетъ, ставя лошадь въ девяти рубляхъ,—21 руб. 22 коп., то объ онихъ пороху и свинцу, по сколко оного выборному козаку имѣть и отколь на оную сумму взять должно, въ енералной войсковой канцеляріи размотрѣние и опредѣление мѣетъ впредь учинено.

3) Въ выборные козаки безъ всякой подмоги опредѣлять того, который имѣетъ доволно грунта, а именно: поля пахатного, сѣнокосу, лѣсу, мелницы, пчоли, скотъ, такожъ винокурню, солодовню и прочія имущества и промыслы, и оный долженъ служить самъ за себе, справляя всякіе вышеписанные потребности противъ перваго и втораго пунктовъ, з своего собственного имѣнія, безъ всякой подпомоги; двохъ же ему содержать не подлежитъ отъ имущества своего выборныхъ козаковъ, но довлѣетъ ему зъ своего имущества за себе самому войсковую отбывать службу.

4) Который имѣетъ доволно грунтовъ по вышеписанному, то есть поля, сѣнокосу, лѣсу, а болшъ ничего не имѣетъ, то долженъ служить самъ зъ своего имущества, безъ подмоги противъ третьяго пункта.

5) Который имѣетъ толко одну винницю въ двухъ котлахъ, или солодовню, или мелницу на рѣки, а болше ничего не имѣетъ, то долженъ служити безъ подпомоги.

6) Который имѣетъ коней три или два, воловъ три или два и овцы, як то въ степныхъ мѣстахъ водится, или пчоли, а болшъ ничего не имѣетъ, можетъ и тотъ служить самъ же безъ подмоги. Буде же по разсмотрѣнію числа выборныхъ козаковъ въ каждомъ полку росписаніемъ войсковой енералной канцеляріи опредѣленныхъ и по опредѣленію оныхъ въ выборные из имущества, если би въ какомъ полку, таковымъ, что по два конѣ и воли, и килка овецъ или пчолъ имѣетъ, а не болше, другихъ же никакихъ угодій отнюдь не имѣютъ, подпомогу учинить было мощно, и то позволяется, толко бы число опредѣленное въ войсковой енералной канцеляріи было вполнѣ въ подпомогу опредѣлено самихъ убогихъ и безъ имущества, чтобы въ имуществѣ могло быть, смякнувши противъ тѣхъ какъ въ 8 и 9 п.п. показано, а не излишне.

7) Который имѣетъ поля въ одной рукѣ на десять четвертей, а въ двухъ потому жъ, да сѣнокосу на пятьдесять возъ, болше же ничего не имѣетъ, долженъ и тотъ служитъ самъ, безъ всякой подпомоги.

8) Который имѣетъ по крайней мѣрѣ поля въ одной рукѣ на пять четвертей, да сѣнокосу на десять возъ и самъ семянистъ и болше ничего не имѣетъ, долженъ самъ служить.

9) Которые же въ поли противъ показанныхъ въ осмомъ пунктѣ, имѣютъ, такимъ придавать въ помочь хочь мало грунтовыхъ или безгрунтовыхъ, толко хатами своими мешкаючихъ, чтобы противъ оныхъ въ осьмомъ пунктѣ показанныхъ моглъ быть равнымъ выборнымъ.

10) Которые никакихъ грунтовъ и промысловъ и угодій не имѣютъ, толко имѣютъ свои хати и семянисты, могутъ козаку выборному подпомогу учинять, какъ ему служить надлежитъ совсѣмъ.

11) Который никакихъ угодій не имѣетъ, а имѣлъ толко какіе знатные или средніе промыслы, чтобъ толко смякнувши оного имущества могъ тотъ въ имуществѣ съ промысломъ своимъ быть ровнымъ противъ показанныхъ въ седьмомъ и осьмомъ пунктахъ, или болѣе, и таковый долженъ съ тѣхъ промысловъ имущества своего самъ безъ всякой подпомоги выборного козака службу отправлять или чтобы промыслы его не могли утеряться, убогого козака къ службѣ годного, но весма неимущаго, вмѣсто себя, въ выборные козаки за поруками поставить и онаго во всемъ, противъ перваго и второго пунктовъ, воспомогать.

12) Ежели который изъ имущихъ грунта и другіе такіе угодія или промыслы, самъ къ службѣ не годится, то на мѣсто того выбрать полковнику и старшинѣ—добраго козака изъ самыхъ убогихъ и весма неимущихъ одного и оный бы имущій совсѣмъ того козака къ службѣ войсковой, какъ самъ себе вспомогалъ своимъ коштомъ, и чтобъ оный козакъ за подмогою имущаго козака, за котораго онъ будетъ опредѣленъ, во всемъ противъ выборнаго козака войсковую отбуватиметъ службу, о томъ взять у него наемщика, за котораго въ выборные козаки оный опредѣляется, подписку съ обовязателствомъ.

13) Ежели который изъ такихъ же имущихъ грунта и другія угодія и самъ къ службѣ годенъ, но одинокъ, а ему можно служить, то такого опредѣлить въ число выборныхъ; буде же бы онъ пожелалъ поставить выборного козака вмѣсто себе и то учинить позволяется толко въ томъ—самому полковнику и старшинѣ имѣть смотрѣніе и

выбрать самого добраго козака того дубенского полку изъ самихъ неимущихъ одного, которого совсѣмъ противъ первого и второго пунктовъ самъ оный одинокій козакъ безъ всякихъ отъ прочихъ подпомогъ вспомогать, а онъ за него противъ прочихъ службу оправлять долженъ, такожъ обовязавъ онаго господаря подпискою противъ вышеписанного 12-го пункта. Въ подлѣнной тако: войсковый енералный писарь Михайло Турковскій. Канцеляристъ Даміянъ Малѣнскій. (*Оба документа съ копій).*

Ходатайство гетмана Апостола о назначеніи въ Глуховъ второго доктора. Въ поданномъ на имя императрицы прошеніи, послѣ прописанія полнаго императорскаго титула, гетманъ писалъ слѣдующее: «Вашего императорского всепресвѣтлѣйшого величества вѣрный подданный гетманъ Даніилъ Апостолъ, со всѣмъ войскомъ обоихъ сторонъ Днѣпра Запорожскимъ, павши предъ всеавгустѣйшимъ вашего и. величества маестатомъ, у стопы ногъ монаршихъ, всесмиренно до лица земли челомъ бью. При гетману Скоропадскомъ и при протчіихъ антецессорахъ моихъ, прежде бывшихъ гетманахъ, для курацій всякихъ болѣзней гетману и иннымъ войсковымъ людемъ, при нихъ присутствующимъ, и другимъ малороссіянамъ случаючихъся, бывали лѣкари; да к нимъ же гетманамъ присилалися и дохторѣ з Москвы, от двору монаршого. А тимъ лѣкарямъ выдавано жалованне и на медикаменти денги зъ скарбу войскового, почому и при мнѣ теперъ лѣкаръ одинъ имѣется, но понеже оному лѣкару самому въ томъ званіи управитися, а паче внутрнихъ болѣзней случаючихъся врачевать невозможно; з тихъ мѣръ принялъ я теперъ доктора, прозиваемого Бенедикта Бока, вашего же и. величества всеподданѣйше прошу, дабы всемилостивѣйше указать соблаговолили на содержаніе оного доктора Бока, при мнѣ будучого з лѣкаремъ, тако-жъ на покупку потребныхъ медикаментовъ денги з скарбу войскового выдавать или по моему разсмотренію, какъ з нимъ учиненъ будетъ контрактъ, или по опредѣленію государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, и о семъ учинить вашего и. величества указъ и резолюцію, притомъ неотемлемой высокомонаршой вашего и. величества благостинѣ и благопризрѣнію предаю себя всеподаннѣйше вашего и. пресвѣтлѣйшого величества вѣрный подданный и всенижай-

шій рабъ и подножие Войска вашего и. величества Запорожского обоихъ сторонъ Днѣпра гетманъ Данило Апостолъ».

«Апрѣля 13 д. 1730 году. В Москвѣ». *(Съ подлинника).*

Прошеніе написано на большомъ листѣ (13×10 вершк.) плотной бумаги, въ ширину всего листа, который затѣмъ былъ сложенъ пакетомъ, на которомъ повторенъ полный императорскій титулъ. На прошеніи сдѣланы помѣты. «Подана 1730 г., апрѣля въ 13 д. записать.—№ 241. Записана».

Настоящее ходатайство гетмана Апостола интересно въ томъ отношеніи, что гетманъ, какъ, видно, не считалъ себя въ правѣ—безъ разрѣшенія высшаго правительства—платить условленное доктору жалованье изъ мѣстной казны (войсковаго скарба). О докторѣ Бокѣ неразъ упоминаетъ Марковичъ въ своемъ дневникѣ.

Любецкіе гончары въ 1615 году. «Андрей Сулимирски. подстароста любецкий и лоевский. За просбою атамана ганчарского Васка Прудниченка и братии его ганчаровъ, даю имъ мой сей листъ под таковою моцю: которыи бы пришол навотныи [1]) ганчаръ, тогды мает обестити се атаману ихъ и даты грош ц ден робити; а если захочеть робити тут у месте, тогды маеть поеднать атамана и братью его, которая естъ при нем старшого и датъ до скриньки золотыи або чимъ поеднаеть их. А если не оповедавши се отаману и будет робить без ведомости атаманское, тогды повинен будетъ заплатити вины на вряд петдесят грошей. А если бы который брат их ганчар робивши ремесло, и покинув и не робил рок або два, и знову будет робить, а не оповедаетьсе атаману их, тогды на вряд повинен заплатить вины петдесят грошей литовских. А стороны роботы замковое, скоро закаже атаман, жебы былъ готов, а если котории не выйде, огурщины мает заплатить чотыри гроши на врядника, або чим поеднать. И на то дал сей мой лист под печатью моею и с подписом руки моее. Писан у Лоеве, року ахеі (1615), мсца августа sі (16) дня. Andryj Sulimirski pod. L. y Loïews. *(Съ подлинника, съ буквальною точностью).*

---

[1]) При чтеніи этого слова возбуждаетъ сомнѣніе вторая буква: это можетъ быть и *а* и *о*; скорѣе можно чатать *а*, чѣмъ *о*. Быть можетъ, здѣсь слышится мѣстный (бѣлорусскій) говоръ, какъ и въ словѣ ганчаръ.

«Черниговскіе архивы». Подъ этимъ заголовкомъ издана Ю. В. Татищевымъ брошюра, заключающая въ себѣ «отчетъ о командировкѣ въ Черниговскую губернію въ 1899 году» [1]). Она состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: 1) *Грамоты Троицко-Ильинскаго архіерейскаго дома*, 2) *Архивъ Черниговскаго дворянскаго депутатскаго собранія и 3) Архивъ А. А. Бокуринскаго*. Второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ лишь бѣглый перечень осмотрѣнныхъ г. Татищевымъ дѣлъ, но и изъ перечня видно, что тутъ заключаются любопытныя свѣдѣнія, особенно подъ рубрикою «разныя дѣла», напр. а) объ отмѣнѣ литовскаго статута и о замѣнѣ его узаконеніями государственными», б) «о безпорядкахъ происшедшихъ въ конотопскомъ уѣздномъ дворянскомъ собраніи 1844 г.,» в) «о незаконныхъ дѣйствіяхъ предводителей» г) «О жестокомъ обращеніи помѣщиковъ съ крестьянами» и проч. Но особенно интересенъ третій отдѣлъ, знакомящій съ фамильнымъ архивомъ Бакуринскихъ, хранящимся въ ихъ стародавнемъ имѣніи городницкаго уѣзда, с. Церковищѣ. Извѣстно, что Бакуринскіе принадлежатъ къ одному изъ старѣйшихъ шляхетскихъ родовъ Черниговщины, [2]) какъ это видно изъ грамотъ короля Сигизмунда 1609 г., утверждающей за Бакуринскими купленныя ими у Пироцкихъ (въ настоящемъ городницкомъ уѣздѣ) земли. Изъ брошюры г. Татищева видно, что въ церковищенскомъ архивѣ Бакуринскихъ сохраняются очень интересныя для исторіи землевладѣнія бумаги XVII и XVIII-го вѣковъ; тутъ же находятся и другія неменѣе интересныя бумаги, напр., духовное завѣщаніе Юрія Бакуринскаго 1693 г., списки приданаго и проч. Архивъ Бакуринскихъ досихъ поръ былъ совсѣмъ неизвѣстенъ и мы познакомились съ интереснымъ содержаніемъ его, благодаря лишь случайной командировкѣ въ Черниговъ любознательнаго человѣка, понимающаго значеніе этихъ, почти изчезнувшихъ уже, фамильныхъ архивовъ. Существующая въ Черниговѣ *архивная* губернская коммиссія, повидимому, никакими архивами не занимается, что можно отчасти видѣть и изъ журнала ея засѣданія, имѣвшаго мѣсто 2 января настоящаго 1902 г., который приводимъ здѣсь полностью.

---

[1]) Брошюра (33 стр.) напечатана въ Харьковѣ, въ 1901 г. Въ брошюрѣ неговорится—кѣмъ именно былъ командированъ г. Татищевъ, но можно предполагать, по мѣсту напечатанія брошюры, что комитетомъ будущаго харьковскаго археологическаго съѣзда.

[2]) См. Записки Черниг. Статист. капит., т. II, „Очерки старѣйш. дворянск. родовъ Черниговской губерніи,“ стр. 36—46.

«Въ засѣданіе Черниговской губернской архивной коммиссіи 2 сего января прибыли: Непремѣнный попечитель коммиссіи и почетный членъ оной Е. К. Андреевскій, члены: А. С. Долгово-Сабуровъ, Е. Н. Зеленецкій, В. И. Федутиновъ, Н. Д. Рудинъ, Н. Д. Сульменевъ, А. К. Ярыгинъ, К. Н. Подольскій, Г. Г. Пикусъ, Е. К. Корноуховъ, казначей П. М. Добровольскій и правитель дѣлъ П. Н. Тихановъ.

По выслушаніи протоколовъ засѣданіа 2 іюля и экстреннаго собранія членовъ 30 сентября 1901 г., заслушано было заявленіе графа Г. А. Милорадовича объ отказѣ его отъ званія предсѣдателя коммиссіи.

Члены коммиссіи просили г. начальника губерніи принять на себя обязанности предсѣдателя коммиссіи, но не смотря на усиленныя просьбы, г. губернаторъ отказался въ виду сложности своихъ прямыхъ обязанностей.

Въ виду сего приступлено было къ избранію предсѣдателя и закрытою подачею голосовъ избранъ директоръ мѣстной гимназіи Е. Н. Зеленецкій. Послѣ сего доложена была просьба правителя дѣлъ объ увольненіи его отъ занимавшей въ коммиссіи должности. При этомъ члены коммиссіи просили П. Н. Тиханова остаться въ должности и г. Тихановъ изъявилъ согласіе остаться.

Избраны почетными членами коммиссіи: Епископъ Филиппъ—викарій новгородсѣверскій и хранитель рукописнаго отдѣленія въ императорской публичной библіотекѣ И. А. Бычковъ.

Затѣмъ засѣданіе было закрыто.» [1]) Изъ этого журнала видно, что объ *архивахъ* въ засѣданіи не было рѣчи...

Извѣстно, что черниговская архивная коммиссія открыта еще въ к. 1896 г., но затѣмъ, по отсутствію избраннаго ею предсѣдателя гр. Г. А. Милорадовича, она стала функціонировать съ 15 іюня 1897 г., когда, по предложенію предсѣдателя, былъ избранъ и правитель дѣлъ коммиссіи г. Тихановъ, нынѣ отказывавшійся отъ этой должности и тутъ-же взявшій свой отказъ обратно.—Съ 1897 г. по настоящее время коммиссія издала три тетради своихъ «Трудовъ», въ которыхъ ничего не упоминается, чтобы правитель дѣлъ коммиссіи осматривалъ какіе либо черниговскіе архивы или занимался бы другими *архивными* работами, которыя на него возлагаются закономъ 13 апрѣля

[1]) Черниг. губ. вѣд. 1902 г., 2 января, № 2727.

1884 г., объ учрежденіи «ученыхъ архивныхъ коммиссій.» А между тѣмъ въ Черниговѣ—лежащихъ *въ забвеніи*—архивовъ, болѣе чѣмъ достаточно. Одинъ архивъ старыхъ судебныхъ мѣстъ, хранящійся при Окружномъ судѣ, заключаетъ въ себѣ *массу драгоцѣннаго историческаго матеріала*, тщетно ожидающую дѣлателей, но, увы, таковыхъ нѣтъ....

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) *Проектъ выселенія евреевъ изъ селъ и деревень Кіевской губерніи.* Кіевскій военный губернаторъ, генералъ-лейтенантъ, сенаторъ Княжнинъ 2-ой вошелъ въ Мин. Внутр. Дѣлъ съ представленіемъ о необходимости воспретить евреямъ дальнѣйшее пребываніе въ казенныхъ и помѣщичьихъ селахъ и деревняхъ Кіевской губерніи, съ водвореніемъ ихъ въ городахъ и мѣстечкахъ.

Государь Императоръ, одобривъ мысль Княжнина, повелѣть изволилъ для восполненія задачи учредить въ Кіевѣ особый комитетъ изъ губернатора, губернскаго маршала, вице-губернатора, двухъ предсѣдателей главнаго суда и губернскаго прокурора.

19 іюля 1830 года, изъ Богуславля Княжнинъ рапортуетъ Его Императорскому Величеству:

«... Имѣвъ счастіе получить Именной Высочайшій Вашего Императорскаго Величества указъ въ пятый день сего іюля на мое имя состоявшійся, я въ то же время предложилъ Кіевскому гражданскому губернатору, въ исполненіе онаго, немедленно приступить къ открытію, подъ предсѣдательствомъ его, комитета о переселеніи евреевъ изъ селеній и деревень Кіевской губерніи въ города и мѣстечки. О семъ долгомъ поставляю всеподданнѣйше донести Вашему Императорскому Величеству».

Комитету предложено собрать на мѣстахъ, чрезъ полицію, точныя о евреяхъ свѣдѣнія; составить планъ переселенія, сообразно выраженнымъ семьями желаніямъ, и, наконецъ, самое переселеніе осуществить.

Но серьезною въ дѣлѣ помѣхою явились: вспыхнувшій польскій мятежъ и появившаяся въ краѣ холера, вслѣдствіе чего о пріостановленіи переселенія ходатайствовалъ самъ Княжнинъ.

—

2) *Къ борьбѣ съ холерою въ 30 годахъ.* Въ 1835 году Махновскаго уѣзда с. Брицкаго заставный посессоръ Рожицкій ходатайствуетъ предъ начальствомъ о награжденіи его за дѣйствія по борьбѣ со свирѣпствовавшею въ 1831 г. въ уѣздѣ холерою морбусъ.

Рожицкій, «не взирая на опасность отъ польскихъ мятежниковъ бывшую», разъѣзжалъ по уѣзду, содержа на собственный счетъ 2 докторовъ и 4 цирюльниковъ, при чемъ ими израсходовано 15348 піявокъ.

Но срокъ представленія къ наградамъ оказался пропущеннымъ.

Сообщ. **А. Мёрдеръ.**

Къ вопросу объ убійствѣ стариковъ. Въ 67-мъ полутомѣ «Энциклопедическаго Словаря» Ф. Брокгауза и И. Ефрона, на стр. 402—404, помѣщена статья *Л. Ш—га* «Убійство дѣтей и стариковъ», въ которой авторъ ошибочно приписалъ г-жѣ Литвиновой сообщеніе, будто обычай убійства стариковъ, или «сажаніе ихъ на лубокъ», она имѣла случай видѣть въ началѣ 80-хъ годовъ минувшаго столѣтія въ д. Землянкѣ, Полтав. губ. Основываясь на этомъ, Л. Ш—гъ говоритъ: «удивительнѣе всего, что еще въ недавнее время этотъ обычай практиковался въ Малороссіи». Естественно, что такая форма сообщенія въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» дала поводъ многимъ изъ нашихъ земляковъ возмутиться той клеветой, какая взведена на малорусскій народъ въ его современномъ культурномъ состояніи. Такъ, въ «Полтав. Губ. Вѣдомостяхъ» напечатано письмо И. Л—ча, оканчивающееся словами: «быть можетъ, въ Полтавѣ найдутся авторитетные знатоки мѣстной старины, которые опровергнутъ клевету и уличатъ невѣжественныхъ составителей словаря вмѣстѣ съ легкомысленной г-жей Литвиновой». Мы сами получили тоже нѣсколько писемъ съ просьбою снять съ нашихъ украинцевъ обвиненіе въ такомъ варварствѣ. Считаемъ нужнымъ по этому поводу дать слѣдующую справку. Замѣтка г-жи П. Литвиновой была напечатана въ «Кіевской Старинѣ» въ 1885 году, въ № 6, подъ заглавіемъ «Какъ сажали въ старину людей старыхъ на лубокъ». Въ этой замѣткѣ г-жа П. Литвинова передаетъ, что ей пришлось слышать въ с. Землянкѣ (не полт. губ., а черниговской—глуховского уѣзда) отъ столѣтней почти женщины и 65-тилѣтняго мужчины два разсказа, объясняющіе выраженіе «сажать людей на лубокъ». Старуха, родившаяся въ 1787 году, слышала въ молодости, что такой обычай былъ, но сама лично этого не видѣла. А

старикъ, разсказалъ только преданіе, разъясняющее, почему перестали «сажать людей на лубокъ», преданіе, не пріуроченное ни къ мѣсту, ни къ времени. Откуда г. Л. Ш—гъ сдѣлалъ выводъ, что г-жа Литвинова въ 80-хъ годахъ наблюдала такой случай убійства стариковъ, для насъ является непонятнымъ; единственное объясненіе это то, что авторъ слишкомъ бѣгло перелистывалъ замѣтку г-жи Литвиновой.

В. Н.

Текущія извѣстія.

Къ предстоящему чествованію памяти Н. В. Гоголя. Художникъ В. А. Волковъ, живущій въ Полтавѣ, большой почитатель памяти Н. В. Гоголя, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ посѣтилъ родину писателя, познакомился съ его родственниками и тогда же задумалъ писать картину—«Гоголь въ Яновщинѣ», которая находится теперь у Н. В. Быкова. Вмѣстѣ съ этимъ художникъ нарисовалъ съ натуры портретъ слуги писателя Якима Нимченка, который помнилъ обстановку комнаты своего барина; пришлось долго рыться въ сараяхъ, среди стараго хлама для того, чтобы отыскать хоть нѣкоторыя вещи изъ указанной обстановки, и такимъ образомъ г. Волкову удалось получить матеріалъ, болѣе или менѣе точный, для изображенія великаго писателя у себя въ комнатѣ, матеріалъ тѣмъ болѣе цѣнный, что въ настоящее время, какъ извѣстно, домъ, въ которомъ собственно жилъ Н. В., и флигель, къ сожалѣнію, разрушенъ, хотя многія вещи сохраняются наслѣдниками Н. В.

И вотъ теперь, наканунѣ юбилейнаго чествованія всей Россіей памяти писателя, В. А. Волковъ принялся за разработку этого матеріала и уже почти закончилъ довольно большую картину, изображающую комнату писателя. Надъ кроватью виситъ гравюра Іордана Рафаэльевскаго преображенія, въ углу образъ Спасителя, привезенный изъ Рима и любимый писателемъ, у кровати стоитъ рабочій столъ-конторка, надъ нимъ полки для книгъ; поодаль отъ стола въ старинномъ креслѣ сидитъ Гоголь въ задумчивой позѣ. Понятно, что центръ тяжести въ этой картинѣ—ея археологическое, такъ сказать, содержательное значеніе, но нельзя не отмѣтить, что картина съ чисто художественной стороны исполнена прекрасно, особенно удачно изображенъ

дневной свѣтъ, падающій въ комнату черезъ открытое окно и дверь и свѣтъ горящей у образа лампады. Картина еще не совсѣмъ готова и будетъ закончена, вѣроятно, только къ началу февраля.

Кромѣ этого, художникъ В. А. Волковъ повторяетъ свою картину «Гоголь въ Яновщинѣ», дополняя ее нѣкоторыми вводными лицами. На этой картинѣ писатель изображенъ сидящимъ на крыльцѣ своего дома, теперь уже несуществующаго, и внимательно слушающимъ пѣсню украинца-кобзаря. Слѣдуя указаніямъ сестеръ Н. В., свидѣтельствующихъ, что поэтъ во время вечерняго чаепитія, происходившаго лѣтомъ обыкновенно на крыльцѣ дома, часто садился не у стола, а на ступенькахъ, приглашалъ бандуриста, угощалъ его и просилъ пѣть народныя пѣсни, г. Волковъ къ указанному изображенію Гоголя въ Яновщинѣ добавляетъ на крыльцѣ столъ, на немъ самоваръ, у стола сидитъ мать и сестра писателя, изъ за угла, вслушиваясь также въ пѣсню Кобзаря, выглядываетъ дѣвушка крестьянка, а въ сторонѣ мальчикъ, поводырь слѣпца—артиста, для котораго его пѣсня потеряла прелесть новизны и ужъ не интересна, увиливаетъ отъ собаки, не оставляя все таки въ забвеніи поданнаго ему угощенія—арбуза съ хлѣбомъ. Послѣдняя картина, какъ и первая, также прекрасно исполнена и свидѣтельствуетъ о трудѣ и вниманіи, удѣленномъ художникомъ на увѣковѣченіе памяти великаго русскаго писателя.

Обѣ эти картины г. Волкова просятъ помѣстить на Кіевской юбилейной Гоголевской выставкѣ, но художникъ предполагаетъ послать ихъ на Московскую выставку, которая, какъ извѣстно, будетъ открыта 21 февраля въ историческомъ музеѣ. («Полт. Губ. Вѣд. № 13»).

—

6 января 1902 г. мѣстнымъ фотографомъ І. Ц. Хмѣлевскимъ предпринято изданіе ко дню предстоящаго чествованія пятидесятилѣтія со дня смерти Н. В. Гоголя альбома фототипій и геліогравюръ, относящихся къ памяти великаго русскаго писателя. Этотъ альбомъ потребовалъ очень много труда и затратъ,—пришлось издателю посѣтить мѣсто родины Н. В.—Сорочинцы, Миргородъ, Яновщину, Кибенцы и др. мѣста; по сдѣланнымъ снимкамъ въ Берлинѣ, Мюнхенѣ и Вѣнѣ изготовлены фототипіи и геліогравюры, которыя тамъ же теперь печатаются на прекрасной бумагѣ, рисунокъ для обложки сдѣланъ однимъ Петербургскимъ художникомъ, и потому цѣна каждаго альбома будетъ сравнительно высокая—вѣроятно, 12 р.

Въ альбомъ войдетъ все, чѣмъ только можно было воспользоваться, все сохранившееся у родственниковъ поэта и имѣющее хотя бы косвенное отношеніе къ его памяти. На обложкѣ изображенъ бюстъ Гоголя, который вѣнчаетъ стоящая у подножія крестьянская дѣвушка. Всего листовъ будетъ въ альбомѣ 42, а собственно снимковъ гораздо болѣе,—на нѣкоторыхъ листахъ по 2 снимка. Первымъ въ альбомѣ помѣщенъ портретъ Н. В. Гоголя, снимокъ съ извѣстнаго портрета работы Моллера, затѣмъ слѣдуютъ: Гоголь въ Яновщинѣ,—съ картины В. А. Волкова, на которой изображенъ поэтъ слушающимъ пѣсню украинскаго кобзаря; церковь въ Яновщинѣ, въ оградѣ которой похоронены родители Н. В.; земская школа его имени; тамъ же усадьба писателя въ нынѣшнемъ видѣ, принадлежащая теперь его племяннику В. Я. Головня; домъ его (уже несуществующій) и часть села, смежная съ этой усадьбой; деревья посадки Н. В. и курганъ, насыпанный по его распоряженію въ нынѣшнемъ саду другого его племянника, Н. В. Быкова; прудъ отдѣляющій теперь усадьбы г.г. Головня и Быкова, кленовая старая аллея въ саду Н. В. Быкова и крестьянскія постройки временъ Н. В. Всѣ эти снимки исполнены чрезвычайно старательно и оживлены талантливымъ художникомъ-фотографомъ,—всюду очень умѣстно создана подобающая обстановка, вродѣ крестьянскихъ подводъ, группы бесѣдующихъ крестьянъ, проходящихъ ребятишекъ и т. п. Далѣе слѣдуютъ снимки: могила родителей писателя; его вещи, сохранившіяся до настоящаго времени у Н. В. Быкова въ Яновщинѣ (среди нихъ имѣется книжный шкафъ съ книгами); рабочій столъ или вѣрнѣе конторка, портфель, открытые карманные часы съ цѣпочкой—подарокъ В. А. Жуковскаго, чемоданъ, платокъ, жилетка, о которой такъ много говорилось за послѣднее время, и гравюра Іордана Рафаэльскаго преображенія, подаренная писателю самимъ художникомъ—гравюромъ; Стѣнка—хуторъ Гоголя; копія его письма изъ Женевы 1836 г.; флигель въ усадьбѣ бывшаго Сорочинскаго врача Трохимовскаго, гдѣ, какъ полагаютъ, родился великій писатель (достовѣрно извѣстно, что Н. В. родился не во флигелѣ, а въ большомъ домѣ); Сорочинская церковь, въ приходѣ которой онъ былъ крещенъ; памятникъ Гоголю въ Нѣжинѣ, на которомъ виднѣется надпись славянскими буквами: «Опредѣлено мнѣ чудной властью озирать жизнь сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы!»; нѣсколько видовъ ярмарки въ Сорочинцахъ—(послѣдніе снимки какъ нельзя болѣе удачны и по исполненію и по сюжету, они даютъ полное представленіе о деревенской

украинской ярмаркѣ и заслуживаютъ особаго вниманія); общій видъ г. Миргорода, старосвѣтскій его уголокъ и мѣсто бывшей знаменитой лужи; Миргородское художественно-ремесленное училище имени Гоголя, дворецъ князя Кочубея въ м. Диканькѣ; домъ для просвѣтительныхъ цѣлей въ Полтавѣ, посвященный имени Гоголя; Нѣжинскій историко-филологическій институтъ; зданіе Полтавской гимназіи, гдѣ первоначально учился писатель, нынѣ перестроенная женская гимназія; собственные рисунки Н. В. къ «Ревизору» (финальный моментъ комедіи,—появленіе жандарма); среди рисунковъ и набросковъ Гоголя имѣется также портретъ А. С. Пушкина, тутъ-же помѣщенъ и снимокъ съ знаменитой литографіи 50-хъ годовъ—«Гоголь сожигаетъ свои рукописи». Въ одной группѣ представлены снимки родственницъ писателя, четырехъ сестеръ и матери, а во второй—Н. П. Трушковскій—племянникъ Гоголя и первый издатель его сочиненій, Д. П. Тропцинскій, П. П. Косаровскій—двоюродный дядя, А. С. Данилевскій—другъ Н. В. и П. А. Кулишъ—извѣстный писатель, біографъ и издатель сочиненій и писемъ Гоголя; на слѣдующемъ листѣ собраны копіи съ портретовъ писателя работы Венеціанова, Мамонова, Иванова, портретъ въ бытность его студентомъ и «Гоголь на смертномъ одрѣ».

Затѣмъ въ альбомъ будутъ помѣщены: снимокъ дома въ Римѣ, въ которомъ жилъ Гоголь, портреты его слуги Якима Нимченко, живущихъ и теперь повара и горничной писателя Петра и Настасьи Юрченко, дома гр. А. П. Толстого въ Москвѣ, гдѣ умеръ Н. В., и могилы писателя въ Даниловскомъ монастырѣ, на плитѣ которой выдѣляются три изреченія: «Мужъ разумѣвый престолъ чувствія», «Правда возвышаетъ языкъ» и «Горькимъ словомъ моимъ посмѣюся».

Вотъ въ общемъ содержаніе альбома; здѣсь приведены названія наиболѣе выдающихся снимковъ. Какъ мы уже отмѣчали, издателемъ положено много труда, чтобы изданіе вышло возможно полнымъ и отвѣчающимъ художественнымъ требованіямъ. Несомнѣнно, что альбомъ будетъ представлять большую цѣнность для библіотекъ и для всѣхъ, кому дорога память поэта, великаго творца безсмертнаго «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ». Альбомъ выйдетъ въ свѣтъ въ 1000 экземплярахъ и, вѣроятно, ко дню юбилея, т. е. къ 21 февраля текущаго года. (Полт. Губ. Вѣд. № 5).

Полтавское Губернское Земское Собраніе 9 декабря разсматривало вопросъ о чествованіи памяти Гоголя по случаю 50-лѣтія со дня

его смерти. Коммиссія, избранная для выработки программы чествованія, предложила: 1) помѣстить во всѣхъ земскихъ и министерскихъ школахъ Полтавской губерніи портретъ писателя съ соотвѣтствующею надписью, 2) учредить премію за сочиненіе о Малороссіи, ассигновать 500 рублей на памятникъ, предполагаемый къ постановкѣ въ м. Сорочинцахъ—мѣстѣ рожденія Гоголя. Собраніе приняло предложеніе коммиссіи единогласно («Харьковск. Губ. Вѣдомости», № 325).

—

На родинѣ Гоголя. Въ засѣданіи общества любителей россійской словесности въ Москвѣ В. А. Гиляровскій сдѣлалъ сообщеніе о поѣздкѣ на родину Н. В. Гоголя. Г. Гиляровскому удалось видѣть и разговаривать съ нѣкоторыми изъ оставшихся въ живыхъ современниковъ писателя, хорошо его знавшихъ, и съ сестрою его. Онъ описалъ мѣста, которыя фигурируютъ въ разсказахъ Гоголя, домъ его. Оказывается, и по сейчасъ Украйна кишитъ типами, встрѣчающимися въ произведеніяхъ писателя. Г. Гиляровскому удалось услышать предположеніе, что поводомъ для составленія «Мертвыхъ душъ» послужилъ нѣкій помѣщикъ, Пивинскій, который, чтобы получить право выкуривать вино,—право, предоставлявшееся только помѣщикамъ, владѣвшимъ 50 душами, пріобрѣталъ мертвыя души. Его примѣру послѣдовали другіе, и вслѣдствіе этого населеніе Миргородскаго уѣзда по ревизскимъ сказкамъ быстро возросло. Самъ г. Гиляровскій думаетъ, что покойный писатель разсказалъ въ видѣ курьеза о мертвыхъ душахъ Пушкину, и тотъ подалъ ему мысль написать поэму. Слышалъ В. А. легенду, что Гоголь закопалъ свои сочиненія въ землѣ, и ему даже показывали курганъ. По справкамъ, этотъ курганъ оказался устроеннымъ Гоголемъ съ тѣмъ, чтобы дать заработать крестьянамъ во время неурожая («Полтавск. Губ. Вѣдомости», № 275).

—

Дипломъ Гоголя. Н. В. Быковымъ доставленъ въ даръ Обществу любителей россійской словесности дипломъ, выданный Н. В. Гоголю въ 1845 г. московскимъ университетомъ на званіе почетнаго члена университета слѣдующаго содержанія:

«Подъ Высочайшимъ покровительствомъ Всепресвѣтлѣйшаго, Державнѣйшаго, Великаго Государя Николая Перваго, Императора и Самодержца Всероссійскаго и пр., и пр., и пр., Императорскій московскій университетъ, уваживъ отличныя въ ученомъ свѣтѣ заслуги и литературные труды по части русской словесности господина коллеж-

скаго совѣтника Николая Васильевича Гоголя, признаетъ его почетнымъ своимъ членомъ, съ полной увѣренностію въ его содѣйствіи московскому университету во всемъ, что въ успѣхахъ наукъ способствовать можетъ. Данъ въ Москвѣ 16-го дня 1845 г. Попечитель московскаго учебнаго округа Его Императорскаго Величества ген.-адъют., ген.-лейт., сенаторъ и кавалеръ графъ Сергѣй Строгановъ. Ректоръ московскаго университета д. ст. сов. и кавалеръ Аркадій Альфонскій. Секретарь совѣта Василій Сперанскій. № 672».

Дипломъ скрѣпленъ университетской восковой печатью («Русск. Вѣдомости», № 342).

—

Бюстъ Гоголя. Правленіе Общества Московско-Кіево-Воронежской жел. дороги, по словамъ газетъ, постановило ассигновать тысячу рублей на постановку бюста Гоголю въ залѣ перваго класса станціи «Миргородъ». Открытіе бюста состоится 21 февраля. Возбуждается также ходатайство о переименованіи станціи «Сорочинцы» въ «Гоголевку» («Южный Край», № 7231).

—

Полтавское губернское Земское Собраніе по случаю 50-лѣтія смерти Гоголя рѣшило учредить премію за сочиненіе по исторіи, этнографіи, быту и археологіи Малороссіи вообще и Полтавской губерніи въ частности, въ размѣрѣ 1500 руб., выдаваемую черезъ каждые 5 лѣтъ по присужденію Императорской академіи наукъ. Положеніе о преміи поручено выработать управѣ, причемъ предполагается включить въ него право назначенія преміи въ полномъ и половинномъ размѣрѣ («Харьковск. Губ. Вѣдомости», № 325).

—

Въ виду подученнаго на дняхъ разрѣшенія Правительства о наименованіи городскихъ зданій для просвѣтительныхъ цѣлей «Просвѣтительныя зданія имени Н. В. Гоголя», городская управа во вчерашнемъ своемъ коллегіальномъ засѣданіи поручила члену управы академику В. Г. Казанцеву спроектировать соотвѣтствующую для просвѣтительныхъ зданій вывѣску, которая, по одобреніи управой проекта, и будетъ заказана спеціальному мастеру.

—

Публичныя лекціи о Гоголѣ. Состоящее при университетѣ св. Владиміра историческое Общество Нестора-лѣтописца устраиваетъ въ

началѣ февраля рядъ публичныхъ лекцій, посвященныхъ характеристикѣ личности и произведеній Гоголя, въ виду предстоящаго чествованія памяти великаго писателя. Содержаніе предполагаемыхъ лекцій слѣдующее: 1) Семейная хроника Гоголя (лекторъ г. Чаговецъ) и 2) Первые литературные дебюты Гоголя (лекторъ г. Шаровольскій), 3) О комедіяхъ Гоголя (лекторъ г. Бокадоровъ), 4) Научныя и литературныя произведенія Гоголя по исторіи Малороссіи (лекторъ г. Каманинъ), 5) Гоголь и Бѣлинскій (лекторъ г. Александровскій) и 6) Религіозно-нравственное состояніе Гоголя въ послѣдніе годы его жизни (лекторъ проф. Завитневичъ).

—

Памятникъ Гоголю. Присланные на конкурсъ проекты памятника Н. В. Гоголю, какъ уже сообщалось, выставлены въ малой залѣ Московской городской думы и теперь почти ежедневно осматриваются членами конкурснаго комитета. Всѣхъ проектовъ, по сообщеніямъ Московскихъ газетъ, представлено 45 сорока однимъ авторомъ: одинъ авторъ представилъ три варіанта и двое—по два. Заявленъ одинъ проектъ изъ Флоренціи, но почему-то до сихъ поръ не полученъ; полагаютъ—задержанъ или въ пути, или въ таможнѣ. Проекты получены изъ Парижа, Рима; изъ провинціи получены—изъ Харькова, Риги, Тифлиса; остальные проекты дѣлятся почти поровну между скульпторами Петербурга и Москвы. Среди проектовъ есть работы и ученическія, и принадлежащія рѣзцу выдающихся скульпторовъ. Всѣ проекты изображаютъ писателя сидящимъ и почти всѣ одинаковаго размѣра. Разнообразіе наблюдается только въ позахъ и въ выраженіяхъ лица. Одни художники представили писателя какъ-бы въ ту минуту, когда онъ любуется Римомъ, другіе—когда онъ очарованъ видомъ Днѣпра («Чуденъ Днѣпръ»...), третьи изображаютъ Гоголя съ глубокой думой на челѣ, четвертые—со спокойнымъ открытымъ, одухотвореннымъ лицомъ. Пьедесталы для статуи проектируются какъ натуральные, такъ и искусственные.

«Жюри», въ качествѣ котораго выступитъ комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Великаго князя Сергѣя Александровича, соберется для присужденія премій не позднѣе 15-го февраля.

Комитетъ соберется сперва только для присужденія премій, первой—въ 1,500 р., второй—1000 и третьей—въ 500 руб. Постройка памятника осуществится по тому проекту, который будетъ Высочайше утвержденъ по представленію комитета. Проектъ этотъ можетъ быть

и не премированъ, такъ что назначеніе премій дѣлаетъ проекты только собственностью комитета. Въ составъ комитета по построенію памятника, кромѣ Августѣйшаго предсѣдателя, входятъ: московскій губернаторъ А. Г. Булыгинъ, городской голова кн. В. М. Голицынъ, попечитель учебнаго округа П. А. Некрасовъ; предводитель дворянства П. Н. Трубецкой, управляющій канцеляріею ген.-губерн. В. К. Истоминъ; затѣмъ,—А. А. Потѣхинъ, три сына русскихъ поэтовъ—А. А. Пушкинъ, П. В. Жуковскій, Ѳ. И. Тютчевъ, отъ общества люб. рос. словесности—А. И. Кирпичниковъ, А. Н. Веселовскій, В. Н. Шенкрокъ, Д. Д. Языковъ и казначей комитета. А. Е. Носъ («Полтавск. Губ. Вѣдомости», № 10).

Народный спектакль. Въ «Приднѣпровскомъ Краѣ» (№ 1427) находимъ сообщеніе объ интересномъ спектаклѣ въ с. Больше-Михайловкѣ Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи. По иниціативѣ земскаго учителя г. Зайцева рѣшено было собственными силами устроить театръ. За послѣдніе мѣсяцы, въ долгіе осенніе вечера до поздней ночи, можно было видѣть огонекъ въ его школѣ,—тамъ разучивались къ постановкѣ на сценѣ двѣ пьесы Карпенка-Караго: «Бурлака» и «По надъ Днипромъ». Такіе опыты дѣлались и въ прежніе годы. Каждому изъ участвующихъ нужно было уяснить значеніе и смыслъ дѣйствующихъ въ пьесѣ лицъ, чтобы, выступивъ въ качествѣ артиста, крестьянинъ могъ сознательно отнестись къ изображаемому имъ типу. Единственными помощниками режиссера-учителя были: горячая любовь участниковъ къ новому для нихъ дѣлу, жизненность изображаемыхъ ими лицъ, идейность пьесъ въ смыслѣ стремленія къ свѣту, правдѣ и добру и развитія чувствъ собственнаго достоинства въ человѣкѣ.

Спектакли подняли на ноги всю округу; за двадцать верстъ интеллигенція—врачи, учителя, барышни и кавалеры—съѣзжались на нихъ и живо интересовались. Во время исполненія по адресу артистовъ раздавалась масса апплодисментовъ, ихъ вызывали, поздравляли, благодарили.

Главныя роли, какъ уже сказано, выполнялись мѣстными крестьянами. Всѣ роли были выполнены прекрасно. Главныя женскія роли взяли на себя мѣстныя интеллигентки.

Публика осталась чрезвычайно довольна какъ удачнымъ выборомъ обѣихъ идейныхъ пьесъ, такъ и ихъ исполненіемъ.

Позницкая народная труппа на сценѣ народнаг дома въ Лохвицѣ. На второй день Рождественскихъ праздниковъ шли на сценѣ Лохвицкаго народнаго дома, въ исполненіи народной труппы с. Позниковъ, піеса В. Ф. Русинова «Несподивана халепа», съ его-же переводомъ «Лакейская» Гоголя («Прыхожа») и «Предложеніе» А. Чехова. Позницкая народная труппа состоитъ изъ 24 человѣкъ крестьянской молодежи. Только двумъ исполнителямъ 23—25 лѣтъ, а остальные не старше 20 лѣтъ. Въ труппѣ принимаютъ участіе два народныхъ учителя,—оба вышедшіе изъ народа,—и учительница.

Спектакли въ с. Позникахъ и самая труппа сложились постепенно, въ связи со школой, или вѣрнѣе, съ послѣшкольными занятіями бывшихъ учениковъ. Сперва читали, потомъ декламировали, прочитали и нѣсколько пьесъ и наконецъ попробовали сыграть.

Первые спектакли шли при обычной очень условной обстановкѣ деревенскихъ домашнихъ театровъ, а потомъ, когда исполнители полюбили эту забаву, устроенъ былъ небольшой постоянный театръ, съ декораціями, костюмами, нариками и гримировкой. Распредѣленіе ролей дѣлается самими исполнителями, гримируются тоже послѣ взаимныхъ совѣщаній. Бываетъ обыкновенно трудновато найти исполнителей-охотниковъ для ролей отрицательныхъ типовъ, но зато симпатичные типы всегда имѣютъ дублеровъ. Зрителями являются крестьяне с. Позниковъ и сосѣднихъ селеній. Спектакли безплатны.

Иногда Позницкая труппа выѣзжала въ нѣкоторыя большія села нашего уѣзда и давала тамъ спектакли. Но все это не выходило изъ обычной деревенской обстановки и публики. Другое дѣло—спектакль въ Лохвицѣ въ городскомъ театрѣ. Утромъ, въ день представленія, была сдѣлана на городской сценѣ только одна репетиція, во время которой деревенскіе актеры были озадачены обстановкой впервые видѣннаго большинствомъ изъ нихъ настоящаго театра, съ очень хорошими декораціями, уборными и большой зрительной залой съ хорами.

Спектакль начался чеховской пьесой «Предложеніе», въ которой принимали участіе преимущественно народные учителя. Собственно народная труппа выступила въ малорусскихъ пьесахъ «Несподивана халепа» и «Прыхожа». Первая пьеса, и въ особенности первый ея

актъ. была прекрасно поставлена въ смыслѣ реальности. Дѣйствіе происходитъ на экономическомъ дворѣ. На сценѣ сложены груды кирпича и хвороста. Рубка этого хвороста, носка его рядами, таскание носилками кирпича,—вся будничная, рабочая обстановка деревенской экономіи была передана очень хорошо. Дивчата въ грубыхъ рубахахъ, запаскахъ, безъ корсетовъ, босыя, хлопцы—кто въ жилеткѣ, кто въ старой свитѣ изъ домашняго сукна,—вся эта реальная картина деревни, безъ обычной на театрахъ прибранности и условности, была новинкою на городской сценѣ и произвела прекрасное впечатлѣніе на зрителей, переполнявшихъ театръ. Благодаря самымъ дешевымъ цѣнамъ, было много простого народа. Молодежь заполнила галлерею.

Всѣ исполнители очень волновались: масса публики, оркестръ, обстановка настоящаго театра,—все это говорило о томъ, что надо особенно постараться, и смущало деревенскихъ актеровъ. Они не освоились съ большой сценой, и хотя суфлеръ и былъ обычный, къ которому исполнители привыкли (авторъ пьесы), но когда первая сцена была готова и заигралъ оркестръ передъ поднятіемъ занавѣса, то артисты такъ смутились, что за нихъ нельзя было не бояться. Но обычная крестьянамъ дѣловитость и добросовѣстность ихъ вывезла— первая сцена прошла очень гладко. Они всю пьесу разыграли очень ровно и правдиво, а нѣкоторые исполнители и вполнѣ хорошо. Особенно выдѣлились и гримомъ и игрой молодые хлопцы, исполнявшіе роли стариковъ. Роли въ пьесѣ не велики, но очень многочисленны и разнородны: есть парубокъ—идеалистъ, есть старикъ—скептикъ, есть и пожилой дядько съ тяжеловатымъ мышленіемъ, простоватый и пр. Всѣ эти оттѣнки ролей были переданы правдиво и просто.

Подъ конецъ шла «Прыхожа»; она прошла въ общемъ отлично,— а дворецкій и въ особенности «горнична зъ другого дому» сыграли положительно талантливо. Тонкій комизмъ, безъ малѣйшаго шаржа, всегда характеризуетъ игру этихъ исполнителей и на Позницкой сценѣ.

Исполненіе актеровъ-крестьянъ отличается совсѣмъ особою, только имъ однимъ свойственною сдержанностью и стыдливостью, мѣшающими имъ доигрывать роли какъ слѣдуетъ. Читка у всѣхъ очень хорошая, но сильно драматическія и нѣжно любовныя сцены у исполнителей-крестьянъ выходятъ всегда блѣдноватыми, какъ-бы недоигранными. Получается такое впечатлѣніе, точно имъ нѣсколько стыдно играть какъ чисто интимныя, такъ и очень уже драматическія мѣста. Но зато юморъ, веселье, все то, что народъ такъ удачно называетъ

«жарты», удаются превосходно. Это очень понятно: въ деревнѣ очень трудно наблюдать сильныя драматическія положенія, ихъ никогда не выставляетъ деревня на показъ, крестьяне стыдятся своихъ сильныхъ душевныхъ движеній. Несомнѣнно, что въ ихъ средѣ, какъ и во всякой другой, переживаются глубокія драматическія положенія, иногда очень сложныя, но они никогда не выражаются такъ шумно, какъ въ культурномъ обществѣ. Деревня больше дѣйствуетъ, чѣмъ говоритъ. Сильному душевному движенію, страданію, деревня задавленная тяжкой работой, вовсе даже не сочувствуетъ. Поэтому о душевныхъ драмахъ въ деревнѣ говорить не принято. Какъ бы ни пекло душу,—тамъ молчатъ и только изрѣдка все это прорывается какой нибудь выходкой: или гульней, или уходомъ «свить за очи», а иногда и преступленіемъ. Вообще драмъ въ жизни нѣсколько стыдятся въ деревнѣ. Это отражается у непосредственныхъ исполнителей и на сценѣ при исполненіи драматическихъ ролей. Сильныхъ любовныхъ сценъ боятся по другимъ мотивамъ. Нѣтъ ничего страннаго, конечно, что крестьянская молодежь влюбляется какъ, и всякая другая, а по условіямъ быта и совмѣстнаго труда любовь у крестьянскаго юношества играетъ еще большую роль, чѣмъ у молодежи другого образа жизни. Коханье—сфера деревенской молодежи. Они часто воркуютъ, какъ голуби, говорятъ слова большой нѣжности. Но по условіямъ еще хранящагося въ деревнѣ стараго быта, все это тщательно скрывается, и выставлять на показъ это считается большимъ стыдомъ. Поэтому сильную любовь и ласку изображать на сценѣ молодымъ крестьянамъ очень совѣстно и тѣмъ больше, чѣмъ правдивѣе написана нѣжная сцена въ пьесѣ.

Народныя труппы возникаютъ то тутъ, то тамъ, народные дома размножаются, а между тѣмъ пьесъ, подходящихъ для исполнителей-крестьянъ не пишется.

Изъ того, что существующія малорусскія драмы неудобоисполнимы для народныхъ труппъ, вовсе не слѣдуетъ, чтобы драмы вообще не могли быть исполняемы крестьянами. Напротивъ того, пьесы съ драматическимъ сюжетомъ очень поучительны, но онѣ должны быть приноровлены къ характернымъ особенностямъ крестьянъ, какъ исполнителей, т. е. не надо большихъ драматическихъ монологовъ, очень яркихъ драматическихъ положеній и сильныхъ любовныхъ сценъ. Словомъ—нужны такія драматическія пьесы, которыя бы актеры не стѣснялись исполнять. Несомнѣнно, изъ нашихъ вообще очень даровитыхъ крестьянъ можно выработать прекрасныхъ актеровъ, которые

будутъ легко и хорошо играть какія угодно драмы, но я говорю не о профессіональныхъ артистахъ или правильно организованныхъ труппахъ, а о деревенскихъ театрахъ, какъ продолжателяхъ школы, какъ объ интеллигентномъ развлеченіи для крестьянской молодежи. Только такіе театры и могутъ быть желательны въ селахъ, и вотъ для такихъ то сценъ у насъ и нѣтъ подходящихъ пьесъ.

Поэтому я и привѣтствую «Несподивану халепу» В. Ф. Русинова, независимо отъ ея художественныхъ достоинствъ или недостатковъ, какъ попытку дать деревенскому театру пьесу, подходящую къ вкусамъ и свойствамъ крестьянъ-исполнителей. (Полт. губ. Вѣд. № 7).

Портреты и картины изъ замка Вишневецкихъ. Въ настоящее время заканчивается приведеніе въ порядокъ коллекціи портретовъ и картинъ, принадлежащей Кіевскому музею древностей и искусствъ и перешедшей къ нему черезъ посредство городского управленія отъ владѣльцевъ бывшаго замка князей Вишневецкихъ (Вишневецъ, Волынской губ.). Коллекція эта представляетъ большой историческій интересъ. Всѣ портреты и картины изъ замка Вишневецкихъ будутъ выставлены на картинной выставкѣ, открытіе которой въ залахъ верхняго этажа зданія музея состоится въ началѣ февраля. Почти всѣ портреты и картины имѣютъ современныя, иногда довольно длинныя и витіеватыя надписи на польскомъ языкѣ. Всѣхъ портретовъ и картинъ, болѣе или менѣе хорошо сохранившихся, коллекція заключаетъ въ себѣ 27. Большая часть картинъ—портреты князей Вишневецкихъ. Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о Вишневцѣ. Мѣстечко это лежитъ на берегу Горыни. Въ исторіи оно извѣстно съ 1395 года. Въ 1672 году турки овладѣли замкомъ Вишневца и сожгли его. Но Янъ Собѣсскій возобновилъ его. Съ прекращеніемъ рода Вишневецкихъ владѣнія ихъ и замокъ нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки. Въ концѣ концовъ замокъ былъ проданъ лѣтъ 20 тому назадъ съ публичныхъ торговъ и достался бывшему кіевскому городскому головѣ И. А. Толли. Послѣдній находившіеся въ замкѣ портреты пожертвовалъ Кіевскому городскому управленію, отъ котораго они, послѣ многолѣтняго лежанія на чердакѣ зданія думы, перешли въ музей. Говорятъ, что еще до продажи замка многое изъ содержимаго его ушло за границу, главнымъ образомъ, въ Лондонъ. (Кіевлянинъ, № 9).

Новый Завѣтъ на украинскомъ языкѣ. Въ «Россіи» (№ 970) находимъ извѣстіе, что священныя книги Новаго Завѣта въ переводѣ на украинскій языкъ, разсмотрѣнныя на особомъ собраніи въ Академіи Наукъ, одобрены Св. Синодомъ. Не смотря на то, что оффиціальнаго подтвержденія этого извѣстія до сихъ поръ не было, печать занята обсужденіемъ значенія этого факта. «Многомилліонное малорусское племя,—говоритъ въ Приднѣпровскомъ Краѣ» (№ 1428) г. Славинскій,—послѣ долгаго ожиданія получаетъ возможность непосредственнаго, прямого общенія со священной книгой, легшей въ основу культуры христіанской, получаетъ возможность слушать «благую вѣсть» на языкѣ своей родины, на томъ языкѣ, которому не надо учиться, который съ дѣтства воспринятъ, какъ средство познанія. Послѣдствія этого факта прямо таки неисчислимы. Высокіе идеалы христіанства, приподнесенные народу на понятномъ ему языкѣ, производятъ почти чудесные результаты, сказывающіеся въ подъемѣ этическихъ началъ, въ повышеніи темпа народнаго самосознанія, въ личномъ и общественномъ совершенствованіи. Впрочемъ, говорить объ этомъ—значитъ повторять то, что каждый хорошо знаетъ изъ любого учебника исторіи, изъ любой книжки по исторіи культуры. Намъ остается выразить только одно пожеланіе, а именно: чтобы издатели Евангелія въ малорусскомъ переводѣ по возможности воспользовались фонетическимъ правописаніемъ при печатаніи этой народной книги, чтобы они воспользовались тѣмъ правописаніемъ, какое принято для малорусскихъ словъ въ изданіяхъ академіи наукъ, а не тѣмъ, какимъ за послѣднія двадцать пять лѣтъ печатаются въ Россіи малорусскія книги, издающіяся частными лицами.

Старинный сборникъ XVII в. Въ засѣданіи Харьковскаго историко-филологическаго Общества 15 января проф. Сумцовъ сдѣлалъ докладъ о южно-русскомъ рукописномъ сборникѣ половины XVII ст., подаренномъ Обществу г. Ильинскимъ. Въ сборникъ входятъ: 1) старинный календарь съ планетникомъ, 2) «Сновъ истолкованіе» Майола, переводъ съ польскаго 1742 г. и 3) сборникъ силлабическихъ стихотвореній. Наибольшій интересъ, историко-литературный и отчасти бытовой, представляетъ послѣдній сборникъ, по указаніямъ на популярныя въ половинѣ XVII ст. малорусскія народныя пѣсни. Въ началѣ многихъ стихотвореній стоитъ заглавіе и указаніе тона, или напѣва, по извѣстной популярной пѣснѣ, напр.:

Пѣсня 8. О свободѣ молодецкой жизни. Тонъ—Ой, бида, бида, чайци небози.

Начало:

Эй лучше, лучше—летаты, соколе.
Съ едного поля на другое поле,
Въ свободѣ легче летати, якъ въ плѣну горько вздыхаты...

Пѣсня 9. Мужъ сѣтуетъ объ умершей женѣ именемъ Агафіи. Тонъ: «Бѣдна моя головонька, я на свѣтѣ сиротинка».

Начало пѣсни:

Несчастная годынонька, оставила дружинонька,
Не схотѣла дома быти, на чужину пошла житы,—
Въ свѣтѣ рано уставаю, своеи милои выглядаю...

Интересна пѣсня 12: о любовномъ (т. е. пріятномъ) полтавскомъ житіи: тонъ: «Ой на горѣ та дубина та моя». На основаніи этой пѣсни, а также другой, посвященной «достойно почтеннѣйшему полковнику миргородскому Василію Петровичу Капнисту», можно думать, что авторъ стиховъ проживалъ въ Полтавщинѣ. (Южный край, № 7260).

Историческая святыня. Въ настоящее время въ г. Кіевѣ, въ мастерской И. Я. Прядченко, изготовляется рака для храненія исторической святыни—серебрянаго вызолоченнаго креста, имѣющаго $2^1/_4 \times 1^3/_4$ вершк., украшеннаго гравированными изображеніями Господа Саваоѳа, Распятаго Христа съ предстоящими и эмблемою смерти, сохраняющаго въ себѣ мощи многихъ святыхъ, чтимыхъ православною церковью, по художественному исполненію относимаго къ концу XVII в. Крестъ этотъ принадлежитъ гетману К. Г. Разумовскому, какъ о томъ свидѣтельствуетъ грамота, данная одной изъ наслѣдницъ гетмана, Пелагеѣ Семеновнѣ Разумовской, епископомъ Слободско-Украинскимъ и Харьковскимъ Христофоромъ Сулимою. Интересна судьба этого креста. Отъ прямыхъ наслѣдниковъ гетмана онъ случайно перешелъ въ руки купца Зубенко, имѣвшаго въ свое время свою собственную божницу въ Козелецкомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, затѣмъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ текущаго года онъ появился въ Кіевѣ и былъ намѣченъ къ пріобрѣтенію однимъ изъ мѣстныхъ богатыхъ собирателей рѣдкостей, но мѣстные собиратели древностей К. В. Болсуновскій и

А. И. Темницкій цѣнили его всего лишь въ 100 рублей. Зубенко совершенно случайно принесъ его въ даръ церкви св. Архистратига Михаила, находящейся въ с. Корчашинъ, Каневскаго уѣзда, Кіевской губерніи. («Кіевлянинъ», № 351).

Съ кого писалъ Рѣпинъ картину „Запорожцы“? Въ «Русскомъ Словѣ» (№ 344) г. Гиляровскій даетъ интересныя свѣдѣнія о происхожденіи извѣстной картины г. Рѣпина. Она писана художникомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и какъ съ исторической, такъ и археологической стороны обставлена наилучшимъ образомъ. Съ этой цѣлью художникъ не разъ посѣтилъ мѣста Запорожскихъ Сѣчей, осматривалъ козацкія древности въ музеяхъ и у частныхъ лицъ, изучалъ типы и совѣтовался съ компетентными лицами. Большую услугу для созданія этой картины оказалъ ему извѣстный изслѣдователь запорожской старины, магистръ русской исторіи Д. И. Эварницкій. У него Рѣпинъ бралъ костюмы, вооруженіе и аксессуары. Въ числѣ послѣднихъ—графинъ, найденный Д. И. Эварницкимъ въ козачьей могилѣ на Чертомлыцкой Сѣчи. Графинъ этотъ былъ наполненъ водкой, прекрасно сохранившейся въ теченіе 200 лѣтъ. У Эварницкаго же художникъ бралъ черепъ запорожца съ превосходно сохранившимися зубами, выписанными изумительно хорошо на картинѣ у смѣющагося запорожца. Темой для картины послужило письмо атамана Сірка къ турецкому султану Махмуду IV, тажке найденное г. Эварницкихъ въ Запорожьѣ, въ селѣ Тарасовкѣ, екатеринославскаго уѣзда, и напечатанное имъ во второмъ томѣ «Исторіи запорожскихъ козаковъ». Изъ лицъ, помѣщенныхъ на картинѣ, для писаря послужилъ тотъ же Эварницкій, для кошевого Сірка, спокойно курящаго люльку и поражающаго своимъ мощнымъ взглядомъ,—генералъ-адъютантъ М. И. Драгомировъ; между остальными фигурами изображены: извѣстный коллекціонеръ малороссійскихъ козацкихъ древностей В. В. Тарновскій, теперь уже умершій, бывшій владѣлецъ знаменитаго имѣнія Кочановки, черниговской губерніи, гдѣ Глинка написалъ и первый разъ ставилъ «Руслана и Людмилу», гдѣ бывали Гоголь, Шевченко, К. Маковскій, Рѣпинъ, Кузнецовъ и другіе. Тарновскій сидитъ слѣва отъ стола въ высокой черной шапкѣ. Черезъ одну фигуру отъ него, въ круглой гетманской шапкѣ съ бѣлой опушкой, изображенъ г. Глинка, внукъ композитора. Остальныя фигуры записаны художникомъ въ г.

Александровскѣ, противъ знаменитаго острова Хортица, колыбели запорожцевъ, а также въ разныхъ мѣстахъ кубанскаго малороссійскаго войска, обрѣзовавшагося, какъ извѣстно, изъ потомковъ запорожцевъ. Самое дѣйствіе представлено на Чертомлыцкой Сѣчи, относится къ 1675 году и произошло во время рождественскихъ праздниковъ. Дѣйствительность событія подтверждается какъ архивными документами, хранящимися въ Москвѣ, въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ (письма Сірка къ царю Алексѣю Михайловичу), такъ и извѣстіями, находящимися въ «Исторіи Оттоманской имперіи» Гаммера. Подробное письмо напечатано въ трудахъ Д. И. Эварницкаго («Исторія запорожскихъ козаковъ», т. II, стр. 518). Кромѣ того, такое же письмо, только болѣе задорнаго характера, находится въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, доставленное въ числѣ другихъ оффиціальныхъ документовъ еще въ семнадцатомъ вѣкѣ.

Публичная лекція „О малороссійскомъ національномъ типѣ“. А. Н. Лисовскій предполагаетъ прочесть въ Екатеринославѣ публичную лекцію «О малороссійскомъ національномъ типѣ». Программа лекціи: понятіе о національномъ типѣ, какъ продуктѣ историческаго процесса. Главныя черты малорусскаго національнаго типа, по сравненію съ національными типами великорусскимъ и польскимъ. Литературное выраженіе малорусскаго національнаго типа: народное творчество; Котляревскій, Шевченко и Гоголь. Тезисы: 1) Въ основѣ малорусскаго національнаго типа лежитъ пассивное чувство личности, чѣмъ этотъ типъ отличается отъ польскаго національнаго типа, въ основѣ котораго лежитъ активное чувство личности; въ свою очередь оба эти типа, какъ носители чувства личности, противопоставляются великорусскому національному типу, носителю общиннаго чувства. 2) Малорусскій національный типъ является въ народномъ творчествѣ въ двухъ образахъ: въ образѣ «чужаго-чужаницы» и въ образѣ «козака—нетяги», которые представляютъ собою субъективное выраженіе пассивнаго чувства личности. 3) Въ литературѣ представителемъ «козака-нетяги» былъ Котляревскій, а пѣвцомъ «чужаго-чужаницы»—Шевченко; въ юморѣ Гоголя нашли свой синтезъ оба эти образа. («Приднѣпровскій Край», № 1409).

Лекція г. Вергуна въ Москвѣ. Подъ такимъ заглавіемъ находимъ въ № 348 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» статью г. Спѣшилова, содержащую разборъ извѣстной лекціи г. Вергуна о «Зарубежной Руси». Въ виду интереса статьи г. Спѣшилова приводимъ ее цѣликомъ.

«21 ноября, въ Москвѣ, въ аудиторіи историческаго музея д-ръ Д. Н. Вергунъ, какъ извѣстно, прочелъ публичную лекцію на тему: «Зарубежная Русь и славянство въ началѣ XX вѣка». Говоря о культурныхъ теченіяхъ среди современныхъ галичанъ, лекторъ, по моему, сильно уклонился отъ истины:

1) Онъ замѣчаетъ, что «въ заграничныхъ (галицкихъ) украинофильскихъ изданіяхъ пишутъ австрійскимъ казеннымъ правописаніемъ» Но вѣдь это правописаніе введено въ малорусскую литературную рѣчь еще П. Кулишемъ и отъ него получило названіе кулишивки? Неужели д-ръ Вергунъ не знаетъ, что Академія Наукъ въ Петербургѣ (опять-таки русская!) признала это правописаніе за научное и что на немъ пишутъ и... въ Россіи?

2) Говоря о двухъ главныхъ партіяхъ Галиціи—старорусской («общерусской», «твердорусской») и малорусской («украинофильской»), лекторъ совершенно неправильно заявилъ: «къ общерусской партіи принадлежатъ извѣстные врачи, адвокаты, учителя (какіе?), не стѣсняющіеся говорить о желательномъ единеніи съ Россіей; къ младорусской—учителя гимназій и училищъ, гминные писаря,—люди, зависящіе отъ начальства и потому стѣсненные»... Какіе же такіе учителя принадлежатъ къ твердорусской партіи, а какіе къ младорусской? Интересно знать, къ какой партіи г. Вергунъ относитъ такихъ людей, какъ Иванъ Франко, Осипъ Маковей, Владиміръ Гнатюкъ: вѣдь, кажется, они не состоятъ ни учителями, ни... писарями?!

3) Показывая публикѣ различные органы печати въ Галиціи какъ старорусской, такъ и младорусской партій, лекторъ весьма кстати забылъ упомянуть о такомъ органѣ младорусской партіи, какъ «Літературно-Науковий Вистникъ»... О существованіи этого органа Вергунъ не могъ не знать. Что же это умолчаніе значитъ?

4) Затѣмъ, говоря о старорусской и украинофильской партіяхъ, онъ изволилъ выразится такъ: «украинофилы въ своихъ изданіяхъ пишутъ на искуственно ими созданномъ языкѣ, называемомъ у нихъ «украинсько-руськимъ», тогда какъ старорусы—на русскомъ или *почти* русскомъ. И это говорится послѣ того, когда самостоятельность этого «искуственнаго» языка была доказана такими учеными, какъ Макси-

мовичъ, Бодянскій, Пыпинъ, Лавровскій, Житецкій, Драгомановъ, Дашкевичъ, Миклошичъ, Ягичъ, Мюллеръ, Лежэ, а въ послѣдне время Крымскій, и говорится—въ Москвѣ, тамъ гдѣ въ свое время преподавали Максимовичъ, Бодянскій и гдѣ теперь находится Крымскій...

Говоря о «русскомъ» языкѣ твердоруссовъ, г. Вергунъ весьма кстати забылъ привести хотя бы два—три примѣра того «русскаго или *почти* русскаго языка», какимъ пишутъ твердоруссы въ своихъ изданіяхъ. Я хочу теперь хоть отчасти познакомить русскаго читателя съ этимъ русскимъ языкомъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ «почти русскаго языка[1])»:

1) Его мужество-безличность (безстыдство!) падшей женщины. 2) За нимъ было послано гончое (сыскное!) письмо. 3) Несутся воздухомъ дробные платки (мелкіе хлопья) снѣга. 4) Вкуситъ онъ запрещеннаго овоща. 5) Отдыхъ заперся (сперло дыханіе). 6) Опредѣленная мнѣ заплата (плата) была ничтожною. 7) Я женюсь съ нею. 8) Соразмѣрно съ ихъ духовымъ (духовнымъ!) развитіемъ. 9) Богъ—наша потѣха (утѣха). 10) Теноръ (содержаніе) дѣла возбуждаетъ омерзеніе. 11) Объ этомъ говорятъ относительные корреспонденты (данныя). 12) При замовленіи (заказѣ) выразительно (ясно) требовать колдры (одѣла) нашего заведенія. 13) Весьма корыстнымъ (полезнымъ) было бы давать объявленія для русскихъ газетъ. 14) Ищетъ лекціи оконченный гимназіастъ. 15) Русскій народъ отжилъ (ожилъ). 16) Нѣсколько надцать. 17) На особое поднесеніе заслугуетъ аккомпаньяментъ. 18) Совокупляемось (!) въ дусѣ любви. 19) Наглость (настоятельность) того предложенія была поддержана. 20) Одѣта въ бѣлое платье съ рожевыми лентами. 21) Она родила дитину (ребенка!) 22) Музыкальное искуство. пробки котораго мы видѣли въ произведеніяхъ Лысенка...

Приведу еще «десять заповѣдей», напечатанныхъ въ «Русскомъ Словѣ» [2]) —газетѣ староруссовъ, которыя хорошо скажутъ, что такое старороссы, какъ насадители прогресса, и какими принципами руководятся они въ своихъ сношеніяхъ съ народомъ. Вотъ эти любопытнѣйшія «десять заповѣдей»...

---

[1]) Заимствовано изъ „Галицкой Руси“ – органа твердорусской партіи. Примѣры эти были ужъ разъ приводимы. См. „Буковина“, 1892, № 4.

[2]) См. „Русское Слово“, 1899, № 1.

Десять заповѣдей для русскихъ хлоповъ.

1. Будь, тѣмъ, кѣмъ сотворилъ тебе Господь, т. е, русскимъ хлопомъ, а не якимъ-то украинцемъ и т, д.—а не будутъ изъ тебе другіи народы смѣятся и будутъ тебе поважати.

2. Если ты не письменный, то попроси которого изъ письменныхъ людей въ громадѣ, щобы тобѣ колька разы показалъ русскія буквы, а за двѣ—три недѣли научишься читати.

3. Если умѣешь читати, впишися въ члены общества им. Мих. Качковскаго и запренумеруй себѣ газету «Русское Слово» самъ или до сполки съ твоими пріятелями или сосѣдами.

4. Каждой книжечцѣ и газетѣ, которую тобѣ присылаютъ или напыхаютъ, добре придивися въ зубы. Если видишь, что въ ней нѣтъ нашихъ буквъ: ы, ѣ, ъ, о—то знай, що она не есть правдивая руская книжка, чи газетка, но що она писана фонетикою. Въ томъ случаѣ разложи въ печи огонь, кинь ю на огонь, собери хорошенько попелъ, вынеси его далеко за село, роскинь на всѣ четыре стороны свѣта и, повернувши до хаты, отвори двери и окна, щобы и твоя хата прочистилась.

5. Для своей дитины, которая ходитъ до школы и тамъ примушена учитися изъ фонетичной книжки, купи въ канцеляріи общества им. Мих. Качковскаго правописный «Букварь», щобы твоя дитина научилася изъ него познавати тѣ русскія буквы, которыя по приказу польскихъ пановъ выкинули несгодливыи, сварливыи русины, за що они тѣшатся панскою ласкою [1]).

6. Если тебѣ кто скаже, що ты—украинецъ или радикалъ, то скажи ему: «ты самъ дурный!»

7. Ни читай газетъ на боргъ (въ долгъ).

8. Старайся, щобы въ твоей громадѣ была основана читальня на статутахъ об. им. Мих. Качковскаго, а также крамниця, каса пожичковая и т. д.

---

[1]) Насколько эти „сварливыи“ русины „тѣшатся панскою ласкою“, можно судить по послѣднимъ извѣстіямъ изъ Австріи. Русины требуютъ для себя университета (русинскаго). Поляки не соглашаются на это. Студенты устроили по этому поводу демонстрацію... Начальство (поляки) рѣшило, въ случаѣ новыхъ демонстрацій, прибѣгнуть къ содѣйствію... полиціи (см. „Русс. Лист.“ за 18 ноября. Кор. изъ Вѣны) См. также „Курьеръ“ (за 28 ноября). Иностранныя извѣстія: „Австро-Венгрія“.

9. Если кто буде тебе намовляти, щобы ты не тую газету пренумеровалъ, которую| хочешь, то скажи ему, що ты самъ панъ за свои гроши.

10. Если кто такій найшолся и сказалъ тебѣ, щобы ты не перенумеровалъ «Русское Слово», то утѣкай отъ него за десятое село.

Таковъ языкъ всѣхъ староруссовъ, исключая двухъ-трехъ. Кто послѣ этого изъ знающихъ русскій языкъ, а тѣмъ белѣе великороссовъ, станетъ считать эту тарабарщину, на которой не говоритъ ни одинъ человѣкъ на бѣломъ свѣтѣ, своимъ роднымъ языкомъ?

5) Не познакомивъ слушателей хотя бы въ общихъ чертахъ съ программой той или другой партіи, —г. Вергунъ ограничился лишь общими фразами, причемъ старую сказку о томъ, что украинофильство—дѣло рукъ поляковъ, замѣнилъ новой, будто оно—дѣло рукъ... австрійскаго правительства. Неправда-ли, не дурно?

6) Говоря о томъ пренебрежительномъ отношеніи къ русскому языку, какое замѣтно среди галицкихъ украинофиловъ, лекторъ привелъ, между прочимъ, въ примѣръ случай изгнанія ученика изъ школы за чтеніе Пушкина. Этого не было! Конечно, встрѣчаются и среди нихъ крайнія мнѣнія,—но мы напомнимъ г. Вергуну, вѣроятно, хорошо ему извѣстный фактъ, что первыми истинными руссофилами среди галичанъ были... столь ненавистные ему украинофилы и что еще въ 70-ые гг. М. П. Драгомановъ [1])—этотъ *крайній украинофилъ—старался распространять русскихъ писателей среди галичанъ и постоянно указывалъ на необходимость (для галицкихъ малороссовъ) глубокаго изученія русской литературы.* А послѣдователей Драгоманова среди галицкихъ украинофиловъ теперь не по пальцамъ перечесть... и всѣ они—архиукраинофилы. Что это значитъ, г. Вергунъ?

Вотъ все то главное, что мы хотѣли сказать по поводу «зарубежной рѣчи» д-ра Д. Н. Вергуна. На ней мы больше не будемъ останавливаться, а скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какъ отозвалась на это наша московская печать.

На слѣдующій день появились по поводу этой рѣчи замѣтки въ «Московскихъ Вѣд.», «Русскомъ Листкѣ», «Русскомъ Словѣ» и въ «Новостяхъ дня». «Московскія Вѣдомости», отъ которыхъ можно было

---

[1]) См. его: „Австро-руські спомини", а также: „Чудацкі думки про українську національну справу".

ожидать весьма подробнаго отчета объ этой рѣчи, лишь въ самыхъ общихъ чертахъ передали содержаніе ея, причемъ повторили ошибку, сдѣланную другими газетами («Русскимъ Словомъ»). «Московскія Вѣдомости» пишутъ: «число зарубежныхъ русскихъ простирается до 4 милліоновъ, всѣ они говорятъ на малорусскомъ языкѣ и считаютъ себя русскими; *слово же «русинъ выдумали поляки по своимъ политическимъ соображеніямъ»*. (Курсивъ нашъ). «Русское Слово», правда, говоритъ объ этомъ нѣсколько иначе, но повторяетъ ту же ошибку: 4 «милліона жителей Зарубежной Руси говорятъ по-малорусски и называются русинами. Но называя себя *русинами*, они свой языкъ называютъ русскимъ (рускимъ, а не русскимъ), свою вѣру русской. Прилагательное «русинскій» не употребляется у нихъ совсѣмъ. *Это показываетъ, что самое слово «русинъ» создано враждебной политикой и выдумано поляками*.. (Курсивъ нашъ). Лекторъ не утверждалъ, что слово «русинъ«—польскаго происхожденія (этого еще не доставало!), но что прилагательное «русинскій» введено въ литературную рѣчь галичанъ однимъ полякомъ еще въ 1863 г. Газеты не постарались хотя-бы передать точно мысли г. Вергуна. А вѣдь это такъ было необходимо! Это мѣсто вызывало протесты не только въ Кіевѣ, но и въ Москвѣ. «Московскія Вѣдомости»,—какъ это и всегда съ ними бываетъ,—сдѣлали попытку открыть протестантовъ. Онѣ полагаютъ (хотя не сами, а «какъ имъ передаютъ»: интересно знать, кто это имъ передаетъ?!), что свистали «поляки, которые явились на лекцію въ значительномъ числѣ». Не знаю, свистали-ли поляки въ Кіевѣ, но въ Москвѣ протестовали не поляки, а малороссы, протестовали малороссы же и въ Кіевѣ.

Интересно, какъ поняли г. Вергуна гг. московскіе корреспонденты. Они прямо писали, что слово «русинъ» выдумано поляками, т. е. другими словами, что никакой такой народности нѣтъ, что это просто... злая шутка враговъ русскаго народа. Между тѣмъ, *еще въ договорахъ русскихъ князей съ греками встрѣчается слово «русинъ»*, а галичане зовутъ себя «русынами» съ удареніемъ на «а», не на «ы»—а это уже одно достаточно говоритъ о томъ, что слово «русынъ»—не польскаго происхожденія, такъ какъ тогда было бы: русы́ны, русы́нивъ... а не русыны́, русыни́въ...

Извѣстная украинская артистка А. П. Затыркевичъ-Карпинская, оставившая, было, сцену, вновь выступаетъ въ Одессѣ въ труппѣ г. Ратушенка.

Лекціи по исторіи украинской литературы. Профессоръ львовскаго университета Александръ Колесса предпринимаетъ рядъ публичныхъ лекцій по исторіи украинской литературы. Первая лекція состоялась 23 января въ помѣщеніи научнаго кружка «Основа» во Львовѣ («Дѣло», № 6).

Лекцію на тему «Новѣйшая украинская литература» прочелъ 18 января г. Сроковскій въ народномъ университетѣ имени Мицкевича, въ Львовѣ. («Дѣло», № 15).

Къ вопросу о студентахъ-русинахъ львовскаго университета. Греко-католическій митрополитъ Шептыцкій пребываетъ въ настоящее время въ Вѣнѣ, стараясь облегчить русинскимъ студентамъ-теологамъ возможность возвращенія въ львовскій университетъ. Условія, на которыхъ можетъ состояться это возвращеніе, изложены въ особой запискѣ, представленной министру просвѣщенія русинами изъ Львова. Положенія эти состояли въ слѣдующемъ: ректоръ львовскаго университета долженъ взять обратно оскорбительныя выраженія о русинскихъ студентахъ, высказанныя въ извѣстномъ отзывѣ университетскаго сената о безпорядкахъ; студенты-русины должны быть освобождены отъ обязанности посѣщать лекціи профессоровъ Фіалка и Твардовскаго, наконецъ, студенты-русины имѣютъ право употреблять во всѣхъ сношеніяхъ съ университетскою властью русинскій языкъ.

Русинскіе студенты, поступившіе въ краковскій университетъ, приняты были студентами-поляками очень радушно. Общество студенческой читальни устроило въ честь ихъ большой коммершъ, на которомъ предсѣдатель читальни привѣтствовалъ новыхъ товарищей. Также сердечно приняли русиновъ студенты-чехи въ Прагѣ. Помѣщая въ «Hlas Národa» выраженіе благодарности за гостепріимный пріемъ, студенты-русины дѣлаютъ слѣдующее заявленіе:

«Нѣкоторыя газеты назвали насъ «русскими» студентами. Полагая, что это сдѣлано по недоразумѣнію, мы пользуемся случаемъ,

чтобы исправить эту ошибку: 1) мы, которыхъ вы привѣтствовали, мы—украинская (русинская) молодежь, часть тридцати-милліоннаго народа, жительствующаго въ Россіи и въ Австро-Венгріи, 2) мы—не «русскіе» студенты и даже не единоплеменники русскаго народа, а члены самостоятельнаго, культурнаго и этнографически различнаго народа—украинскаго. Отождествлять нашъ народъ съ великороссами—нельзя; этому противорѣчитъ исторія, литература и языкознаніе, а, прежде всего, самосознаніе украинскаго народа, не признающаго себя русскимъ, 3) за обиды, которымъ подвергается нашъ народъ въ Галиціи, Венгріи и особенно въ Россіи, мы не дѣлаемъ отвѣтственными народы, а лишь нѣкоторые его классы, особенно власть имущіе. Поэтому, мы любимъ великоруссовъ такъ-же, какъ всякій другой славянскій народъ, но симпатія эта не можетъ вести насъ къ ренегатству или побужденію къ тому, чтобы мы отстали отъ своего народа». («С.-Петербургскія Вѣдомости», № 13).

По иниціативѣ артистовъ варшавской оперы г-жи Саломеи Крушельницкой, Констанціи Блонской и г. Александра Мышуги, русиновъ по происхожденію, проживающіе въ Варшавѣ русины послали въ редакцію львовскаго «Руслана» воззваніе, подписанное 34 лицами и касающееся послѣднихъ университетскихъ событій во Львовѣ. Выражая полное сочувствіе національно-русинскому движенію въ Галиціи, воззваніе признаетъ необходимымъ стремиться къ цѣли, сохраняя дружественныя отношенія между обоими братскими народами, такъ какъ тогда только «Богъ освѣтитъ солнцемъ правды и свѣтомъ мира пути ихъ совмѣстной исторической жизни. («Харьк. Губ. Вѣдомости», 330).

Названіе «галушки». *Іосифъ Брожекъ* (№ 2 журнала «Česky Lid») въ статьѣ «Къ народной чешской кухнѣ» приводитъ анекдотъ о цехмистрѣ шевскаго ремесла Ганушѣ, который въ ожиданіи жены взялся самъ стряпать и состряпалъ такую диковину, что произведеніе его назвали «ганушками». Авторъ полагаетъ, что такъ правильнѣе именовать «галушки». Объясненіе—едва-ли изъ удачныхъ.

Къ вопросу о мѣстѣ для памятника И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. Въ засѣданіи Полтавской городской думы, бывшемъ въ декабрѣ прошлаго года, послѣ продолжительныхъ преній, было постановлено: измѣнить прежнее рѣшеніе относительно постановки памятника на Протопоповскомъ бульварѣ и поставить его на Воробьевской площадкѣ (большинствомъ 14 противъ 13 голосовъ). На это постановленіе думы подано было въ январѣ текущаго года заявленіе 13-ти гласныхъ слѣдующаго содержанія:

«Считая послѣднее постановленіе думы о постановкѣ памятника И. П. Котляревскому на площадкѣ противъ гостинницы Воробьева—не вполнѣ выражающимъ желаніе думы, благодаря малому числу участниковъ засѣданія, и противорѣчащимъ большинству желаній общества и, въ особенности, той части его, энергіи которыхъ городъ обязанъ и иниціативой и большими заслугами въ собираніи средствъ, подписавшіеся гласные обращаютъ вниманіе думы на слѣдующія обстоятельства: 1) рѣшеніе о постановкѣ памятника на Воробьевской площадкѣ было принято думой еще первоначально, когда вопросъ не былъ достаточно разработанъ, что видно, какъ изъ характера преній 19 мая 1897 года, такъ и изъ того, что предложившій это мѣсто гласный Н. Е. Пилипенко, ознакомясь съ вопросомъ, самъ въ засѣданіи 28 октября 1898 года отказался отъ этого мѣста (стр. 500 журн. за 1898 г.); 2) во все теченіе вопроса въ думѣ за это мѣсто высказывалось меньшинство думы, одинаковое по численности почти во всѣхъ случаяхъ и совершенно тождественное съ тѣмъ числомъ голосовъ, какое случайно, благодаря малому числу участниковъ засѣданія, явилось большинствомъ (на 1 голосъ) въ послѣднемъ рѣшеніи думы. Именно: за постановку въ Александровскомъ паркѣ, 28 октября 1898 г. высказались 20 голосовъ и противъ (за первое мѣсто)—на Воробьевской площадкѣ 14 голосовъ.

2 марта 1899 года за Протопоповскій бульваръ высказались 22 голоса и противъ него—13 голосовъ. Далѣе 29 марта за площадку за соборомъ высказались 10 голосовъ и противъ нея—14 голосовъ.

1 ноября 1899 года за Протопоповскій бульваръ поданы 18 голосовъ и противъ—13, и по спеціальной голосовкѣ: за Воробьевскую площадку—13 голосовъ и противъ нея—16 голосовъ. Въ послѣднемъ, наконецъ, засѣданіи думы, 14 голосовъ противъ 13 вновь возвратили памятникъ на Воробьевскую площадь.

Отдавая честь той твердости, съ какою группа сторонниковъ Воробьевской площади всегда высказывалась за нее, и указывая, что въ новомъ составѣ думы, повидимому, къ этой группѣ прибавился только одинъ голосъ, подписавшіе заявленіе гласные просятъ думу обратить свое вниманіе на то, что все время Воробьевская площадка имѣла не больше 14 голосовъ и только благодаря случайности 14 голосовъ въ послѣднемъ засѣданіи оказались въ большинствѣ 1 голоса. Рѣшеніе, принятое думой этимъ постановленіемъ, принято такимъ образомъ лишь одною третью всего состава думы—и, въ виду теченія всего вопроса въ думѣ, когда противъ этого мѣста неоднократно высказывалось значительно большее число голосовъ, по мнѣнію подписавшихся лицъ является настоятельно необходимымъ вновь пересмотрѣть вопросъ при болѣе полномъ составѣ думы.

Обращаясь къ существу вопроса, протестанты выражаютъ свое удивленіе тому, «что при сохраненіи всѣхъ тѣхъ же условій, какія заставили думу 12-го октября 1898 года отказаться отъ Воробьевской площадки—вновь, не смотря на то, могло состояться постановленіе за эту площадь. Дворянство отказало въ прирѣзкѣ къ площади части своего сада—и этотъ отказъ остался неизмѣннымъ. Необходимость устройства станціи и разъѣзда трамвая на этой площади, кто бы ни былъ предприниматель и когда бы ни былъ устроенъ трамвай,—такъ же остается неизмѣнной. И при все томъ, зная, на какомъ узкомъ и тѣсномъ пространствѣ пришлось-бы ставить памятникъ, стѣсняя движеніе, благодаря случайно-малому составу думы—вновь постановлено рѣшеніе о переносѣ сюда памятника, тогда какъ вопросъ этотъ уже исчерпанъ и неудобства этой площади гласно признано даже нѣкоторыми ея сторонниками (А. Ѳ. Черненко, давшій голосъ за нее при отчужденіи части дворянскаго сада, и Н. Е. Пилипенко, отказавшійся отъ своего предложенія).

Между тѣмъ, наилучшимъ мѣстомъ постановки могла бы быть одна изъ площадокъ передъ просвѣтительными зданіями. Здѣсь только имѣется та полнота обстановки, какая обезпечиваетъ для памятника наибольшее вниманіе къ нему, такъ какъ именно здѣсь, въ театрѣ, ставятся на сценѣ произведенія почившаго писателя, а вся окружающая обстановка Гоголевскаго зданія, библіотеки и музеи—создаютъ собою тотъ уголокъ города, гдѣ концентрируется его духовная жизнь, въ созданіе элементовъ которой сдѣлалъ свой вкладъ и чествуемый нашъ родной писатель. Всякія же техническія трудности постановки,

въ родѣ, напримѣръ, вопроса «куда будетъ смотрѣть писатель», во всякомъ случаѣ, во 1-хъ меньшія, чѣмъ при постановкѣ на Воробьевской площадкѣ, а во 2-хъ—существуютъ при каждомъ мѣстѣ, такъ какъ каждое изъ нихъ имѣетъ свои неудобныя стороны».

Однимъ же изъ преимуществъ этого именно мѣста, говорится далѣе въ заявленіи, является возможность имѣть вокругъ памятника небольшой скверъ, гдѣ могли бы посидѣть у памятника и порѣзвиться вокругъ него дѣти, въ воспитаніи которыхъ образъ родного писателя могъ бы сыграть ту культурную роль, какою дорожатъ всѣ народы, помнящіе свою исторію, любящіе свой край, и твердо знающіе, что нѣтъ прочнаго общества безъ любви къ своему краю и безъ памяти о лучшихъ его людяхъ».

Заканчивая свое заявленіе, лица, подписавшіе его, просятъ городскую думу вновь пересмотрѣть вопросъ о мѣстѣ постановки памятника.

Библіографія.

Извѣстія Императорской Археологической Коммиссіи. Выпускъ 1-й. *С.-Петербургъ. 1901. 8°. 111 стр.+2 табл.*

Настоящій выпускъ, вышедшій въ концѣ прошлаго года, является новымъ начинаніемъ въ издательской дѣятельности Коммиссіи. До настоящаго времени изданія Коммиссіи распадались на двѣ категоріи: первую составляли ежегодные «Отчеты», вторую «Матеріалы по археологіи Россіи». Редакція «Извѣстій» сама признаетъ въ краткомъ предисловіи къ первому выпуску, что эти изданія не вполнѣ удовлетворяли существующимъ потребностямъ. Дѣйствительно, что касается «Отчетовъ», то самый характеръ изданія требовалъ сжатаго изложенія и довольно продолжительнаго времени для обработки; вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства «Отчеты» выходили обыкновенно съ запозданіемъ, такъ напр., послѣдній «Отчетъ» вышелъ лишь за 1898 годъ. Матеріалы—это отдѣльныя монографіи, посвященныя или цѣлымъ раіонамъ, или тому или другому виду памятниковъ. Какъ ни цѣнны сами по себѣ эти изданія Комиссіи, представляющія въ настоящее время уже солидную литературу (32 тома Отчетовъ и 25 выпусковъ Матеріаловъ), но указанная выше медленность выхода и ограниченныя рамки не давали возможности помѣщать своевременно описанія, статьи и замѣтки, хотя-бы и небольшія по размѣрамъ, но отвѣчающія на тѣ или другіе вопросы археологіи, дающія, затѣмъ, свѣдѣнія о раскопкахъ, находкахъ и т. д. Новое изданіе именно и предназначено къ удовлетворенію этой назрѣвшей потребности и возмѣщенію даннаго пробѣла. Вообще нужно

замѣтить, что въ нашихъ археологическихъ и историческихъ обществахъ можно уловить тенденцію къ оживленію и болѣе частому выпуску ихъ изданій—упомянемъ, напр., «Древности» Московскаго Археологическаго Общества, выходящія уже по новой программѣ и по нѣсколько выпусковъ въ годъ; сюда-же относятся и «Чтенія» Общества Нестора Лѣтописца, также выходящія выпусками.

«Извѣстія» будутъ носить характеръ повременнаго изданія и выходить по мѣрѣ накопленія матеріала.

Программа «Извѣстій» слѣдующая:

1) Отчеты объ археологическихъ изслѣдованіяхъ и раскопкахъ, производимыхъ по порученію и на средства Коммиссіи.

2) Научные обзоры отдѣльныхъ группъ археологическихъ памятниковъ и цѣлыхъ культуръ (древности русскія, греко-римскія съ юга Россіи, скиѳо-сарматскія, аланскія, кавказскія, финскія и пр.)

3) Описанія могильныхъ инвентарей, кладовъ и отдѣльныхъ находокъ, поступающихъ въ вѣдѣніе Коммиссіи.

4) Свѣдѣнія о старинныхъ памятникахъ зодчества, существующихъ въ разныхъ мѣстахъ Имперіи, и вопросы объ ихъ реставраціи.

5) Архивные матеріалы Коммиссіи.

6) Руководящія статьи по разнымъ археологическимъ вопросамъ, какъ напр., о пріемахъ раскопокъ и изслѣдованій и т. п.

7) Вопросы объ охранѣ памятниковъ старины въ Россіи и за границей.

Къ этимъ основнымъ отдѣламъ предполагается современемъ присоединить еще отдѣлы библіографіи и разныхъ извѣстій.

Какъ видимъ, программа намѣчена широко и полно, не смотря даже на нѣкоторыя ограниченія, по нашему мнѣнію, излишнія. Такъ напр., помѣщаемые отчеты объ изслѣдованіяхъ и раскопкахъ ограничиваются лишь произведенными на средства и по порученію Коммиссіи,—но вѣдь много раскопокъ производится частными лицами на свои средства лишь съ разрѣшенія Коммиссіи—отчеты объ нихъ также слѣдовало-бы помѣщать въ «Извѣстіяхъ», тѣмъ болѣе, что эти раскопки, зачастую весьма интересныя, не будучи нигдѣ опубликованы, не рѣдко совсѣмъ пропадаютъ для науки. Это относится одинаково и къ 3-му параграфу программы—вѣдь въ задачи Коммиссіи входитъ наблюденіе и изученіе всѣхъ вообще памятниковъ старины, находимыхъ въ Россіи. Затѣмъ, еще одно замѣчаніе, практическаго свойства: „Извѣстія“ предполагается выпускать по мѣрѣ накопленія матеріала,—послѣднее условіе

довольно растяжимо, не лучше-ли было-бы уже напередъ установить извѣстные сроки выхода или извѣстное количество выпусковъ въ годъ? Вѣдь за матеріаломъ не можетъ быть остановки, также какъ и за научными силами и необходимыми для изданія средствами.

Но все это обстоятельства второстепенныя, фактъ-же на лицо—новое изданіе начато и начато прекрасно, о чемъ можетъ свидѣтельствовать нижеслѣдующій краткій перечень содержанія вошедшихъ въ 1-ый выпускъ статей и замѣтокъ. Почти всѣ онѣ на этотъ разъ касаются древности юга Россіи.

Самая обширная статья—*К. К. Косцюшко-Валюжинича.*—Извлеченіе изъ отчета о раскопкахъ въ Херсонессѣ Таврическомъ въ 1899 году (съ 1 табл. и 55 рис.). Раскопки этого года были очень удачны; кромѣ открытій, возстановляющихъ конструкцію и расположеніе стѣнъ и зданій древнѣйшаго греческаго города, здѣсь было обнаружено также нѣсколько склеповъ, сохранившихся въ большинствѣ случаевъ въ нетронутомъ видѣ и давшихъ массу цѣнныхъ, какъ въ художественномъ, такъ и въ бытовомъ отношеніи, предметовъ. Послѣдніе главнымъ образомъ древне-греческаго производства, но, наряду съ ними, раскопки дали и цѣлую серію предметовъ римской и особенно византійской эпохъ, такъ какъ сама городская стѣна, составлявшая главный объектъ изслѣдованій, состоитъ, какъ можно было убѣдиться изъ раскопокъ, изъ трехъ наслоеній: древнѣйшаго—греческаго (не позднѣе IV в. до Р. Х.), затѣмъ римскаго и послѣдняго—византійскаго.

Среди эпиграфическихъ памятниковъ, найденныхъ при вышеупомянутыхъ раскопкахъ, особаго вниманія заслуживаетъ одна надпись на плитѣ, къ сожалѣнію дошедшей къ намъ не вполнѣ цѣлой. Этому памятнику посвящена замѣтка *В. Латышева*—Надпись о постройкѣ Херсонской стѣны. На плитѣ, именно, вырѣзана надпись, относящаяся къ царствованію Ѳеодосія I (379—395 по Р. Х.) и говорящая о построеніи или, правильнѣе, о надстройкѣ городской стѣны.

Далѣе идутъ слѣдующія статьи.

А. Спицына—Раскопки, произведенныя въ 1897 г. близъ д. Башмачки, Екатеринославскаяго уѣзда. Здѣсь приводятся дневники раскопокъ 6-ти кургановъ и описанія (съ рисунками) найденныхъ предметовъ. Погребенія относятся къ скифскому типу. Интересно, что въ одномъ изъ кургановъ, гдѣ встрѣчено нѣсколько погребеній, всѣ они заключали въ себѣ скелеты дѣтей и подростковъ.

Раскопки гробницъ въ г. Керчи и его окрестностяхъ въ 1889 году. (Извлеченіе изъ отчета *К. Е. Думберга*). Приводится описаніе открытія 81-ой гробницы, съ перечисленіемъ найденныхъ въ нихъ предметовъ.

Раскопки кургановъ на Зубавскомъ хуторѣ въ Кубанской области. Раскопки эти имѣли поводомъ чисто коммерческія цѣли и производились нѣкіимъ мѣщаниномъ Забродинымъ. Результаты оказались блестящими; вслѣдствіе этого членъ Коммиссіи Н. И. Веселовскій былъ командированъ на мѣсто раскопокъ и собралъ о нихъ подробныя свѣдѣнія. Изъ 4-хъ раскопанныхъ кургановъ, очень интересными оказались два. При скелетѣ въ 1-мъ курганѣ найдены: золотыя бляхи отъ пояса со вставными стеклами, камнями и цвѣтной мастикой (двѣ изъ нихъ изображены въ краскахъ на отдѣльной таблицѣ), золотые браслеты, стекляныя и др. бусы, стеклянная чашка, мѣдный котелъ скифскаго типа, желѣзный мечъ, серебряныя штампованныя бляхи, желѣзный панцырь и др. предметы. Самой-же цѣнной находкой нужно признать серебряную, греческой работы, фіалу, съ надписью, указывающей на V или на самое начало IV в. до Р. Х. Во второмъ курганѣ также находились золотыя украшенія, затѣмъ — бусы, копье, металлическое зеркало, мѣдный тазъ и нѣсколько глиняныхъ сосудиковъ.

И. Владимірова—Развалины стариннаго храма близь рѣчки Амгаты. Небольшая замѣтка, въ которой авторъ сообщаетъ о посѣщеніи имъ остатковъ древняго христіанскаго храма въ Баталпашинскомъ отдѣлѣ Кубанской области, близь впаденія рѣчки Амгаты въ рѣку Теберду.

Послѣдняя замѣтка—*А. Спицына*, посвящена описанію серебряной фибулы скандинавскаго типа, найденной въ 7 верстахъ отъ г. Ельца, Орловской губ., на р. Ворглѣ.

Нечего упоминать о томъ, что съ внѣшней стороны изданіе выполнено безукоризненно, форматъ его также принятъ удобочтомый, такъ что, въ связи съ разнообразнымъ содержаніемъ этого перваго выпуска, оно должно встрѣтить полное сочувствіе всѣхъ интересующихся дѣломъ.

Н. В.

Иванъ Левицкый. Повисти й оповидания Томъ III. *Зъ портретомъ автора Нахаба (Прычепа). Навижена. Кіевъ, 1901.*

Предъ нами недавно вышедшій въ свѣтъ III-ій томъ произведеній выдающагося нашего писателя—Ив. Сем. Левицкаго. Мы съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ привѣтствуемъ появленіе этой книги, что въ ней впервые въ Россіи напечатана повѣсть: «Прычепа» («Нахаба»), написанная тридцать лѣтъ тому назадъ. Содержаніе этой крайне интересной повѣсти сводится къ слѣдующему.

Къ одной изъ дочерей г. Ѳедора Чепурковскаго, священника въ с. Нестеринцахъ, трудолюбивой и красивой Галѣ, посватался при содѣйствіи помѣщика Хоцинскаго молодой Ясь Серединскій, занимавшій незавидную должность—онъ былъ «пана пысаря пидпысарь». Благодаря Хоцинскому, онъ вскорѣ получилъ мѣсто эконома въ томъ же селѣ и зажилъ съ молодой женой скромно, но безбѣдно. Тихо и мирно текла жизнь молодыхъ въ „икономскомъ яру;“ не нарушилось это ея спокойное теченіе и тогда, когда Ясь перешелъ на лучшее мѣсто въ недалекое село. И Ясь, и Галя, выросшіе въ бѣдности, были счастливы; благосостояніе ихъ росло, росла и репутація Серединскаго, дѣльнаго хозяина. Благодаря тому и по рекомендаціи того-же Хоцинскаго, Ясь получилъ мѣсто управляющаго въ богатыхъ имѣніяхъ одного князя въ м. Камяномъ. Полное довольство, обширное хозяйство, домъ на широкую ногу,—все это занимало Яся, а первое время и Галю. Среди новыхъ знакомыхъ, которыхъ имъ пришлось пріобрѣсти, была и жена небогатаго эконома Лемишковскаго (съ его семействомъ совѣтовалъ Ясю ближе сойтись его покровитель Хоцинскій) Зося, которой пришлось сыграть такую видную и печальную роль въ дальнѣйшей жизни Серединскихъ.

У состоятельныхъ мѣщанъ Лемишекъ былъ единственный сынъ Якимъ. Старики въ немъ души не чаяли. Они хотѣли сдѣлать изъ него человѣка образованнаго,— благо денегъ у нихъ было достаточно,— и отдали его раньше въ духовное училище, а потомъ перевели въ гимназію. Не разъ впослѣдствіи старый Лемишка проклиналъ тотъ часъ, когда отдалъ сына въ школу, оторвавшую его отъ родной семьи и сдѣлавшую паничемъ. Вылетѣвъ изъ университета за какую-то исторію, молодой Якимъ не захотѣлъ заниматься хозяйствомъ и пристроился на службу въ родномъ мѣстечкѣ. Между нимъ и отцомъ начались пререканія, обусловленныя различіемъ въ воззрѣніяхъ и привычкахъ.

Мать являлась примирительницей. Высшей степени достигли недоразумѣнія отца и сына, когда Якимъ захотѣлъ жениться на дочери пристава-поляка Зосѣ Пшепшинской. Наконецъ старикъ согласился на этотъ бракъ, но не ожидалъ отъ него добра. Зося внесла въ старосвѣтскій домъ Лемишекъ новые порядки, польскій элементъ. Не долго жилъ старый Трохимъ; вскорѣ за нимъ послѣдовала и жена его Улита, которая сдѣлалась въ своемъ домѣ при дѣтяхъ какъ бы „наймычкой". По смерти стариковъ, Зося, вліянію которой всецѣло поддался Якимъ, настояла на продажѣ усадьбы, грунта и мельницы: ей хотѣлось покинуть мѣстечко, гдѣ все напоминало о мѣщанскомъ происхожденіи ея мужа. Лемишковскіе переѣхали въ Кіевъ, гдѣ зажили на широкую ногу: когда уже всѣ деньги, вырученныя за продажу имущества, разошлись, Якимъ, по настоянію Зоси, оставилъ казенную службу и поступилъ экономомъ. Мѣняя часто мѣста, онъ очутился въ с. Тхоровкѣ недалеко отъ Камяного.

Между тѣмъ въ душѣ Яся Серединскаго произошла крупная перемѣна къ худшему: съ одной стороны подъ вліяніемъ давнихъ уроковъ о шляхетскомъ гонорѣ пана Хоцинскаго, съ другой—новаго, виднаго положенія—управляющаго,—въ сердцѣ Яся пробудились дремавшія темныя силы,—гордость, самомнѣніе, стремленіе къ панству. Искренняя и простая Галя не могла уже удовлетворять Серединскаго, бившаго на шикъ. Его шокировало родство съ украинскимъ „паномъ", его глазамъ рисовался идеалъ польской женщины, къ которому наиболѣе подходила пани Лемишковская. Галя или Зося? Серединскій колебался не долго и всей душой отдался Зосѣ, очарованный ея кокетствомъ. И началась для Гали невеселая жизнь: первое время ее навѣщали родители, но Ясь былъ противъ этихъ посѣщеній, да и Гали не пускалъ домой. Мало-по-малу у бѣдной, забытой женщины развилась чахотка, которая и подкосила ее. Галю о. Ѳедоръ забралъ домой съ ея сыномъ. Галя, уѣзжая отъ мужа, „вывезла зъ ёго дому и ёго долю". Князь, который давно замѣчалъ, что Серединскій, увлекаясь Зосей, запустилъ дѣла, отказалъ ему отъ мѣста. Въ отчаяніи Ясь обратился къ Зосѣ за словами утѣшенія и поддержки. Но Зося, которую передъ тѣмъ ея мужъ, выведенный, наконецъ, изъ терпѣнія, выгналъ изъ дому съ ея сестрами, объѣдавшими и обпивавшими его,—отвергла любовь потерявшаго мѣсто, а вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣну и привлекательность. Ася и вернулась къ мужу.

Галя умерла. Умеръ и ея сынъ, котораго взялъ къ себѣ Серединскій. Ясь остался одинокимъ, и тогда онъ очнулся, „и не разъ и не два плакавъ винъ за Галею, та не вертается вдруге „що разъ потонуло въ безодни...“ Жизнь Лемишковскаго потекла по старому; Зося боялась теперь его и смирилась. Якимъ сожалѣлъ объ увлеченіяхъ своей молодости... „и не разъ йидучы коло батькивського грунту, винъ дывывся на батькивську оселю, хату, на старый садокъ, на все добро, де вже панувалы чужи люде, де похожалы ногы чужихъ дитей—не унукивъ и правнукивъ старого Лемишкы“.

Въ своей повѣсти нашъ авторъ затронулъ польско-украинскія отношенія и, надо признать это, освѣтилъ ихъ очень правдиво и вѣрно. Передъ нами два свѣта: польская шляхта и украинскій народъ въ лицѣ представителей его—духовенства. Панство, гордое своимъ происхожденіемъ, сознаніемъ высшей культуры, презрѣніемъ ко всему не польскому, крѣпко держится своихъ идеаловъ—подчинить все своимъ вліяніямъ, стремится неуклонно оторвать у противнаго лагеря лучшія силы, ополячивъ ихъ. Въ средѣ этого панства выросло и окрѣпло убѣжденіе въ высокой культурной „миссіи“ польской женщины. Для достиженія цѣли употребляютъ всевозможныя средства: братанье съ народомъ, покровительство и предоставленіе различныхъ матеріальныхъ выгодъ священникамъ за два-три польскія слова—въ видахъ поощренія польскаго языка, распространеніе польскихъ журналовъ, лесть и похвалы, искусная игра на чувствительной струнѣ гордости и самомнѣнія.

Противъ всего этого стоитъ украинскій элементъ;—онъ строго демократиченъ: довольно припомнить разговоръ оо. Ѳедора и Моисея съ панамъ Хоцинскимъ, старавшимся привить имъ свои панско-крѣпостническія тенденціи. Украинцы въ повѣсти, какъ замѣтилъ уже проф. Петровъ, отличаются „инерціей и пассивностью“. И въ самомъ дѣлѣ, они уступаютъ героямъ повѣсти—полякамъ въ энергіи, умѣньи вести борьбу; они, оторванные отъ народа воспитаніемъ или мало образованные, уступаютъ и въ степени просвѣщенности, поэтому и остаются въ проигрышѣ.

На фонѣ этихъ отношеній яснѣе и ярче обрисовывается цѣлая галлерея типовъ, созданныхъ талантливымъ перомъ г. Левицкаго. Подробнѣе другихъ очерчена, понятно, сама m-me Причепа—Зося. Здѣсь выведена польская женщина со всѣми ея достоинствами и недостатками: красивая, изящная, она сознаетъ силу своей красоты и умѣетъ ею пользоваться; здѣсь на помощь ей приходитъ врожденное

кокетство: чтобы очаровать Якима, она прибѣгаетъ къ чарующимъ эффектамъ; Леминковскій впервые увидалъ ее благоговѣйно молящейся, до самой свадьбы она олицетворяла собой скромность и невинность. Она женщина далеко не глупая, но вмѣстѣ съ молокомъ матери впитала различныя дикія воззрѣнія, насквозь проникласъ презрѣніемъ къ чужому. Она хитра и не остановится передъ ложью. Всегда и во всемъ, даже въ тѣхъ увлеченіяхъ, безъ которыхъ не можетъ обойтись ея вѣтренная натура, она холодно разсчетлива: исторія любви Леминковскаго, который ей нравился самъ, показываетъ съ одной стороны—неподдѣльное, теплое чувство, съ другой—холодный эгоистическій разсчетъ.

Совершенную противоположность ей составляетъ украинка Галя. Тихая, кроткая, нетребовательная, глубоко-любящая, простая и искренняя—она могла-бы составить счастье человѣку, осмыслить его жизнь. И дѣйствительно, она счастье для Яся. Ея глубокой, честной натуры не передѣлала роскошь, панство: она навсегда и для всѣхъ осталась привѣтливой, доброй и простой Галей, какой была въ Нестеринцахъ. Чтобы понять ея чистоту, благородство, то чувство уваженія къ человѣческому достоинству, которое всегда руководило ею въ отношеніяхъ къ людямъ,—достаточно вспомнить ея братское обращеніе съ прислугой и селянами, когда она была уже богатой барыней, что возмущало ея мужа и снискало ей всеобщую любовь и симпатію. Галя—жертва тѣхъ ненормальныхъ отношеній, которыя разбили ея семейное счастье. Это одинъ изъ симпатичнѣйшихъ образовъ украинской литературы; онъ влечетъ къ себѣ симпатіи читателя, чаруетъ его. Автору удалось создать яркій, цѣльный типъ украинской женщины во всей красѣ ея духовной чистоты и мощи, которыя еще увеличиваются въ сравненіи съ Зосей.

Жертвами среды являются отчасти и Ясь Серединскій, и Якимъ Леминковскій. Г. Левицкій яркими штрихами рисуетъ намъ ихъ духовную жизнь, ихъ мысли, знакомитъ насъ съ ихъ стремленіями и идеалами. Предъ читателемъ проходитъ вереницею цѣлый рядъ явленій и факторовъ, способствовавшихъ рѣзкой перемѣнѣ въ Серединскомъ—изъ трудолюбиваго, нетребовательнаго, простого и любящаго юноши,—жениха Гали, въ надменнаго, гордаго пана, возмнившаго о себѣ Богъ вѣсть что. Перемѣна эта не является неожиданностью: лишь благотворное вліяніе Гали и обстоятельства сдерживали его панскія замашки, которыя съ особенной силой вспыхнули на время

въ подходящей средѣ.—Видитъ ясно читатель и то, какъ вслѣдствіе мягкости и податливости своего характера постепенно отдѣляется и отчуждается отъ своей семьи, отъ родного народа подъ чуждыми вліяніями и единственный сынъ старыхъ Лемишекъ, превратившійся со временемъ въ „перевертня". Оба эти типа—выхвачены изъ жизни. Ихъ участь—это горькая доля и многихъ другихъ даже выдающихся сыновъ нашего народа, гибнущихъ „между Сциллой и Харибдой".

Эти типы двойственны, они создались подъ двоякими наслоеніями,—зато какой цѣльностью отличаются характеры старыхъ Лемишекъ: „старосвитський", трудящійся, прямой и честный Трохимъ Лемишка, его скромная, чуткая, души не чающая въ сынѣ жена—Улита, окружающая невѣстку заботами и любовью, и въ награду—превращенная почти въ „наймычку",—обое они такъ и манятъ къ себѣ своей чистотой, благородствомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, своей святой простотой.

Рядомъ съ ними надо поставить и отца Ѳеодора, всегда веселаго, всегда смѣющагося. Онъ—воплощеніе украинскаго юмора. Но въ то-же время онъ умѣетъ, когда представилась необходимость, постоять за свою дочь.

Выводятся въ повѣсти и другія лица, охарактеризованныя немногими, но мѣткими чертами: болѣзненный о. Моисей, вдовецъ о. Микита, имѣвшій значительное вліяніе на мягкаго и нерѣшительнаго Якима, и ускорившій развязку Зосинаго романа; выступаетъ и цѣлый рядъ типовъ польскихъ: панъ Хоцинскій, болѣе симпатичный изъ всѣхъ, оказавшій значительную поддержку молодымъ Серединскимъ, приставъ Пшепшинскій съ своими дочерьми—«гарнымы гадюкамы», панья Теодося—типъ нѣсколько каррикатурный, на которомъ слишкомъ сгущены тѣни. Отношеніе Зоси и всѣхъ ихъ сестеръ и Теодоси къ Галѣ характеризуетъ ихъ съ весьма невысокой стороны. Замѣчателенъ въ особенности разговоръ ихъ съ Серединскимъ о Галѣ, гдѣ за похвалами сквозитъ насмѣшка и презрѣніе.

Въ повѣсти тамъ и сямъ разбросаны цѣнныя мысли и замѣчанія автора. Замѣчательно, напримѣръ, трезвъ и ясенъ его взглядъ на воспитаніе и образованіе, оторванное отъ родного народа. Но глубоко ошибется тотъ, кто заподозритъ автора въ тенденціозности. Всѣ его воззрѣнія основываются на наблюденныхъ фактахъ и знаніи жизни. Повѣсть отличается реализмомъ, замѣчательною жизненностью. І. Левицкій хорошо и близко знаетъ среду, знаетъ людей, о которыхъ

пишетъ. Картины быта до мельчайшихъ подробностей вѣрны и характерны. Въ повѣсти масса чертъ бытовыхъ, лицъ, выхваченныхъ прямо изъ жизни. Кому, напримѣръ, болѣе или менѣе знающему домашній бытъ недавняго прошлаго нашего духовенства не знакома характерная фигура „духовнаго“ портного Боруха, кочующаго изъ дома въ домъ. Попадаются между прочимъ и печальныя картины дореформеннаго времени, продѣлки Пшепшинскаго съ конокрадами, операціи по превращеніи «злодійскыхъ» лошадей, производимыя его вѣрнымъ конюхомъ.

Со стороны художественной повѣсть не оставляетъ желать ничего лучшаго. Авторъ удачно разрѣшилъ трудную задачу—разсказать и равномѣрно освѣтить сплетенныя прихотью судьбы исторіи семейной жизни Серединскихъ и Лемишковскихъ. Ему удалось сдѣлать это, не нарушая художественной цѣльности впечатлѣнія. Вся повѣсть вообще написана живо, интересно, нѣкоторыя-же мѣста отличаются глубокой теплотой и искренностью чувства—трудовой день въ Костеринецкой экономіи (гл. 4), болѣзнь и смерть Гали (гл. 12). Описанія природы отличаются, какъ и вообще у г. Левицкаго,—свѣжестью, пластичностью образовъ, живостью, яркостью и богатствомъ красокъ. Не знаемъ, надо-ли упоминать о языкѣ повѣсти,—онъ всегда чистъ, образенъ и изященъ у такого художника слова, какимъ является нашъ авторъ. Читается повѣсть легко и свободно, съ захватывающимъ интересомъ. Мы, по крайней мѣрѣ, несмотря на прежнее знакомство съ нею, прочли ее теперь съ неослабѣвающимъ интересомъ и удовольствіемъ. Общее впечатлѣніе чарующее; и долго по прочтеніи передъ глазами стоятъ симпатичные образы въ повѣсти, и ярче всѣхъ выступаетъ, понятно, изъ сумрака прошедшаго озаренная лучезарнымъ свѣтомъ добра и страданья—Галя; на душу нисходитъ тихое чувство сожалѣнія къ загубленной жизни хорошихъ людей.

Повѣсть «Навижена» представляетъ для насъ глубокій интересъ живой современности. Детальный разборъ этой повѣсти завелъ-бы насъ слишкомъ далеко, къ тому же мы отвели и такъ много мѣста обзору предыдущей повѣсти «Причепа»,—поэтому мы постараемся ограничиться немногими словами, передавъ вкратцѣ содержаніе этой повѣсти и познакомивъ читателей въ общихъ чертахъ съ выводимыми въ ней лицами.

Молодой чиновникъ Лосницкій ухаживаетъ за Марусей Каралаевой, бываетъ въ ея домѣ и пользуется ея взаимностью. Но молодымъ людямъ на дорогѣ къ счастью становится мать Маруси—Марта

Кириловна, отказываясь свою дочь выдать замужъ за Лосницкаго. Свой отказъ она мотивируетъ принципіальными воззрѣніями на мужчинъ, на самомъ же дѣлѣ не хочетъ разстаться съ дочерью изъ эгоистическихъ побужденій. Чтобы избавиться отъ посѣщеній Лосницкаго, Марта Кириловна съ дочерью ѣдетъ изъ Кишинева, гдѣ они жили, въ Одессу на морскія купанья. Лосницкій, послѣдовавъ за ними и получивъ отъ матери вторичный отказъ, обращается за содѣйствіемъ къ Христинѣ Степановнѣ, бойкой вдовѣ, сестрѣ своего хозяина. По ея совѣту онъ условился съ Марусей бѣжать и тайкомъ повѣнчаться. Но въ послѣднюю минуту Маруся не рѣшилась кинуть матери, и дѣло не выгорѣло. Тогда Христина Степановна составила другой планъ: она рѣшила раньше выдать замужъ маменьку за нѣкоего Бычковскаго, старую любовь m-me Каралаевой, которому она и теперь симпатизируетъ. Это ей удается. Марта Кириловна убѣдившись, что ей нечего бояться одиночества, даетъ согласіе на бракъ дочери съ Лосницкимъ а вскорѣ и сама выходитъ замужъ. Повѣсть оканчивается картиной семейной жизни молодыхъ Лосницкихъ.

Какъ видимъ, содержаніе повѣсти—сама живая современность. Сѣренькая будничная жизнь, остутствіе высшихъ интересовъ, застой въ мысляхъ обывателей небольшого провинціальнаго города,—все это отразилось и на лицахъ, выводимыхъ въ повѣсти. Духъ времени положилъ свой отпечатокъ на Лосницкаго: изъ живого, энергичнаго, полнаго надеждъ юноши школа и среда сдѣлали полусоннаго человѣка котораго вотъ вотъ грозитъ засосать и поглотить тина окружающей его дѣйствительности. Въ его душѣ мало по малу замираютъ стремленія къ общественной дѣятельности, работѣ на пользу родного края. Мечты юности, идеалы, разбуженные письмомъ товарища, кажутся ему отзвуками чего то далекаго, но милаго; онъ сожалѣетъ о безплодно потраченныхъ годахъ юности, и переноситъ всю свою любовь на семью. Онъ человѣкъ честный, неспособный на дурное, и лишь вслѣдствіе недостатка энергіи не взявшійся за живое дѣло, которому можно отдать лучшія силы. Навряд ли можно найти для него лучшую пару, какъ Маруся Каралаева: дѣвушка симпатичная, трудолюбивая, развитая, образованная и талантливая, въ то-же время слишкомъ неподвижная. Если представители современной молодежи нѣсколько апатичны, то нельзя того-же сказать о старшемъ поколѣніи, которое представлено въ повѣсти Мартой Кириловной и Христиной Степановной. Марта Кириловна—типъ крайне оригинальный и въ тоже время современный.

и отъ души привѣтствуемъ избранную совѣтомъ ученую комиссію (проф. Н. И. Петровъ, проф. С. Т. Голубевъ и свящ. Ѳ. И. Титовъ), которая имѣетъ собрать по возможности всѣ древніе акты и архивныя данныя, относящіяся къ исторіи Академіи, и подвергнуть разбору и критической оцѣнкѣ все то, что до сего времени написано объ Академіи.

Вл. Д.

Александръ Барвѣнскій въ исторіи культурнаго движенія русскаго народа на Прикарпатю. *Написавъ Иванъ Ем. Левицкій. Львовъ, 1901.*

Извѣстный своими библіографическими трудами галицкій ученый Ив. Ем. Левицкій предпринялъ въ настоящее время новое изданіе «Прикарпатска Русь», представляющее собою первый опытъ біографическаго словаря украинскихъ дѣятелей; разсматриваемая нами книга составляетъ отдѣльный оттискъ изъ I-го тома этого изданія. Александръ Барвинскій—одинъ изъ выдающихся современныхъ галицкихъ дѣятелей, фигура во всякомъ случаѣ замѣтная на галицкомъ горизонтѣ. Съ его именемъ соединено много событій, имѣющихъ огромное значеніе для исторіи Галичины за послѣднія десятилѣтія. Выступивъ, вмѣстѣ съ Юліаномъ Романчукомъ, творцомъ такъ называемой «новой эры» въ политической жизни Галичины, Барвинскій оказался наиболѣе послѣдовательнымъ приверженцемъ этого направленія и продолжаетъ неуклонно держаться его даже и въ то время, когда другіе галицкіе дѣятели, и даже самъ Романчукъ, отъ него отказались. Отъ біографа этой во всякомъ случаѣ не заурядной личности мы вправѣ ожидать если и не вполнѣ безпристрастной, въ силу весьма запутанныхъ политическихъ отношеній въ Галичинѣ, осложняющихся часто партійными и даже чисто личными счетами, то во всякомъ случаѣ совершенно опредѣленной оцѣнки. Но такой именно оцѣнки мы и не находимъ въ трудѣ почтеннаго галицкаго ученаго. Г. Левицкій чрезвычайно подробно, шагъ за шагомъ разсматриваетъ жизнь и дѣятельность Барвинскаго; отъ его вниманія не ускользаютъ часто самыя незначительныя подробности, которыя онъ въ изобиліи черпаетъ изъ газетъ; иногда эта подробность изложенія доходитъ до крайней мелочности, производящей на читателя нѣсколько даже комическое впечатлѣніе (см. напр., на

страницахъ 56—57 неизвѣстно зачѣмъ буквально приведенные разговоры австрійскаго императора съ Барвинскимъ, содержащіе лишь оффиціальные комплименты и не прибавляющіе ни одной черточки къ характеристикѣ галицкаго дѣятеля). Но все таки трудъ г. Левицкаго ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названъ біографіей въ обычномъ и общепринятомъ значеніи этого слова. Это скорѣе собраніе сырыхъ необработанныхъ фактовъ, не объединенныхъ никакимъ общимъ принципомъ, не одухотворенныхъ руководящей идеей, совершенно, повидимому, отсутствующей у автора. Онъ съ одинаковою обстоятельностью останавливается и на событіяхъ крупнаго общественнаго интереса, и на мелкихъ, имѣющихъ чисто личное значеніе. Нигдѣ ни однимъ словомъ авторъ не выдаетъ такого своего отношенія къ излагаемымъ фактамъ, передавая ихъ одинаково ровнымъ, безстрастнымъ, холоднымъ тономъ; не дѣлаетъ онъ даже и попытки представить хоть какую-нибудь характеристику Барвинскаго. Читатель, мало ознакомленный съ положеніемъ дѣлъ въ Галичинѣ, въ концѣ концовъ выноситъ изъ книги г. Левицкаго неясное впечатлѣніе о дѣятельности Барвинскаго, теряясь среди массы неприведенныхъ къ одному знаменателю фактовъ. Отсутствіе характеристики особенно неудобно въ біографіяхъ такихъ лицъ какъ Барвинскій, дѣятельность котораго вызывала и вызываетъ самую разнообразную оцѣнку. Г. Левицкій и не пытается разобраться во всѣхъ тѣхъ противорѣчивыхъ отзывахъ, которые въ изобиліи приводятся въ различныхъ мѣстахъ его книги, предоставляя этотъ трудъ читателю.. Повторяемъ, что это крупный недостатокъ книги г. Левицкаго, лишающій ее того значенія, которое она могла бы имѣть, если бы авторъ, вмѣсто груды сырыхъ фактовъ, далъ болѣе или менѣе ясную и опредѣленную характеристику. Въ настоящемъ же своемъ видѣ книга г. Левицкаго будетъ имѣть значеніе только какъ матеріалъ для біографіи,—правда цѣнный матеріалъ, но все же сырой и необработанный.

Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ авторъ даетъ также болѣе или менѣе подробныя біографическія свѣдѣнія о тѣхъ лицахъ, съ которыми имѣлъ сношеніе Барвинскій. Для насъ наибольшій интересъ представляютъ біографическіе очерки Костомарова, Кулиша и Конисскаго своими указаніями, преимущественно біографическаго характера.

С. Е.

А. Швенцонъ. „Описаніе Литинскаго уѣзда Подольской губ.“
СПБ. 1901 г. 157 стр., цѣна 1 р.

Мысль составить описаніе Литинскаго уѣзда возникла у автора, какъ видно изъ предисловія, вслѣдствіе того, что «въ бытность» его предводителемъ дворянства, автору «приходилось часто терять время и испытывать затрудненія вслѣдствіе отсутствія сколько нибудь систематизированныхъ свѣдѣній по уѣзду»; матеріалы же, «сосредоточенные въ канцеляріи Предводителя», «несмотря на ихъ разнообразіе», не давали возможности составить цѣльнаго понятія объ уѣздѣ. Вслѣдствіе этого пришлось обратиться за свѣдѣніями почти ко всѣмъ мѣстнымъ учрежденіямъ и многимъ частнымъ лицамъ», отнесшимся къ просьбамъ автора въ большинствѣ «съ крайнею предупредительностью». Особенное содѣйствіе автору въ составленіи этой книги оказали г.г. мировые посредники и исправникъ, а также бывшій его письмоводитель, «взявшій на себя наиболѣе тяжелую и скучную работу», которымъ, имя рекъ, авторъ и выражаетъ свою признательность.

Изъ этого предисловія неизбѣжно, конечно, заключить, что работа г. Швенцона, во 1-хъ, была нелегкая, потребовавшая содѣйствія многихъ силъ, во 2-хъ, вызванная необходимостью и въ 3-хъ, довольно сложная, такъ какъ, не будучи въ состояніи составить ее собственными силами, онъ самую «тяжелую и скучную» часть ея предоставилъ г. «бывшему письмоводителю», взявъ, очевидно, на свою долю часть менѣе легкую и болѣе, такъ сказать, веселую.

Содержаніе книжки дѣйствительно распадается на общую часть (21 стран.) и часть, составляющую «описаніе населенныхъ мѣстъ» уѣзда (136 стр.), изложеніе которой, надо полагать, и выпало на долю г. бывшаго письмоводителя. Первая часть составляетъ по преимуществу элементарный сводъ обыкновенныхъ «статистическихъ» цыфръ о населеніи, землевладѣніи, школахъ, фабрикахъ, заводахъ, продовольственныхъ запасахъ, сельскихъ банкахъ и пожарной части, которыя можно почерпнуть въ любомъ изданіи мѣстнаго губернскаго статистическаго комитета, въ родѣ, такъ наз., «памятныхъ книжекъ». Вторая же часть почти цѣликомъ исчерпываетъ по Литинск. уѣзду содержаніе недавно изданнаго тѣмъ же Комитетомъ и составленнаго секретаремъ Комитета г. Гульдманомъ списка населенныхъ мѣстъ губерніи. Будучи при этомъ сходна съ нимъ по характеру изложенія, она обладаетъ и одинаковымъ съ нимъ недостаткомъ: изложеніемъ свѣдѣній о

разстояніяхъ, населеніи и пр.—текстомъ, а не въ формѣ таблицъ, могущихъ облегчить пользованіе ими и сократить объемъ, а слѣдовательно и цѣну изданія.

Это содержаніе книжки указываетъ, что совершенно напрасно г. Швенцонъ обращался за свѣдѣніями и «ко всѣмъ мѣстнымъ учрежденіямъ и многимъ частнымъ лицамъ», когда ихъ можно было получить изъ помянутыхъ изданій губернскаго статистическаго комитета. Вѣроятно, не смотря на все «разнообразіе» матеріаловъ, сосредоточенныхъ въ канцеляріи уѣздныхъ предводителей дворянства, такія изданія въ эту канцелярію не попадаютъ.

Изъ общей части книжки видно, что «въ общемъ положеніе крестьянскаго хозяйства надо признать удовлетворительнымъ по слѣдующимъ показателямъ: въ уѣздѣ нѣтъ ни копѣйки крестьянской недоимки, благоустройство селъ прогрессируетъ (см. таблицы въ концѣ общей части), количество земли, принадлежащее крестьянамъ, постоянно увеличивается». Къ сожалѣнію, въ таблицахъ, приведенныхъ въ концѣ книги, совсѣмъ не находится данныхъ, которыя бы убѣждали въ «прогрессированіи благоустройства селъ.» Что касается признанія отсутствія недоимокъ показателемъ удовлетворительнаго положенія хозяйства крестьянъ, то это вопросъ весьма спорный и нельзя по этому поводу не пожалѣть, что авторъ, будучи предводителемъ, не посовѣтовался на этотъ счетъ съ мѣстнымъ исправникомъ, оказывавшимъ ему содѣйствіе въ составленіи его книжки. Послѣдній, въ качествѣ спеціалиста по взысканію сборовъ и податей, разъяснилъ-бы ему, конечно, что часто, при прочихъ равныхъ условіяхъ, безнедоимочность населенія зависитъ и отъ степени энергіи полиціи. Третій показатель крестьянскаго благополучія: количество покупаемыхъ крестьянами земель изображенъ въ книгѣ, какъ признаетъ самъ авторъ, недостаточно точными цыфрами. Да онъ и не можетъ считаться показателемъ благополучія, пока не приведено данныхъ, что покупки сдѣланы крестьянами на собственныя свободныя средства, что покупщиками явились не только и не по преимуществу богачи, что покупаемая земля довольно уравнительно распредѣлилась среди населенія и сократила нужду въ землѣ наиболѣе нуждавшейся въ ней части населенія и пр. и пр.

Весьма краткая общая часть изложена довольно удобопонятно; но стр. 11—13, представляющія, повидимому, новый вкладъ въ дѣло изслѣдованія землевладѣнія уѣзда вообще, и польскаго и русскаго въ частности, весьма трудно доступны пониманію простого смертнаго.

На стр. 13 авторъ, говоря объ усиленіи русскаго землевладѣнія на югѣ уѣзда, говоритъ, что «оно» «видно изъ карты»; но никакой карты къ книгѣ не прилагаетъ.

Л. С. Л.

Русскій Антропологическій Журналъ. *Изданіе Антропологич. Отдѣла Импер. Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ. 1901 г. (годъ II) Подъ ред. А. Л. Ивановскаго.*

Въ № 1 помѣщена работа *Ю. Д. Талько-Гринцевича* «Поляки» (стр. 1—30) съ 14-ью превосходно исполненными фототипіями въ текстѣ. Авторъ, на основаніи собственныхъ антропометрическихъ изслѣдованій и весьма обширной литературы (списокъ которой приведенъ въ концѣ работы), приходитъ къ заключенію, что прототипомъ поляковъ являются татарскіе горцы; постоянное отступленіе отъ этого прототипа, по мѣрѣ удаленія отъ Карпатъ, указываетъ на смѣшанную расу.—*Б. Адлеръ.* Происхожденіе и переселеніе народовъ съ географической точки зрѣнія. (стр. 82—95). Статья составлена по работѣ проф. *F. Ratzel'* я «Der Ursprung und das Wandern der Völker geographisch betrachtet», цѣль которой—пополнить недостатки метода, примѣняемаго при обсужденіи вопроса о происхожденіи какого-нибудь народа.

Въ отдѣлѣ «Критики и библіографіи» даны рефераты между прочимъ слѣдующихъ работъ: *R. Virchow.* Meinungen und Tatsachen in der Antropologie.—*П. С. Уварова.* Могильники Сѣвернаго Кавказа.—*M. Zaborowski.* Les slaves de race et leurs origines Paris. 1900.—*В. Д. Ястремскій.* Физическое развитіе и состояніе здоровья учениковъ курскихъ городскихъ народныхъ училищъ. 190.

Въ № 2 въ отдѣлѣ «Критики и библіографіи» помѣщены, между прочимъ, рефераты работъ: *R. Virchow.* Rothgefärbter Schädel eines Buli-Negers aus Kamerun.—*E. Krause.* Menschliche und Tier-Knochen mit rothen Flecken—*R. Knauer.* Menschliche Knochen mit rothen Flecken aus bessarabischen Gräbern. (Всѣ три автора высказываются въ пользу естественнаго происхожденія красной окраски череповъ и костей).

Въ №№ 3—4 (въ одной книжкѣ) находимъ между проч. статьи: *Р. Л. Вейнбергъ.* О физическихъ особенностяхъ первобытнаго человѣка (стр.

184—203, съ 6 рис.) По поводу новѣйшихъ гипотезъ проф. *G. Schwalbe* и проф. *H. Klaatsch'a.—Б. Ѳ. Адлеръ*. Происхожденіе европейскихъ народовъ (по *F. Ratzel'ю*) (стр. 212—215).

Въ отдѣлѣ «Критики и библіографіи» помѣщенъ между прочимъ рефератъ *Ю. Д. Талько-Грынцевича* о книгѣ: Dr. *W. Demetrykiewicz*. Warunki pracy naukowei na polu archeologii przedhistorycznei w Polsce i kwestye ich zasadniczej poprawy.

Обзоръ журналовъ конца 1901 года и начала 1902 г.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 1; 2) Русская Старина, № 1; 3) Историческій Вѣстникъ, № 1; 4) Журналъ Мин. Народн. Просв., № 1; 5) Научное Обозрѣніе, № 12-й 1901 г.; 6) Міръ Божій, № 1; 7) Учен. Записки Казанскаго Универс., № 12-й 1901 г.; 8) Варшав. Унив. Извѣст., № 7 и 8-й 1901 г.; 9) Литерат.-Науковый Вистникъ, № 1; 10) Kwartalnik Historyczny 1901 г. вып. 4; 11) Biblioteka Warszawska № 1; 12) Przewodnik naukowy i literacki 1901 г. № 12 и 1902 г. № 1.

Русская Старина 1902 г. № 1.

Н. Дубровинъ. Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка. Гл. 16-я (стр. 5—33). Въ этой главѣ помѣщенъ весьма интересный отдѣлъ для нашего края: политическая и общественная дѣятельность такихъ лицъ, какъ Ѳаддей Чацкій, кн. Адамъ Чарторыйскій, ксендзъ Дмоховскій и Гуго Колонтай, игравшіе такую видную роль въ установленіи всей школьной системы на югѣ Россіи.

П. Пирлингъ. Альберто Вимина; сношенія Венеціи съ Украиною и Москвою 1650—1663 г. (стр. 57—70). Въ статьѣ этой освѣщается личность Альберта Вимина, камъ политическаго дѣятеля, преимущественно во время его поѣздки въ Малороссію для переговоровъ съ Богданомъ Хмельницкимъ. Въ нашемъ журналѣ было помѣщено «Донесеніе Альберта Вимины о козакахъ и Богданѣ Хмельницкомъ» (1900 г. № 1), такъ что не совсѣмъ вѣрны слова П. Пирлинга, будто до сихъ поръ никто ни словомъ не обмолвился о переговорахъ Альб. Вимины съ Богд. Хмельницкимъ.

Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина. Въ помѣщенной только пока 1-ой главѣ сообщаются свѣдѣнія о назначеніи В. И. Назимова Виленскимъ генералъ-губернаторомъ въ 1855 году и о его отношеніи къ польскому дворянству (стр. 71—86).

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева. Гл. XXVI (стр. 187—199). Нѣсколько малозначительныхъ эпизодовъ изъ его поѣздокъ по югу Россіи во время изысканія дороги отъ Харькова до Одессы (стр. 186—199).

А. Р. Былое. Изъ воспоминаній о 50 и 60 годахъ. Гл. XII—XIV (стр. 201—216). Въ этихъ главахъ есть нѣсколько строкъ съ характеристикой харьковскаго студенчества въ 1863 году (стр. 204), картинка жизни въ одномъ мѣстечкѣ Полтавской губерніи (стр. 207—210), и въ уѣздномъ городѣ (стр. 210—211).

Міръ Божій, № 1 (январь, 1902)

Котляревскій Н.—Н. В. Гоголь (стр. 1—25). Начало интересной біографіи Гоголя, доведенной до выхода въ свѣтъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки». Авторъ біографіи поставилъ цѣлью своихъ очерковъ—«возстановить съ возможною полнотою исторію психическихъ движеній этой загадочной души художника и изслѣдовать болѣе подробно то соотношеніе, какое существуетъ между произведеніями Гоголя и современной ему дѣйствительностью, а также и ту взаимную связь, которая объединяетъ его творчество съ творчествомъ предшествовавшихъ и современныхъ ему писателей». Очерки г. Котляревскаго могли бы имѣть и спеціальный интересъ, если бы онъ прослѣдилъ вліяніе украинской словесности на творчество Гоголя, но къ сожалѣнію г. Котляревскій заранѣе отказывается отъ этой задачи (см. примѣчаніе на стр. 3—4).

Въ отдѣлѣ «Разныя разности» находимъ небольшую замѣтку «Нѣмецкія колоніи въ Новороссіи», выясняющую современное состояніе колонистовъ и причины ихъ превосходства надъ окружающимъ населеніемъ.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ г. Дегеномъ данъ отзывъ о недавно появившемся на русскомъ языкѣ сборникѣ разсказовъ Ивана Франка—«Въ потѣ лица».

Ученыя записки Казанскаго университета № 12 (дек. 1901).

Александровъ.—В. И. Григоровичъ, профессоръ славянскихъ нарѣчій. Съ портретомъ (стр, 1—28). Публичная лекція, содержащая бѣглый очеркъ жизни и дѣятельности покойнаго слависта.

Въ приложеніи дано начало труда проф. Боброва—«Философія въ Россіи», вып. IV (стр. 1—48). Настоящая часть изслѣдованія проф. Боброва содержитъ обзоръ трудовъ по философіи, принадлежащихъ профессорамъ Кіевской и Московской духовныхъ академій въ XVIII вѣкѣ.

Літературно-науковий Вістник, 1902 р. кн. 1 (січень).

На старі теми: I. Не лѣпо ли ны бяшеть, братіе... II. На рѣкахъ вавилонскихъ тамо сѣдохомъ... Поезиі Івана Франка. Стр. 1—3.

Земля, оповідане Ольги Кобилянськоі. Стор. 4—36.

Хвилини, I—IV. Поезиі Лесі Українки. Стор. 37—38.

Море, оповідане Грицька Коваленка. Стор. 39—55. Разсказу сильно вредитъ протокольность изложенія и утрировка.

Мінятюри: I. Уривки з автобіографіі Ідеі,—Надіі Кибальчич; II. Чому?—Марти ***; III. Поворот—Михайла Яцкова. Стор. 56—61.

Із переспівів А. Кримського. Стор. 62.

Макар Чудра, оповідане Максима Горького, переклала Маруся Полтавка. Стор. 63—73.

Із поезий Уляни Кравченко.

Спостереження та враженія земського статистика,—Юхима Павловського. Стор. 1—16. Интересный очеркъ, содержащій много любопытныхъ наблюденій надъ народною жизнью степовой Украины.

Національне питанне в Норвегії, I—II, Сергія Ефремова. Стор. 17—32.

Наша поезия в 1901 році,—Ів. Франка. Стор. 33—48. Разборъ сборника стихотвореній «Розсипані перли», принадлежащаго молодому поэту-галичанину В. Пачовскому.

Уваги на сучасні теми: I. Справа україньско-руського університету у Львові,—Вол. Гнатюка, стор. 49—72. Обстоятельная статья, посвященная послѣднимъ событіямъ во львовскомъ университетѣ; особенно интересны приводимые авторомъ документы, проливающіе свѣтъ на студенческое движеніе въ пользу основанія родного университета. II. Одиссея перевертня,—С. Е. и І. Ж. Стор. 72—77. Сообщеніе объ

извѣстной лекціи г. Вергуна въ Кіевѣ и Москвѣ. III. Два поклики. Стор. 77—79. Воззваніе къ украинскому обществу о собираніи этнографическихъ матеріаловъ и о поддержкѣ пожертвованіями Музея древностей при Товариствѣ ім. Шевченка. IV. Справа укр.-руської гимназиі у Станіславові,—В. Стор. 79—80. Требованіе открытія новой украинской гимназіи въ Станиславовѣ.

Хроніка і бібліографія. Стор. 1—12.—Различнаго рода извѣстія и замѣтки текущаго характера.

Przewodnik naukowy i literacki 1901 г. № 12 и 1902 г № 1.

Окончаніе статьи Влад. Ленкевича «Участіе Россіи въ карловицкомъ мирѣ». Авторъ излагаетъ подробно ходъ дипломатическихъ переговоровъ съ 1697 по 1699 г., главнымъ образомъ на основаніи «Памятн. дипл. сношеній Россіи» и документовъ вѣнскаго придворнаго архива. (1901 г. № 12).

Въ статьѣ д-ра Стан. Кутшебы «Правовое положеніе евреевъ въ Польшѣ въ XV столѣтіи» приведены нѣкоторыя данныя объ организаціи еврейскаго суда во Львовѣ. (1901 г. № 12).

Въ «Корресподенціи Іос. Богдана Залѣсскаго (1902 г. № 1)» находимъ такое удивительное извѣстіе въ письмѣ къ Фелиціи Ивановской изъ Парижа 17 февраля 1865 г.: «Сюда имѣютъ прибыть въ эмиграцію Кулишъ, Костомаровъ и Бѣлозерскій, которыхъ Москва преслѣдуетъ за украинство. Они убѣжали въ одно и тоже время изъ разныхъ городовъ, куда были водворены. Конечно, я ихъ приму побратски украинскимъ сердцемъ, чтобы они любовью обратились къ правдѣ божьей и народной. Въ этомъ видна рука провидѣнія; явятся на западъ ради науки кіевскіе профессора, въ науку къ кіевлянину Духинскому. Такимъ образомъ явятся у насъ и «эмигранты-малороссы». Нечего и говорить, что этотъ слухъ лишенъ былъ всякаго основанія.

Начало статьи Казимира Пуласскаго: «Старинныя поселенія въ Каменецкой землѣ и владѣвшіе ими роды подольской исторической шляхты». Пока данъ очеркъ исторіи Шаравки, владѣнія Шаравскихъ и Претфичей. Весьма старательныя работы, основанныя главнымъ образомъ на документахъ Кіевскаго центральнаго архива (1902 г. № 1).

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Ростовскій-на-Дону книгопродавецъ и любитель старины г. Романовичъ доставилъ въ редакцію «Донской Рѣчи» интересное «дѣло», относящееся къ одному изъ печальныхъ моментовъ жизни поэта Т. Шевченко. Подлинное дѣло № 112 относится къ 1857 г., т. е. къ моменту полученія Т. Шевченкомъ свободы. На оберткѣ дѣла за № 112 значится: «Комендантскаго управленія новопетровскаго укрѣпленія.—Объ отправленіи рядового оренбургскто линейнаго № 1-го баталіона Тараса Шевченко къ баталіонному штабу въ г. Уральскъ.—Началось 29 іюля 1857 г. кончено»... Все же дѣло, какъ видно изъ документовъ, заключается въ слѣдующемъ: «Ново-петровскій комендантъ, состоящій по армейской пѣхотѣ ген.-маіоръ и кавалеръ Усковъ» получаетъ отъ своего начальства рапортъ, изъ котораго видно, что «унтеръ-офицеры Храбчинскій, Ольшевскій, Феалковскій и рядовые Домарацкій и Шевченко по Высочайшему повелѣнію увольняются отъ службы, и что ихъ надлежитъ отправить къ баталіонному штабу въ г. Уральскъ». Шевченко, получивъ, наконецъ давно ожидаемую свободу, проситъ коменданта Ускова дать ему билеоъ (паспортъ) и позволить ему, не заѣзжая въ г. Уральскъ, отправиться прямо въ Петербургъ, избранный имъ мѣстомъ своего постояннаго жительства. Изъ дальнѣйшихъ бумагъ дѣла видно, что маіоръ Усковъ. принимая во вниманіе, что г. Уральскъ совсѣмъ не по дорогѣ Шевченку, отправляющемуся въ Петербургъ (лишнихъ тысячу верстъ пути), выдаетъ ему приложенный къ дѣлу билетъ. Объ этомъ, уже post factum, Усковъ, доноситъ по начальству.

Зная изъ разныхъ «Воспоминаній» и другихъ матеріаловъ для біографіи поэта о сердечномъ и дружескомъ отношеніи Ускова къ поэту,—можно, пожалуй, предположить, что въ данномъ случаѣ въ Усковѣ говорилъ не комендантъ крѣпости, а доброжелатель и почитатель несчастнаго поэта. Рапортъ объ освобожденіи Шевченка былъ полученъ 26 іюня 1857 года. Шевченко получаетъ билетъ 1 августа, въ тотъ же день увѣдомляетъ свое начальство и проситъ выслать въ Петербургъ, въ академію художествъ, на имя Шевченка, его паспортъ, взамѣнъ выданнаго имъ билета. Что произошло отъ 1-го по 29-е—неизвѣстно. Только Усковъ спохватился, что поступилъ опрометчиво, выдавъ Шевченко свободный пропускъ и билетъ на выѣздъ въ Петербургъ и жительство въ столицѣ. 29 августа онъ пишетъ въ Петербургъ въ академію

художествъ, въ московскую, петербургскую и нижегородскую полиціи и въ Астрахань о томъ, чтобы задержали Шевченка и вернули его съ билетомъ обратно къ нему. Особымъ рапортомъ доноситъ о своемъ промахѣ по начальству: оказывается, что освобожденіе Шевченка было условное, съ запрещеніемъ ему въѣзда въ столицы, о чемъ въ первомъ рапортѣ по недосмотру не упоминалось. Начальство, однако, не приняло во вниманіе того обстоятельства, что Усковъ не зналъ объ условномъ освобожденіи, и 18-го сентября объявлено ему «строгое замѣчаніе». Шевченко мѣжду тѣмъ, какъ видно изъ рапорта астраханской полиціи 22-го августа, на пароходѣ «Пожарскій» изъ Астрахани отправился въ Нижній. Здѣсь его ждалъ двоякій сюрпризъ: съ одной стороны—друзья и почитатели поэта, встрѣтившіе его съ распростертыми объятіями, а съ другой—полиція съ предписаніемъ «вернуть его обратно». 17-го октября полицмейстеръ доноситъ Ускову: «Рядовой изъ бывшихъ (?) художниковъ Шевченко 20 сентября прибылъ въ Нижній-Новгородъ въ разстроенномъ состояніи здоровья, который былъ мною освидѣтельствованъ вмѣстѣ съ городскимъ врачемъ, и по освидѣтельствованіи онъ оказался немогущимъ слѣдовать въ обратный путь, впредь до совершеннаго выздоровленія»; при рапортѣ былъ приложенъ и пресловутый билетъ, отобранный у «бѣглеца». Получивъ билетъ и успокоившись насчетъ того, что Шевченко въ Петербургъ не попадетъ,—Усковъ доноситъ объ этомъ своему начальству. Этимъ дѣло и кончается.

Однако, «болѣзнь» Шевченка, по всѣмъ вѣроятностямъ, была выдумана нижегородскими друзьями поэта, между которыми былъ и губернаторъ—декабристъ Муравьевъ. Вскорѣ Рѣпнина, Толстые и др. выхлопотали Шевченку право жительства въ столицѣ, чѣмъ онъ и не замедлилъ воспользоваться («Биржевыя Вѣдомости», № 346).

—

Въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» (№ 350) и «Придѣпровскомъ краѣ» (№ 1413) находимъ статьи, посвященныя обзору ученой дѣятельности И. В. Лучицкаго, по поводу истекшаго ея 30-лѣтія.

—

«Кіевская газета» подъ заглавіемъ «Литературная новинка» помѣстила въ № 6 извѣстіе о собраніи драматическихъ произведеній г. Гринченка, которое печатается въ Черниговѣ и въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ. Въ это собраніе войдутъ слѣдующія произведенія г. Гринченка: 1) *Ясни зори*, драма на 5 дій, 2) *Нахмарило*, комедія

на 3 діи, 3) *Степовый гистъ*, драма на 5 дій, 4) *Середъ бури*, драма на 5 дій. *Арсенъ Яворенко*. Исключая драмы «Середъ бури», всѣ остальныя пьесы появлются у насъ впервые.

Продолженіе статей проф. Сумцова «Изъ этнографическихъ экскурсій», появившееся въ № 7228 и 7245 «Южнаго края», содержитъ описаніе слободы Боромли и изслѣдованіе объ украинскихъ національныхъ «ласощахъ». Оба очерка приводятъ доказательства оскудѣнія современной украинской деревни, благодаря которому какъ насущныя, такъ и второстепенныя потребности населенія удовлетворяются слабѣе, чѣмъ въ старину.

Въ прибавленіи къ № 1100 «Юга» помѣщена очень интересная статья г. Ковал.-Колом.—«Дѣятельность Наукового Товариства імени Шевченка», дающая въ сжатомъ очеркѣ свѣдѣнія объ основаніи общества, о его дѣятельности, объ отзывахъ о немъ европейскихъ ученыхъ и т. п.

Г. Симоновъ въ «Приднѣпровскомъ Краѣ» (№ 1401) возстановляетъ любопытную страничку изъ исторіи нашихъ общественныхъ отношеній. Въ № 35 «Иллюстраціи» за 1858 годъ появилась анонимная статья, проникнутая крайнею нетерпимостью по отношенію къ евреямъ; эта и послѣдовавшія за ней инсинуаціи той же «Иллюстраціи» вызвали слѣдующій протестъ украинскихъ писателей, напечатанный въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1858 г. «Въ № 21 вашего журнала вы представили первый примѣръ общественнаго протеста противъ недостойнаго поступка «Иллюстраціи». Много вѣковъ уже христіанскія націи, составляющія нынѣ русскую Имперію, клеймятъ скитающееся по всему міру племя евреевъ племенами злодѣевъ, предателей, обманщиковъ, враговъ Божіихъ и человѣческихъ. И не на словахъ только высказывалось, противъ евреевъ негодованіе людей, которые не умѣли увлечь ихъ человѣческими средствами на путь истины и добра. Ихъ изгоняли, топили, жгли и рѣзали, какъ хищныхъ звѣрей. Было бы неестественно по этимъ жертвамъ слѣпого озлобленія фанатиковъ оставить обычаи, за которые ихъ ненавидѣли, и усвоить себѣ характеръ своихъ гонителей; не говоря уже о самомъ вѣроисповѣданіи, которое, чѣмъ ожесточеннѣе было поносимо христіанами, тѣмъ казалось выше и святѣе въ глазахъ евреевъ, тѣмъ тѣснѣе связывало ихъ въ одинъ корпоративный союзъ во имя

не до конца прогнѣваннаго Бога, «Объяснивъ затѣмъ судьбу русскаго еврейства, по скольку она была связана съ исторіей Малороссіи,—«современные литературные представители южно-русской или украинской народности, дыша инымъ духомъ, сочувствуя инымъ стремленіямъ, прикладываютъ свои руки къ протесту «Русскаго Вѣстника» противъ Иллюстраціи».

Этотъ протестъ подписанъ Костомаровымъ, Кулишемъ, Маркомъ Вовчкомъ, Номысомъ и Шевченкомъ.

—

Въ № 330 «Сѣвернаго Края» г. Радшичъ помѣстилъ переводъ стихотворенія Шевченка: «Течетъ рѣчка въ сине море«. Переводъ недурной.

—

Въ № 273 газеты «Волынь» въ переводѣ съ украинскаго языка напечатанъ разсказъ «Легкая смерть», принадлежащій перу молодого украинскаго писателя-галичанина.

—

Херсонская газета «Югъ» помѣстила отзывы о слѣдующихъ украинскихъ книгахъ: «Селянськи знахари (та бабы-шептухи», «Сибирська язва» и Лыхи хоробы на очи»—М. Левицкаго (№ 1091), «Повисти« Т. Шевченко, т. 1 2 (№ 1101) и «Оповиданнѣ про Богдана Хмельницкаго» М. Комаря (№ 1102).

—

Въ одномъ изъ ноябрьскихъ номеровъ «Кіевлянина« помѣщена библіографическая замѣтка по поводу труда И. М. Каманина «Очеркъ гетманства Петра Сагайдачнаго«.

—

Въ № 7 «Харьковскихъ губернскихъ Вѣдомостей» г. Л. С. помѣстилъ горячую статью по поводу новой комедіи г. Кропивницкаго «Нашествіе варваровъ», изображающей, какъ извѣстно, въ каррикатурномъ видѣ современныхъ украинскихъ театральныхъ дѣятелей. Г. Л. С. справедливо замѣчаетъ, что «обличеніе въ формѣ художественнаго произведенія узкой, спеціальной сферы, не носящей на себѣ типическихъ чертъ, не заключающей въ себѣ типическаго общественнаго явленія, имѣющаго общее значеніе, всегда будетъ производить впечатлѣніе литературнаго пасквиля». Для борьбы съ отрицательными сторонами театральной жизни имѣются другія болѣе дѣйствительныя средства, въ видѣ практиче-

скихъ мѣръ для поднятія театральнаго дѣла. Указавъ на неблагопріятныя условія развитія украинскаго театра, г. Л. С. отмѣчаетъ значеніе его, какъ чисто народнаго, сослужившаго при всѣхъ недостаткахъ, великую службу въ дѣлѣ развитія народа. Отмѣтимъ кстати одну ошибку, въ которую впадаетъ г. Л. С.: ни г. Тобилевичъ, ни г. Старицкій, вопреки его утвержденью, *не* монополизируютъ своихъ пьесъ.

Въ Львовѣ появилась въ печати книга извѣстнаго украинскаго писателя Александра Барвинскаго, подъ заглавіемъ «Огляд історіи украінсько—русской літературы до кінця XVIII столітя».

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Ах, як хороше!—Збірник для дітей. Вид. Товарищества Педагогичного, ч. 99. Стор. 12. У Львові, 1901. Ціна 2 кор.

Бібліотека для руської молодіжі, вип. XXXII. Під. ред. Ю. Насальського (містить «Тирольскі героі», «Три княжевичі і чарівна птиця»). Львовъ, 1901. Ціна 76 сот.

Божья мысль. Разсказъ изъ украинскаго быта. Стр. 47. Москва, 1901. Цѣна 30 коп.

Вакано Ст.—Перед досьвітом; драма в 4 відслонах. З німецького переложив Ів Верхратський. Видання редакциі «Л.-Н. Вістника». Стор. 54. У Львові, 1901. Ціна 60 сот.

Верхратський Ів.—Знадоби для пізнання угорсько-руських говорів. Ч. II. Накладом Наук. Товариства. Стор. 280. У Львові, 1901. Ціна 4 корони.

Гумористичний Календар Комара на р. 1902. Стор. 128. У Львові, 1902. Ціна 60 сот.

Данилович.—Подъ прапоромъ правды. Историчне оповѣданє. Бібліотека для руської молодіжі, ч. III. Стор. 86. У Коломиі 1901.

Дітвора. Виданнє Т-ва Педагогичнаго, ч. 96. Стор. 16. У Львові, 1901. Ціна 1 кор.

Для розривки. Вид. Т-ва Педагогичного, ч. 100. Стор. 16. У Львові, 1901. Ціна 1.20 кор.

Дѣвиця Орлеаньска. З польського перевела Параня Шведъ. Бібліотека для руської молодіжі, ч. III. Стор. 42. У Коломиі, 1901.

Еган. Е.—Економічне положенє руських селян в Угорщині. Літ.-Наук. Бібліотека, ч. 21. Стор. 40. У Львові, 1901. Ціна 25 сот.

Етнографичний Збірник, т. X. Галицько-руські народні приповідки. Зібрав, упорядкував і пояснив Ів. Франко. Вип. I. Накладом Наук. Т-ва ім. Шевченка. Стор. 200. У Львові, 1901. Ціна 3 корони.

Збірник математично-природописно-лікарської секції Наукового Товариства ім. Шевченка. Т. VII, вип. II. Накладом Наук. Товариства. Стор. 46+90+26+12+8+14. У Львові, 1901. Ціна 3 корони.

Звірята домашні. Вид. Т-ва Педагогичного, ч. 97. Стор. 24. У Львові, 1901. Ціна 80 сот.

Каманинъ И.—Очеркъ гетманства Петра Сагайдачнаго. Съ приложеніями Кіевъ, 1901. Цѣна 1 руб.

Kobylanska Olga.—Kleinrussische Novellen, съ предисловіемъ: „Ein Jahrhundert kleinrussischer Literatur" von Georg Adam. Minden in Westfallen, 1902.

Кучеренко,—Ничипоръ Бородай. Украинская легенда. Стр. 55. Москва, 1901. Цѣна 30 коп.

Къ вопросу о составленіи учебниковъ для сельскихъ школъ. Полтава, 1901.

Левицкій Ор. «Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII ст.». Кіевъ, 1902 г. Ц. 2 р.

Малороссійскіе разсказы (юмористическіе). Одесса, 1901. Цѣна 35 коп.

Мирний П.—Лихий попутав. Літ.-Наук. Бібліотека, ч. 22. Стор, 64. У Львові, 1901. Ціна 40 сот.

Моліер.—Тартюф, комедія в пяти діях. Переклав В. Самійленко. Видане редакциі «Л.-Н. Вістника». Стор. 54. У Львові, 1901. Ціна 60 сот.

Немоловський.—Сервітути і розмежованє грунтів на правобережній Україні. Стор. 38. У Львові, 1901. Ціна 40 сот.

Н. П.—Неначе свитъ перевернувся. Вирщи Дида Мыколы. Стор. 190. Елисаветградъ, 1901. Цина 50 коп.

Отчетъ о работахъ статистическаго бюро Полтавскаго губернскаго земства. Полтава, 1901.

Паульзен Фр.—Будучність гімназій. Відбитка з Л.-Н. Вістника. Стор. 60. У Львові, 1901. Ціна 1 кор.

Паульзен Фр.—Партійна політика і мораль. Переклавъ Ів. Копач. Стор. 60. У Львові, 1901. Ціна 50 сотиків.

Пачовський П.—Розсипані перли. Пісні тай вірші. Кн. І. Стор. 144. У Львові, 1901. Ціна 1.60 кор.

Примак Ф.—Причинки до історії розвитку і інволюції желези thymus у риб кістноскелетних (Teleostei). Накладом Наук. Т-ва ім. Шевченка. У Львові, 1901. Стор. 26. Ціна 30 сот.

Приятелі дітей. Вид. Т-ва Педагогичного, ч. 98. Стор. 16. У Львові, 1901. Ціна 1.20 кор.

Приятель жовніна. Календар на рік 1902. Стор. 128. У Вінтерберзі, Відні і Новому Парку. Ціна 1 кор.

Родные поэты. Т. Г. Шевченко. Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва. Цѣна 10 коп.

Свыдныцькый А.—Люборацьки. Семейна хропика. Сторинъ VII+326 (зъ портретомъ). Кіевъ, 1901. Цина 65 коп., на лучш. бум. 80 коп.

Серед цьвітів. Фантастична комедія з танцями і співами. З росийського переклала Клавдія Лукашевич. Виданнє Руського Товариства Педагогичного, ч. 93. У Львові, 1901. Ціна 16 сот.

Старинный малорусскій письмовникъ: «книга глаголемая листовня». Съ предисловіемъ Б. Д. Гринченко. Стр. XIV+41. Черниговъ, 1901. Цѣна 25 коп.

Стебельський проф.—Австрийський процес карний. Вип. І. Правнича Бібліотека, т. І. Накладом Наук. Товариства ім. Шевченка. Стор. 186. У Львові, 1901. Ціна 2 корони.

Тирольски героѣ. З повѣсти Гофмана переробив Франчукъ. Бібліот. для руськ. молодіжі, ч. LIV. У Коломиі, 1901. Стор. 96.

Три княжевичѣ и чаровна птиця. Зъ «Тисяча и однои ночи» переклав М. Ивашко. Бібліот. для руськоі молодіжі, ч. LV. Стор. 46. У Колониі, 1901.

Хоткевич.—Дивні пригоди комаха Сангвина. Виданнє Руського Товариства Педагогичного, ч. 90. У Львові, 1901. Ціна 48 сот.

Християньский Календар Місионаря на р. 1902. Стор. 160. У Жовкві, 1901. Ціна 50 сот.

Шекспір в повістках. З росийського переклав А. Веретельник. Вид. Руського Т-ва Педагогичнаго, ч. 95. У Львові, 1901. Ціна 30 сот.

Шпитко Осип.—Вирід. Оповіданнє. Видане редакціі «Л.-Н. Вістника». Стор. 168. У Львові, 1901. Ціна 1 кор. 60 сот.

Юлій Цезар.—Вспомини о війні з Галійцями, кн. І. Переклав І. Франчук. Стор. 30. У Коломиі, 1901.

Ярошинська.—Китичка для малих дівчать. Вид. Руськ. Т-ва Педагогичного. У Львові, 1901. Ціна 20 сот.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка на 1902 годъ (13-ый годъ изданія)

на общепедагогическій журналъ для школы и семьи

„РУССКАЯ ШКОЛА."

Въ теченіе 1901 г. напечатаны были, между прочимъ, слѣд. статьи: 1) Изъ моихъ служебныхъ воспоминаній.—С. Бобровскаго; 2) Эволюція воспитанія и образованія у различныхъ народовъ.—М. Страховой; 3) Изъ жизни французской начальной школы.—Ея же; 4) Вопросъ о реформѣ средней школы во Франціи.—П. Мижуева; 5) Къ вопросу о подготовкѣ учителей среднихъ учебн. заведеній (Германія).—А. Готлиба; 6) Подготовка учителей новыхъ языковъ въ Германіи. Австріи, Франціи и Швейцаріи.—Графа А. Мусина-Пушкина; 7) Особенности игръ и тѣлесныхъ упражненій въ современной Германіи.—Д-ра А. Вирениуса, 8) Первый международный конгрессъ педаг. печати въ Парижѣ.—Е. Ковалевскаго; 9) Отдѣлъ русскаго начальнаго образованія на всемірной выставкѣ въ Парижѣ.—С. Игнатенкова; 10) Въ американской гимназіи.—И. Рубинова; 11) Дѣятельность управленія Кавказскаго уч. округа за послѣднее 20-ти-лѣтіе.—Н. Попова; 12) Школьная гигіена (по Котельману).—М. Брейтмана; 13) Взглядъ на педагога въ современномъ обществѣ.—М. Лысковскаго; 14) Школа и воспитаніе.—О. Роговой; 15) Задачи и средства эстетическаго воспитанія въ средней школѣ.—А. Миронова; 16) Къ вопросу объ оцѣнкѣ баллами познаній учащихся.—Я. Гуревича; 17) Каникулярныя развлеченія учениковъ средн. уч. заведеній.—П. Акимова; 18) Къ университетскому вопросу.—Проф. Е. Будде; 19) Коммиссія по преобразованію средней школы и результаты ея занятій.—Я. Гуревича; 20) Къ предстоящей реформѣ нашей средней школы.—Проф. А. Архангельскаго; 21) Живая школа.—М. Караулова; 22) Объ учительскихъ семинаріяхъ.—А. Тарновскаго; 23) Къ вопросу о реформѣ духовной

средней школы.—А. Кремлевскаго; 24) Результаты съѣзда русскихъ дѣятелей по коммерческому образованію.—Е. Гаршина; 25) Замѣтки по вопросамъ сельскохоз. образованія.—И. Мещерскаго; 26) Обзоръ дѣятельности земствъ по народному образованію за 1900 и 1901 гг.—И. Бѣлоконскаго; 27) Къ вопросу о расширеніи курса начальной школы.—М. Новикова; 28) Къ вопросу о реформѣ городскихъ училищъ.—И. Сердюкова; 29) По вопросу о реформѣ городскихъ училищъ.—К. Тихомирова; 30) Наши методы преподаванія и умственный паразитизмъ.—В. Вахтерова; 31) Грамматика русскаго литературнаго языка, какъ предметъ изученія въ университетѣ и въ средней школѣ.—Проф.—Е. Будде; 32) По поводу постановки естествовѣдѣнія въ будущей средней школѣ.—Проф. В. Шимкевича; 33) Отечествовѣдѣніе въ средней школѣ.—Я. Руднева; 34) Нѣсколько словъ объ учебникѣ древней исторіи.—Проф. Н. Карѣева; 35) Первые уроки исторіи.—К. Иванова; 36) Въ защиту натуральнаго метода преподаванія новыхъ языковъ. Л. Леше; 37) Обученіе чтенію сознательному, правильному и выразительному.—М. Тростникова; 38) Замѣтки о постановкѣ преподаванія чистописанія (по экспонатамъ Парижской выставки 1900 г.).—И. Евсѣева и мн. др. статьи.

Въ каждой книжкѣ «Русской Школы», кромѣ отдѣла критики и библіографіи, печатаются: хроника народнаго образованія въ Зап. Европѣ Е. Р., хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библіотекъ,—Я. В. Абрамова, хроника воскресныхъ школъ подъ редакціей—Х. Д. Алчевской и М. Н. Салтыковой, хроника профессіональнаго образованія—В. В. Бирюковича и пр.

«Русская Школа» выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе *пятнадцати* печ. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—**семь** руб., съ доставкою—**7** руб. **50** к.; для иногородныхъ съ пересылкою—**восемь** руб.; за границу—**девять** руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за **шесть** руб. въ годъ, съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15%.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул., 1).

Редакторъ-издатель *Я. Г. Гуревичъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ

(второй годъ изданія)

НА

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАНІЕ РУССКАГО БИБЛІОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Журналъ выходитъ безъ предварительной цензуры 8 разъ въ годъ въ послѣднихъ числахъ каждаго мѣсяца (кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ) книжками отъ 5 до 8 печатныхъ листовъ.

Въ журналѣ печатаются: научныя статьи и матеріалы, хроника ученой и литературной жизни, обзоры иностранной литературы о Россіи, отзывы и обзоры книгъ и статей преимущественно въ области исторіи русской литературы и русской исторіи; извѣстія, замѣтки и сообщенія по тѣмъ же вопросамъ, указатели и библіографическія работы, отчеты о дѣятельности Русскаго Библіологическаго Общества, объявленія.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія журналъ «Литературный Вѣстникъ» за 1901 г. одобренъ для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній («Журналъ Мин. Нар. Просв.» 1901, ноябрь, стр. 34).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ: съ доставкою и пересылкою въ Россіи 5 р., за-границу 6 р. На полгода: въ Россіи 3 р., за-границу 3 р. 50 к. Цѣна за отдѣльную книжку 1 руб. (выписывающіе отдѣльныя книжки изъ редакціи за пересылку не прибавляютъ).

Подписка принимается: 1) для городскихъ подписчиковъ въ книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“**, 2) для иногородныхъ—въ редакціи **„Литературнаго Вѣстника“**, С.-Петербургъ, Подольская ул., д. 11, кв. 12, 3) въ Москвѣ, въ конторѣ **Н. Пчековской**, Петровскія линіи.

РЕДАКТОРЫ: **А. І. ЛЯЩЕНКО,**
М. Н. МАЗАЕВЪ.

Открыта подписка на 1902 г.

на посвященныя еврейской жизни, исторіи и литературѣ періодическія изданія:

на газету „ВОСХОДЪ"

и ежемѣсячный журналъ „КНИЖКИ ВОСХОДА".

Содержаніе газеты: руководящіи статьи по всѣмъ текущимъ вопросамъ еврейской жизни въ Россіи и заграницей, хроника всѣхъ новѣйшихъ извѣстій, корресп. изъ провинціи и загран., сенатская и судебная практика по еврейскимъ дѣламъ (сен. указы), юридич. безплатная консультація (отвѣты на юрид. вопросы подписчиковъ въ отдѣлѣ), обзоры евр., русской и польской печати, фельетонъ (разск. и проч.,) провинціальный отдѣлъ, критика и библіографія.

Подписная цѣна на „Восходъ" съ „Книжками Восхода" 10 руб. въ годъ допуск. разсрочка при подпискѣ—4 р., къ 1 марта—3 р. и къ 1 іюля—3 р.), на газету (безъ „Книжекъ") 7 р.

Книжка восхода—выходитъ ежемѣсячно въ разм. до 10 печ. лист. Повѣсти и разсказы изъ евр. жизни, стихотв. и популяр. научныя статьи по исторіи, литературѣ, религіи, философіи, критикѣ, вопр. обществ. жизни. Книжки „Восхода—единственный журналъ, посвящ. еврейской литературѣ и наукѣ на русскомъ яз. Желая способствовать его широкому распространенію, новая редакція установила отдѣльную подписку за крайне доступную цѣну: 12 книгъ за 3 руб. (съ перес.).

Подписавшіеся на оба изданія получатъ при „Книжкахъ Восхода"

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:

Еврейская Жизнь ВЪ ИЗОБРАЖЕНІИ ЛУЧШИХЪ ЕВРЕЙСКИХЪ БЫТОПИСАТЕЛЕЙ

(избранныя произведенія С. М. Абрамовича, П. М. Смоленскина М. І. Бердичевскаго, Л. Переца, Шолемъ-Алейхема, М. Спектора, Морриса Розенфельда, Карла Эмиля Француза, Натана Самуэли и др.).

Главная Контора Восхода помѣщается въ С.-Петербургѣ, Площадь Большого Театра.

Подписчики на оба изданія, внесшіе до 1 января 1902 г. всю плату за годъ, получаютъ газету въ этомъ году со дня подписки безплатно.

Открыта подписка на 1902 годъ

на ежемѣсячный литературный журналъ

„НОВОЕ ДѢЛО“

съ приложеніемъ еженедѣльн. общественно-политической газеты.

Журналъ «Новое Дѣло» издается, какъ продолженіе 34-лѣтняго изданія «Недѣли» и «Книжекъ Недѣли», при томъ же составѣ редакціи.

Направленіе и характеръ «Новаго Дѣла» остается тождественнымъ съ «Недѣлей». Развитіе общественной самодѣятельности, горячее вниманіе къ народнымъ нуждамъ, участіе къ жизненнымъ интересамъ всѣхъ сословій, усовершенствованіе нашихъ юридическихъ и экономическихъ отношеній, развитіе жизнедѣятельности страны путемъ не узкоплеменной, но обще-русской самостоятельной культуры—вотъ основныя черты этого направленія.

Ежемѣсячное изданіе «Новаго Дѣла», служащее продолженіемъ «Книжекъ Недѣли», предназначается для строгаго и тщательнаго подбора произведеній художественной литературы, статей философскихъ, культурныхъ, біографій, путешествій, литературной критики и т. п., а также для того отдѣла обзора движенія мысли и литературы, который за границей составляетъ такъ называемые «Журналы журналовъ».

Еженедѣльное изданіе «Новаго Дѣла», служащее продолженіемъ газеты «Недѣля», представляетъ собою разработанную и освѣщенную лѣтопись текущей политической, общественной, экономической и научной жизни.

Подписная цѣна: На ежемѣсячный журналъ: на годъ—7 р., на 6 мѣс.—3 р. 50 к., на 3 мѣс.—1 р. 75 коп. съ пересылкой. Тоже, съ приложеніемъ еженедѣльной газеты: на годъ—10 р., на 6 мѣс. 5 р., на 3 мѣс.—2 р. 50 к., на 1 мѣс.—85 к. съ пересылкой. За границу на 3 руб. дороже. Книгопродавцамъ уступка. Гг. иногородннхъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи (Гончарная, д. 10, въ С.-Петербургѣ), гдѣ также принимаются и объявленія.

Подписчики «Недѣли» платятъ за годовое изданіе Журнала и Газеты вмѣсто 10 руб. 7 руб.

Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Гончарная, 10.

Подписка принимается, кромѣ конторы редакціи, также въ отдѣленіяхъ конторы «Новаго Дѣла»: при книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», Н. П. Карбасникова, въ С.-Петербургѣ и Москвѣ и др. магазинахъ. Въ Кіевѣ у Н Я. Оглоблина и въ Москвѣ въ конторѣ Печковской.

Рукописи для редакціи могутъ быть адресованы

В. П. Гайдебурову,

Спб., Фонтанка, д. 37.

Редакторъ-издательница **А. Н. Пѣшкова-Теливѣрова.**

2—3

Открыта подписка на 1902 годъ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„ВОЛЫНЬ“

(Двадцать четвертый годъ изданія)

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На	12	мѣс.	6	руб.	—	коп.	На	3	мѣс.	1 руб.	50 коп.
„	9	„	4	„	50	„	„	2	„	1 „	10 „
„	6	„	3	„	—	„	„	1	„	— „	60 „

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА №№ ПО 5 КОП.

Подписка принимается въ г. Житомирѣ, въ главной конторѣ редакціи по Бердичевской улицѣ въ Архіерейскомъ домѣ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку газеты лишь въ томъ случаѣ если, подписка принята въ Главной Конторѣ.

Контора газеты открыта ежедневно, за исключеніемъ дней праздничныхъ, отъ 9 ч. утра до 6 ч. по полудни.

Редакторъ-издатель **І. И. Коровицкій.**

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 Г.

на газету

„КІЕВЛЯНИНЪ"

Литературная и политическая газета юго западнаго края.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ.

(*Годъ изданія 38-й*).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой и пересылкой:		**Безъ доставки и пересылки:**	
на 1 годъ	12 р. — к.	на 1 годъ	10 р. — к.
« 6 мѣс.	7 р. — к.	« 6 мѣс	6 р. — к.
« 3 «	4 р. 50 к.	« 3 «	3 р. — к.
« 1 «	1 р. 50 к.	« 1 «	1 р. — к.

Годовые подписчики, желающіе воспользоваться разсрочкой, вносятъ къ 1-му января—5 руб., къ 1-му апрѣля—4 руб, къ 1-му іюля—3 р. Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1 числа каждаго мѣсяца, **и не далѣе, какъ до конца года.**

Подписка и объявленія принимаются въ **Главной конторѣ:** Караваевская (Шулявская) ул., 5, **ежедневно отъ 10 до 8 ч.,** а также **въ отдѣленіи конторы** «Кіевлянина» (книжный магазинъ Н. Я. Оглоблина, въ Кіевѣ). Иногороднихъ просятъ адресоваться въ Главную Контору «Кіевлянина».

3—3

ОБЪ ИЗДАНІИ

КІЕВСКИХЪ

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1902 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.

4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5. Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.

6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.

7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.

8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.

9. Годичные отчеты по Университету.

10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями

11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1) оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2)—неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—*критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники*, заключающей въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1902 году будетъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ.

Цѣна за 12 книжекъ **Извѣстій** безъ пересылки **шесть рублей пять десять копѣекъ**, а съ пересылкой **семь рублей**. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе **Университетскихъ извѣстій** 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб. сер.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургѣ, на Малую Садовую № 4-й, и въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св Владиміра.

Гл. Редакторъ В. Иконниковъ

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ.

ВСѢМЪ,

кто хочетъ слѣдить за многообразными проявленіями русской жизни и желаетъ знать своевременно всѣ русскія новости, но, за недостат, комъ времени, не имѣетъ возможности читать ежедневныя газеты можно рекомендовать подписаться на

ЖИВОПИСНУЮ РОССІЮ

иллюстрированный еженедѣльный вѣстникъ отчизноведѣнія, исторіи культуры, государственной, общественной и экономической жизни Россіи, издаваемый Товариществомъ М. О. Вольфъ, подъ редакціей П. М. Ольхина,

Дѣйствительнаго Члена Императорскаго Русскаго Географическаго Общества

„**Живописная Россія**“ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, изъ которыхъ каждый является, по своей программѣ и содержанію, **самостоятельнымъ органомъ печати**. Первый отдѣлъ, *богато и художественно иллюстрированный*, посвященъ отчизновѣдѣнію въ самомъ широкомъ смыслѣ слова.—Второй отдѣлъ—«*Временникъ живописной Россіи*»—*является серьезной еженедѣльной газетой*, имѣющей цѣлью дать интеллигентному читателю въ живомъ и исключительно фактическомъ изложеніи точное и правдивое изображеніе того, какъ живетъ Россія въ настоящемъ.

Оба отдѣла «Живописной Россіи», занимающіе, какъ по новизнѣ своей программы, такъ и по средствамъ ея достиженія, совершенно обособленное положеніе въ семьѣ русской печати, даютъ читателю возможность обогатить свои познанія необходимымъ для каждаго русскаго человѣка изученіемъ родины въ ея прошломъ и настоящемъ и слѣдить, съ небольшой затратой времени, за текущей государственной, общественной, экономической и умственной жизнью Россіи

„ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ“ ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Такимъ образомъ, каждый подписчикъ получитъ въ теченіе года:

52 №№ интереснаго иллюстрированнаго журнала и 52 №№ «Временника живописной Россіи».

Подписная цѣна «Живописной Россіи» на годъ съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи 5 р. За границу на годъ 8 рублей. Допускается разсрочка платежа, при чемъ при подпискѣ должно быть внесено не менѣе 2 рублей; остальныя же деньги могутъ высылаться черезъ каждые два мѣсяца по 1 рублю.

Совмѣстная подписная цѣна «Живописной Россіи» съ двухнедѣльными иллюстрированными журналами: „Новый Міръ“ со „Всемірной Лѣтописью» на веленевой бумагѣ и «Мозаика», съ приложеніемъ «Картинойгаллереи Императорскаго Эрмитажа», «Оружейной Палаты». 12 книжекъ ежемѣсячнаго журнала «Литературные Вечера» для семейнаго чтенія и 12 изящно переплетенныхъ книгъ «Библіотеки Русскихъ и Иностранныхъ Писателей», состоящей изъ собранія сочиненій В. Г. Бенедиктова въ 2 переплетенныхъ томахъ, собранія со-

чиненій Адама Мицкевича въ 4 переплетенныхъ томахъ и 6-ти (1—6) переплетенныхъ томовъ собранія сочиненій Д. И. Стахѣева,—съ дост. 14 рублей.—Тѣ-же изданія, но съ «Новымъ Міромъ» и «Всемірной и перес. Лѣтописью» на слоновой бумагѣ (вмѣсто веленевой)—на годъ 18 р.—Допускается разсрочка: при подпискѣ не менѣе 2 р. и ежемѣсячно не менѣе 1 р.—до уплаты всей подписной суммы.

Отдѣльные №№ «Живописной Россіи» продаются по 15 к., съ перес. по 20 к. (можно почтовыми марками).

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ: С.-Петербургъ, Гостинный дворъ, 18, и Москва, Кузнецкій Мостъ, 12, а также во всѣхъ прочихъ столичныхъ и провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вас. Остр., 16 л., д. 5—7.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 Г.

(Третій годъ изданія) на

ВѢСТНИКЪ ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ

Ежемѣсячный журналъ

Новой литературы и исторической науки.

Направленіе нашего изданія и его задачи въ достаточной степени выяснились за первые два года.

Пополнивъ составъ нашей редакціи новыми выдающимися представителями современной мысли, мы расширимъ нашу программу, вслѣдствіе чего намъ будетъ *отведено значительное мѣсто*, на ряду съ исторіей, и *вопросамъ современности*.

Въ приложеніи мы дадимъ на будущій годъ «Исторію новой русской литературы», совершенно новое изслѣдованіе въ этой области М. Н. Мазаева, и будетъ продолжена изданіемъ: «Библіотека избранныхъ сочиненій по исторіи народовъ»—«Исторія Китая» проф. Роберта Дугласа и «Исторія Финляндіи» за новѣйшій періодъ этой страны Н. К. Ядрышева, а также «Сборникъ иностранныхъ историческихъ романовъ»—«Анджело Борджіа», историч. ром. извѣстн. нѣмецкаго писателя Мейера.

Въ журналѣ будутъ печататься беллетристическія произведенія Жеромскаго, Ожешко, К. Тетмайера, Якобовскаго, Стриндберга, Іоганни Ахо, Габріеля д'Аннунціо и мн. др.

Въ области искусства наше изданіе дастъ цѣлый рядъ статей по вопросамъ искусства П. Ге, и цѣлый рядъ снимковъ съ художественныхъ произведеній.

Съ декабря и января начнутся печатаніемъ романы изъ современной жизни: станислава Пшибышевскаго—«Сыны земли» и «По новому» М. В. Головинскаго.

Первая книга за 1902 г. выйдетъ въ декабрѣ настоящаго года.

Подписная цѣна на годъ (съ декабря по декабрь) съ доставкой и пересылкой 6 р.; на полгода 3 р. и за границу 9 р.

Контора и редакція на Милліонной ул. д. 34. С.-Петербургъ.

Редакторъ-издатель *С. Сухонинъ.*

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ“,

въ 1902 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой по городской почтѣ: на годъ 16 р., на 6 мѣс. 9 р., на 3 мѣс. 4 р. 50 к., на 1 м. 1 р. 80 к.—Съ казенными приб. на годъ 18 р., на 6 мѣс. 10 р.

Съ пересылкою иногородн.: на годъ 17 р., на 6 мѣс. 10 р., на 3 мѣс. 5 р. 50 к., на 1 мѣс. 2 р.—Съ казенными приб. на годъ 19 р., на 6 мѣс. 11 р.

За границу: на годъ 26 р., на 6 мѣс. 14 р., на 3 м. 8 р., на 1 мѣс. 3 р.—Съ казен. приб. на годъ 28 р., на 6 мѣс. 16 р.

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныя прибавленія не поступаютъ.

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ черезъ гг. казначеевъ (по особому съ ними соглашенію); для частныхъ же лицъ,

обращающихся прямо въ контору редакціи: 7 руб. при подпискѣ, 5 руб. въ концѣ марта и 5 руб. 1 августа.

Для духовныхъ лицъ, воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, преподавателей народныхъ училищъ и всѣхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, а равно для общественныхъ библіотекъ и читаленъ подписная цѣна: 12 руб. въ годъ или по 1 руб. въ мѣсяцъ (исключительно черезъ контору „СПБ. Вѣдомостей"). Подписчикамъ, не внесшимъ въ срокъ подписныхъ денегъ, высылка газеты прекращается.

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ главной конторѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", Шпалерная, 26, и въ книжномъ магазинѣ Мелье (Невскій пр., № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровская линія, № 61.

Иногородные адресуютъ: С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

Редакторъ-издатель князь *Э. Э. Ухтомскій.*

———

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1902 годъ

(*5-й годъ изданія*)

на ежедневную научно-литературную, политическую и экономическую газету

Приднѣпровскій Край.

издаваемую въ г. Екатеринославѣ М. С. Копыловымъ подъ редакціей М. К. Лемке при новомъ составѣ сотрудниковъ.

Новая редакція ставитъ своею задачей детальную разработку и наивозможно полное освѣщеніе вопросовъ, нуждъ и интересовъ мѣстнаго края при широкомъ въ то же время вниманіи къ современной русской и иностранной общественно-государственной жизни.

Въ газетѣ примутъ участіе: П. Алмазовъ (псевдонимъ), М. Е. Бабецкій, М. В. Барро, проф. Ѳ. Д. Батюшковъ, В. В. Берентальъ, В. В. Брусянинъ, Н. В. Быковъ, М. Варшавскій, А. Вергежскій

(псевдонимъ), С. И. Гальперинъ, В. К. Гауэръ, Я. С. Гуровичъ, И. А. Даниловъ, Демянскій (псевдонимъ), К. И. Диксонъ, Е. І. Дмитріева, Н. П. Дружининъ, Е. С. Жолковъ, Е. А. Звягинцевъ, Н. Зенченко, Д. А. Каплановъ, В. В. Кондратьевъ, П. А. Конскій, В. Я. Конышъ-Михайловъ, Н. С. Корвинъ-Круковскій, П. А. Корецкій, Н. И. Коробко, Е. П. Корчагина, М. А. Кроль, проф. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, проф. В. В. Куриловъ, Н. Г. Кулябко-Корецкій, Д. А. Левинъ, Н. В. Левитскій, М. К. Лемке, проф. И. В. Лучицкій, Е. Н. Любичъ, Е. П. Лѣткова (псевдонимъ), В. Н. Малинтовичъ, Ф. Мандрыкинъ (псевдонимъ), П. Г. Мижуевъ, В. Я. Муриновъ. Вс. И. Немировичъ-Данченко, М. И. Носалевичъ, А. Б. Петрищевъ, прив.-доц. В. Н. Перетцъ, К. М. Пономаревъ, М. Г. Покровскій, И. М. Радецкій, Л. А. Ребининъ, Г. Д. Рындзюнскій, П. А. Сергѣенко, В. Ю. Скалонъ, А. С. Скляръ, М. А. Славинскій, К. М. Станюковичъ, В. А. Стамулъ (псевдонимъ), Стрѣла (псевдонимъ), Н. Д. Телешовъ, В. Ѳ. Тотоміанцъ, Л. И. Фаюткинъ, А. О. Цеткинъ, Н. А. Шишло, Е. К. Щепетильникова и нѣкоторые другіе, кромѣ многихъ другихъ постоянныхъ корреспондентовъ изъ различныхъ пунктовъ Екатеринославской и сосѣднихъ губерній.

Подписная цѣна понижается и теперь: на годъ для подписчиковъ г. Екатеринослава 8 руб., для иногородныхъ 10 руб.

3—3

Открыта подписка на 1902 годъ на журналъ

„Новый Міръ"

иллюстрированный двухнедѣльный вѣстникъ современной жизни, политики, литературы, науки искусства и прикладныхъ знаній.

За четырнадцать рублей въ 1902 г. каждый подписчикъ «Новаго Міра» получитъ съ доставкой и пересылкой: **24 №№** интереснаго, богато иллюстрированнаго литературно-художественнаго журнала «Новый Міръ» въ форматѣ лучшихъ наибольш. европейскихъ иллюстрацій, съ приложеніемъ.

24 №№ иллюстрированнаго двухнедѣльнаго обзора текущей жизни—политической и общественной, п. н. «Всемірная Лѣтопись»—въ форматѣ «Новаго Міра».

№ 24 №№ особаго иллюстрированнаго журнала прикладныхъ знаній и новѣйшихъ изобрѣтеній, п. н. «Мозаика», вмѣщающаго въ себѣ 16 отдѣловъ, представляющихъ собою какъ бы 16 самостоятельныхъ журналовъ.

52 №№ еженедѣльнаго журнала «Живописная Россія», иллюстрированнаго вѣстника отчизновѣдѣнія, исторіи, культуры, государственной, общественной и экономической жизни Россіи, съ приложеніемъ.

52 №№ еженедѣльнаго обзора текущей русской жизни, п. н., «Временникъ живописной Россіи», представляющаго собою полную еженедѣльную газету.

12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго журнала романовъ, повѣстей, разсказовъ, историческихъ очерковъ и пр. для семейнаго чтенія, п. н. «Литературные вечера».

Великолѣпныя безплатныя преміи, состоящія изъ 12 изящно переплетенныхъ книгъ «Библіотеки русскихъ и иностранныхъ писателей», въ составъ которыхъ войдутъ 3 собранія сочиненій, а именно: Собраніе сочиненій В. Г. Бенедиктова въ 2 изящно перепл. том. Съ біогр. сост. Я. П. Полонскимъ; собраніе сочиненій Адама Мицкевича въ 4 изящно перепл. том. Въ перев. русск. лит. подъ ред. П. Н. Полевого и 6 изящно переплетенныхъ томовъ (т. т. 1—6) сочиненій «Д. И. Стахѣева», автора извѣстныхъ романовъ «Духа не угашайте», «Горы золота», «Неугасающій свѣтъ» и мн. др. Все собр. соч. Стахѣева будетъ состоять изъ 12 томовъ, изъ которыхъ послѣдніе 6 будутъ выданы подписчикамъ 1903 года.

Кромѣ того, независимо отъ всѣхъ перечисленныхъ изданій, гг. подписчики «Новаго Міра» будутъ получать въ теченіе 1902 г. безплатно два новыя художественныя изданія въ большомъ форматѣ in-folio, предпринятыя Товариществомъ М. О. Вольфъ: 1) Картинная Галлерея Императорскаго Эрмитажа 150—200 иллюстрацій съ объяснительнымъ текстомъ и 2) «Оружейная палата въ Москвѣ» 150—200 иллюстрацій съ объяснительнымъ текстомъ.

Годовая подписная цѣна «Новаго Міра» на веленевой бумагѣ, со всѣми объявленными приложеніями и безплатными преміями съ доставкой и пересылкою въ Россіи—14 р.

Съ пересылкой за границу—24 р.

Гг. подписчики, желающіе получать «Новый Міръ» на слоновой магѣ, уплачиваютъ за годовое изданіе журнала съ упомянутыми приложеніями, вмѣсто 14—18 рублей; съ пересылкой заграницу, вмѣсто 24 р.—28 рублей.

Допускается разсрочка платежа: при подпискѣ не менѣе 2 р. и ежемѣсячно не менѣе 1 р., съ тѣмъ, чтобы вся подписная сумма была уплачена полностью не позже 1 декабря 1902 г. Гг подписчикамъ съ разсрочкой одна изъ объявленныхъ премій (12 переплетенныхъ книгъ «Библіотеки Русскихъ и Иностранныхъ Писателей») будетъ выслана по уплатѣ послѣдняго взноса.

При высылкѣ денегъ почтовымъ переводомъ, покорнѣйше просятъ обозначать на отрѣзномъ купонѣ послѣдняго (а не отдѣльнымъ письмомъ)—подробный и четкій адресъ, а также на что именно предназначаются высылаемыя деньги.

Гг. подписчикамъ, уже имѣющимъ указанныя три собранія сочиненій (Бенедиктова, Мицкевича и Стахѣева), предоставляется получить, взамѣнъ ихъ, на выборъ: или 12 изящно переплетенныхъ томовъ собранія сочиненій М Н. Загоскина, автора романовъ: «Юрій Милославскій», «Аскольдова Могила», «Брынскій лѣсъ» и др., или же 12 изящно переплетенныхъ томовъ собранія сочиненій Иннокентія, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго, автора «Послѣднихъ дней земной жизни Спасителя», «Жизни св. ап. Павла», «Акаѳистовъ» и др. богословскихъ сочиненій.—О выборѣ премій редакція покорнѣйше проситъ заявить по возможности, при самой подпискѣ.

Гг. подписчики, желающіе получить при «Новомъ Мірѣ» въ теченіе одного 1902 года, кромѣ 2 перепл. т. т. соч. Бенедиктова, 4 перепл. т. т. соч. Мицкевича и 6 перепл. т. т. соч. Стахѣева, также 12 перепл. т. т. Загоскина или же 12 перепл. т. т. соч. Иннокентія, доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ «Новаго Міра» за одно какое-либо собраніе (Загоскина или Иннокентія) 6 рублей, за оба (Загоскина и Иннокентія) 12 рублей.

Подписка на «Новый Міръ» принимается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ: въ С.-Петербургѣ, Гостинный Дворъ, 18, и въ Москвѣ, Кузнецкій Мостъ, 12, а также во всѣхъ прочихъ столичныхъ и провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вас. Остр., 16 я линія д, 5—7

Открыта подписка на 1902 годъ

(*XX годъ изданія*)

на ежедневную политическую, экономическую, и литературную газету

„ЮЖНАЯ РОССІЯ“

(бывш. „Южанинъ“).

Являясь выразителемъ интересовъ южной окраины Россіи, газета свое главное вниманіе обращаетъ на всестороннюю разработку экономическихъ и культурно-общественныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью избраннаго ею района.

Въ виду исключительныхъ условій, въ которыхъ находится сельское хозяйство на югѣ Россіи, газета отводитъ особое мѣсто статьямъ, освѣщающимъ различныя детали этой отрасли отечественной промышленности.

Редакція газеты направляетъ всѣ свои средства къ своевременному и возможно полному сообщенію читателямъ извѣстій о событіяхъ, останавливающихъ на себѣ въ данный моментъ вниманіе всего цивилизованнаго міра.

Газета издается по слѣдующей программѣ:

1) Оффиціальный отдѣлъ.

2) Руководящія статьи по экономическимъ, политическимъ земскимъ, сельско-хозяйственнымъ и юридическимъ вопросамъ.

3) Телеграммы собственныхъ корреспондентовъ и «Россійскаго Телеграфнаго Агентства».

4) Земскій отдѣлъ.

5) Провинціальная жизнь.

6) Хроника.

7) Наша печать.

8) Мѣстная хроника.

9) Письма въ редакцію.

10) Фельетоны общественные, научные, критическіе и литературные.

11) Театръ и музыка.

12) Наука, искусство и литература.

13) Судебная хроника.

14) Корреспонденціи.
15) Иностранныя извѣстія.
16) Заграничная жизнь.
17) Спортъ, смѣсь и шахматы.
18) Торговыя свѣдѣнія (по телеграфу и телефону).
19) Справочный листокъ.
20) Объявленія.

Форматъ газеты нѣсколько увеличенъ.

Условія подписки на газету «Южная Россія»:

Съ доставкой на домъ въ городѣ и пересылк. иногородн. въ годъ 8 руб.

Безъ доставки и пересылки 7 руб.

За границу къ подписной иногородней платѣ прибавляется по 50 коп. въ мѣсяцъ. Подписка принимается только съ 1-го и 15-го чиселъ мѣсяца и не можетъ переходить черезъ январь 1903 г.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы, если объ этомъ будетъ заявлено при подпискѣ, на слѣдующихъ условіяхъ: въ два срока: съ доставкою: къ 1-му января—4 р. 50 к. и къ 1-му мая—3 р. 50 к. безъ доставки: къ 1-му января—4 р. и къ 1-му мая—3 р.; въ три срока: съ доставк.: къ 1-му января—3 р., къ 1-му апрѣля—3 р. и къ 1-му іюня—2 р.; безъ доставки: къ 1-му января—3 р., 1-му апрѣля—2 р. и къ 1-му іюня—2 р.

Подписка принимается: въ г. Николаевѣ (Херс. губ.): въ конторѣ «Южной Россіи», уг. Соборной и Спасской и въ конторѣ объявленій Л. А. Каменера, уг. Спасской и Рождественской, д. Циглера.

Въ г. Кременчугѣ: у А. М. Михилевича, Большая-Мѣщанская, д. № 68 (противъ торговыхъ бань Сандомирскаго).

Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ въ конторахъ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль и К°.

Редакторъ-издатель *С. П. Юрицынъ.*

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1902 годъ

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и разсказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе разсказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполнѣ обезпеченымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка д. № 145.

3—3

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1902 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 14 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности, прилагаются портреты и рисунки.

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1902 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками, **10 р.** съ доставкою и пересылкою; на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала **„Кіевская Старина“**. Мар.-Благовѣщенская, № 60.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только предъ лицами, подписавшимися въ редакціи и въ книжномъ магазинѣ „Кіевской Старины“ (Безаковская, 14).

Въ случаѣ неполученія какой-либо книжки журнала, гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки прислать заявленіе о неполученіи въ редакцію, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры «Кіевской Старины» за годы 1883, 1884, 1885, 1887, 1888, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, и 1901 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги журнала по **1 р.**

Редакторъ-издатель **В. П. Науменко.**